Алпамыш

Annotation

Героическая поэма «Алпамыш» является одним из любимых и широко распространенных эпических произведений узбекского народа. В богатейшей сокровищнице творчества народов Советского Союза ей принадлежит такое же выдающееся и почетное место, как и «Давиду Сасунскому», «Витязю в тигровой шкуре», «Манасу», «Калевале» и другим эпическим произведениям, которыми гордятся наши народы.

- «Алпамыш»
  -
  -
  - Предисловие
  - АЛПАМЫШ
    - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
      - Песнь первая
      - Песнь вторая
      - Песнь третья
      - Песнь четвертая
      - Песнь пятая
    - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
      - Песнь первая
      - Песнь вторая
      - Песнь третья
      - Песнь четвертая
      - Песнь пятая
  - Словарь
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43

- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.com

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

«Алпамыш»

ThankYou.ru: «Алпамыш»

Спасибо, что вы выбрали сайт ThankYou.ru для загрузки лицензионного контента. Спасибо, что вы используете наш способ поддержки людей, которые вас вдохновляют. Не забывайте: чем чаще вы нажимаете кнопку «Благодарю», тем больше прекрасных произведений появляется на свет!

АЛПАМЫШ

УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

ПО ВАРИАНТУ

Фазила Юлдаша

❋

ПЕРЕВОД

ЛЬВА ПЕНЬКОВСКОГО

Государственное Издательство

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1949

Предисловие

Героическая поэма «Алпамыш» является одним из любимых и широко распространенных эпических произведений узбекского народа. В богатейшей сокровищнице творчества народов Советского Союза ей принадлежит такое же выдающееся и почетное место, как и «Давиду Сасунскому», «Витязю в тигровой шкуре», «Манасу», «Калевале» и другим эпическим произведениям, которыми гордятся наши народы.

До Великой Октябрьской социалистической революции существовало ложное мнение, базировавшееся на буржуазной концепции, что у узбекского народа якобы не сохранилось своего эпоса, что его вытеснила письменная поэзия. В результате начавшейся после революции огромной работы по собиранию и изучению эпического творчества народов СССР это утверждение было опровергнуто. Открылись богатейшие сокровища эпической поэзии, бытовавшие и бытующие в народе. Так стал известен во всем его многообразии и замечательный узбекский эпос.

В узбекских эпических поэмах, так называемых «дастанах», находит свое поэтическое отражение многовековая история узбекского народа, пережитые им общественно-бытовые уклады, а также социально-политические противоречия, имевшие место в исторической жизни народа. Среди этих дастанов самым древним, но одновременно и самым популярным, является дастан о богатыре Алпамыше, который, как указывают исследователи узбекского эпоса, сложился в основном на высшей ступени патриархально-родового строя. Исторически это восходит приблизительно к XV–XVI векам.

В эпосе «Алпамыш» запечатлелись факты и эпизоды, связанные с историей войн кочевых тюркских родов и племен с калмык**а**ми, совершавшими набеги на среднеазиатские степи в период ойратского (калмыцкого) царства. По времени это восходит к XV–XVII вв. и совпадает с периодом возникновения и развития племенных и государственных объединений кочевников на территории Средней Азии, периодом, следующим за распадом Золотой Орды на западе и государства тимуридов на востоке.

В этот период происходит тесное сближение тех родов и племен, из которых впоследствии сформировались нынешние среднеазиатские народы. Этим можно объяснить в известной степени и наличие некоторых общих черт в эпосе среднеазиатских народов.

Как показывают исследования, эпос «Алпамыш» сложился в среде степных кочевников-скотоводов, в племени Конграт, к которому и принадлежат основные герои эпоса. Потомки конгратцев сохранились до настоящего времени в составе почти всех тюркских народов Средней Азии. По месту расположения кочевий конгратцев исследователи устанавливают и родину дастана об Алпамыше. В поэме это место — окрестности озера Байсун, которое расположено в южной части Узбекистана в Сурхан-Дарьинской области к северу от города Термез.

Героическая поэма «Алпамыш», как и большая часть эпических произведений среднеазиатских народов, пронизана героикой народной борьбы с поработителями-калмыками за независимость и честь рода-племени. В эпосе представлена жизнь народа на широком реалистическом фоне патриархально-кочевого быта. В нем живыми и яркими картинами проходит жизнь народа в борьбе с внешними врагами во внутренних, сложных и противоречивых родоплеменных и зарождавшихся феодальных взаимоотношениях.

Эпос «Алпамыш» прошел в своем развитии многовековый путь. За все эти века и годы в него проникали черты и особенности различных исторических эпох и их идеологий. Таково, например, проникновение элементов мусульманской идеологии, сказавшейся особенно в позднейших вариантах «Алпамыша». В эпосе это проявляется в таких эпизодах, как чудесное рождение героя, добровольное обращение калмыка Караджана в мусульманство и т. д.

Однако эти наносные черты не коснулись основного идейного содержания поэмы.

«Алпамыш» состоит из двух частей. Вкратце содержание поэмы таково:

В племени Конграт были два брата Байбури и Байсары. У Байбури был сын Алпамыш, у Байсары красавица дочь, по имени Барчин. Дети были помолвлены с колыбели. Но вот между отцами происходит ссора из-за того, что Байбури, пользуясь правом старшего в роде, вздумал требовать от младшего брата Байсары уплаты подати — зякета.

Байсары наотрез отказался выполнить это неслыханное среди конгратцев требование и с обидой откочевывает в страну калмык**о**в, захватив всю свою семью. Вскоре его дочь, красавица Барчин, привлекает внимание калмыцких богатырей, которые начинают добиваться ее руки. Чтобы избавиться от их домогательств верная Алпамышу Барчин объявляет им, что мужем ее может стать лишь тот, кто выйдет победителем в четырех состязаниях. Тем временем она посылает послов на родину к Алпамышу, приглашая его принять участие в соревнованиях, надеясь, что он выйдет победителем.

В состязаниях за право быть мужем Барчин Алпамышу помогает его верный друг — Караджан, один из калмыцких богатырей, перешедший на сторону узбеков и ставший другом героя. Караджан на коне Алпамыша Байчибаре обгоняет всех женихов — калмыцких богатырей, несмотря на то, что те чинят ему всяческие препятствия: связывают его, вбивают гвозди в копыта его коня и т. д. Караджан: же вступает в борьбу с калмыцкими богатырями, побеждает их, а следом за ним Алпамыш вступает в единоборство с самым сильнейшим из всех калмыцких богатырей — Кокальдашем. Выйдя победителем из всех состязаний, Алпамыш становится мужем Барчин. С молодой женою и другом своим Караджаном он возвращается на родину. Однако отец Барчин не хочет мириться со старшим братом и остается в стране калмык**о**в.

На этом заканчивается первая часть поэмы.

Во второй части поэмы рассказывается о том, как калмык**и** притесняют оставшегося у них отца Барчин — тестя и дядю Алпамыша. Алпамыш решает освободить Байсары и наказать калмык**о**в за все их насилия и притеснения, которые они чинили над конгратцами. Он отправляется в страну калмык**о**в, но усыпленный вином, которым его напоила старуха Сурхаиль, мать калмыцких богатырей, попадает в плен к калмык**а**м. В течение семи лет Алпамыш томится в подземной темнице — зиндане, куда ему приносит пищу пастух Кайкубат. Однажды его случайно видит дочь калмыцкого шаха — Тавка-аим, она влюбляется в Алпамыша и помогает ему бежать. Алпамыш побеждает калмыцкого шаха, убивает его и на престол сажает Кайкубата.

Тем временем, пока Алпамыш томился в плену, главой племени Конграт становится его младший брат — Ултантаз, сын рабыни-

персиянки. Захватив власть, он притесняет отца Алпамыша и пытается силой заставить Барчин стать его женой. В день свадебного тоя приезжает Алпамыш, узнает обо всем и, не сообщая никому о своем возвращении, переодевшись в одежду пастуха Култая, испытывает верность Барчин и наказывает Ултантаза и его приспешников. Байсары возвращается на родину, и расколовшееся было племя Конграт вновь объединяется под властью богатыря Алпамыша.

В образах основных героев эпоса — Алпамыша и Барчин — воплощены высокие моральные и этические черты народа, его мужество и стойкость, его священная любовь к родной земле. В образах Ултаназа, младшего брата Алпамыша, изображается насильник и узурпатор, которого, как и его мать-сообщницу персиянку Бадам, эпос клеймит презрением, ненавистью. Зло, а местами в гротеско-юмористическом духе, высмеиваются в эпосе враги — огромные, прожорливые, наглые и трусливые, лишенные благородных человеческих черт.

Поэма «Алпамыш» построена на чередовании стихотворных партий с прозаическими вставками, которые являются пояснениями к этим стихотворным партиям. Форма та, следует отметить, очень распространена в эпосе народов Средней Азии. Стих поэмы — семи- и восьми-, а также одиннадцатисложный; варьируется он в зависимости от содержания и темпа передаваемых событий. Стихотворные партии группируются в тирады различной величины. Ритм и рифма чувствуются и в прозе, которая исполняется речитативом. Эпос обычно исполняется под аккомпанемент домбры — народной двухструнной балалайки — или кобуза — народной двухструнной скрипки.

Героическая поэма «Алпамыш» представляет собой интереснейший памятник самобытного и своеобразного поэтического искусства узбекского народа. Несмотря на сходство сюжета с одноименными казахскими, каракалпакскими поэмами, а также на ряд общих мотивов с эпосом среднеазиатских народов, в поэме «Алпамыш» ярко выражен свой национальный’ стиль, своя поэтическая образность; в нем красочно изображены картины быта, обычаев, обрядов узбекского народа; выразителен и полон народной мудрости язык.

Исполняют эпос обычно профессиональные народные сказители, именуемые бахши, и народные певцы-поэты, известные в народе под названием шайров. Все лучшие и крупнейшие бахши и шайры вышли из среды трудового народа. Это дехкане и пастухи, для которых сказительство является второй профессией. Всей жизнью они тесно и неотрывно связаны с народом и в своих творениях выражают его идеологию, его мечты и чаяния.

«Искусство — во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив», — говорил А. М. Горький. Так и в узбекском героическом эпосе воплотилось коллективное творчество народа, в поэтических и эпических произведениях бахши и шайров находят свое олицетворение идейные, эстетические и поэтические традиции народа.

Среди современных шайров большую любовь народа снискал крупнейший сказитель старого эпоса, знаменитый исполнитель «Алпамыша» Фазил Юлдаш.

Биография его типична для многих бахши и шайров, вышедших из народной среды. Родился он в 1873 году а кишлаке Лайка, Булунгурского района, Самаркандской области. Отец его был бедняк-дехканин. После смерти отца Фазилу уже в раннем детстве пришлось кормить себя и семью. Он нанимается в пастухи, батрачит у бая. На пастбищах, среди природы, раскрывается дарование Фазила.

В девятнадцать лет Фазил стал учеником известного Юлдаша-шаира. Сейчас в репертуаре Фазила более сорока дастанов, среди которых и ряд революционных: «Маматкарим-Палван», «Джизахское восстание» и др. Один из первых среди народных бахши и шайров Фазил радостно приветствует Великую Октябрьскую социалистическую революцию и посвящает ей свои замечательные песни и поэмы. В годы Великой Отечественной войны он создает глубокие, волнующие, патриотические произведения: «Моя армия», «Отважные джигиты, в бой» и др.

Записанный со слов Фазила Юлдаша «Алпамыш» был издан в 1939 году в Ташкенте с некоторыми сокращениями под редакцией и с предисловием поэта Хамида Алимджана. В 1943 году в Ташкенте же была издана в русском переводе первая часть «Алпамыша» со значительными сокращениями.

В настоящем издании впервые дается полный перевод поэмы, выполненный поэтом Л. М. Пеньковским.

АЛПАМЫШ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Песнь первая

В стародавние времена шестнадцатиколенным племенем конгратским[1] управлял некий бий Дабанбий. Был сын у него — Алпинбий. У Алпинбия было два сына: звали старшего — Байбури, звали младшего — Байсары. Байсары управлял десятитысячеюртным родом байсунским,[2] старший же брат его — Байбури был главою всей земли Конгратской.

Только были братья бездетны.

Справлялся однажды в народе конгратском большой той. Явились на пирование и Байбури с Байсары. Приехали они, а старшины тоя почета им, как бывало прежде, не оказывают, навстречу им не выходят, коней под уздцы не берут, стремена знатным братьям не поддерживают. Подумали братья: «Не ожидали, видно, эти люди, что мы им такую честь окажем, — не догадываются, что это мы приехали». Братья сами привязали коней своих к коновязи, пришли на сборище, — сели среди прочих гостей. Но опять почета им никто не оказал, мягких подстилок не подстелил, плов раздавать стали — обделили их, — положили им на блюдо очень мало, да и то — остатки, что похуже.

Возмутились братья-бии: «Мы — богатейший бай байсунский и шах шестнадцатиколенного Конграта. Почему нам не оказывают почета по положению нашему, как всегда бывало?»

Эти слова услыхав, некий байбача, неотесанный с виду, сидевший у самого порога,[3] — грубо рассмеявшись, ответил:

— Э, Байбури, э, Байсары! Что ни говори про богатство и честь, ответ вам — простой: окупится той через тех, у кого наследники есть. А на вас, бездетные бии, надежды плохие. Где ваши джигиты, где ваши красавицы? А умрете — на ваши богатства наследников много объявится да с такой пастью, что живьем человека проглотят. Богатства ваши нам не сладки. Потому вам здесь и подают остатки!..

Оскорбились бии. Швырнули они за плов восемьдесят червонцов, с места встали и уехали домой.

Дома постелили им жены постели, разделись бии, — легли под одеяла, каждый в своем шатре, — открыли объятия женам своим, — гляди-ка дервиши какие! — соединились они с женами. Уснули братья, во сне святой человек явился к обоим — детей предсказал им. Действительно, забеременели жены бийские.

Месяцы за месяцами текут, дни за днями бегут, — девять месяцев истекло, девять дней да девять часов. Время родов подошло. Говорят друг другу братья-бии:

— Проявим шахское величие наше — на охоту поедем, — приедем с добычей. На обратном пути, если дети родятся к тому времени, выйдут люди встречать нас, чтобы награду получить за добрую весть. Не поскупимся, — будем по-шахски щедры…

Уехали братья на охоту. Возвращаются они с охоты, — встречают их с поздравлениями старухи-повитухи: у Байбури двойня родилась — сын и дочь, у Байсары — одна дочь. Возликовали бии. Приехали домой — разослали гонцов, сзывать со всех концов земли конгратской гостей на великий пир. Скачут гонцы, оповещают народ — старших и младших биев, аксакалов и арбобов и прочих людей — больших и малых, всякого звания и состояния. Едут конгратцы на пир — пожелать братьям счастья. Друзья биев ликовали, недруги их досадовали, но, досаду тая, хоть и не от чистого сердца, тоже обоих счастливых отцов поздравляли. Толпами-толпами валил народ на пир. Все необходимое запася, много убойного скота заколов, много шурпы наварив, приготовив обильный плов, сорок дней и сорок ночей угощали братья-бии гостей, — справляли пир.

Гости уже разъезжаться собирались, — видят бии: вдалеке идет каландар бродячий, пена изо рта его падает. Бредет каландар, от молитвенного радения пьяный, — тоже на пир идет. Присмотрелись братья — вспомнили: это тот самый каландар, что, напророчив им во

сне детей, дать детям имена обещал.[4] А народ об этом ничего не ведал. Встали бии с места, вышли каландару навстречу, поклонились ему, руку ему поцеловали, привели с почетом на пир. Вынесли бии всех своих троих детей, положили их святому человеку в полы халата. Нарек старец святой сына Байбури — Хакимбеком, шлепнул младенца рукой по спине — остался на ней след благодати — отпечаток его пятерни. Дал старец имя дочери Байбури — Калдыргач-аим, дочери Байсары — Ай-Барчин. Тут же с колыбели он и помолвил Хаким-бека и Барчин-ай, сказав:

— Да будут эти двое мужем и женою, да будет Хаким велик и славен и никто ему да не будет равен! Аминь!..

Дни за днями бегут, месяцы за месяцами текут, — исполнился детям год, второй год минул, — стали они все говорить. Когда трех лет достигли они, когда речью хорошо овладели дети, отдали их всех троих в школу. Ходили они в школу до семилетнего возраста, читать и писать научились, хорошими грамотеями стали.

Подумал бий Байбури — так решил: «Мой сын теперь не только меж детей — грамотей, даже среди взрослых. Достаточно он учен. Сам уже стал муллой. Ну-ка, обучу его теперь падишахским и воинским делам!» — И взял он сына своего от муллы.

По примеру брата и Байсарыбий взял свою дочь Ай-Барчин от муллы, говоря: «В школе сидеть ей нечего зря, — пусть учится овец доить».

Хакимбеку в ту пору семь лет исполнилось. Был у него от деда его — Алпинбия наследственный бронзовый лук, весом в четырнадцать батманов.

Взял семилетний Хаким тот четырнадцатибатманный лук, поднял — натянул тетиву, стрелу пустил. Молнией полетела стрела — сбила макушку Аскарских гор. Слава пошла о Хакиме: батыр! Удивлялись люди: «Весу в луке четырнадцать батманов! Не только мальчику, — иному батыру и то не под силу. Откуда в мальчике мощь — невозможно понять!» — Друзья ликовали, враги горевали. Собрался весь конгратский народ и решил:

— Считалось в мире девяносто без одного алпов — батыров самых могучих. Рустам-Дастан[5] был первым среди них. Теперь пусть алпом станет наш семилетний Хаким. О подвигах его мы скоро узнаем. Пусть он зовется Алпамышем!

Так вошел Хаким в число девяноста прославленнейших в мире батыров…

Сидел однажды Хакимбек, мудрую книгу читал, — речь в ней шла о скупости и о щедрости. Спрашивает Байбури у сына:

— Скажи, сынок, если ты неглуп: кто щедр, а кто скуп?

Алпамыш встал и сказал:

— Если войдет к человеку случайный гость, — во-время он иль не во-время будь, — и у хозяина место есть и гостя он примет и, честь оказав ему, отправит с честью в обратный путь, — такого человека щедрым надо считать. А если у человека в доме и место есть и чем угостить, а он гостя того не оставит на ночлег, не предложит ему присесть, не накормит, — такой человек — скупец… И, если человека не давит нужда, и зякет он платит исправно, — это человек со щедрой душой. А если он имеет большой достаток, а зякет платить не хочет, — то он — скупец, — душу свою погубит.

Задумался бий Байбури:

— Я богатый бай, но я — шах Конграта. Зякет мне кому платить? Выше меня никого нет: Но не сочли бы люди скупцом моего младшего брата Байсары. Пусть он мне платит зякет!..

Призвал Байбури четырнадцать своих махрамов, приказывает:

— Поезжайте к моему младшему брату, махрамы. Боюсь, чтоб не опозорил он себя, — чтоб не прослыл он в народе нашем скупейшим среди скупцов, не закоснел бы в скупости, — душу свою не погубил бы. Разговор поведите осторожно, чтобы не обиделся брат мой. Хоть одного паршивого козленка, хотя бы для вида, пусть он мне пришлет в зякет…

А Байсарыбий в ту пору с десятью тысячами юрт конгратского племени стоял на летовке на озере Коккамыш, где народ его богател, пуская скот привольно пастись на тучных пастбищах.

Сидел Байсары со знатными байбачами в своей бархатной юрте, пил кумыс, — охмелел, веселился. Приезжают к нему махрамы Байбури. Байские сыновья приняли их коней, ввели махрамов в юрту. Байсары место им указал, — поклонились махрамы, поблагодарили — сели. Спросил их Байсары, хорошо ли ехали, с каким делом пожаловали. Передали махрамы слова Байбури. Очень обиделся Байсары, — сказал:

— Э, до этой поры зякета с нас никогда не брали. Но очень, видно, вознесся мой старший брат. Зякетом уже притеснять меня хочет!

И приказал он бывшим возле него байбачам.

— Схватите этих бастрыков!

Перехватали байбачи махрамов: семерым колья в животы вбили, уши и носы поотрезали, запихали им в рот: «Жри! Вот тебе зякет, шах Байбури!»

Посадили махрамов на коней задом наперед, привязали к седлам, — погнали коней в Конграт.

Но не успокоился от этой мести Байсарыбий. Слишком задела его обида. Собрал он свой десятитысячеюртный народ, поведал все дело и такое слово сказал:

— Родичи мои, подайте мне совет!
Дочь моя Барчин, вступившая в расцвет,
Счастья твоего ужель померкнул свет?
Брат родной решил с меня взимать зякет, —
Мол, на беззякетный скот — теперь запрет.
Скажете вы «да» иль скажете вы «нет», —
Родичи мои, подайте мне совет!..
Чтоб он высох, мой племянник Хакимбек!
Чересчур ученый стал он человек!
Дочь моя Барчин, забудь его навек!
Выдумал закон, — плати ему зякет!
Родичи мои, подайте мне совет!..
Я несчастный раб, нет утешенья мне.
Стал пришельцем жалким я в родной стране!
Чтоб родному брату брат платил зякет, —
Так ведь не бывало ни в одной стране!
Родичи мои, подайте мне совет!..
Осень наступила — цвет в садах поблек.
Горе на меня обрушил злобный рок,—
Брат родной поюртный требует налог!
Чем родному брату мне платить зякет, —
Да пойдет ему такой закон не впрок! —
Лучше на чужбину мне откочевать,
Там налог подушный калмыкам платить.

Родичи мои, подайте мне совет!..
Я ведь не последний человек в стране:
Я — тюря и сам, я тоже — бек в стране.
Обречен страдать не по своей вине,
С приговором неба что поделать мне?
Сыном предо мной кичится брат-хвастун:
«Очень, мол, ученый, хоть годами юн!»
Тяжело покинуть мне страну Байсун,
Но могу ль закон разбойный признавать?
Родичи мои, подайте мне совет!..
Иль родному брату мне платить зякет,
Иль в чужой калмыцкий край откочевать?
Как же тут не плакать и не горевать!
Кто сумеет боль мою уврачевать?
Родичи мои, подайте мне совет!

Байсары-бий такие слова сказал, а народ — молчит. Видя, что все, на почетном месте сидящие, большими людьми себя считающие, набрали песку в рот, — некий аксакал Яртыбай,[6] с места встав, такое слово сказал Байсарыбию:

— Бию Байсары какой совет дадим?
В петле Байбури висеть мы не хотим.
Добрый наш совет и сам ты знаешь, бай:
Яму, если хочешь, сам себе копай.
Как замыслил в сердце, так и поступай.
Что бы ни решил ты, но одно решай,
Мужественней будь, — что суждено, решай.
На своей земле ты сам себе тюря.
На слова мои не обижайся зря,
Говорим тебе, от сердца говоря:
Коль уйдешь в страну калмыцкого царя,
Мы с тобой уйдем, с тебя пример беря,
Хоть на край земли, за дальние моря.
Мужественней будь, — что суждено, решай.
Брату ли зякет или джузью — чужим, —

Вашей братской распри мы не разрешим.
Ведь своим добром мы тоже дорожим,
Лезть, однако, в петлю сами не спешим,
А советом — жизни мы себя лишим.
Мужественней будь, — что суждено, решай.
Ты совета просишь, весь народ собрав,
Ты ли, Байбури ли в этом деле прав?
Из-за вашей распри голову терять, —
Надобно иметь другую про запас.
А никто из нас, однако, не двуглав:
Байбури погубит каждого из нас…
Мы тебе совета дать не можем, бай!
Власть твоя, — как хочешь — так и поступай.
Слово это молвит раб твой, Яртыбай…

Речь Яртыбая выслушав, так сказал Байсарыбий собравшемуся народу:

— Байсары вам снова слово говорит:
Сердце Байсары страдает и скорбит, —
Гнева и обиды в нем пожар горит:
Брат родной платить ему зякет велит, —
Горем и позором Байсары убит.
Чем налог платить мне брату моему,
В униженьи жить в своем родном дому,
Чем в своей стране мне привыкать к ярму, —
Лучше мне Байсун покинуть самому!..
В чужедальний край откочевать хочу,
Там, в изгнаньи, век свой доживать хочу.
Опостылел мне несправедливый мир!
За горой — гора, за ними — степь Чилбир, —
Может быть, я там найду счастливый мир.
Лучше мне Байсун покинуть самому!..
Боль моя — как нож отточенный, остра,
Боль моя — как пламя жаркого костра.
Если птица счастья, выпорхнув с утра,

Счастьем осенить захочет комара,
Хоть Симург,[7] в сравненьи с комаром — гора, —
Голову он склонит перед комаром.
Может быть, в степи калмыцкой Чилбир-чоль
И ко мне судьба окажется добра.
Лучше мне Байсун покинуть самому!..
Э, мой притеснитель, Байбури, мой брат!
Тесен для него, как видно, стал Конграт.
Видимо, меня он вовсе выжить рад.
Если брата ввергнул он в подобный ад,
Пусть живет один, не ведая услад!..
Степи калмык**о**в тучны и хороши,—
Буду калмык**а**м платить налог с души.
Может быть, аллах поможет мне и там,
А родному брату я зякет не дам!
Мыслимо ли мне терпеть подобный срам?
Бог мне сына не дал, как известно вам,
Эту рану сердца брат мне растравил,
Коль такой приказ, глумясь, мне объявил:
«Бог тебя, мол, сыном не благословил».
Если бессыновность он задел мою,
То и дочь унизить он хотел мою.
Если суждено терпеть чужую власть,
Лучше мне под власть калмыцкую подпасть.
Раз у Байбури столь ненасытна пасть,
Пусть он без меня хозяйничает всласть.
Лучше мне Байсун покинуть самому!..
Наступает осень — увядает сад.
От своей судьбы не повернешь назад.
Ты прощай, Байсун, родной мой край, прощай!
Впереди лежит сухой разлуки степь,
Горького скитанья, тяжкой муки степь!..
На вершины гор Аскарских пал туман.
Я пройду просторы незнакомых стран,
Шахом станет мне чужой, калмыцкий хан…
Родичи мои, что мне таить от вас?
Свет моей звезды на родине угас!

Льются мои слезы в два ручья из глаз.
Лучше мне Байсун покинуть самому!

Выслушав слова Байсары, ответное слово сказал ему опять Яртыбай:

— Краткий миг беды за время не считай, Вьюк людских обид за бремя не считай.

Если ты владеешь головой пока,
То не так уж мал достаток твой пока.
О своем народе даром слезы льешь:
Если ты в Чилбир калмыцкий побредешь,
Если ты другую землю изберешь,
Коль откочевать за благо ты сочтешь, —
Выдерни из сердца опасений нож:
Ты ведь не один юрту свою свернешь, —
Мы с тобой пойдем, куда ты сам пойдешь.
Нам теперь с тобою всякий путь хорош.
Бий наш Байсары, ты вот что в толк возьми:
По свету кочуя с нашими детьми,
Вольный мир увидим, да и то пойми,
Что своих детей мы сделаем людьми!
Будем мы с тобой до самой смерти жить
И родством и дружбой нашей дорожить…
Что нам Байбури, чума его бери!
Совесть потерял он, брат твой Байбури!
Разорить нас хочет, — так и говори.
Десять тысяч юрт стояло, — посмотри,—
Станет пуст Байсун, тогда один цари,
И себя за жадность сам благодари.
Камень, а не сердце у него внутри!..
С баем Байсары уйдет и весь народ.
Если же кто-либо с нами не уйдет,
Он у Байбури, оставшись, пропадет, —
Байбури отнимет у такого скот, —
За овцой — овцу, и стадо и окот.

Э, не плачь, наш ясный сокол, Байсары:
Ты еще взлетишь высоко, Байсары!
Минет черный день, как давний, темный сон.
Что нам Байбури — пускай погибнет он!
Выдумал вводить разбойничий закон!..
Яртыбай, об этом говоря тебе,
Стонет, сокрушаясь о твоей судьбе.
Яртыбая стон — всего народа стон.
Если ты уйдешь, мы все с тобой уйдем —
С женами, с детьми, с рабами, со скотом.
Дом наш будет там, где ты поставишь дом!

Понравились людям слова аксакала Яртыбая, — сказали:

— Э, Яртыбай-аксакал прав, — у шаха Байбури испортился нрав! Если он с брата родного зякет хочет брать, то сколько же с нас начнет он драть! Заберет весь наш скот! Лучше всем нам откочевать вместе с Байсары, — пусть Байбури безлюдным краем управляет…

Отделились от шестнадцатиколенного племени конгратского десять тысяч семейств баев-скотоводов, землепашества не знавших, зерна не сеявших, хлеба не собиравших, от скота богатевших. Так они были богаты, таким несметным скотом владели, что у кого было сорок тысяч верблюдов, тот неимущим считался. Овцам своим и сами они счета не ведали, — считали овец по загонам: один загон, два загона, десять загонов. А коней и кобыл так считали: «Один табун — на таком-то пасется тугае, два табуна — на таком-то тугае».

У Байсарыбая счет лошадям был таков: девяносто тугаев было у него. По всем девяноста тугаям — в долинах горных, на низинах приозерных, в зеленых камышовых зарослях Коккамыша, вольно рассыпавшись, паслись несметные табуны его коней и кобыл. И всякого другого скота было у него неисчислимое множество.

Решив откочевать вместе с бием Байсары, разослали байсунские баи гонцов ко всем старшим и младшим пастухам своим, к чабанам, к табунщикам и к верблюжатникам. «Из пастбищ этих байсунских, из всех тугаев коккамышских гоните всех овец, и лошадей, и верблюдов наших в чужедальний край, в страну калмык**о**в. Туда откочевываем!»

Поднялась на Байсуне великая суета-суматоха, забегали и большие и малые, и старые и молодые, оповещая друг друга, крича: «Э, откочевывай!» Стали все байсунцы юрты свои разбирать — грузить на верблюдов. Женщины тоже увязывали в тюки пожитки свои, утварь свою домашнюю — на верблюдов навьючивали.

Десятитысячеюртный байсун-конгратский народ бия Байсары, шумя и хлопоча, с криком «ха» — стал трогаться с места. Байсарыбий, приказав своим людям гнать весь его скот, возглавлял караван свой со скарбом своим, с казной своей, с драгоценностями. Ехал он на иноходце отличном. Женщинам тоже подали хороших коней. Мать Ай-Барчин отобрала для дочери гнедого иноходца, оседлала его золотым седлом со стременами золотыми, золотую сбрую надела на него, подтянула подпругу, положила на седло бархатную, пуховую подушку — повела коня к Барчин-ай. Крики и шум услыхав, увидав, что народ в откочевку собирается, увидав, что мать ей коня подводит, — заплакала Ай-Барчин и такое слово сказала:

— Для чего мне подан этот конь гнедой?
В путь зачем пускаться за своей бедой?
Чую наперед я свой конец худой!..
Что с моим отцом случилось, — не пойму!
Расцвела, как поза, я в родном дому, —
Неужель достанусь калмыку тому?
Сердца моего да не сгорит юрта,
Пусть она не рухнет, не стоит пуста!
Слишком рано роза сорвана с куста!
Как листок осенний, стану я желта!..
Что с моим отцом случилось, не пойму!..
Верной мужу быть всегда жена должна,
Но при нем вазиром быть она должна, —
Держит мужа ум в своих руках жена.
Если муж решил вступить на ложный путь,
Трудно ли жене придумать что-нибудь,
Обмануть его, на верный путь вернуть?
Что с моим отцом случилось, не пойму!
Матушка, послушай дочь свою Барчин!
Если ей румянец алой розы дан,

Пусть не пожелтеет, как сухой шафран.
Что с моим отцом случилось, не пойму!..
Снарядила ты напрасно мне коня.
На чужбину, мать, не увози меня!
Дочь свою за слово дерзкое прости, —
Увезешь — смотри, из рук не упусти.
Неужель не можешь ты меня спасти?
Ты свое дитя заставила рыдать, —
Родину свою должна я покидать,
Вряд ли вновь ее придется увидать!
Что с моим отцом случилось, не пойму!..
Школьных не увижу я друзей своих,
Жить придется мне средь калмык**о**в чужих.
Много бед мы все натерпимся от них!
Розы по весне румяно зацветут,
Соловьи, любовью пьяны, запоют,
Только я веселой песни не спою, —
Я, бедняжка, слезы горькие пролью
Там, в стране калмыцкой, в том чужом краю.
Там похороню я красоту свою!
Калмык**и** спокойно жить нам не дадут,
Будут притеснять, жестоко угнетут,
Вашу дочь, быть может, в рабство продадут!
Чем же, мать моя, нам худо было тут?..
Что с моим отцом случилось, не пойму, —
Образумь его, вазиром будь ему!

Речь эту выслушав, мать Барчин-ай стала ее утешать, наставлять — и такое слово ей сказала:

— Э, Барчин, доверься матери своей.
Сердце без причин не рви на сто частей.
Белый свет увидев, станешь веселей,
В странствиях узнаешь много новостей.
Калмык**и** нас примут, как своих гостей.
А пройдут года — в родной вернешься край,

И тогда с друзьями школьными играй.
Ой, дитя мое, живи — не умирай!
Ты еще всего не можешь понимать,
Юный ум незрел, нельзя ему внимать,
Пожалей себя, не мучь родную мать!
Доченька моя, утешься, ободрись,
Ты отцовской мудрой воле покорись,
С участью своей на время примирись, —
На коня садись, мой стройный кипарис!
Слушай, Барчин-гуль, что я тебе скажу:
Я тебя, дитя, чем хочешь, ублажу.
Как невесту, в путь-дорогу снаряжу.
К счастью, может быть, нежданный наш отъезд.
Разве ты одна с родных уходишь мест?
Мало ль вас, красавиц, молодых невест?
Почему же их тоска-печаль не ест?
Посмотри на сверстниц, — шутки, песни, смех, —
Что же ты одна несчастна среди всех?
От всего народа нам нельзя отстать.
Пожалей, дитя, свою старуху-мать, —
Плакать перестань, — на иноходца сядь!
Свет в моей юрте убогой не гаси.
От обид и горя бог тебя спаси!
Все, о чем мечтала, у меня проси.
Я тебя утешу в прихоти любой.
Родинку иметь ты хочешь над губой, —
Щечку я тебе надрежу[8] — бог с тобой!
Только не упрямься — на коня садись…
Э, дитя, твои косички расплелись,
Шелковой волнистой пряжей развились, —
Дай-ка я твою головку причешу,
У тебя, дитя, загадку я спрошу —
Может быть, тебя немного рассмешу:
Если бы за каждый волос брать калым,
Сколько взять калыма за Барчин-аим?
Беден был бы мир со всем скотом своим!.
Что в твоем сердечке, твой отец не знал,

Как я ни просила, — он не уступал,
Снарядиться в путь, не медля, приказал.
Коль откочевать решили в край иной
Десять тысяч юрт — весь наш народ родной,
Можно ли тебе остаться тут одной?
Знай, мое дитя, — мне тоже тяжело,
Только все равно придется сесть в седло!
Пусть от дум твоя не сохнет голова, —
Год иль два пройдут, иль даже дважды два,
Ты в Конграт вернешься, только будь жива!
Вещие мои да сбудутся слова!
Птицей быстрокрылой ты, дитя, была, —
Горе надломило легкие крыла.
Резвым скакуном, тулпаром ты была, —
Но копыта сбились — ты изнемогла.
А теперь, дитя, благоразумной будь,
Не горюй, не плачь, — пора нам ехать в путь.

Видя, что весь народ байсунский откочевывает, смирилась Барчин, отобрала себе в спутницы сорок сверстниц-прислужниц и села на скакуна. Десятитысячеюртный народ тронулся в путь.

Для задержек людям больше нет причин.
Шестьдесят верблюдов-наров подают,
И на них грузят приданое Барчин.
Соблюдал свое величье Байсары, —
И установил обычай Байсары:
Он две конных пушки у себя имел —
Перед откочевкой он стрелять велел.

Двинулись в дорогу люди Байсары.
Высокопородны все и матер**ы** —
Первыми пошли верблюды Байсары.
Меж одним верблюдом и другим — аркан,
Каравану вслед шагает караван.
Вьюки на горбах — паласы да ковры,

Много в них атласа, бархата, парчи.
Мало ли добра имеют байбачи!
Только скорбь влюбленных не изгонишь прочь:
Едет Барчин-ай, печалясь день и ночь.
Байсары не знает, как печальна дочь,
Если бы и знал, не мог бы ей помочь!..

Едут люди, едут много дней подряд.
Родины утрата — горше всех утрат.
Далеко остался их родной Конграт,
И калмыцкий край — далеко, говорят.
Истомились люди телом и душой, —
Как-то примет их калмыцкий край чужой?
Не на г**о**ре ли пустились в путь большой?
Нет теперь хозяев у родной земли!
Сколько дней тащиться по степной пыли?
Девяносто гор в пути перевали!
Едет и в унынье думает народ:
«Что с Байсуном ныне?» — думает народ,
«Станет он пустыней! — думает народ, —
Проклят будь кривой, коварный небосвод!
Должен стать пришельцем вольный скотовод.
Калмык**у** рабом не станет ли узбек?
Если край отцов покинул человек,
Значит, сам себе он голову отсек!..»
Днем идут, а ночью — станут на ночлег,
До зари поспят — и снова в путь с утра;
Перевалят гору — новая гора.
Э, не ведать шаху Байбури добра!
Далека страна родная, далека!
Истинно, печаль скитальцев велика,
Доля чужака, где б ни был он, — горька!
Но уж, коль судьба такая суждена,
Скоро ль, наконец, калмыцкая страна?..
Едет Ай-Барчин, тоской удручена,
Едет меж прислужниц-девушек она.
Сорок с ней подруг, но всех милей одна, —

Как с родной сестрой, она с Суксур дружна.
Сердце открывает сверстнице своей,
Неразлучна с ней, с наперсницей своей…

Держат баи путь с зари и до зари,
На уме одно, о чем ни говори:
До чего довел их жадный Байбури!
Если бы не он, — шайтан его бери! —
Жили б у себя в Байсуне, как тюри.
А пришлось им, знатным баям и тюрям,
Ехать в край чужой к неверным калмык**а**м,
Может быть, на голод, может быть — на срам!
«Мир несправедлив!» — так баи говорят,
«Правит в мире кривда!» — баи говорят…
Держат баи путь под солнцем, под луной
Пыльною, ковыльной целиной степной,
Снится им цветущий край, Конграт родной,
Плещет Коккамыш озерною волной.
Долгим тем путем так думают они:
«Коль идем — дойдем!» — так думают они.
С криками «курхайт!», снуя туда-сюда,
Гонят чабаны несчетные стада.
«Э, с таким скотом», — так думают они,
«Мы не пропадем!» — так думают они,
По чужой земле кочуя долго так,
Чтоб иной джигит, как баба, не размяк,
Иногда устроят по пути улак.
Переходят баи горы Алатаг.
От одной горы и до другой горы,
Переваливая перевалы так,
Десять тысяч юрт кочуют с Байсары.
Носит он джигу на голове не зря:
В племени своем он господин, тюря!
Сколько на горах весной тюльпанов есть!
Сколько у него овец, баранов есть!
Ни его верблюдов, ни коней не счесть.
На калмыцких землях он решил осесть, —

Путь туда — не месяц и не два, а шесть!
Братом оскорбленный, странником он стал,
Пред лицом насилья чести он не сдал.
Сделать дочь снохою брата не желал, —
Из Байсун-Конграта он откочевал.
Он себе две медных пушки приобрел, —
Парная упряжка, кожаный чехол!
Любит он свое величье объявлять
И завел обычай — по пути стрелять.
Перешли они все девяносто гор, —
Вновь необозримый впереди простор.
Кочевать придется до каких же пор!
Где же он живет, язычник тот, калмык?
Он каков на вид, каков его язык?
Чем он промышляет, как он жить привык?.

Гонят чабаны отары их овец.
Где скоту начало, где ему конец?
Нет числа скоту, да славится творец!
Слышат баи крики, видят — суета;
Зашумел народ, как видно, не спроста:
Скот уже вступил в калмыцкие места!
Степь лежит пред ними — зелень, красота!
Э, свежа трава калмыцкая, густа!
А степи калмыцкой имя — Чилбир-чоль.
Вот он, наконец, пред ними Чилбир-чоль!..
Нет и нет конца потоку байских стад.
В Чилбир-чоль вступили первые стада,
Задним — путь еще шесть месяцев сюда, —
Задние отары топчут Коккамыш!
Э, таким скотом Байсун не посрамишь!
Шаху калмык**о**в подушную платить —
В том для Байсары большого нет вреда, —
Брату своему платить с юрты — беда!
Хватит им скота на многие года…
Держат баи путь, свой направляя скот.
Затмевает пыль высокий небосвод.

«Путь мы завершаем», — баи говорят,
По чужой земле ступая, говорят:
«Что судьба нам даст? — вздыхая, говорят. —
Калмыки, быть может, зла не сотворят,
Но вернемся ль мы когда-нибудь в Конграт?..»
Барчин-гуль тоской-печалью налита,
Стала, как осенний лист, она желта.
Не сбылось ее желание-мечта,
Выпало ей горе в юные лета!
Суженый ее, Хаким ее — далек!
Плачет Ай-Барчин, а людям — невдомек…
Едет весь народ байсунский кочевой
Дальнею дорогой полугодовой,
На чужбину едет, край покинув свой,
Едет по зеленым землям калмык**о**в,
Корм скоту в пути — подножный, даровой,
Лакомится скот диковинной травой.
Встретится калмык — качает головой,
Встретится другой — глядит, как сам не свой,
А в себя придет — поднимет плач и вой!
Ой, не травы это, это — злак живой! —
Баям труд неведом хлебный, полевой, —
Хлебные посевы спутали с травой!
Вот, что с ними сделал небосвод кривой!
Край в пятнадцать дней пути — опустошен.
На земле калмыцкой — горький плач и стон:
Тамошний народ на голод обречен,
Смотрит на пришельцев, горем поражен.
Чем кормить ему своих детей и жен?
Видя, как потоки байских стад текут,
Из своей страны иные прочь бегут.
«Кто этот народ?» — калм**ы**ки говорят.
«С виду — благороднолики», — говорят.
«Но от них ущерб великий!» — говорят.
«Что наш плач и крики?» — говорят они.
«Знать дадим владыке», — говорят они.
«Ой, мы горемыки!» — говорят они.

Даже не слыхали про Конграт они…

Так, в пути целых шесть месяцев пробыв, перевалив через девяносто гор, перегнали откочевавшие байсунцы в страну калмык**о**в скот, привели караваны свои. Некоторые баи впереди скота ехали — дорогу указывали. Прибыв на место, в землю калмыцкую, в государство Тайча-хана,[9] в Чилбирские степи, баи-скотоводы, землепашества не знавшие, всходов хлебных никогда не видевшие, посчитали их по невежеству своему за кормовую траву, — пустили на посевы свой несметный скот. Потравили, потоптали они калмыцкие хлеба, беду стране причинили, сами о том не ведая! Остановились баи в той степи Чилбир-чоль, на берегах озера Айна-коль разбили кочевье свое. А скот байсунский все идет и идет непрерывным черно-черным потоком, прах в небо взметая, движется, как несметная саранча — уничтожает хлебные посевы. Передние стада байские давно уже на берегах калмыцкого озера Айна-коль пасутся, а задние еще только выходят из далекой земли конгратской!..

Ну, и пусть они себе идут спокойно, пусть баи стоят себе в степи Чилбир, на озере Айна-коль, пасут и поят прибывающие свои стада, юрты ставят, в порядок себя приводят, а вы послушайте о том, что дальше было, о калмыцкой стране послушайте.

Увидав, что пришлые баи посевы их погубили, побежали калмыки к шаху своему — Тайча-хану. Пришел к нему один из потерпевших аксакалов-арбобов и говорит:

— С жалобой пришел я, повелитель-шах!
Сердцем своему рабу внемлите, шах!
Был я свеж лицом, как яблоко — румян,
Весь я высох, сморщен от забот, мой хан!
Сгорбила беда мой крепкий стройный стан:
Прибыл к нам народ из чужедальних стран,
Им язык какой-то непонятный дан.
То ли их страна зовется Туркестан,
То ль Байсун-Конграт. А вера их — Коран…
Как же вы о них не ведаете, шах?!

Видно, перед богом много я грешил:
Небосвод меня ударом оглушил,
Страх нагнав, меня он разума лишил.
Сесть на наши земли тот народ решил!
Счесть их скот — нехватит времени и сил!
Весть такую к вам я принести спешил.
Скот их все посевы наши потоптал!
Сокол был, но крылья быстрые сломал;
Был тулпар, копыта сбил и захромал;
Были сыты мы, — ты подати взимал…
Можно ли терпеть, чтоб столь великий шах
Ничего в делах своих не понимал!
Подати с чего тебе теперь платить?
Смертный голод нас не минет посетить.
Чайрикеры все решили уходить.
Что мы будем делать, семьи чем кормить?..
Пришлый тот народ богат и родовит,
Женщины у них — красавицы на вид.
Подле Айна-коля табор их стоит,
Их скотом Чилбир, как саранчой, покрыт.
Ничего не знает столь великий шах!..
Тем скотом потравлен дочиста посев.
Пришлый тот народ, на наши земли сев,
Съест и нас самих, всю нашу пищу съев!
Разорен калмык, велик народный гнев.
Ничего не знает столь великий шах!..
Вопли, плач народа у меня в ушах,
От такой беды я высох и зачах.
Если всходы все потравлены в полях,
Сам уразумей, какой в дехканстве страх!
К осени не будет ни зерна в шатрах,
Перережем скот на первых же порах,
Всех пожрем собак, мышей и черепах:
Мы не на подножных ведь живем кормах,
Мы не на твоих питаемся пирах!
Государство наше разорится в прах,
Перемрут, гляди, твои калм**ы**ки, шах!

Стон стоит в стране, смятение в умах.
Хоть о том подумай при таких делах,
Как страну теперь удержишь в удилах?
Ведь стряслось такое бедствие в полях!
Я не об одних толкую бедняках, —
И арбобам всем и аксакалам — страх.
Восседаешь ты на дорогих коврах,
Редкие ты носишь перстни на руках,
Весь в парче узорной, в бархате, в шелках, —
Но подумай сам, как столь великий шах
Ничего не знает о своих делах!
Голову иметь ведь надо на плечах!..

С шахом аксакал беседовал в шатре,
Шах сидел, поджавши ноги, на ковре,
Пил вино и сласти ел на серебре, —
Вдруг он слышит шум и крики на дворе.
Стражу оттеснив от кованых ворот,
В ханский двор ворвался трудовой народ —
Пастухи, дехкане, люд мастеровой.
Все шумят, кричат, проклятий полон рот.
Вышел шах во двор, — толпа вопит, орет:
«Все мы передохнем, видно, не в черед!
Чем теперь питаться подданным твоим?
Из чего тебе теперь платить чиким?
Все потрясены мы ужасом таким!
Жалобу тебе приносим, — говорят, —
Ведь ни колоска не скосим! — говорят.
С баев получить мы за ущерб хотим,
Неужель простишь ты наш убыток им?
Мы такого шаха сбросим!» — говорят.

Услыхав эти слова, ус покручивая, калмыцкий шах, к аксакалам и арбобам своим обращаясь, такое слово сказал в ответ:

— Много я богатства разного припас,
Я одет в парчу, и в бархат, и в атлас.
В шелковой чалме ношу большой алмаз,
Грозен я — и строго спрашиваю вас:
Баи эти к нам откуда вдруг пришли?
Как такой разор в стране произвели?
Самовольно как селиться тут могли?
Из какой-такой пришли они земли?
К вам, большим и малым, мой вопрос таков.
Вы должны ответить без обиняков.
Неужели дам в обиду бедняков?
Не щадя ни юных и ни стариков,
Накажу байсунских баев-чужаков,
Подыму их плач до самых облаков, —
Будут меня помнить до конца веков!
Кто прикочевать позволил им сюда!
Баям в полной мере гнев свой покажу —
По заслугам их пытать я прикажу,
Самых знатных биев изобью, свяжу,
Как собак, на цепь в зинданы посажу!
Я ль трудом дехкан своих не дорожу?
Всех, кто потерпел, сторицей награжу.
Стану ль потакать такому грабежу?
Кто их подпустил к родному рубежу?
Справедливый суд-расправу я творю,
Я на знатность пришлых баев не смотрю.
Слушайте, дехкане, что я говорю:
Баев именитых в прах я разорю,
Их стадами вас я ублаготворю,
Преданных моих дехкан я поощрю.
Верьте мне, дехкане, своему царю!..
Палачи мои и миргазабы, эй!
Что вы тут стоите, словно бабы? Эй!
В степь Чилбир скачите! На коней, живей
Выведать на месте все, да поскорей!
Выбрать самых знатных байских сыновей,
Самых их богатых биев и тюрей —

Захватить их в плен, заложниками взять,
Как баранов, их арканами вязать,
Гнать ко мне, в пути — камчами истязать,
Слова о пощаде не давать сказать!
Буду им носы и уши отрезать,
Вырывать глаза и души их терзать,
Буду сечь башки и буду вешать я, —
Должен ведь своих дехкан утешить я!
Дерзких я узбекских баев проучу!
Скот нагнали свой сюда, как саранчу.
Потравили хлеб! Ужели я смолчу!
За убытки с них семижды получу!
Я великий шах, и хоть ношу парчу,
Шахский свой рукав по локоть закачу,
В знатной их крови одежды омочу, —
До конца свой гнев я истощить хочу!..
Палачи мои! Любой из вас — батыр!
Дать коням ячмень да подмешать аир!
Поживее в седла, вихрем — в степь Чилбир!
С пришлых баев-беков поспустите жир!
Изгоню пришельцев — и устрою пир.
Пир такой, какого и не видел мир!..
Выпал снег — свой след оставит караван.
Вызнать, кто калмыцких разорил дехкан!
Буду я к виновным беспощадно лют!
Раз мои калмыки слезы горько льют,
Я, как шах, утешу трудовой свой люд!..

Послушные приказанию шаха своего, пятьсот калмыцких палачей во главе с начальниками своими сели на коней — поехали на озеро Айна-коль, где узбеки-пришельцы разбили становище свое. Десять тысяч юрт людей, — шутка ли! Приезжают палачи — видят: расселился неведомый десятитысячеюртный народ, — посмотришь — все один на другого похожи. Никаких отличий на узбекских людях нет, — кто большой, кто малый из них, не разобрать палачам. Вдруг видят они — кругом все юрты кошмовые, а в одном месте бархатную

юрту ставят. Порог бархатной юрты — золотом и серебром изукрашен. Была это юрта Байсарыбия. Сказали палачи:

— Э, да эта юрта богата. Белым бархатом крыта, золотой порог! С нею не сравнится и шахский дворец! Видимо, тут самые главные узбеки живут. Вот, какие отличия дают они старшим своим!

Подъехали палачи к юрте Байсары: — Э, приезжий бай! — Встал Байсары, откликнулся: — Ляббай! — и вышел из юрты. Крикнули палачи — Ты старший здесь? — Слова не успел сказать Байсары, — соскочили палачи с коней, схватили бия, связали ему руки назад. Как снег в буран, как дождь проливной, посыпались на голову Байсары удары их камчей. С криками: «Ступай, ступай!» — погнали палачи бия, толкая его вперед и хлеща камчами. Только что приехавший в эту страну, ничего худого не ожидавший, гордого своего величия не уронивший — ни в чем виноватым себя не считая — ошеломлен был таким внезапным насилием Байсары. Зарыдал бий от боли и от позора и, умоляя палачей сжалиться над ним, сказал им такое слово:

— Нес в стране своей заботы шаха я, —
На чужбине стал ничтожней праха я!
Шел я мирно к вам, не ждал ведь страха я
Думал: тут гнездо, как птица, я совью, —
Лишь о том весь путь молил аллаха я.
Беглецу приют и враг дает в беде!
Думал: шах калмыцкий мой оплот в беде.
А теперь — я сам и мой народ — в беде.
Я искал защиты, — гнет у вас нашел!
Вот я сам себе какое сделал зло!
К вам меня, ой-бой, несчастье занесло.
Некому поведать, как мне тяжело!..
Не за что меня так мучить, палачи!
Душу вышибают из меня камчи.
Я — старик, а вы — джигиты-силачи!
Сжальтесь, душегубы, сжальтесь, палачи!
Я искал защиты, — гнет у вас нашел!
Так не мучат даже вора и врага!
Хоть по голове не бейте старика —
Голова моя мне все же дорога!

Сжальтесь! Жизнь моя и так уж недолга!
Я страной большой недавно управлял,
А теперь я к вам в жестокий плен попал.
Чем я вас обидел, чем вам помешал?
Ничего на вас я не злоумышляй.
Ой, какая мука каждый ваш удар!
Будьте милосердны, я ведь слаб и стар.
Кто над вами старший, кто из вас сардар?
Я искал защиты, — гнет у вас нашел!
Из беды попал я в новую беду.
Не гоните так — я чуть живой бреду.
Нет конца страданьям, меры нет стыду:
Пред своим народом связанным иду!
Мирный странник-старец, в чем я виноват?
Шел я к вам, как в рай, — попал при жизни в ад!
Ой, не бейте так безжалостно, ой-бой!
Никакой вины не знаю за собой.
Что за произвол! За что такой разбой!
Умоляю — верьте слову моему, —
Произнесть могу святую «Калиму»,
Худа я у вас не сделал никому!
Бить меня за что, позорить почему?
В чем вина моя — никак я не пойму!
Разве можно гостя бить в своем дому?
Мочи нет страдать! Уймитесь, палачи!
Видите кровавых слез моих ручьи?
Вы свирепей стаи бешеных волков!
Иль калмыцкий здесь обычай ваш таков:
Странников почтенных, мирных стариков
Избивать камчой, как подлых ишаков?
Я искал защиты, — гнет у вас нашел!

Долго плакал и причитал Байсары-бий, пока, наконец, объяснили ему палачи, в чем его вина.

В клочья истрепав на Байсары камчи,
Так ему тогда сказали палачи:
— Э, не вой, старик несчастный, помолчи!
Как баран, под нож ведомый, не кричи,
Делу не поможешь, плача и крича:
Нас прислал калмыцкий грозный шах Тайча.
Раз прислал — прислал, на то мы — палачи.
Он проведал грозный шах наш, Тайча-хан,
От обиженных арбобов и дехкан,
Что в калмыцкий край из чужедальних стран,
Из какой-то там земли Байсун-Конграт
Свой неисчислимый ввел ты караван.
Если бы на въезд ты испросил фирман,
Был бы ты у нас, как знатный гость желан.
Ты же свой народ и все свои стада
Без согласья шаха перегнал сюда.
Все-таки не это — главная беда!
Э, ты сам не знаешь, что ты натворил!
Всходы на полях дехканских потравил,
Хлебные посевы ты скоту скормил, —
Трудовых дехкан-калмык**о**в разорил!
Не оставил им ни одного зерна!
Вся страна тобою в прах разорена,
Голодать она теперь обречена!
Вот она, какая на тебе вина!..
Шах наш, Тайча-хан, пришел в великий гнев,
Он рассвирепел, как разъяренный лев,
И, своих дехкан несчастных пожалев,
Нас погнал в Чилбир, сурово повелев,
Вызнать всё, разведать, кто стравил посев,
Старшего найти над вашими людьми,
А найдя — схватить, связать и бить плетьми.
Вот, что во вниманье ты, старик, прими!
Если б не приказ от шаха самого,
Нам тебя хватать и мучить для чего?
Мы ведь палачи у шаха своего,
Смеем ли нарушить мы приказ его?

Видишь, ремесло-то наше каково!
Раз твое в твоем народе старшинство,
Значит, пострадать ты должен за него.
Как ни плачь, — палач к чужим слезам привык.
Ты на нас обиды не имей, старик, —
Слово мы тебе сказали напрямик:
Речь у палачей, как и рука — груба.
Если ты сгубил дехканские хлеба,
Будет, так и знай, горька твоя судьба.
Как же от хлебов травы не отличать!
Нам таких людей не довелось встречать!
Что теперь ты будешь хану отвечать,
Разъяренным всем дехканам отвечать?
Мыслимо ль дела подобные прощать!
Наперед тебе должны мы обещать —
Косточкам твоим придется потрещать!
Грозен Тайча-хан, умеет он карать:
Может быть тебя дехканам он самим
Выдаст на расправу, — попадешься им, —
Зол народ: смотри — затеют копкари, —
Станут, как козла, тебя на части драть!
Там — ни слез, ни слов напрасно ты не трать:
С головы иль с ног, — придется умирать.
Шах потом прикажет твой повесить труп,
Скот и ваши все богатства отберет,
За рубеж страны изгонит твой народ…
Ты прости, коль наш язык немного груб, —
Будь мы подобрей — пришлись не ко двору б!

Слово палачей выслушав, Байсары-бий такое ответное слово сказал им:

— Всё, что есть в моем становище, — отдам!
Золото и все сокровища отдам!
На своих верблюдов все навьючу сам. —
Пропадай добро, жив буду лучше сам!

Вам мои верблюды и бараны — вам!
Сам не знаю счета я своим стадам.
По числу загонов счет могу вести:
Мелкий скот в загонах ста без десяти!
Табуны привык тугаями считать, —
Всех моих коней согласен вам отдать!
Все отдам, но больше не могу страдать,
Страшно столь жестокой казни ожидать…
Искренние вам я говорю слова:
В жизни нам всего дороже голова.
Хоть аркан снимите с рук моих сперва!
От стыда и боли прах готов я грызть!
Погубить меня какая вам корысть?
Небосвод коварный влил мне в пищу яд!
За посевы ваши все отдать я рад.
Если мало вам моих богатств и стад,
Отдаю в придачу свой последний клад:
Дочь мою, Барчин, возьмите, наконец,
Лишь бы сиротою не был мой птенец.
Где на свете есть несчастнее отец?
Пусть я буду нищий, но земли жилец!
Я и сам не знал, что я такой глупец:
Пас коней своих, верблюдов и овец,
В мире ничего не видя, как слепец.
Хлебных злаков я не сеял никогда,
Как тот хлеб растет в полях, я не видал.
Если по незнанью всходы потоптал,
Потому что хлеб травою посчитал,
Неужель я злостным душегубом стал?
О своей вине впервые узнаю.
Все мои богатства, дочь вам отдаю, —
Только пощадите голову мою!
Смерть стократ страшнее не в своем краю!..
Темный разум мой от мыслей изнемог.
Мне свидетелем будь всемогущий бог, —
Перед вами я полуживой стою —
И ручьями слезы сожаленья лью.

Палачи мои, молю — поверьте мне,
Дайте избежать жестокой смерти мне!
Не хочу попасться шаху на глаза, —
Пусть меня минует гнев его — гроза.
Разве шаха тронет странника слеза?
Лучше я в письме прощенья попрошу,
В челобитной все несчастье опишу.

Услыхав такие слова от Байсары, подумали палачи: «Бедняга этот, пожалуй, прав. По невежеству не отличая травы от посевов, погубили они все наши хлеба. Всякие на свете живут народы. Он искренне кается. А если мы его пригоним к шаху, тот его слушать не станет, сразу расправу над ним учинит. Пусть он свое дело в письме изложит. Пусть он здесь подождет, — доставим шаху письмо, все, может быть, и уладится».

Составили они со слов Байсары письмо, — отослали с двумя миргазабами к шаху калмыцкому. Прочел шах жалобу Байсары-бия, обрадовался вдруг — и так сказал:

— Если он под защиту мою прибыл, казнить его — какая мне прибыль? Окажу ему дружбу — пусть остается жив, и все его богатство: все его верблюжьи караваны, все его конские табуны, все его овцы-бараны, все золото его казны — пусть все остается при нем. Ничего мы с него не возьмем! И дочь его — принадлежит ему. И дочь его, красавицу, от него не возьму. Объявляем ему дружбу и мир, отдаем ему степь Чилбир на летовки скоту, Айна-коль отдаем на водопой скоту. Семь лет податей с него не взимать, стадам его описи не делать. Кто зло причинит узбекским баям, непочтителен будет с ними, — с того мы голову снимем, все достояние отберем в казну… Ну?..

Это услыхав, калмыцкие арбобы сказали:

— Так ты распорядился, шах? Потравили пришельцы посевы бедняков и вдов, а ты им все прощаешь! А через несколько дней ты потребуешь от дехкан уплаты налогов. А из чего их платить? Последние одеяла продать?!

Тайча-хан на это так ответил:

— Время года еще раннее. Было бы желание — успеете еще посеять просо иль что-нибудь такое другое. Как-нибудь прокормитесь

до зимы. А мы с вас податей взимать не будем. Так и передайте людям!

Так пообещал Тайча-хан, но лживо пообещал — обманул их: вероломцем был калмыцкий шах!

А дехкане обрадовались, поверив ему, — запрягли парами волов, пошли — под просо и другое зерно перепахивать пашни.

«Весь урожай будет наш, податей платить не придется — сыты будем!» — Так думали они.

Баи-узбеки тоже возликовали: «Просторны, прохладны степи Чилбира, — свежи пастбища, травы хороши, потучнеет скот наш — расплодится, разбогатеем еще больше!»

Осели они на земле калмыцкой — шахом калмыцким были очень довольны.

Песнь вторая

В области хана Тайчи, в стране калмыцкой, жила старуха одна, имя ей было Сурхаиль. Необычайно рослая женщина она была. Семеро сыновей она имела. Старшего звали Кокальдаш, а остальных: Кокаман, Кокашк***а***, Байкашк***а***, Тойкашк***а***, Кошкулак, а самый младший звался Караджаном. Все они батырами были. Вместе с восемьюдесятью тремя другими калмыцкими батырами содержал их шах калмыцкий в дальнем Токаистане,[10] в особых пещерах. Каждый из этих девяноста батыров был отличным наездником и стрелком искусным. Носил каждый из них панцырь весом в девяносто батманов, каждый съедал в день девяносто тучных баранов, получал каждый от шаха ежемесячно девяносто золотых туманов. Знаменитые они батыры были. Каждый из них имел по сорок девушек-прислужниц, девушки подстилали им на почетных местах мягкие подстилки и прислуживали им, когда батыры возвращались с охоты или с набега.

Барчин-ай, дочери пришлого узбекского бая, никто из них не видел, хотя всю страну облетела слава о ее красоте. В ту пору была Ай-Барчин в расцвете зрелости своей девической, — плечи у нее были — пятнадцать аршин каждое! Молва о красавице-узбечке и до батыров калмыцких дошла. Собрались они — мечтают-гадают, как оно будет: то ли каждому в отдельности добиваться ее, то ли взять ее общей женою для всех? Долго совещались батыры, долго спорили, все никак решить не могли.

А старуха Сурхаиль-ведьма, — так называли ее, — мать семерых братьев-батыров, решила к шаху отправиться. Много ее сыновья шаху калмыцкому послужили, — не мог бы шах отказаться принять ее, не мог бы и в просьбе ей отказать.

Пришла старуха Сурхаиль к Тайча-хану и такое слово сказала:

— Семь батыров, шах, тебе я родила. —
Ведомы тебе их славные дела.
С просьбою к тебе я потому пришла,
Эта просьба так ничтожна, так мала!
Выслушать меня, великий шах, изволь, —
Разреши, мой шах, сходить мне в Чилбир-чоль.
Хочется мне тех узбеков повидать.
Почему бы мне досуг не скоротать?
Очень, говорят, у них богата знать.
Как они живут, мне хочется узнать,
В чем хвалить их нужно, в чем их осуждать,
Преданы ль тебе — хочу их испытать.
Если б разрешенье ты изволил дать,
Я бы к ним пошла по бедности своей.
Милости такой я вправе ожидать.
Семерых родив батыров-сыновей,
Никому бы я не причинила зла,
Если бы себе с приезжих дань взяла:
Люди говорят — нет их стадам числа.
Собирает мед с любых цветов пчела.
Я бы шаху тоже пользу принесла:
Разговор с одним, с другим бы завела, —
Что в душе таят, я б выведать могла:

Похвала тебе иль, может быть, хула…
Я бы к ним, султан мой, не одна пошла, —
Трех бы, четырех других старух взяла.
Сердца моего кому поведать боль?
Разреши, мой шах, сходить мне в Чилбир-чоль!

Калмыцкий шах позволил баям-пришельцам жить, как они хотят. Но даже сам шах опасался зловредной старухи Сурхаиль и ее могучих сыновей. Поневоле пришлось ему дать ей разрешение.

«Теперь — что хочу, то — получу!» — подумала коварная старуха. Домой вернувшись, взяла она с собой девять от нее зависимых старух-родственниц, и отправились они вдесятером в путь. Идут за ней девять согбенных старух-побирух.

Младший сын Сурхаиль — батыр Караджан с тринадцатью своими махрамами в это время коней пас. Видит он — мать его в степь Чилбир идет, девять старух за собой ведет. Подумал Караджан: «Что за пронырливая такая старуха, ноги бы ей поломать! Пойдет в степь Чилбир, нас объявит опорой своей, болтать станет, наговорит вздора всякого, — обидит людей приезжих, — пропасть бы ей! Как-никак на чужбине они! Э, нечестивицы, старухи-паршивицы! Что им в байском становище делать? И нам — срам, и сам шах возмутится — скажет: „Силой выродков ее дорожа, напрасно пустил я старуху к баям-пришельцам. Испортила мне все дело ведьма эта!“».

Подошел Караджан к матери — и, доброго ей пути пожелав, так сказал:

— Быть живой, богатой дай тебе господь!
Множество халатов дай тебе господь!
Сыном быть брюхатой дай тебе господь!
Девять верных спутниц в путь с тобой идут, —
С первой до десятой — дай вам всем господь
Доброго пути, куда б вам ни итти!
Мать моя, скажи, далеко ль ты идешь?
Старые свои зачем ты ноги бьешь?
Слово Караджана выслушать изволь:
Может быть, домойте пути ты повернешь?

Нечего тебе таскаться в Чилбир-чоль!
Много разных слов тебе сказать могу,
Только от греха язык уберегу.
Лишними словами я пренебрегу,
Слово я хочу хорошее сказать, —
Матери своей скажу, а не врагу.
Сыну своему такую речь прости,
Только разговор за шутку не сочти:
В Чилбир-чоль к узбекам что тебе плестись?
На подарки баев пришлых не польстись, —
С этого пути домой повороти.
Говорю тебе и этим девяти:
Нечего, старуха, голову ломать.
Я тебя ведь знаю — ты коварна, мать, —
Что-нибудь привыкла ты злоумышлять.
Пришлых этих баев ты не трогай, мать, —
Незачем у них тревогу поднимать.
Возвратись домой своей дорогой, мать!
Ты стара — и смерть уж на пути к тебе, —
Думай о загробной ты своей судьбе!

Эти слова услыхав, видя, что сердит Караджан, нрав его зная, Сурхаиль-ведьма такое слово ему сказала:

— Э, не горячись напрасно, мой сынок!
Если прогуляюсь — не лишусь я ног.
Девушки у них прекрасны, мой сынок:
Зятем я тебя в узбекский дом введу.
Сговорив невесту, ей надев платок,
Я благополучно и домой приду…
Ты меня с пути, сынок мой, не сбивай.
Высмотрю, узнаю, кто первейший бай,
Первую у них красавицу найду,
Вызнаю, свободна ль, нрав каков у ней, —
Сделаю невестой и женой твоей!
Если сговорюсь, то жди, сынок, вестей.

Породнимся с ними, наплодишь детей. —
Все-таки утеха старости моей!
Ведь не век тебе с махрамами бродить, —
Холостым живешь — пора тебя женить.
Поспешив меня в злокознях обвинить,
Счастья своего чуть не порвал ты нить.
Если хочешь знать, — иду я для тебя.
Младшенького сына горячо любя,
Я ведь ни о чем не думала плохом, —
Душу я свою не отягчу грехом!
Я тебя мечтала сделать женихом, —
Я ведь мать твоя, хочу тебе добра!
Как-никак, и вправду, я уже стара,
А тебе жениться, мой сынок, пора:
Хочется мне видеть внуков у шатра!
В жены я тебе хочу узбечку взять,
Чтобы красотой была тебе подстать.
В знатный дом узбекский ты войдешь как зять, —
Погляжу, как будешь радостью сиять
Рядом с молодой, прищурясь, мой сынок!
Брось-ка холостую дурость, мой сынок!

Эти слова услыхав, очень обрадовался Караджан, — сказал матери:

— Э, мать, если такое в сердце твоем, желаю тебе удачи! Приходи, дай знать. Здесь буду дожидаться.

Получив согласие сына, довольная старуха в степь Чилбир побрела своим путем.

Сурхаиль пошла веселей.
Хоть немало лет было ей,
Славилась ходьбою своей!
Ведь недаром был о ней слух,
Среди всех калмыцких старух,
Среди свах и средь повитух:
Говорили: нечистый в ней дух!

Ведьмою старуха слыла —
Столь была коварна и зла.
Девять ее спутниц-старух,
Родственниц ее, побирух,
Вслед за ней бегут во весь дух,
А никак за ней не поспеть.
Хоть бы ей скорей околеть!
А она любопытства полна,
Жадности, бесстыдства полна.
«Баи-бии, — мыслит она,—
Кто такие? — мыслит она,—
Хоть чужие, — мыслит она, —
А сосватаю бека их дочь!»
Их приданое числит она.
Все пронюхать успела и тут!..
Чуть живые старухи бредут —
Замертво сейчас упадут.
Не догнать Сурхаиль, — отстают,
Всячески хулят Сурхаиль:
«Не шайтан ли ей дал этот рост?
Если справить халат Сурхаиль,
Сколько же наткать и напрясть?
Бязи надо сорок кары.
Чтобы ей, коварной, пропасть!..»
К баю в гости спеша, к Байсары,
Сурхаиль, как верблюд-скороход,
Все уходит вперед и вперед.
Ноги у лукавой быстры,
Мысли у коварной хитры, —
Хочет Караджана женить,
С баями себя породнить.
Где же та юрта Байсары?..
А старухам ее невдомек,
Что у ней, коварной, в душе,
Завязала зачем в узелок
Новенький зеленый платок…

Чуть бредут старухи… Ведьма Сурхаиль
Далеко ушла — метет подолом пыль, —
Спутницам своим она и не видна!
Наконец перед нею озеро Айна.
Так пришла в кочевье байское она.
Спрашивает: «Где живет ваш главный бай?» —
Указали ей жилище Байсары.
Думает: «Богат, однако, Байсары!»
Девять было злых собак у Байсары.
Долговязую такую увидав,
Поднимают псы свирепый, громкий лай,
Как на зверя, мчатся на нее стремглав,
Тесно окружают — и бросают в грязь,
Словно меж собой заране сговорясь,
Рвут ее на части, кто во что вцепясь:
В руки, в ноги, в грудь и в зад, ворча и злясь,
В клочья разрывают и рубахи бязь!
Что старухе делать, если не реветь?
И ревет она, как раненый медведь!
Вовсе потеряла голову она.
Шаровары в клочья, грудь обнажена,
Выпав из одежд, — вся голая она!
А собаки рвут ее и так и сяк.
Раз она попала в круг таких собак,
Что ей остается, если не реветь?
И ревет она, как раненый медведь!
Долго так она ревела, но, увы,—
Нет людей на помощь, словно все мертвы.
Или у пришельцев нравы таковы?
Как жестокосердны, как они черствы,—
Не идут на крик беспомощной вдовы!
Осень подошла — не вянут ли цветы?
Смерть пришла — всю допил чашу жизни ты!..
Псы ее терзали, яростно рыча,
А она лежала, в ужасе крича,
Еле теплилась ее души свеча…
Вышла из юрты хозяйка-байвуча,

Слышит вздохи, стоны: «Прочь!.. Подите прочь!..»
Сильно удивясь, она спешит помочь.
Меж собак старуху увидав тогда,
Закричала: «Ой, тяжелая беда!»
Впору умереть старухе от стыда:
Очень уж была вся голая!.. Беда!..

Побивши как следует собак, осведомившись у старухи о ее состоянии, вернулась хозяйка в юрту, взяла новую женскую одежду, дала старухе переодеться, — сердце старушечье радуя, повела ее с почетом в юрту. Ай-Барчин с девушками своими в юрте сидела, — старуху увидав, подумала:

«Кто бы она ни была, она в чужой стороне». С места встав, низко поклонясь гостье, оказала она ей уважение. А старуха, увидав Барчин, сразу же подумала:

«И по красоте и по уму — отличная пара Караджану?..»

Немало еще времени прошло, пока до места добрались те девять старух — спутниц Сурхаиль-ведьмы. На этот раз вышел им навстречу человек, не дал собакам трогать их, привел старух в юрту. Хозяйка угощение стала готовить — плов варить. О том — о сем разговор завели, четыре-пять слов проронили, — Сурхаиль-ведьма, к хозяйке обратясь, так сразу же и спрашивает:

— Кажется, барашек варится у вас?
Не свободна ль дочь-красавица у вас?
Вижу я — прекрасный тут расцвел цветок!
Дома у меня есть холостой сынок, —
Если б сговориться с вами бог помог,
Повязать невесте я б могла платок.
Сговор совершив, пошла бы я домой, —
Очень был бы рад сынок любимый мой.
Караджан-батыр, он у меня меньшой.
В гости к вам идя, прошла я путь большой —
Посмотреть хотелось мне народ чужой.
К вашей дочери всей прикипев душой,
От нее большую радость испытав,

Я, от ваших псов жестоко пострадав,
Половины чувств приятных лишена…
Эта ваша дочь — свободна ли она?
Сыну моему она как раз нужна.
Слушай, байвуча, что я тебе скажу:
Чем скорей — тем лучше, — так я нахожу.
Сватовством своим тебе я удружу.
Эта дочь твоя причесана-гляжу,
Убрана во много кос она — гляжу;
Голову я ей платочком повяжу!..
Вот, что я тебе должна еще сказать:
Караджан тебе хороший будет зять —
Сына моего заглазно можешь взять.
Он среди батыров наших знаменит,
Шах наш, Тайча-хан, к нему благоволит,
Добрая молва о нем везде гремит —
Он юрте твоей стыда не причинит.
Сколько он сердец девических томит!
Только до сих пор все ходит холостой.
Не прельщается ничьею красотой:
«Эта мне не пара, эта не ровня!
Я — батыр известный да к тому же — бек!..»
Очень огорчает этим он меня.
Как бы не остался холостым навек!
Вижу — здесь живет почтенный человек, —
Думаю: у сына будет тесть — узбек!
Дочь твоя и сын мой — пара ведь они,—
Ты мне свой обычай сразу объясни.
Долго ли еще песок речей толочь?
Я любой калым тебе отдам за дочь.
Сговор совершим — и все сомненья прочь.
Голову себе напрасно не морочь!
Если ты в беде, друзья придут пом**о**чь;
Преданнейший друг для всех влюбленных — ночь…
Байвуча, что скажешь на мои слова?
Дочь твоя Барчин — я вижу какова:
Лучших для себя я б не желала снох,

Но и Караджан мой тоже ведь не плох.
Он, коль хочешь знать, из-за Барчин засох, —
Да услышит бог его влюбленный вздох!..
За Караджанбека выдай свою дочь,
И да будет радость им из ночи в ночь!

Услыхав речь старухи, так ответила ей мать Барчин-ай:

— Ничего теперь не варится у нас!
Не свободна дочь-красавица у нас!
Дочь моя давно уже сговорена,
С сыном дяди, чуть родясь, обручена.
Этот дядя, знай, он мужа старший брат,
Деверь мой — он шах страны Байсун-Конграт.
Он за нашу дочь нам уплатил калым,—
Не прельщай меня калымом ты своим!
Если поступить, как ты мне говоришь,
Разве преступленье долго утаишь?
Разве усидит в Конграте Алпамыш?
Если он приедет, Алпамыш-султан,
Разве не подохнет сын твой, Караджан?
Плачет по тебе, проклятая, аркан!
Старая карга, зачем ты бродишь зря,
Целый день сидишь, пустое говоря?
Каждый у себя не бек ли, не тюря?..
Делится ль добычей с вороном шункар?
Иль простым батырам не гроза кайсар?
Иль орлу дорогу преградит комар?
Весть в страну Конграт ужель не долетит?
Сокол Алпамыш сюда ль не прилетит?
Разве калмык**о**в он здесь не истребит?
Разве он ублюдка твоего простит?
Старая карга, ужель тебе не стыд?
Бродит, рыщет, где кто пловом угостит!
Розу ли мою твой выродок прельстит?
Осень подошла — садов поблекнул цвет.

Бог твой разум отнял, — горя хуже нет!
Кто тебе столь глупый нашептал совет?
Если хочешь знать, Хакиму равных нет,—
На земле таких батыров славных нет!
Всех вас перебьет, с земли сотрет ваш след!
Хакимбек достиг четырнадцати лет!
Если хочешь знать, то он — непобедим,
Мой племянник-бек, по имени Хаким!
Если с Караджаном встретится твоим,
Станет в мире сразу тесно им двоим,—
Сыну твоему не устоять пред ним…
Глупая твоя старушья голова,—
Надо же такие говорить слова!
Видно, что не знаешь Алпамыша-льва!
Шла б себе своим путем, пока жива!
Если хочешь знать, Байсунский край богат,
Лучше всех краев цветущий наш Конграт!
Конь у Хакимбека — истинно крылат,
Взгляд у Хакимбека — соколиный взгляд,
Тверже, чем алмаз — в его руке булат!
Родом он — конгратец, книжности учен,
С девушкой моей с рожденья обручен,
У себя в стране владыкой станет он.
Мерзкая старуха, убирайся вон!
Если будет здесь народ наш угнетен,
Думаешь, к нему не долетит наш стон?
Он вам всем создаст ужасный киямат!
Думаешь, невесте он не будет рад?
Думаешь, ее не увезет в Конграт,
Не познает с ней супружеских услад?
Если б ты старухой путною была, —
Разве ты себя не лучше бы вела?
Говорю добром, — ступай, пока цела!..

Сурхаиль, к хозяйке обращаясь, так ей ответила:

— Постыдилась бы ты глупых слов своих:
Посуди сама — годится ль тот жених,
Что провел полгода на путях степных?
Думаешь, он так сюда и прилетел?
Думаешь, приедет — будет жив и цел?
Всех батыров наших одолеет он?
Если и приедет, пожалеет он!
Ты мои слова за шутку не считай,
Долгим размышленьем душу не пытай —
Дочь свою, Барчин, в невестки мне отдай.
Очень уж хочу ее сосватать я!
Сына моего возьми себе в зятья!
Не возьмешь — не будет от него житья!
Иль своим желаньям он не господин?
Думаешь — не сядет на коня мой сын,
Не увидит он своей женой Барчин?
Думаешь — приедет он к тебе один?
Он тринадцать слуг с собой в набег возьмет —
Дочь твою, узбечка, силой увезет!

Услыхав слова эти, хозяйка, мать Барчин-ай, тоже сказала старухе слово свое:

— На вершинах горных да истает снег!
Вражий труп в земле да изгниет навек!
Да иссохнет твой урод Караджанбек!
Ты послушай, что тебе хочу сказать:
Эту дочь мою твой сын не может взять, —
Иноверец он, а — значит — нам не зять!
На мои слова обиды не имей,
Сыном похваляться предо мной не смей,
Подлая старуха, сдохни поскорей!..—
Так ей, мать Барчин сказала сгоряча.
Слышала все это Барчин-аимча.
«Прекратите спор!» — она им говорит.—
«Это же позор!» — она им говорит.

Спорят байвуча и Караджана мать,
Начинают, споря, кулаки сжимать.
Стали их старухи-гостьи разнимать…

Розняли их в конце концов старухи-гостьи. Подали им руки помыть, скатерть постелили. Наложили три блюда плова — поставили перед десятью женщинами, — одно блюдо на четверых пришлось. Мать Караджана, на хозяйку разобиженная, взяла два зернышка риса — в рот положила. Девять товарок ее побоялись взять и на одно зернышко больше, — Сурхаиль-ведьма головы бы им свернула. В трех блюдах плова на двадцать зернышек меньше стало.

— Хватит, — наелись мы, — сказали гостьи, возвращая блюда с пловом. Блюда убрав, ладонями по лицу проведя, — гостьи ушли. Мать Караджана, своих спутниц не дожидаясь, изо всех сил пустилась вперед. Девять старух, из виду ее не выпуская, ковыляли ей вслед, ворча:

— Возьми ты ее от нас, аллах, чтоб ей подохнуть! Вздумала сынка своего женить не в пору, ублюдка такого! Уж затевать ссору — так хоть после плова!.. Богато, однако, эти баи живут! Если бы мы и одни пришли, без этой карги злой, нас бы тут приняли не хуже — угостили бы и шавлёй на ужин. Э, как жалко — весь плов остался! Неприятность причинила, плову не дала поесть! По два зернышка на каждый рот, чтоб ей такие поминки устроил народ! Убери ты ее, аллах, от нас! В другой раз без нее придем…

Далеко вперед ушла Сурхаиль. А Караджан все на дорогу смотрит — ее поджидает. Видит — идет она.

Подошел к ней Караджан, спрашивает:

— Ну, мать, как дела? Лисою ты иль волчихой пришла?[11] — Ответила ему мать: — Э, сынок, намотай себе на ус: куда ни иду, куда ни бреду, — лисой не вернусь, волчихой приду! Женю я тебя, — вспомнишь мое слово! Видишь — на мне обнова. Это мне, как сватье, подарили новое платье…

А Караджан говорит:

— Вот она, мать моя какая! Сосватала мне невесту-узбечку! Не пожалели ей новой одежды бязевой! Ну, мать, как стала волчихой — рассказывай.

Стала старуха сыну рассказывать, как дело было:

— Даром время я, сынок, не провела.
К тем приезжим баям в стойбище пришла,
У Байсарыбая там в гостях была.
Хороша юрта, оказывается!
Девушка — мечта, оказывается;
Как цветок, чиста, оказывается;
И не занята, оказывается!
Нет ее нежней, оказывается,
Сохнут все по ней, оказывается!
Ровно сорок с ней подружек для услуг;
Как луна — Барчин меж сорока подруг.
В мире не найдешь кудрявее волос!
Заплетает их во много длинных кос.
Голоса такого слышать не пришлось!
Каждый глаз сияет, как большой алмаз, —
Сердце сразу тает от сиянья глаз!
А наряд на ней невиданный у нас —
Тонкий, полосатый дорогой атлас!
Чересчур, однако, узки рукава!
В зрелости она девической как-раз.
Именно такая, говорю, точь-в-точь
У Байсарыбая оказалась дочь.
Спрашиваю: «Дочь свободна ли у вас?
Сына — Караджана я женить хочу,—
За нее калым хороший заплачу».
Наизнанку вывернула байвучу,—
Выведала все, что знать хотела я.
Э, сынок, немало попотела я!
Девушка свободна — так и знай, сынок!
Сговорив невесту, ей надев платок,
Я бежать к тебе со всех пустилась ног…
Но такой обычай заведен у них:
Сговор был — приходит в тот же день жених.
Поспешить к невесте должен ты, мой сын, —
Завтра будет поздно, хоть бы сто причин,

Завтра, говорю, откажется Барчин!..
У Барчин — подружка, имя ей Суксур.
Все моргает мне, гляжу — хитер прищур!
Шепчет: «Сватовства таков узбекский чин, —
Пусть жених стыдлив не будет чересчур».
Слышала я то же и от остальных:
«Главное — пускай не мешкает жених!..»
Помни же, твоя невеста какова:
Имя — Барчин-ай, в косичках голова.
В бархатной юрте тебя сегодня ждут
Песни, смех, веселье — радости приют.
Тучка в сердце есть — исчезнет сразу тут!
Сорок тех подружек тоже хороши,
Будут угождать тебе от всей души…
Взяв своих махрамов, сын мой, поспеши —
Сам своей звезды счастливой не туши.
Ты не будь стыдлив и не ходи в тени,
Робость и смущенье от себя гони,
Только грубых слов, смотри, не проронi…
В бархатной юрте живет Байсарыбай,
В путь с приметой этой, Караджан, ступай.
Милая твоя — как месяц между звезд.
Будь и не заносчив и не слишком прост.
Главное — спеши, коня гони в нахлест!
Холостых годов кончай сегодня пост!..

Караджан, выслушав слова матери, говорит ей:

— Мать! Странные ты слова говоришь: ведь ты пока на узбечке только платок повязала. Прилично ли мне сразу же после этого являться прямо к невесте. Не унижу ли своей чести мужской? Не стану ль посмешищем в глазах людей?

А мать ему снова повторяет:

— Таков узбекский обычай, таково их правило. Неужели я бы сынка своего осрамила? Кто слишком смущается, тот жены лишается! — Сказала так старуха Сурхаиль и пошла себе дальше.

А Караджан к махрамам своим обратился:

— Некоторые из вас поездили по свету, некоторые уже и невест заневестили, иные — своим домом пожили, — быть может, и порядки узбекские вам знакомы? Стал я в узбекской семье женихом, — надо мне явиться туда, а не знаю, как у них одевается жених. Может быть, кто-нибудь из вас научит меня?

Сказали Караджану махрамы:

— Ха! В праздник и под праздник видали мы узбекского жениха. Великолепно он был одет, на голове носил он чалму. Женщины ему кричали вслед: «Жених, жених!» и от него деньги за это получали.

Слова эти услыхав, Караджан по-узбекски нарядиться решил. Сбросил он свой калмыцкий тельпак, новую одежду надел, чалму на голову навертывать стал, — никак чалма нарядной, круглой не выходит — во все стороны торчит, совсем не так, как у узбеков получается. Никогда Караджан чалмы не носил, сноровки завязывать ее не было у него. Говорит Караджан — Э, никак по-узбекски красиво не получается!

— Мы сами снарядим вас, — сказали махрамы.

Посадили они батыра Караджана на коня, девяностобатманный железный панцырь на него надели, взяли поводья четырнадцати коней, — вместо кушака обмотали ими туго-натуго стан батыра и заставили Караджана сидеть в седле прямо-прямо. Высок и прям, как минарет самаркандский, в окружении тринадцати махрамов своих, направился Караджан-батыр к невесте.

Вышел в путь батыр Караджан,
Едет в степь Чилбир Караджан,
Тот жених, калмык-пахлаван.
Всей дружиной своей окружен,
Материнским словом прельщен,
Размечтался о девушке он.
Холост он ходил и досуж,
Будет он красавице муж,
Зять узбека-бия к тому ж!
— Э, мой конь, тулпар, не ленись,
К Айна-колю птицей стремись,
Нежный ждет меня кипарис, —
Прозевать невесту могу!..

Конь его — тулпар удалой,
Скачет и фырчит на скаку —
Хочет угодить седоку.
А седок могучий такой,
Словно сокол сидит боевой,
Не видав красавицы той,
Едет, обольщенный мечтой,
Скачет нетерпеньем томим,
А махрамы — следом за ним.
Близок Айна-коль, далеко ль, —
Жениху дорога долга,
Коль невеста ему дорога!
Вот и засинел Айна-коль —
Зелены его берега.
Едет Караджан, как дракон,—
Весь народ узбекский смущен:
«Кто таков, откуда к нам он,
Что за великан-пахлаван?
Даже не видали таких!..»
Ус калмыцкий гордо суча,
Лихо скакуна горяча,
Юрт как бы не видя простых,
Едет Караджан мимо них,—
К бархатной юрте Байсары
Едет горделивый жених,
Подъезжает прямо к юрте,
Едут и махрамы к юрте.
Помня материнский завет,
Щурит он с задором глаза,
Что-то своим слугам шепча.
Алая на нем кармаза,
Равных ему, думает, нет!..

А в юрте Барчин-аимча
Ничего не знает о нем,
Женихе самозванном своем…

Ждут четырнадцать конных мужчин.
Что же не выходит Барчин?
Нет же для обиды причин!
Девушки-узбечки стоят,
Но не принимают коней,
С праздным равнодушьем глядят,
Оказать почет не хотят…
Прибыл же он во-время к ней,—
Верного коня исхлестал,
С дальнего пути ведь устал!
Как же так встречать жениха?
Думой уязвлен Караджан:
Как бы тут не вышло греха!
Может быть, все дело — обман,
Может быть, он вовсе не ждан?
Шутка — хоть и слишком плоха,
Можно ль положиться на мать,
Выпустить бы ей потроха!
Снилась ей, как видно, сноха!
Девушки смеются — ха, ха!
Голову он стал уж терять:
«Я повеселиться мечтал,
С баем породниться мечтал,
На Барчин жениться мечтал,—
А своей невестой не ждан!..»
Встречей озадачен такой,
Ведьмой одурачен такой,
Матерью своей озорной,
Повернул коня Караджан,
Бек-батыр, калмык-пахлаван.

Отъехал Караджан и все размышляет: «Наша невеста нас не видала, значит — и девушки не знали, что это мы». Так утешал он себя, и долго еще разъезжал вокруг юрты Байсары. Очень измучился Караджан. Потом поехал он в глухое место, с коня сошел — и махрамам своим так сказал:

— Развяжите меня. Совсем дышать не могу, туго слишком опоясали вы меня. Э, мать моя озорная, обманула нас!

Развязали его махрамы, на коня сел батыр — и поехал в пещеру к братьям-батырам. Въехал — с коня слез. Самый могучий из девяноста батыров, Кокальдаш-батыр спрашивает: — Откуда ты, Караджан, приехал? — Караджан отвечает: — Приехали мы от узбекской девушки — невесты нашей. Хорошо мы с ней повеселились! Кокальдаш-батыр разгневался:

— Ой, лучше бы ты в детстве подох! К какой такой невесте осмелился ты ездить? Ведь она — твоего старшего брата будущая жена, а он жив! Вот ты как блудлив!

Тут встал Кошкулак-батыр и тоже сказал:

— Ты зачем же лезешь к девушке этой, за которую я уже вношу калым? Становясь на пути старшим братьям своим, помрешь молодым!

Это сказав, уселись батыры, стали пить арак и другие напитки, — пирушку устроили.

Сильно опьянев, Кокаман-батыр сел под утро на коня своего Кокдонана и один поехал на озеро охотиться. Около полудня, с охоты возвращаясь, проезжает он берегом озера.

А Барчин-ай со служанкой своей Суксур в это время сидела под навесом, где разложен был тутовый лист с шелкопрядами. Смотрят — едет калмык, под которым конь так и пляшет. Могуч калмык, прям, как минарет самаркандский.

— Э, какой калмык могучий и огромный! Как бы не увидал меня и тоже не стал кружиться тут! — Так Барчин сказала — и в юрту пошла…

Взгляд Кокамана-батыра упал на бедра Барчин. Он поводья натянул — повернул коня, про себя подумав:

«Подъеду-ка к этим девушкам. Баи эти — скотоводы, — кумыса попрошу. Если кумыса дадут, значит, — женюсь я на узбечке, а если дадут воду, — значит, с пустыми руками уеду я. Попытаюсь — судьбу свою испытаю». — К девушкам обратившись, сказал Кокаман:

— Алая на вас, узбечки, кармаза.
Разума лишат подобные глаза!
Есть у скотоводов много кумыса, —

Кумыса охотно я бы напился!..
Розы по весне румяно зацветут,—
Соловьи, любовью пьяны, запоют.
Не по красоте ли гурий узнают?
Просит кумыса такой батыр, как я, —
Гурии ужель мне чашу не нальют?
Я богат, — чалму из шелка я ношу.
Весь я пожелтел — так страстно я прошу.
Вашего отказа я ведь не снесу —
Чашу мне одну налейте кумысу!
Рвется в битву сам породистый тулпар.
В сердце хворь таю, от этой хвори — жар;
Лекари сказали — исцелит кумыс,—
Слышал я, что пьют его и млад и стар.
Вы, узбечки, краше гурий родились,
Неужель не будет мне налит кумыс?
Просит вас такой известный пахлаван!
Я живу в пещерах, имя — Кокаман.
С озера я ехал, — дело дал мне хан,—
Вижу — скотоводов расположен стан,
Знаю, что богаты скотоводы все,
Знаю — пьют кумыс они, как воду, все.
Яркий на тебе, красавица, халат!
Если пить кумыс от хвори мне велят,
На тебя с мольбою направляю взгляд.
Можно ли такому беку отказать?
Если я тебя прошу о кумыс**е**,
Дай хотя б немного в небольшой касе!
Можно ль быть скупою при твоей красе?
Пить кумыс табибы мне велели все:
Кумыс**о**м от хвори я освобожусь, —
Потому тебя просить я не стыжусь.
Если дашь кумыс — как хочешь, побожусь,
Что тебе, быть может, тоже пригожусь!..
Из-за кумыса весь день я тут кружусь!

Это услыхав, так ответила Барчин Кокаману:

— Поля брани нет, где кровной нет вражды, —
Скакуна не гонят в битву без нужды:
Если в бег чрезмерный скакуна пустить,
Может он потом и вовсе не остыть…
Каждый у себя по-своему велик!
Уезжай, калмык, нет кумыс**а** тебе!
На исходе лета, глупый ты калмык,—
Посуди, — откуда б он взялся тебе?
Слушай, что тебе скажу, калмык-глупец:
Жеребят пустил под маток мой отец,—
Где же я теперь достану кумыс**а**?
Кумыс**а** теперь в помине даже нет!
Не настала осень — не поблекнет цвет.
Не люблю, калмык, бессмысленных бесед!
Бог ума не отнял у меня пока.
Кумыса не будет — вот и весь ответ!
Не встречала я глупее калмыка!
Вот уже сумбуль кончается у нас,—
В это время года кто кумыс видал?
Проезжай, калмык, чего ко миг пристал?
У других проси, а здесь ты опоздал.
Э, как много глупых слов ты наболтал!
Извелась я вся, с тобою говоря.
Проезжай, калмык, теряешь время зря!
Не встречала я такого дикаря!..
Весело живу я у отца в дому,
Проезжай, не то пожалуюсь ему!
Говорить с тобой мне вовсе ни к чему,—
И меня не мучь и сам ты не томись —
Говорят тебе, что кончился кумыс!
Вот еще пристал, откуда ни возьмись!..

Услыхав слова Барчин, такое слово ей в ответ сказал Кокаман-батыр:

— В битвы я скакал на этом скакуне.
Сильную обиду причиняешь мне.
Малость хоть налей, пусть плещется на дне!..
Я — батыр известный, унижаюсь так!
Я ведь не вино прошу и не арак,
Я ведь не сабу прошу и не конак, —
Хоть в одну касу, прошу, налей кумыс!
Все табибы мне велели: «Пей кумыс».
Я ведь не сабу прошу и не конак!
Не груба моя и не зазорна речь, —
Надо же свое здоровье мне беречь!
Если в сердце боль, — руке изменит меч, —
Что батыру делать в пору грозных сеч?
Стыд батыру хворым в молодости слечь!
Можно ли подобной просьбой пренебречь?
Раз надежда есть кумысом хворь отвлечь,
Как меня надежды смеешь ты лишить?
Можешь ведь и ты кого-нибудь обжечь
Так, что боль его начнет нещадно печь,—
На смерть ты его решишься ли обречь!..
Дай мне кумыс**а** — лекарством обеспечь!..
Я ведь знаю: ты — Байсарыбая дочь.
Кумыса не дав, меня ты гонишь прочь, —
Скупостью такой отца не опорочь…
Я, как друг, пришел — и все же не желан.
Знай, обида эта мне больнее ран…
Я на все способен, гневом обуян!
Вы сюда пришли из чужедальних стран,—
Раз пришли — пришли, — впустил вас Тайча-хан!
Я — батыр калмыцкий, имя — Кокаман, —
Видишь — я какой могучий пахлаван! —
Жертвою мне быть за твой чудесный стан!
Если кумыс**а** прошу, не зван, не ждан,
Значит, вправду, очень болен Кокаман!
Неужель не дашь больному кумыса?
Пусть хотя б одна неполная каса!..
Если б кумыса сейчас я напился

Из твоих, узбечка, из волшебных рук,
Был бы исцелен я от сердечных мук…
Пусть, как волк, уеду, а не — как лиса!..
Ты не обижайся — я ведь не злодей.
Дай кумыс — и сердцем ты моим владей!
Не последний средь калмыцких я людей:
В полном богатырском круге состоя,
Между девяноста славных числюсь я.
Недругу любому голову снесу!
Дай мне кумыс**у**, красавица моя,
Не уеду я, не выпив кумыс**у**!..

Услыхав от Кокамана эти слова, сказала Барчин прислужнице своей, Суксур:

— Этот калмык, провалиться ему, — откуда он только взялся! — стоит да бахвалится, прося кумыса, — на кумысе счастье свое загадав. Налей-ка воды в касу, — воду я ему подам, — охладит его вода — надежду на меня оставит он.

Суксур отошла в сторону, воды в чашу налила — принесла ее Барчин. Барчин протянула руку с чашей батыру Кокаману. Увидел Кокаман-батыр, что в чаше вода, а не кумыс, — разозлился и хлестнул девушку по руке своей камчой.

Испытав такую жестокость от батыра, расплакалась Барчин и, плача, такое слово сказала:

— Да истают все нагорные снега!
Да сгниет в земле поганый труп врага!
Недругов моих, о боже, покарай,
Да погибнет он, чужой, немилый край!
Ты меня, безмозглый, слушать не хотел,
Ты хлестнуть меня осмелился камчой!
Горю моему где мера, где предел?
Беззащитны стали мы в стране чужой,
Родину покинув, терпим гнет большой.
По руке камчой меня калмык хлестнул,
Подло так меня пришельством попрекнул,

Униженья шип ты в сердце мне воткнул!
Что теперь, бедняжка, в силах сделать я?
Чужестранка здесь и девушка ведь я!
Чтоб тебе, злосчастный, не было житья!
Чужестранка я, однако, не раба!
Как земля чужая жестока, груба!
Плачу я, но, видно, такова судьба!
С родиной расставшись, горько слезы лью,
А кому поведать мне печаль свою!..

На эти слова Кокаман так ответил:

— Не возьму добром, так силою возьму,
Чистоты твоей не милуя, возьму!
Если хочешь знать — терплю я также боль:
В сердце Кокамана также есть мозоль.
Я просил тебя: лекарство дать изволь, —
Ты же сыплешь мне на рану сердца соль…
Кто вас призывал в калмыцкий Чилбир-чоль?
Сели со своим скотом на Айна-коль!
Очень ты, узбечка пришлая, горда!
Это наши травы, наша здесь вода!
Я своих батыров приведу сюда,—
Будет, пастухи, вам черный день тогда!
Если мы на вас устроим аламан,—
Вашу кровь прольем, изгоним в Туркестан,
А тебя захватит силой Кокаман!
Буду веселиться, буду — что ни ночь —
Я с тобой лежать, Байсарыбая дочь!..

Эти слова услыхав, Ай-Барчин так ответила батыру Кокаману:

— Сам себя пустой надеждой не дурачь!
Поступай, как знаешь, но потом не плачь.
Силой взять меня грозитесь, калмык**и**?
Проезжайте дальше, — руки коротки!

Много о себе, калмык поганый, мнишь.
Думаешь, коль силой ты меня пленишь,
Не прискачет милый бек мой — Алпамыш?
Если же мои не сбудутся мечты,
По-мужски одевшись — в бой сама пойду!
Силу я в руке девической найду:
Будь вас сорок тысяч, будь вас тьма и тьма —
Всех, как одного, я перебью сама.
Истинно, как видно, ты сошел с ума!
Силою меня, проклятые, не взять!
Кто из вас дерзнет подобный вздор болтать,
Смерти калмыку тому не избежать.
Первым ты, глупец, лишишься головы!
Сделать я могу то самое, что вы.
Вот еще какие выискались львы!
Я — узбечка, имя Ай-Барчин ношу,—
Я вас на кусочки, подлых, искрошу.
Убирайся прочь, — добром тебя прошу!
Гордую узбечку силой взять не льстись.
Поскорей своей дорогой воротись, —
Девушкою быть убитым постыдись!
Предо мной, калмык, напрасно не вертись!..

Такого крепкого разговора батыр Кокаман ни от кого еще никогда не слыхал. Повернув коня, в путь он пустился и, обиды не стерпев, едет он — и от злобы, как медведь, ревет. К богатырям в дальние пещеры приехав, бросился он — со слезами на глазах — с коня наземь и, как ребенок, пред отцом заупрямившийся, громко плакать стал и дрыгать ногами.

Старший брат его — Кокальдаш спрашивает:

— От кого ты обиду потерпел, пока я жив-здоров еще?

— Страшен в гневе я, — ты это знаешь, брат:
Рубит пополам верблюда мой булат!
За тебя готов я отомстить стократ.
Ни с каким врагом не убоюсь я встреч,—

Шаху самому башку сверну я с плеч!
Если шах в твоей печали виноват,
Кровь его пролить я тоже буду рад.
Дочь его Тавка прекрасна, говорят,
Дочь его Тавку тебе отдам я, брат!
Если он такой насильник, Тайча-хан,
Черный напущу я на него туман.
Ты скажи мне правду, брат мой Кокаман!

Тогда Кокаман открыл свою тайну старшему брату — Кокальдашу, объяснил свое огорчение, такое слово сказав:

— Жалобу мою позволь тебе излить.
Если, за меня желая отомстить,
Хочешь вскачь коня горячего пустить,—
Шаха Тайча-хана не за что хулить!
Что несчастен я — в том не его вина.
Хоть умру, а шаха дочь мне не нужна!
Девушкой-узбечкой был я оскорблен,
Ею нож разлуки в сердце мне вонзен:
Кокаман, твой младший брат, в нее влюблен —
Собственною кровью захлебнулся он!
Девушка она, а как была дерзка,
Говорила как со мною свысока!
Потому меня так обожгла тоска,
Потому медведем я взревел, ака!

Услыхав эти слова, Кокальдаш-пахлаван сказал:

— А, чтоб тебе молодым околеть, не за что тебя жалеть! Если ты при жизни старшего брата к его невесте суешься, ездишь, куда не просят, то тебя поделом оскорбляют, как собаку поносят!

В это время Караджан приехал:

— Ты что, Кокаман, к девушке повадился, с которой я, как с невестой своей, развлекаюсь. Смотри — раскаешься!

Тогда Кошкулак-батыр закричал:

— Так вы, оказывается, оба ездите к девушке, которую я выбрал себе в жены, за которую уже приготовил калым! Как бы я головы не снес двум братьям своим!

Подошел батыр Кокашка и, Кокамана ударив, сказал:

— На этой девушке я обещал жениться, согласьем ее заручился. Если я первый с ней обручился, как смеете вы ездить к ней, к невесте моей?

Тут все батыры поднялись — и каждый свой кулак на Кокамане проверил, приговаривая:

— Так это ты, значит, красавицу-узбечку в жены себе присмотрел, чтоб ты погиб! — А Кокаман под ударами кулаков девяноста батыров, лежал, как упавшая вершина горы.

Погорячились батыры — и успокоились. Кокальдаш сказал:

— Нехорошо нам заниматься такими раздорами. Вставай, Кокаман, не реви медведем. Если всем нам нравится узбечка-красавица, все вместе мы к ней поедем. Пусть или кто-нибудь из нас один в жены ее возьмет — или сообща женимся на ней, пусть всем нам женою будет!..

Собрались все батыры, сели на коней — поехали. Прибыли все девяносто батыров на место — окружили юрту Байсары. Самый могучий из них — Кокальдаш-батыр позвал:

— Э, приезжий бай!

Сидел Байсары в юрте — сказал недовольно:

— Нет покоя ушам нашим! — Ляббай! — и неохотно вышел навстречу.

Самый могучий батыр Кокальдаш сказал:

— Дочь у тебя есть, приезжий бай. Одному из нас отдать ее предпочтешь или всем нам вместе? Нас не томи — решай, как лучше? Одному или всем? Всем или одному? Как решишь — так тому и быть!

Не зная, что ответить, растерялся Байсары, сразу хорошего расположения духа лишился, задумался — и сказал:

— Э, батыры! До завтрашнего полдника дайте мне срок. Поездите до завтра, позабавляйтесь, а мы подумаем.

Согласились батыры — назад поехали. По дороге подумали батыры:

— Если спать ляжем все в одном месте, — до рассвета будем спорить о невесте, болтать языками, пинать друг друга ногами. Один

скажет: «Я возьму!» — другой скажет: «Нет, я возьму!»

Предложил один из батыров: — Разъедемся по десятку — будет больше порядку! — Другой говорит! — Разъедемся по пятеркам! — Третий: — По-трое! — Четвертый: — По-двое!

А пятый батыр говорит: — Если между двумя начнется раздор, кто их мирить будет, раздор улаживать? Более сильный более слабого удушит. Потому — разъедемся лучше по одному!

Эти слова все одобрили.

Подъехали батыры к Хагатанским горам: девяносто пещер в тех горах было, — каждый батыр в отдельную пещеру въехал — и, от остальных обособленный, в пещере своей, как медведь, ревел до утра…

…Байсары между тем жирных баранов заре-зал, созвал всех важных людей десятитысяче-юртного конгратского племени, досыта их шурпой накормил, мясо выложил на большое деревянное блюдо и сказал:

— Прежняя наша жизнь лучше была, оказывается! С ужасным насильником дело иметь пришлось нам теперь, оказывается! Завтра батыры приедут, что мы им ответим?

К родичам обращаясь, стал снова Байсарыбий совета у них спрашивать, такое слово говоря:

— Там, где громкий вздох, там — ливень слез из глаз!
Дочь красавица на выданьи у нас,—
Родичи мои, совета жду от вас!
Съедутся батыры — с чем их встретить мне?
Срок до завтра дан, — что им ответить мне?
Я взываю к вам, ко всей моей родне,—
Трудно груз такой держать одной спине!
Как же калмык**а**м я дочь свою отдам?
За нее, бедняжку, будь я жертвой сам!
Если не отдам ее Хакиму я,—
Воскресенья мертвых неизбежен день, —
Схватит ведь меня за ворот дочь моя!..[12]
Калмык**и**-батыры грозны, словно львы,
Им противостать я не могу, увы!
Завтра к полднику им нужно дать ответ, —

Родичи мои, какой же ваш совет?
Был на родине я человек большой,—
Понял я теперь, что значит край чужой!
Беззащитным став, измучен я душой.
Что батырам завтра я скажу, ой-бой!..
Родина моя оставлена теперь;
Жизнь моя судьбой раздавлена теперь;
Что ни ем, ни пью — отравлено теперь;
Будет дочь моя ославлена теперь;
Кара небосвода явлена теперь!..
— С вами я в родстве и дружбе много лет,
Радость мы делили, как и тягость бед.
Родичи мои, подайте мне совет,
Калмык**а**м жестоким дать какой ответ?

Так сказал Байсары, но никто в ответ ни слова не произнес. Встал тогда Яртыбай-полубай и такое слово сказал:

— Ты моим словам внемли, Байсарыбай:
Сам ты нас привел в проклятый этот край,
Значит, за свою ошибку пострадай,—
Калмык**а**м покорно дочь свою отдай!
Ты мои слова за шутку не считай.
Если нам батырам этим удружить,
Если породниться с нами разрешить,
Станем мы у них вполне привольно жить.
Смеем ли себя спасения лишить?
Если породниться с ними поспешим,
То не только мы расправы избежим, —
Станешь человеком ты у них большим.
Разве мы твоей судьбой не дорожим?
Ты отдашь им дочь свою, Барчин-аим,
И своих детей мы с ними породним;
Будут ездить к нам, мы будем ездить к ним.
Э, Байсарыбай, поверь словам моим —
Мы тогда вполне привольно заживем!

Вот какой совет мы все тебе даем.
Чтобы горько нам не каяться потом,
Зятем ты возьми того батыра в дом.
Словом ты моим напрасно огорчен;
Мы у них в стране, — какой на них закон!
Видишь сам, что каждый их батыр — дракон.
Если тот батыр прискадет, раздражен,
Неужель тебе глаза не вырвет он?
Кто и чем тебе сумеет здесь помочь?
Калмык**у** отдай без размышленья дочь!..

Эти слова от Яртыбая услыхав, очень расстроился Байсары — и такое слово сказал:

— В жалком бренном теле как душа скорбит!
На чужбине я изведал гнет и стыд.
Дочери моей забуду ль скорбный вид?
Э, плохой совет мне, Яртыбай, даешь!
Дочь моя — тебе ль не младшая сестра?
Кости ты мои швырнул в огонь костра,
Злей, чем калмык**и**, ты в душу мне плюешь…
Я в Конграте был первейший меж старшин, —
Небосвод моих не пощадил седин —
На позор обрек он дочь мою, Барчин.
Сердце вниз упало на сорок аршин!
Слишком беспощаден ты, коварный рок!
Лучше в дни такие умереть не в срок!..
Так бы им сказать, но я не равен здесь,
Так бы поступить, но я бесправен здесь.
Помощи не вижу от своей родни.
Лучше бы не в срок я умер в эти дни!
Утром за ответом явятся они, —
Выбраться мне как из этой западни?
Дочь отдать нельзя, и отказать нельзя…
Не дают ответа родичи-друзья!

Желая узнать, какой совет дадут родичи ее отцу, Барчин подошла послушать. Услыхав, что Яртыбай сказал, видя, что и другие все, на сходе сидящие, согласны с ним, Ай-Барчин, отца своего пожалев, сказала такое слово:

— Голову терять не надо, бай-отец!
Ведь за всех ответил Яртыбай-мудрец!
Родичей своих узнал ты, наконец!
Ты их слов не слушай, даром слез не лей,
Ты себя, мой бедный дервиш, пожалей.
Сами пусть берут в зятья богатырей,
Собственных своих отдав им дочерей!
Горько так не плачь, отец любимый мой;
Знай, что я одна всех родичей храбрей!
Ты себе ступай, мой бай-отец, домой, —
Калмык**а**м ответить мне позволь самой,
За меня не бойся — я их не страшусь,
Слабой перед ними я не окажусь.
Праздничный наряд надену, причешусь…
Я поговорить с батырами гожусь!
Будет мой ответ на их слова толков.
Робким зайцем я не буду меж волков, —
Проучу, как надо, дерзких калмык**о**в!
Ты не огорчайся, бай-отец, будь тверд,—
Мной останешься доволен ты и горд…
От кого совета, бай-отец, ты ждешь?
Их ответ сердечный разве не хорош!
У таких вазиров, что ты почерпнешь?
Э, не плачь, отец, как бедный д**е**рвиш, ты, —
Знаю — за меня страданья терпишь ты!
Не горюй — ступай, мой бай-отец, домой,
Дома ты лицо свое от слез умой.
Дело разрешить мне предоставь самой!
Разве я отца родного не люблю?
Старости твоей, поверь, не оскорблю,—
Как мне жить прикажешь — так и поступлю
Хватит у меня и силы и ума,

Чтоб ответ батырам я дала сама!..

Услыхав эти слова от Барчин, десятитысячеюртный народ конгратский отстранился от нее: «Э, она, оказывается, тоже своевольна, чтоб ей молодой умереть! Слабый с сильным не связывается! Наговорит она батырам вздора всякого, из-за ее злосчастного нрава будет нам всем беда великая, — растопчут они нас! Если сама хочет им ответ давать, не боясь их гнева, пусть отъедет от нас, пусть говорит с ними в безлюдном месте!» — Так сказали конгратцы.

Сняв юрту Барчин со становища десятитысячеюртного народа конгратского, люди ее отнесли — и поставили на вершине уединенного холма.

На этом холме со своими девушками стала жить Барчин, в стороне от всего племени…

С восходом солнца поднялись девяносто батыров калмыцких, вышли из девяноста пещер Хагатанских гор — сели на коней и к полднику прибыли к юрте Байсары.

— Ну-ка, приезжий бай, как ты там решаешь? Одному из нас отдаешь дочь или всем сообща? Если одному отдать решил, то — кому?

Байсары говорит:

— Посовещались мы, подумали — года пересчитали. Вышел год нашей дочери годом мыши.[13] Ей четырнадцать лет. По нашему узбекскому закону так ведется: если достигла девушка четырнадцати лет, — зрелости своей рубежа, — сама она себе госпожой становится. Ее воля — в ее руке. Нашего совета не уважив, отделилась от нас наша дочь, юрту свою поставила на вершине того холма. Поезжайте к ней, пускай сама вам отвечает. Сама вам скажет — нам руки развяжет.

Во весь опор поскакали калмыки к тому холму.

На дыбы взвивая коней,
В путь они пускаются к ней.
Каждый мнит, что всех он сильней,
Всех красивее, всех стройней.
Каждого из прочих умней,

Что его, мол, дело — верней!
Пляшут кони, крупом вертя.
Скачут женихи-калмык**и**,
Скачут они, шутки шутя,
Ус калмыцкий лихо крутя.
«Спесь мы ей собьем!» — говоря,—
«Мы ее возьмем!» — говоря,
Сто без десяти калмык**о**в
Едут, об одном говоря:
«Раз она согласье дает,
Пусть уже сама изберет,
Кто из нас в мужья подойдет.
Если же не сможет решить,—
Будем сообща с нею жить!..»
Всем им дорога Ай-Барчин:
Зубы — жемчуга у Барчин,
Юная сайга Ай-Барчин,
Полумесяц — серьга у Барчин,—
Ликом полнолунья нежней,
Станом — кипариса стройней,
А глаза — газельи у ней!..
На холме веселье у ней:
С нею для забав и услуг
Сорок неразлучных подруг —
Дружен их девический круг,
Сладок их привольный досуг.
Розами цветут на холме,
Соловьями поют на холме
При своей Барчин-госпоже.
Рядом с Ай-Барчин Ай-Суксур…
Так они сидят-говорят,—
На дорогу падает взгляд,—
По дороге кони пылят.
Калмык**и** к нам едут, ой-бой!
Девушки растеряны все,
Ай-Барчин — нема и слепа.
Подъезжает батыров толпа,—

В девушке уверены все,
Свататься намерены все.
«Вот как смущена!» — говорят,—
«Значит, рада она!» — говорят,—
«Выбор остановит на ком?» —
Каждый от нее без ума,
Каждый из батыров тайком
Видит себя в счастьи таком.
Пусть она решает сама!
А Барчин, слепа и нема,
Перед юрт**о**ю сидя, молчит,
Словно их не видя, молчит…
Калмык**и** надеются: «Хоп!»
Скажет, разумеется, «хоп!»
Выберет кого-то из нас,—
Подождем — узнаем сейчас.
Щуря молодечески глаз,
Ст**а**тью богатырской хвалясь,
Сто без десяти калмык**о**в,
Сто без десяти женихов,
Ездят перед ней напоказ,
Ездя, скалят зубы они…
Чт**о** красавице их удальство,
Их насильственное сватовство,—
Все равно ей не любы они:
Неотесаны, грубы они!
Попусту шатаются тут,
От нее решения ждут —
Сердца Барчин-ай не поймут,
Бедного сердечка Барчин!
А она, тут сидя, молчит,
Словно их не видя — молчит,
Гордая узбечка Барчин…

До полудня горделиво в седлах покачиваясь, проезжали перед Барчин калмыцкие батыры — красовались перед нею, думая: «От нее

самой слово изойдет».

Много раз так проехавшись мимо нее, словно на смотру перед скачками, самый сильный из девяноста батыров — Кокальдаш-батыр сказал ей:

— Уж не думаешь ли ты в дураках нас оставить? Или так и будем тут разъезжать до вечерней зари? Отвечай: за одного из нас выйдешь или за всех?

Эти слова услыхав, сказала Барчин такое слово:

— Вот, что вам сказать хотят мои уста:
Силой взять меня — напрасная мечта.
Поскорей в свои вернулись бы места.
Силой взять меня осмельтесь, калмык**и**!
Ехали б своей дорогой, дураки!
Силой захотели взять Барчин-аим?
Мой совет — езжайте вы путем своим!
Не для вас расцвел такой, как я, тюльпан!
Я обручена — и мне другой желан:
Милый мой в стране Байсун-Конграт — султан,
Имя — Хакимбек, — он тоже пахлаван!
Силой взять меня, — э, руки коротки!
Ехали б своей дорогой, калмык**и**!
Вертитесь напрасно предо мною здесь.
Разве к Алпамышу не домчится весть?
Разве на коня он побоится сесть?
Хуже киямата будет его месть,—
Никому из вас голов тогда не снесть!
Незачем ко мне с бахвальством дерзким лезть!
Ехали б назад, покуда кони есть!
Коль хотите знать — я в силе вам равна.
Только никому из вас я не жена!
Кружитесь вы тут, как вороны, глупцы,—
Прочь на все четыре стороны, глупцы!..

Тогда Кокальдаш-батыр сказал: — Узбекская девушка очень горда! Э, Кокаман, сойди-ка со своего коня, притащи узбечку сюда! —

Кокаман с коня слез, привязал его к бельдову юрты, вошел в нее вслед за Барчин. Девушки ее — служанки, перепуганные, сбились все в переднем углу. Смущенная Барчин, тревогу скрывая, смотрела в сторону. Кокаман-батыр схватил ее за косы — и к порогу потащил. Барчин неожиданно повернулась лицом к насильнику — и вытянула обе руки: одной рукой за ворот схватила она Кокамана, другой — за кушак его уцепилась, — и во мгновение — огромного батыра на воздух подняла и навзничь на землю бросила, левым коленом своим сразу на грудь ему став. Лежит Кокаман, девичьим каленом к земле придавленный, а изо рта и из носа у него — прыск-прыск — кровь так и течет! А Кокальдаш тем временем к остальным батырам обращается:

— Что там с Кокаманом, посмотрите! Давно бы ему выйти пера!

Подъехал один из батыров, — с коня не слезая, в юрту заглянул, увидел, в каком положении Кокаман.

— Узбечка задавила Кокамана! — крикнул он в ужасе. Восемьдесят девять батыров сразу с коней пососкакивали. Барчин увидала, что они, рассвирепев, все к юрте бросились. Узнала она самого сильного из них — Кокальдаша: был под ним буланый иноходец, а на голове носил он золотую джигу — знак своего старшинства батырского.

Золотую джигу на нем увидав, узнав, что он самый могучий батыр калмыцкий, такое слово всем батырам сказала Барчин:

— Ярко-бирюзовый мой халат на мне!
Можно ль не болеть душой в чужой стране?
На коне буланом, с золотой джигой,
Скачет мой желанный, бек мой дорогой.
Месяцев на шесть прошу отсрочку дать!
Растерялась я, сгорая от стыда.
Привела меня к вам, калмыкам, беда!
Я здесь — чужестранка, вы здесь — господа, —
Месяцев на шесть прошу отсрочку дать:
Стану я с народом дело обсуждать,
На дорогу глядя, суженого ждать, —
Может быть, приедет милый Алпамыш.
Неприезд его смогу судьбой считать, —
Одному из вас женой смогу я стать.

Месяцев на шесть прошу отсрочку дать:
Яблочком сушеным стала с виду я, —
Слово говорю вам не в обиду я:
Сколько вас, батыров? Сто без десяти!
Я — в неволе здесь, вы у себя — в чести, —
В этом положеньи как себя вести?
Кто могуч, тот может слабого спасти.
Ведь не год прошу, а месяцев шести!
Каждому из вас я говорю: «Прости!»…
Думают батыры: «Хороши слова!»
Камень отвалили с их души слова.
Так их завлекла узбечка в свой силок —
Туго затянула хитрый узелок.
Говорят батыры: — Срок не так далек!..
Кто таким глазам противиться бы мог?!

Кокальдаш-батыр подумал:

«Из всех нас она, кажется, одного меня полюбила. Должно быть, сразу угадала мощь мою!»

— Даем шесть месяцев срока! — сказал он.

Не смея возражать, и остальные батыры тоже сказали:

— Шесть месяцев срока даем!

Только теперь Барчин отпустила Кокамана. Он тоже, с земли поднявшись, сказал: — Шесть месяцев срока! — сел на коня и со всеми батырами уехал…

На шесть месяцев пришлось батырам назад повернуть. Едут они — весело дорогой разговор ведут. Некоторые над Кокаманом подшучивают:

— Ну, что, Кокаман? Если мы тебе узбечку эту уступим по нашей воле, — возьмешь ее, что ли? Что ж, своим домом с нею заживешь. Боимся только, что не в свой срок ты умрешь, наслаждаясь ее любовью: случится как-нибудь, придавит она тебе левым коленом грудь, — изо рта да из носу кровь как хлынет, — изойдешь кровью, — смерть вторично тебя не минет!

А Кокаман в ответ:

— Вижу я, батыры-удальцы, — истинные вы глупцы! Кого же из вас я хуже? И я ношу панцырь в девяносто батманов, и я съедаю мяса девяносто жирных баранов, и я девяносто золотых туманов получаю от хана, и у меня сорок девушек в услуге, и я — один из девяноста в батырском полном круге… А у этой красавицы-узбечки — все одни и те же словечки: что ни слово, то про милого снова:

«Есть бесценный дар у меня —
Алпамыш, мой яр у меня,
Доблестный кайсар у меня.
В караване — нар у меня,
Даже и зимой возбужден,
Страстью круглый год опьянен,
Страшен всем соперникам он.
К милой чуть его повлекло, —
Головой разносит седло,—
Будет вам жестокая месть!
Там, на родине нар этот есть,
Алпамыш мой, кайсар этот есть!»

Однако то, что у нее на родине такой могучий нар есть — это правда. Если мы будем все так же к ней приставать, если не остынет нашей страсти пыл, — приедет этот ее конгратский нар, падет на наши головы его свирепая месть. Тогда за тысячу теньга мы купим мышиную норку, как говорит наша поговорка. По мне — пропади этот шестимесячный срок, — не пойдет нам впрок женитьба эта. Откажемся раз навсегда от этой спесивой узбечки, забудем даже ее узбекское имя! Так думаю я, — закончил Кокаман.

Посмеялись батыры, поехали дальше к жилищу своему в пещеры калмыцкие.

Песнь третья

Из десяти тысяч юрт своего племени выбрала Барчин десять джигитов-гонцов; из многочисленных коней, пасшихся на девяноста пастбищах, выбрала она десять коней, — снарядила их — и такое письмо написала Алпамышу:

«Барчин твоя, прибывшая в страну калмыцкую, которая находится на расстоянии шестимесячного пути от родного Конграта, очутилась в руках сильного врага. Девяносто батыров калмыцких замуж меня взять хотят, угрожают мне. Удалось мне отсрочку получить от них на шесть месяцев. Если имеет еще Алпамыш надежды на меня, пусть, не мешкая, приезжает за мной, а если нет — пусть развод пришлет, чтобы знала я, как судьбой своей распорядиться».

Вручила она послание свое десяти джигитам, счастливого пути пожелала им, такое слово сказав:

— Полная луна сиянье льет вокруг.
Лучник в бой берет свой самый лучший лук…
Чужедальний край — земля горчайших мук.
Выручить Барчин придет далекий друг…
Я желаю вам в пути не ведать бед,
Родине прошу мой передать привет,
Коккамышским водам, всем родным местам,
Нашему народу, что остался там,
И привет особый другу школьных лет!
Скажете: такой красавице, как я,
Никакого нет от калмык**о**в житья, —
Плачет и горюет Барчин-ай твоя!
Вас, мои гонцы, прошу я об одном:
День и ночь скача быть дальше с каждым днем.
Да хранят чильтаны вас в пути степном!

Провожая вас, я слезы ливнем лью,
На чужбине злой, в постылом мне краю,
Близких вспоминая, всю родню свою,
Что живет в краю Байсунском, как в раю.
Одиноко я меж недругов живу,
Друга нет, — кого на помощь призову?
Голову теряю, мучаюсь одна,
Тяжкий гнет калмыцкий я сносить должна, —
На полгода лишь отсрочка мне дана.
Участь Ай-Барчин поистине страшна!..
По пути к родной Байсунской стороне
День и ночь скакать вы обещайте мне.
Всем большим и малым, всей моей родне
Скажете, как тяжко на чужбине мне.
Дяде-бию эту сообщите весть:
Стать мне калмык**у** женой угроза есть, —
Не хочу в плену безвременно отцвесть!
Плачет мать моя — ей утешенья нет,
У отца в очах померк от горя свет,
Да простятся мне ошибки юных лет!..
Мчитесь же, мои послы, в родной Конграт,
Выручить меня народ мой будет рад, —
Там друзья мои, сестра моя и брат.
Поспешите же, гонцы, в Конграт родной,
Чтобы сбылось все, замышленное мной!..

От Барчин письмо захватив,
На коней горячих вскочив,
Густо пыль дороги всклубив,
Скакунов своих горяча,
Их сплеча камчами хлеща,
Гикая на них и крича,
Десятеро тех смельчаков
Едут из страны калмык**о**в.
Скачут их тулпары, фырча,
Радуя сердца седоков,
Держат путь джигиты в Конграт.

Рвением посольским горят,
Скачут дни и ночи подряд, —
Так между собой говорят:
«Надо, — говорят, — поспешить!
Головы хотя бы сложить,
Службу Ай-Барчин, сослужить!»
У кого за близких печаль,
Близкою становится даль…
В край Конгратский скачут послы, —
А пути в Конграт тяжелы:
Горные крутые узлы,
Тропки — еле-еле пройти,
Страшные ущелья в пути.
Сколько гор могучих прошли,
Через сколько круч перешли,
По пескам сыпучим прошли!
То *я* горах застигнет зима,
То в пустыне накроет тьма.
Сколько раз теряли тропу,
Сколько раз лишались ума!
Время стужи есть и жары,
И дурной и доброй поры,
Звезды путеводные есть,
В реках веселятся бобры,
Травы у подножья горы.
День и ночь все так же храбры,
Держат путь послы Ай-Барчин.
Кони под гонцами бодры:
Зноем обжигало в степях,
Мерзли, как шакалы, в степях, —
Нет степям длины-ширины,
Горные ущелья страшны.
Мчатся днем и ночью гонцы,
От дорожной пыли черны…

Девяносто высится гор, —
Перевалы — небу в упор.

Многие уже позади,
Много еще есть впереди.
Горы-великаны пройди,
Все пески-барханы пройди,
Край конгратского хана найди!
Стало не под силу коням.
Счет ночам потерян и дням,
Держат путь гонцы, говоря:
«Время ли для отдыха нам?
В срок нам не поспеть — говорят, —
Пропадет бедняжка Барчин!
За нее ль болеть? — говорят, —
Иль коней жалеть? — говорят, —
Будем же и впредь, — говорят, —
День и ночь лететь! — говорят, —
Родину и родичей нам
Надо посмотреть, — говорят, —
Бека не видавши лица,
Шаха не видавши, отца,
От Барчин не сдав письмеца,
Как мы ей в глаза поглядим?..
Слезы Барчин-гуль горячи, —
Если мы помочь ей хотим,
Значит, дни и ночи скачи,
Только помощь в срок получи!..»

Держат путь гонцы-байбачи,
Хлещут бедных к**о**ней камчи.
От страны калмыцкой в Конграт,
Путь полугодовой, говорят.
Где родной страны камыши?
Близко, далек**о** ли, — спеши!
Едут по безводной глуши,
А на всем пути — ни души…
«Только бы примет не забыть,
Только бы нам к месту прибыть, —
Сможем и коней подкрепить

И себе подарки добыть!»
Держат путь гонцы-храбрецы
И такой ведут разговор.
Видит неожиданно взор
Воды камышовых озер!
Дали тут коням отдохнуть,
Сами захотели вздремнуть.
Освежились дремой чуть-чуть, —
Надо им почистить коней,
На конях подпруги стянуть,
В седла сесть — и двинуться в путь!

Не щадя коней скаковых,
Снова хлещут плетками их,
Скачут дальше, мчатся, как вихрь,
Десять байбачей верховых.
Так они держали свой путь…
За Барчин душою скорбя,
Скачут — пыль клубами клубя, —
Надо доскакать как-нибудь!
В седлах им сидеть все трудней,
На исходе силы коней.
Где страна их цели — Конграт? —
Ничего не слышно о ней!
Путь гонцы держали к ней так.
Ехали горой Ала-Таг,
Глянули — под ними Конграт.
Вот она земля их отцов!
Радость обуяла гонцов:
В девяносто дней, посмотри,
Прибыли в страну Байбури!

За девяносто дней и ночей шестимесячный путь проскакав, отощали кони их — поджарыми стали, подобно лисицам степным.

Подъехали гонцы к дому Байбури, — с коней не слезая, «салам» сказали. Байбури подумал: «Кто такие невежи эти?»

Извлекли гонцы спрятанное послание Барчин, вручили его старому бию. Прочел Байбури письмо племянницы своей, приказал махрамам снять каждого гонца с коня, всякие почести оказать им, заботливо прислуживать им, богатое угощение подать. Послание же, гонцами привезенное, спрятал Байбури в ларец, слова никому о нем не сказав.

Пробыли гонцы в гостях у него целых двадцать дней, почет им все время оказывался, хорошо все время поили-кормили их, только со двора гостьевого никуда не выпускали их и к ним никого не допускали, кроме приставленных слуг.

Стали гонцы в обратный путь собираться, — одарил их Байбури золотом, доброго пути пожелал им — и такое слово сказал:

— Слушайте, гонцы, о чем я вопию:
Сына, что принес мне свет в юрту мою,
Посылать не стану ради Барчин-ай
В дальний тот, чужой, недружелюбный край,
Чтоб из-за Барчин во вражеском краю
Голову сложил в неравном он бою.
Верю вам, гонцы, калмыцкий гнет жесток.
Только сын мне дорог, нежный мой росток, —
Он, как вам известно, у меня один, —
Не пошлю я сына ради Ай-Барчин!..
На майдане скачет конь коню в обгон,
Обогнавший всех — попоной награжден.
Хватит Алпамышу и в Конграте жен!
Слушайте, гонцы, вам надо уезжать.
Хоть и не хочу вас этим обижать, —
Языки прошу на привязи держать,
Чтобы Алпамыш, храни аллах его,
Знать о вас не знал, не слышал ничего!
Ночью уезжайте с места моего
И никто чтоб вас не слышал, не видал,
Алпамышу бы о вас не наболтал,
Чтобы он в поход коня не оседлал, —
Враг не ликовал бы, друг бы не рыдал, —
Чтобы хан конгратский жертвою не стал!

О невесте спорной сын мой не мечтал.
Ну, гонцы, в дорогу! Я ответ вам дал!
Если же о вас дойдет до сына весть,
Я вас догоню и окажу вам честь:
У меня в Конграте виселицы есть!
Помните, гонцы, я вас предупреждал!

Услыхав эти слова, пообещали гонцы никому о цели приезда своего и словом не обмолвиться, так между собой порешив: «Как хочет, так пусть и поступает, — нам-то что за дело? Мы свою службу выполнили, — письмо доставили». С этим и уехали они обратно в страну калмык**о**в…

Был у Байбури табунщик-раб, Култай было имя ему. Была у него в табунах кобыла сивой масти, числилась она в доле наследства Алпамыша. Родила сивая кобыла чубарого жеребчика. Посмотрел на него Култай — решил: «Жеребчик этот тулпаром будет!» — и отвел его к Байбури. Простоял жеребчик несколько лет на откорме. К тому времени, когда гонцы Барчин обратно уехали, круп у коня округлился, грива через уши перекинулась, резвился чубарый конек, глаза в небо закатывая. Было это через несколько Дней после отъезда гонцов, — посмотрел Байбури на жеребчика — подумал: «Не нравится мне игра этого конька негодного, — недоброе предвещает она». Ударил старик чубарого палкой по крупу, вывел из стойла, привел к пастуху Култаю, приказал пустить его к прочим коням в табун — *и* вернулся к себе…

Сестра Алпамыша Калдырчаг-аим, зайдя однажды с подружками своими в юрту отца своего, ларец отцовский открыла, вещи разные перебирать в нем стала, — видит — письмо какое-то лежит. Взяла она это письмо, прочла, — письмом Барчин оказалось оно. Подумала она: «Видимо, письмо это гостившие у нас гонцы привезли, видимо, не хотел отец помочь бедняжке Ай-Барчин, потому и спрятал письмо в ларец». Сказала она девушкам своим: «Пойдемте-ка к брату-беку моему, отдадим ему письмо, испытаем его, каков он есть». — Отправились они к Алпамышу.

Исполнилось в ту пору Хакиму-Алпамышу четырнадцать лет, был он, как нар молодой, силой своей опьяненный. Прочел письмо Алпамыш, — сел — про себя думает:

«Если она на расстоянии шестимесячного пути находится в руках у сильных, врагов, стоит ли мне жизнью своей пожертвовать, ради того только, чтобы жену себе взять?»

Поняла Калдыргач думу его, — говорит ему такое слово:

— Вот мои подружки в радости, в нужде;
С ними неразлучна я всегда, везде.
Брат мой дорогой, мне стыдно за тебя:
Дяди-бия дочь кудрявая — в беде!
Лучник в бой берет свой самый лучший лук,
Человеку в горе — утешенье друг.
Темной ночью светел полнолунья круг.
Дальняя чужбина — край обид и мук, —
Наша Барчин-ай в беду попала вдруг!
Может ли джигит любимую забыть,
Калмык**а**м-врагам невесту уступить?
Может ли Барчин не удрученной быть?
Бедная моя сестра Барчин-аим!
Вся ее надежда на тебя, Хаким:
Думает: «Примчится тот, кто мной любим», —
Думает: «Отмстит насильникам моим!»
Сжалились, однако, подлые над ней —
Подождать полгода разрешили ей.
Написав письмо, нашла она друзей —
Десять молодых прислала байбачей, —
Пишет: ожидает помощи твоей,
Выручай, мол, если ты, любимый, жив.
Пишет, все письмо слезами омочив.
Прибыли гонцы, письмо отцу вручив,
Принял их отец, дарами наградив,
Но молчать велел им, петлей пригрозив.
А письмо Барчин в свой кованый ларец
Спрятал, нам ни слова не сказав, отец.
Дядиной вины он не простил, гордец!
Я письмо Барчин в ларце отца нашла,
Крик души бедняжки я в слезах прочла —
И тебе письмо сестрицы принесла.

Нет от калмык**о**в покоя Барчин-ай!
Слов моих в обиду, брат, не принимай,
Все, что должен знать об этом деле, — знай.
На запрет отца ссылаясь, не виляй,
Евнухом себя считать не заставляй:
Ехать иль не ехать — ты не размышляй, —
Собирайся в путь в калмыцкий дальний край, —
Суженой своей навек не потеряй!
Если не поедешь — на тебе вина:
Что она, бедняжка, сделает одна?
Стать у калмык**о**в наложницей должна!
Девяти десяткам общая жена!
Ведь не зря она прислала байбачей,
Не письмо писала — слез лила ручей.
Ты ее надежда, свет ее очей, —
Поезжай, да будет к счастью твой отъезд!
Посрамишь в бою калмыцких силачей.
Храбрые джигиты так берут невест!..

Услышав такое слово, обиделся Хакимбек за кличку «евнух» — и, к девушкам обращаясь, так говорит:

— Всех шипов страданий в сердце не сочтешь, Истерзал мне грудь разлуки острый нож.

Эту кличку «евнух» объяснить прошу.
Шахский сын, чалму из шелка я ношу!
Тайну сна ночного днем я разрешу.
Но огня тоски в душе не погашу, —
Эту кличку «евнух» объяснить прошу.
Девушки, с моей пришедшие сестрой,
Весело жужжа, как пчел весенний рой,
Вы меня задели кличкою такой.
Стыдной клички «евнух» тайну мне открой.
Милая моя сестрица Калдыргач!
Грудь мою обиды разрывает плач,
Стыд мой перед вами, девушки, горяч.

Очень я обижен, хоть и не пойму,
Евнухом я вами назван почему.

На эти слова Калдыргач-аим так брату своему ответила:

— Бека иль тюрю такого где найдешь?
То ль мужчина он, то ль баба, — не поймешь.
Евнух — это тот, кто на тебя похож!..
Схватки никогда с врагом не знавший — кто?
В табуне коня не отобравший — кто?
Сбрую скакуну не пригонявший — кто?
Скакуна в походы не седлавший — кто?
На кушак булат не нацеплявший — кто?
И чужой дороги не топтавший — кто?
И своей страны не повидавший — кто?
На одном всегда сидящий месте — кто?
Не скакавший в час беды к невесте — кто?
Равнодушный к жениховской чести — кто?
Это — евнух есть, и хуже есть ли кто?!.
Ты не обижайся, — я тебе сестра
И тебе желаю счастья и добра.
Срок уж на исходе, поспешить пора!
Не спася Барчин, как сможешь сам ты жить?
Дважды не умрешь, а Барчин-ай в беде, —
Руки на себя ведь может наложить!
Иль у кальмык**о**в наложницею стать?
Поезжай не медля, чтоб не опоздать,
Чтобы за насилье калмык**а**м воздать!..
Было тяжко мне письмо Барчин читать.
Может ли она беде противостать?
Пишет: каждый день повадясь гнать коней,
Из пещер своих поганых ездят к ней,
Волчьей жадной своры злей и голодней,
Сто без десяти влюбленных калмык**о**в,
Сто без десяти незваных женихов,
Силою грозя в пещеры увезти.

Бедненькая, просит выручить, спасти, —
Ведь она — одна, их — сто без десяти!
Станешь ли, боясь далекого пути,
Размышлять, мой брат, — итти иль не итти?
Горьких слов моих обидой не сочти,—
Родичей несчастных наших навести,
Выручи Барчин, а калмык**а**м отмсти.
Надо ехать, значит — собирайся в путь, —
Жалким евнухом, Хаким-ака, не будь!

Услышав эти слова, говорит Алпамыш сестре:

— Пешком, что ли, итти в эту страну?

Отвечает ему Калдыргач-аим:

— На девяноста пастбищах кони наши пасутся, — неужели же ни одного такого, чтоб оседлать можно было, не найдешь среди них? Если возьмешь седло и сбрую для коня и к Култаю в табуны отправишься, ты сможешь в путь поехать, оседлав любого понравившегося коня.

— Ну, хорошо! — сказал ей Алпамыш. Собрала Калдыргач-аим седло, сбрую, шлем, щит, оружие и прочие доспехи, связала все вместе, нагрузила на Хакима — послала его к Кул-таю. Встречает он по дороге отца, с охоты ехавшего. Посмотрел Байбури на сына с подозрением и говорит ему:

— Да не сякнет ключ твоих речей, сынок!
Порази всех вражьих силачей, сынок!
Добрый путь тебе, куда бы ты ни шел,
Радость сердца, свет моих очей, сынок!
Взяв припасы, взяв оружье, — без коня,
Сбруей да седлом себя обременя,
Ты куда идешь, скажи — утешь меня!
Иль узнал худое от кого-нибудь?
Или на охоту едешь ты, Хаким?
Иль, ягненок мой, собрался в дальний путь?
Ты куда идешь, скажи — утешь меня!
Стан твой кушаком украшен золотым.
Шалости прощают людям молодым,

Но убьешь меня отъездом ты своим, —
Да развеется отцовский страх, как дым!
Путь куда ты держишь? Успокой меня!
Э, сынок, не будь к словам отца глухим:
Ты себя поступком не губи таким, —
Одарю тебя конем я выездным!
Ты скажи, в какой собрался край, сынок?
Знаю, что вернешься, глаз моих зрачок,
Но боюсь, в дороге б ты не изнемог:
Тяжело в пустыне. Если путь далек,
Как ты в путь такой поедешь, одинок?
Ты куда идешь, очей моих зрачок?

Услыхав такие слова отца своего, говорит Хаким:

— Э, умереть бы вам раньше, чем налог с брата вашего требовать!.. — Так сказав, отправился он своим путем.

Посмотрел ему вслед Байбури, подумал: «Умереть бы ему в младенчестве, — кто-то уже сказал ему!»

Поспешил Байбури домой. Приехал — смотрит, — ларец отперт, — письма того нет в ларце.

Снова сел он на коня и, по низинам скрываясь, поехал к пастуху Култаю, — Алпамыша опередил. Догадался Байбури, что Алпамыш тоже сюда направляется, — кто-то, наверно, из той чужой страны прибывший, весть ему сообщил.

«Плохо дело, — подумал Байбури. — Правда, очень сильным стал Алпамыш, но как ни силен, грозного крика испугается, а крика не побоится — и палкой побить можно». Приказал Байбури Култаю:

— Если явится он к тебе, изругай его, коня ни за что не давай, избей его хорошо палкой и прогони.

Сказал Култай: — Если от тебя приказа не будет, неужели дам коня Алпамышу?

Предупредив Култая, уехал Байбури.

Ничего об это не ведая, приходит следом за отцом Алпамыш. Приблизился он к Култаю, а Култай, укрук взяв и замахнувшись на Алпамыша, всячески его ругая, так кричит:

— Ты какой прельстился страной,
Э, стервец-батыр озорной?
Дело ты имеешь со мной!
Для чего приплелся ты к нам?
Что шатаешься по табунам?
Что приглядываешься к коням?
Никакого коня я не дам!
Выдумал — в чужую страну!
Прочь! Не дам коня сосуну!
Прочь! Не лезь к моему табуну!
Говорю — убирайся! Ну!
Ты здесь не хозяин, стервец!
Байбури ведь жив, твой отец!
Я тебе скакуна отберу!
Уши стервецу отдеру!
В странствия пуститься решил?
Бог тебя рассудка лишил!
Палки ты моей не вкусил?
Молод еще, — дома сиди!
Прочь, стервец, меня не серди!
Я с тобой не шутки шучу,
Разуму тебя я учу.
Встретишься в пути силачу —
Кончит он тебя, байбачу!..

Алпамыш, слова Култая выслушав, так ему ответил:

— Тайну вам открою, дед Култай-ворчун:
Не для баловства явился я в табун:

Нужен неотложно мне один скакун!
Вы не беспокойтесь: я годами юн,
Но не страшен мне силач-батыр чужой, —
Наделен и сам я силою большой!
Есть в стране калмыцкой девушка одна, —
Очень калмык**а**ми там угнетена!
Преданный твой сын, мой добрый дед Култай,
Выехать собрался в тот калмыцкий край,
Привезти свою подругу Барчин-ай.
Окажи мне помощь — скакуна мне дай!
Я освобожу свою Барчин-аим,
Расспрошу родню, как там живется им, —
Может быть, вернуться думают к своим.
Помоги мне, дед, поехать в ту страну!
Калмык**а**м-врагам я головы сверну,
Дяди-бия дочь от них освобожу,
Всем откочевавшим помощь окажу,
И тогда вернусь к родному рубежу.
Вот зачем я здесь у табуна брожу,
У тебя, Култай, коня себе прошу…
Знаю, дед Култай, что любишь ты меня:
Не гони меня — и подбери коня.
Ждать ни одного теперь не смею дня.
Счастью моему не будь помехой, дед!
Буду я тебе всегда утехой, дед!
Не для озорства, не ради смеха, дед, —
Милую спасать мне надо ехать, дед!

Култай на это говорит ему такое слово:

— Что же ты, стервец, опять сюда пришел?
Или деда речь ты мирной шуткой счел?
Что ты здесь оставил, чтоб ты смерть нашел!
Иль шайтан тебя с пути прямого свел?
Иль совет в пути коварный получил?
Или палкой я тебя не доучил?.. —

Так на Алпамыша дед Култай орет,
В руки палку он тяжелую берет,
Замахнулся. — Ну, проваливай, урод! —
Алпамыш стоит, песку набравши в рот, —
Он оцепенел, а дед идет вперед,
Подошел — и палкой, не шутя, хватил,
Три-четыре раза палкой угостил.
Бека Алпамыша дед поколотил, —
Палкою батыра к жизни возвратил,
Бека не на шутку этим рассердил.
Алпамыш поклажу наземь положил,
Деда вновь к себе поближе подпустил,
За кушак его как следует схватил.
Дед Култай от страха всех лишился чувств,
В ребрах у Култая раздается хруст.
Осень подошла — цветник увядший пуст, —
И ворона сядет на розовый куст.
Палка совершила, видно, чудеса!
За кушак Култая Алпамыш взялся —
Поднял, раскачал — и бросил в небеса.
За его полетом Алпамыш следит.
Дед игральной бабкой с неба вниз летит,
И с небес батыру юному кричит:
— Э, сынок, смотри, как бы Култай, твой дед, —
Быть ему живым-здоровым до ста лет, —
На куски разбившись, не наделал бед:
Без меня коням твоим присмотра нет!
Сделать, что прикажешь, я даю обет.
Лучшего коня поймаю в табуне, —
Только б на куски не расшибиться мне!..—
С неба долетали вопли старика.
Вытянулась вверх батырская рука,
За кушак поймал Култая Алпамыш,
Подхватил — и наземь положил его,
Грудь ему коленом придавил слегка:

— Ну-ка, дедушка, поймайте-ка мне коня, — сказал Алпамыш.

— Погоди, сынок, поймаю, — отвечает Култай, — только не сейчас.

— Нет, сейчас же поймай!

— Как же я тебе коня поймаю, если встать не могу? — рассердился Култай. Отпустил его Алпамыш, — Култай крикнул: — Курхайт! — Тут лошади со всех девяноста пастбищ, все, сколько их было, побежали на его зов, собрались перед ним. Култай дал Хакимбеку укрук, — сказал: — Сам лови, какого хочешь.

Взял Хакимбек укрук, решил закинуть его на шею буланого коня или на гнедого коня с пегими ногами, или на крупного быстроного коня-шапака. Забросил он укрук, опустился укрук на шею одного чубарого коня с длинной, шелковистой гривой. Оказался конь не таким, о каком душа его мечтала, не пришелся он Алпамышу по вкусу, — отпустил он этого коня, думая про него: «Чересчур уж нежен конь этот, — невынослив окажется в походе».

Закинул он снова укрук — снова попался тот же конь, снова отпустил его Алпамыш, говоря:

— Э, навлечешь ты беду на меня, околеешь в походе, опорочишь меня, на несчастье мое попадаешься ты мне!

В третий раз закинул укрук Алпамыш, в третий раз поймал он все того же шелкогривого чубарого конька.

— Видно, это и есть судьба моя! — сказал Алпамыш. Подтянул он коня к себе, надел ему на шею свой кушак, подвел его к месту, где седло и упряжь лежали — и осматривать его стал, гадая, каким же окажется этот сужденный ему конь.

Подходит к нему в это время Калдыргач-аим со своими девушками, — посмотрела на брата, поняла сразу, что недоволен он конем своим, что опечален потому Алпамыш.

Взяла она из рук его поводья, погладила коня по крупу, осмотрелась по сторонам, — сказала:

— Не печалься, не думай, что это плохой конь. Человек, севший на этого коня, увидит многие страны, достигнет цели своей.

Подбодрила она этими словами брата, поздравила его, так говоря:

— Конь серо-чубар, — каков уж есть, — таков.

Но не сыщешь в мире лучших скакунков. Говорю тебе, — он счастье седоков:

На таком коне сразишь любых врагов.
В сбруе, под седлом нарядней аргамак.
Ты к луке подвесишь золотой садак, —
Ветром конь помчится в бой и на улак,
И к миндалеокой ты примчишься так.
Поздравляю, братец, — клад — не аргамак!
Скакуна такого будешь ты любить.
Только сядь, — он сам свою покажет прыть.
Он тебе врагов поможет перебить,
Вызволить Барчин — и с ней счастливым быть.
Будешь за коня судьбу благодарить.
Поздравляю, братец, — клад — не аргамак!
Ласковой рукой по лбу его погладь.
Собирайся в путь. Пора коня седлать!
Ты о Байчибаре худо не суди,
Выплесни сомнений горечь из груди,
Счет его достоинств конских — впереди.
По свету на нем сначала побродишь, —
Лучшего тулпара поищи — найди, —
Не найдешь — и сердца зря не береди!
Конь благословен, — с ним неудач не жди,
Службу он тебе сослужит, — погоди.
Только сам смотри — коня не повреди!
Все твои желанья выполнит он, брат!
Говорю тебе: не конь, а сущий, клад!
Истинный тулпар, он истинно крылат, —
Самой быстрой птице не лететь с ним в ряд.
Верь, никто конем подобным не богат.
По пескам пустынь, по кручам горных гряд
Может он скакать шесть месяцев подряд.
А что он чубар и неказист на взгляд,
В этом, ака-джан, твой конь не виноват!..
Ака-джан, послушай слово Калдыргач:
Крепкокостен конь, выносливи и горяч.
Конь иной красив, а слабосильней кляч,
Этот конь — тулпар, — из-за него не плачь.
Ты, мой ака-джан, недалеко глядишь,

Если Байчибара своего хулишь:
Этою лошадкой мир ты удивишь,
Славу всех батыров ты на нем затмишь.
Если с ним свою судьбу соединишь,
Первых силачей калмыцких посрамишь, —
Дяди-бия дочь от них освободишь.
Как ты недогадлив, брат мой Алпамыш!

Так говоря, Калдыргач между тем сама оседлала коня и брату его передала с такими словами:[14]

— Отбывшие в край далекий и чужой
Терпят униженья, терпят гнет большой.
Мужество проявит ныне брат мой бек,
О родне скорбя геройскою душой…
Бисмилла! — сказала Калдыргач, и вмиг
На коня она набросила терлик.
Был парчевым нежный, нижний тот потник.
— Бисмилла! — сказала брату Калдыргач. —
Смотрят смельчаки в трубу — и видят даль.
Выкует клинок для воина коваль.
Даль близка тому, кому любимых жаль.
Бисмилла, мой брат, будь славен и велик! —
Тут она коня чиргой покрыла вмиг,—
Золотом был заткан верхний тот потник.
На чиргу наложен был джахалдырык, —
Из телячьей кожи был джахалдырык.
— Бисмилла! — сказала брату Калдыргач…—
Грамотей читает «зер**у**-забар**у**»,
Тянется рука ученого к перу,
Плотника рука привычна к топору,
Бисмилла! — сказала брату Калдыргач.
На спину коню чубарому легло
С золотой лукой высокое седло.
— Вдаль, за Алатаг народ наш занесло.
Как им на чужбине жить ни тяжело,

Тайн не разгласили, калмыкам назло! —
Так сказав, спустила с двух сторон она
Золоточервонной ковки стремена…
— Кружатся извечно года времена,
Отойдет зима — три месяца весна.
Человека нет несносней болтуна, —
Речь, хоть неумна, зато всегда шумна.
Как батман, язык у болтуна тяжел…
— Бисмилла! — сказала брату Калдыргач.—
Мягкую подушку вынув из узла.
Бархатной она, зеленою была,
С красной бахромой подушка для седла.
— Похвала невежды — мудрому хула,
Но и мудрый славит храбрецов дела!.. —
И подпругу взяв, проворна и ловка,
Калдыргач стянула конские бока.
Шелк сученый сверху, съисподи — мягка, —
Именно такой подпруга та была.
Калдыргач сказала брату: — Бисмилла!
«Чу!» — произнесешь, подернешь удила, —
Взвившись в небеса, расправит конь крыла,
Быстролетных птиц обгонит в облаках!..—
Из цветных ремней с набором медных блях
Сбруей чагатайской обрядив коня,
— Бисмилла! — сказала брату Калдыргач,
Голову пред ним почтительно склоня.
На коня подхвостник Калдыргач кладет, —
Он из носорожьей кожи сделан был.
На коня нагрудник вешает она, —
Каждая из блях — за пиалу сойдет!
Долго ль ей взнуздать уздечкой скакуна?
Конь ее руками снаряжен сполна,
Калдыргач глядит, — сама удивлена,
Гладит Байчибара, нежности полна.
Удила грызет нетерпеливый конь,
Землю роет, пляшет, машет гривой конь, —
Он оседлан, взнуздан, снаряжен в поход.

Брату Калдыргач рубаху подает.
— Надевай, Хаким! — Хаким подумал: «Вот!
Девушки, однако, озорной народ!»
Он вздохнул, своей судьбою огорчась,
В шелковую ту рубаху облачась.
Боевой чапан надел Хаким тотчас,
Препоясался пунцовым кушаком,
Голову покрыл булатным шишаком…

Был у Алпамыша бронзовый лук весом в четырнадцать батманов, оставленный ему в наследство дедом его Алпинбием. Подумал Алпамыш: «А вдруг во вражьей стране состоится день состязания в стрельбе из лука, — не может человек знать, что в походе его ждет, — надо и лук этот захватить». Положил он лук на седло, Калдыргач помогла ему на коня сесть, все его снаряжение снова проверила, пожелала ему доброго пути и такое слово сказала:

— Ехать, ака-джан, ты можешь, в добрый час! Счастлив будь твой путь в чужие страны, брат! Да найдется друг, тобой избранный, брат!

Да сопутствуют тебе чильтаны, брат!
Возвратись скорей с удачей, бек-ака!
Надо мной чернеет туча горя, брат!
Я роняю слез горячий, частый град.
С Барчин-гуль своей вернись в родной Конграт,
Пир задав такой, чтоб весь народ был рад!
Пусть мои слова в твоей душе горят,
Единоутробный, дорогой мой брат!
Жив и невредим скорее приезжай,
Калмыкам коварных козней не прощай, —
Все свои дела успехом увенчай.
Любящую мать свою не огорчай.
Поезжай, свою невесту выручай.
А когда вернешься ты в родной наш край,
Родину тогда благоустрой, как рай…
Под тобой тулпар арабский твой горяч,
Он взовьется вихрем, если пустишь вскачь.

Поезжай, мой брат, — не ведай неудач,
За тебя молиться будет Калдыргач!

Хакимбек-Алпамыш, прощаясь с дедом Култаем и сестрой Калдыргач, говорит:

— В рану сердца насыпана соль.
Верблюжонком ревет моя боль.
Быть в разлуке с любимой легко ль?
Счастлив будь без меня, дед Култай!..
Ты, печаль моя, дымом истай,
Родина, цвети-процветай,
Мне благословение дай,
Счастлив будь без, меня, дед Култай!..
Ты, моя подруга-сестра,
Вместе ты со мной рождена,
Выкормила грудь нас одна,
С детства ты со мною дружна,
Ты моей надежды весна, —
Будь жива-здорова, сестра!
Чтоб нарциссоокой моей,
Чтобы розощекой моей,
Пленнице калмыцких степей,
Там не пожелтеть от скорбей,—
Еду я на выручку к ней.
Будь жива-здорова, сестра!..
По миру бы мне погулять,
Недругов карать-истреблять,
К дорогой сестре возвратясь,
Родиной бы мне управлять!
Будь жива-здорова, сестра!..
Подо мной скакун удалой.
С жизнью попрощаюсь былой,
Гору проскачу за горой,
Посмотрю страну за страной,
Добрый где народ, где дурной.

Будь жива-здорова, сестра!
Грозен победителя лик.
Трепещи, коварный калмык, —
Я врагов прощать не привык!
Славен возвращусь и велик.
Сотвори молитву, старик, —
Быть живыми-здоровыми вам!..

В последний раз напутствуя брата, такое слово сказала ему Калдыргач-аим:

— С трусом не водись, ему не доверяй;
Болтуна себе в друзья не выбирай,
В долгом размышленьи воли не теряй.
Будь счастливым, брат, живи — не умирай!
К небу за тебя мольбы я возношу,
По тебе тоскуя, глаз не осушу, —
К стону моему прислушаться прошу:
Поклянись мне, брат, и клятвы не нарушь, —
Мальчиком не будь, веди себя, как муж, —
Львиную природу в битве обнаружь.
Смерти все равно: кто шах, а кто — байгуш,
Но спешит она по следу робких душ…
И еще, мой брат, тебе скажу я так:
Как зеницу ока, скакуна храня,—
И во тьме ночной и среди бела дня —
Дальше от худых людей держи коня…
Третий мой совет послушай от меня:
На врага идя, как хочешь, свирепей,
Но коня, смотри, по голове не бей.
К сроку, бек-ака, в калмыцкий край поспей, —
Сладкий мед бесед с возлюбленной испей.
С головы твоей да не спадет джига,
Да сразишь в бою сильнейшего врага,
Пусть народ наш будет счастлив, бек-ака,
Пусть разлука наша будет недолга!..

Без тебя остаться страшно мне, мой брат.
Под тобой играет конь на всякий лад,
На боку твоем каленый твой булат, —
Поезжай, добудь нарциссоокий клад!
Брат мой, испытанье дух твой закалит,
Мир широкий — взор и разум просветлит.
Поезжай, да будет счастлив твой поход!
Там откочевавший ждет тебя народ;
Там Барчин-сестрица, задыхаясь, ждет,
День и ночь с дороги глаз не отведет, —
Долгожданный брат на помощь ли нейдет?
Дан ей срок в полгода, каждый день ей — год.
Не поспев, умножишь их страданий счет,
В срок придя, найдешь любовь там и почет.
Всех родных, узбекских ты сплотишь людей.
Что б ни злоумыслил недруг наш, злодей,
Если все узбеки будут сплочены,
Нам тогда и козни вражьи не страшны!..

Распростясь с сестрой и с дедом Култаем, Алпамыш отправляется в путь.

Шлем его булатный гудит;
Куполоподобный, гремит
Кожи носороговой щит;
Медный наконечник ножон
Звякает о стремя, звенит.
Вздрагивает конь и фырчит,
Лётом соколиным летит.
Вправо не глядит Алпамыш,
Влево Алпамыш не глядит.
Левая рука на луке,
Пику держит в правой руке,
Скачет Алпамыш прямиком,
Гневом и любовью влеком.
Пену отряхает Чибар,

Седока понимает Чибар.
Путь в тот край калмыцкий далек,
Ветер пылью степи облек,
Хакимбек отважен и строг, —
Горе — не поспеть ему в срок!
Понукая криком: «чув-ха!»
Хлещет он коня промеж ног, —
Ускоряет бег скакунок,
Сокращая дали дорог.
Встретится хребет — вперелет,
Встретится овраг, — вперепрыг,
Встретится арык — вперебег.
Держит путь свой так Хакимбек,
Думая: «В чужой стороне
Родичей бы место найти,
Нашу бы невесту найти!..»
Путь ночной опасен в горах, —
Есть провалы в горных тропах,
Есть на них навалы камней.
Месяц глянет — станет видней,
Канет в тучи — камня темней,
Но тулпар — тулпаров умней,
Но батыр — батыров сильней.
У него отвага в очах,
У него ружье на плечах!
Страхи от себя отстраня,
Ночь не отличая от дня,
День и ночь он гонит коня.
Скорбь свою сердечную прочь
Отогнать Хакиму невмочь:
Выручит ли дядину дочь?..
Ясные глаза исслезя,
Помощи у неба прося,
Скачет Хакимбек день и ночь,
Недругам далеким грозя.
Дня ему просрочить нельзя!
Конь его чубарый под ним,

Скачет по дорогам степным,
По тропинкам горным, крутым.
Жжет разлуки боль седока.
Где же та страна калмык**а**?
Конь его, вздувая бока,
Сокращая дали, бежит…
Сколько перевалено гор, —
Вновь степной раскинут простор!
Неоглядной ширью степной
Бьются думы жаркой волной,
На все стороны мечется взор, —
Нет пути конца до сих пор!
Разум тем, что видел, смущен.
Скачет Алпамыш, возбужден,
Сам с собой в пути говорит,
Словно, как в бреду, говорит:
— В ту страну приду, — говорит, —
Милую найду, — говорит, —
Я ль не отведу, — говорит, —
От нее беду? — говорит. —
Был бы только путь завершен, —
Я на ней женюсь, — говорит, —
С ней в Конграт вернусь! — говорит.
Доблесть я свою, — говорит, —
Докажу в бою, — говорит, —
Калмык**о**в побью, — говорит. —
И в родном краю, — говорит, —
Сам я буду шах! — говорит.
Вот, что он в мечтах говорит!..

Если битвы дни предстоят,
Отгулы в ущельях гремят.
Раны копьевые болят.
Скачет Хакимбек — и вдали,
Словно бы по краю земли,
Всадников он видит в пыли.
Солнце встало над головой.

Кто же тот народ верховой?
Он коня камчой обхлестал,
Он его, браня, понукал, —
Байчибар летел — не скакал, —
Ширь степную пересекал,
Конных тех людей настигал.
Так четыре ночи и дня,
Наземь не слезая с коня,
Скачет Алпамыш им вдогон.
Под конец четвертого дня, —
Видишь ты, какой удалец! —
Он людей настиг, наконец!

Всадники, которых Алпамыш догнал, оказались десятью гонцами Барчин. Сошли они с коней — поклонились Алпамышу, так сказав:

— Мы свой долг честно выполнили, — нас уважать следует.

Сказал им Алпамыш:

— Теперь можете не торопиться — поезжайте потихоньку, — я сам поспешу, — один поеду.

Остались гонцы позади. Алпамыш, далеко вперед уехав, подумал: «Надо где-нибудь ночлег найти». Смотрит он — свет в одном месте появился. Голову коня повернув, направился Алпамыш на огонек. Подъехал — видит перед собой кладбище, — старый мазар возвышался над ним. Подумал Хакимбек: «Слышал я, что путники запоздавшие в мазарах ночуют. Заночевать мне здесь в этом безлюдном месте, в мазаре этом пустынном или дальше ехать? Мертвецам до меня дела нет, они обо мне, о госте их, не позаботятся. Впрочем, попробую все-таки дать им знать о себе».

В этом положении находясь, Алпамыш такие слова стал говорить:

— Знай, что я глава Конграту моему,
С золотой джигой носил я там чалму.
Пастбища мои на берегах Аму.
Прихожусь я сыном шаху самому!
Ассалам алейкум, жители могил!
Места я прошу заночевать у вас.

Иль на скакуне усталом пота нет?
Иль в сердцах владык тоски-заботы нет?
Иль меня принять у вас охоты нет?
На одну лишь ночь приюта я прошу.
Изнемог мой верный, резвый мой тулпар…
Я в своем народе старший, хоть не стар.
У тебя ночлега я прошу, мазар!
Я издалека и вдаль спешу, поверь.
Изнурен дорогой, чуть дышу, поверь!
Э, народ могил, открой мазара дверь!
Или ты не видишь, на меня смотря,
Что в своем народе бек я и тюря?
От изнеможенья еле говоря,
Неужель просил бы я ночлега зря?
Милость окажи, святой мазар, впусти, —
На могиле ночь готов я провести.
Даже стало трудно мне слова плести.
А за беспокойство путника прости!
Ассалам-алейкум, жители могил!
Спрашивайте, — всё по совести скажу:
Из Конграта путь в калмыцкий край держу, —
За судьбу своей возлюбленной дрожу.
Я конгратский лев — и честью дорожу!
Недругам свой львиный гнев я покажу, —
Вражье сердце вырву — солью просолю!
Но у вас приюта я не нахожу.
Ассалам-алейкум, жители могил!
Вашего согласья очень долго жду.
Ночь в степи свежа, темнее, чем в аду.
На могильном камне ночь я проведу,
Неужель надгробный камень украду?
Только ночь одну позвольте переспать, —
Поутру в свой путь отправлюсь я опять.
Ассалам-алейкум, жители могил!..

От изнеможенья повод оброня,
Хакимбек едва не падает с коня.

В это время тень простерлась от огня, —
Думает Хаким: «Услышали меня!»
«Что за человек?» — подумал Хакимбек.
— Э, мазара житель, мой тебе поклон.
Нужен мне ночлег, — я очень утомлен.
Горем — я тебя не меньше угнетен.
Ты прости, что я ночной твой сон пресек, —
Ведь четырехдневный совершил пробег.
На одну лишь ночь мне предоставь ночлег
Хан своей страны, конгратец я, узбек.
Ты скажи мне — сам ты что за человек?
Если человек ты мирный, — ассалам!
Если враг — разрублен будешь пополам!
Друг ты или недруг — с первых слов пойму.
Приговор судьбы покорно я приму,
Но врагу любому голову сниму!..

Человек, вышедший из мазара, сказал:

— Найдется тут место для коня вашего, но вам самому места здесь нет.

Хакимбек отвечает ему:

— Такой ночлег, где коню нашему место есть, а нам самим нет, не подходит нам.

Хотел он уже отъехать, — вышел в это время другой человек, — сказал:

— Найдется место и для коня вашего и для вас.

Байчибара привязав, завел человек беседу с Хакимом, ухаживать за гостем — стал. Хаким, протрясшись без отдыха несколько дней на коне, за беседой этой вскоре уснул. Спит Алпамыш — Барчин свою во сне видит. Держит Барчин в руке чашу с вином, одна пить не желает — предлагает Алпамышу, говоря: — Берите, берите!

— Веселей, алияр, алияр![15]
Посмелей, алияр, алияр!
Ах, скорей, алияр, алияр!
Чашу я полным налила, —

Навесу она тяжела.
Ах, моя рука затекла!
Жду я, нетерпеньем горя.
Чаши от меня не беря,
На меня с укором смотря,
Что же медлит хан мой, тюря?
Веселей, алияр, алияр!..

Станом я гибка, как лоза,
Алая на мне кармаза,
У меня в серьгах — бирюза,
В сердце — жаркой страсти гроза.
Ваши так прекрасны глаза, —
Я от них ума лишена.
Выпить эту чашу вина
Долго ли просить я должна?
Мало ли я с вами нежна?
Девушек услав, я одна.
Посмелей, алияр, алияр!..

Бия дочь, Барчин-аимча, —
Дочь байсунского племени я,
Слава, гордость времени я,
Дяди-бия вашего дочь.
Коль держать мне чашу всю ночь,
Я ведь так могу изнемочь.
Поскорей, алияр, алияр!..

Налила полным я полно,
Чашу поднесла вам давно, —
Может расплескаться вино.
Выпить вы должны все равно!
Веселей, алияр, алияр!..

Далеко не стойте, Хаким!
Ближе быть приятней двоим.
Если оба верность храним,

Что же мы друг друга томим!
Бели так судила судьба,
Властвуйте, — я ваша раба!
Ах, скорей, алияр, алияр!..

Шаль моя — сквозная фанза.
Алый мой халат — кармаза,
Серьги у меня — бирюза!
Горя да минует гроза,
Да не навернется слеза
Хану моему на глаза, —
Да наступят радости дни!
Девушки ушли — мы одни.
Руку мне на грудь протяни, —
Будь смелей, алияр, алияр!..

За меня вдали огорчась,
С матерью, с отцом разлучась!
Из краев Конгратских примчась,
Ты меня нашел в добрый час, —
Милый мой батыр-пахлаван!
Что же ты столь робок сейчас?
Гнет калмыцкий долго терпя,
По тебе тоскуя, скорбя,
Преданностью сердце крепя,
Задыхаясь, ждала я тебя,
Пей скорей, алияр, алияр!..

Дни весны веселой пришли —
Розы в цветнике расцвели,
Песни соловьи завели.
Слову моему ты внемли,
Из Байсун-Конгратской земли
Прилетевший сокол, мой хан,
Мне судьбою суженный в дар:
Если я, твоя Барчин-джан,
Вся в цвету девических чар,

Чашу поднесла, — то пойми:
Долго так не мучь, не томи, —
Быть мы перестали детьми,
Детскую ты робость сломи, —
То, чего так жаждешь, возьми…
Встретились мы наедине,
Место безопасно вполне, —
Подойди поближе ко мне,
Руку протяни — обними…
Ах, скорей, алияр, алияр!..

Выслушав слова Ай-Барчин, так ответил ей Алпамыш:

— Если бы не верность твоя,
Из Конграта в эти края
Неужель помчался бы я?
Нет, клянусь, алияр, алияр!
Чаши, подносимой тобой,
Не коснусь, алияр, алияр!

Я из-за тебя захирел,
На огне разлуки сгорел,
Здесь я на тебя посмотрел, —
Будто бы впервые узрел,
Но не выпью вина твоего!..
Хоть и поднесла ты сама,
Хоть меня и сводит с ума
Глаз твоих волшебная тьма,—
Пить вино, что тобой налито,
Я боюсь, алияр, алияр!
Стана твоего ни за что
Не коснусь, алияр, алияр!..

В землю калмык**о**в я спешу,
Там свой львиный гнев угашу,
Всех своих врагов сокрушу,

Подвигами путь завершу, —
В том клянусь, алияр, алияр!

И когда, прославясь в бою,
Я врагов и друзей удивлю
И вернусь, алияр, алияр, —
Жажду я свою утолю,
Чашу сладкую выпью твою, —
Опьянюсь, алияр, алияр!..

А до той счастливой поры,
Я не стану, дочь Байсары,
Счастье, мне сужденное красть,
Тайно утолять свою страсть.
Ты меня, моя Барчин-ай,
Не склоняй к тому, не соблазняй, —
Я не соблазнюсь, алияр,
В том клянусь, алияр, алияр!..

Время к рассвету приблизилось, утро настало. Людей, которых Алпамыш вечером видел, не оказалось, — он один был. Во сне дочь дяди своего увидав, загорелся Алпамыш еще большим желанием к ней, так думая: «Девушка она, оказывается, очень хорошая — белая, румяная, вся — совершенство».

А в это же время Барчин, также счастливо улыбаясь, радостная, говорит прислужницам своим:

— Видела я во сне сына дяди моего, — сидели мы с ним вместе, много беседовали…

Алпамыш между тем снова в путь отправляется.

Выспавшись в мазаре святом
На могильном камне простом,
Вновь на Байчибаре своем
Едет он пустынным путем,
Возбужденный виденным сном,
Думает в пути об одном:

«Есть примета добрая в том:
В землю калмык**о**в мы придем,
Мы найдем возлюбленной дом,
Сокрушим врагов — и потом
Чашу наслажденья испьем.
Милую открыто возьмем, —
К нам ее в Конграт увезем!..»

Едет он, пустыню топча,
Едет по холмам байбача,
Едет, скакуна горяча, —
Едет и вздыхает, шепча:
— Будешь ты моей, аимча!.. —
Путь свой продолжает батыр,
К цели поспешает батыр.
«Где же эти степи, Чилбир?
Только бы доехать скорей
К стойбищу любимой моей!..»
На боку алмазный булат.
Устремил с пригорка он взгляд,
Соколинозоркий свой взгляд, —
Увидал — отары пылят,
Увидал он степь Чилбир-чоль!
Близко до Барчин, далеко ль?
Свет надежды ярче сверкнул.
Видит: пущен скот на отгул.
«Э, теперь уж близко!» — смекнул.
Он коня камчою хлестнул.

Радуясь, Хаким думает:
«Жив и невредим, — думает,—
Я доехал к ним, — думает, —
Вот она страна калмык**о**в!
Мы Барчин-аим, — думает,—
Счастьем усладим, — думает, —
Нашим всем родным, — думает, —
Волю возвратим, — думает. —

Калмык**а**м отмстим, — думает, —
Горе, горе им! — думает. —
Э, Барчин-аим, — думает, —
Будет, как хотим!» — думает.

В калмыцкую землю вступив, по Чилбир-чолю проезжая, видит Алпамыш девяносто отар черных баранов. Бараны эти были баранами дяди его Байсары. Пастухом этих девяноста отар был Кайкубат-каль — как тыква, плешивый. Кайкубата увидав, спрашивает у него Алпамыш, так говоря:

— Ассалам-салам-алейкум, э, чабан!
Замечаю, рваный носите чапан.
Замечаю — сыром обожрались вы,
Если так тучны, как матерой кабан.
Не прикочевал ли бай один сюда?
Пусть его мольбы достигнут райских врат!
Тысяч сорок стад имеет, — говорят. —
Сам он был тюрёй, страна его — Конграт.
Не прикочевал ли бай такой сюда?..
Кто скорбит, тот сыт своей мечтой всегда,
Той задаст богач, — обилен той всегда.
Бархатной гордился он юртой всегда,
Чангарак юрты был золотой всегда.
Не прикочевал ли бай такой сюда?..
Как шафран, от скорби пожелтел он весь.
На чалме джига у бая-хана есть.
Сколько на горах весной тюльпанов есть,
Столько у него овец-баранов есть.
Не прикочевал ли с дочерью сюда
Этот самый бай, прошу подать мне весть.
Человек такой везде в большой чести.
Золота умел он столько припасти,
Что и пятистам верблюдам не снести.
Есть у бая дочь, — я с нею обручен.
Спрашиваю вас, где пребывает он?..

Дальний путь пройдя, их разыскать спешу.
Шелковую тоже я чалму ношу.
Не его ли ты стада пасешь, чабан?
На мои вопросы дать ответ прошу.
Не зачахла ль роза до осенних дней?
К ней не прилетел чужой ли соловей?
Бог да внемлет мне по милости своей!
Умоляю вас, поведайте скорей,
Не прикочевал ли бай такой сюда?

Кайкубат, к Алпамышу обратившись, такие слова сказал ему в ответ:

— Слушай пастуха, — поговорить я рад:
Горе да несчастье мужество крепят, —
Тайные гонцы уехали в Конграт.
Уж не будет ли тот бай — Байсарыбай?..
Тысяч сорок счет его стадам всегда.
Он конгратец. Был тюрей он там всегда.
Ныне плачет он подобно нам всегда…
Уж не будет ли тот бай — Байсарыбай?
Скорбное лицо желтей шафрана — есть;
И приплод в загонах постоянно есть;
Дочь Барчин — цветок благоуханный есть…
Уж не будет ли тот бай — Байсарыбай?
Темноты ночной влюбленные все ждут;
Друг в слезах, — утешить все друзья придут.
Женихи Барчин друг с другом спор ведут, —
Я тебе скажу — их девяносто тут!
Вырвется ль бедняжка из калмыцких пут?..
И не будет ли тот бай — Байсарыбай?
Говорить о нем, — повсюду он в чести.
Золота умел он столько припасти,
Что и пятистам верблюдам не снести.
Если что сболтнул я лишнего, — прости:
Думаю, на светлый облик твой смотря,

Не узбекский ли, случайно, ты тюря,
Э, не будет ли тот бай — Байсарыбай?
Твой булат — алмазный, в золоте ножны,
Пред тобою в трепет впасть враги должны.
Бая Байсары, как видно, ищешь ты,—
Знай, что при его стадах мы чабаны.
Струны сазандар перстами теребит,
Грубый человек устами оскорбит.
От тебя, джигит, я не слыхал обид, —
Сразу я узнал: ты ищешь Байсары.
Вижу — всадник едет, и не наш на вид.
Вижу — едет он, — по сторонам глядит,
Соколом-шункаром он в седле сидит,
Истинным тулпаром конь его летит.
Сразу понял я: ты едешь к Байсары…
Этою дорогой нижней не езжай, —
Пешеходной тропкой ближней поезжай.
С прахом подорожным вражью кровь смешай,
А приедешь — радость и любовь вкушай.
Вижу — к Байсары спешишь недаром ты:
Вижу — привлечен его товаром ты.[16]
Прямо по тропинке поезжай вперед, —
К берегам Айна тропинка приведет.
Там и пребывает твой родной народ.
Байсары юрта издалека видна,
Среди тысяч юрт такая лишь одна:
Вся покрыта белым бархатом она.

Алпамыш сказал: — Поздно уже: гостю, не вовремя приехавшему, уважения нет. Сегодня уж переночую с вами, а завтра утром выеду.

Слова его услыхав, подумали чабаны: «Путник этот все время кружится тут, — может случиться, что он окажется нашим зятем Алпамышем, прибывшим из Конграта».

Старались чабаны угодить ему, — Байчибара под уздцы взяв, к кормушке привязав его, подстелив под гостя штаны и кебанаки,

усадили они Алпамыша, зарезали баранов — и стали угощать его, так говоря:

— Вы устали, зять наш, облокотитесь — ешьте. Поел Алпамыш, лег спать в загоне у пастухов, — коня хранить! Кайкубату поручил. На рассвете снова сон приснился ему, снова он видел во сне возлюбленную свою Ай-Барчин. А в это время и сама Барчин-ай в своей юрте бархатной спала — и тоже сон видела. И Караджан-батыр, вместе с девятьюдесятью другими батырами калмыцкими в пещере спал и тоже сон видел…

Проснулся утром Алпамыш, стал о своем сне размышлять — решил дальше ехать.

Проснулась в юрте своей Ай-Барчин и сон свой сорока девушкам рассказывает, так говоря:

— Осень подошла — садовый цвет увял.
Сон приснился мне, когда рассвет вставал.
Новорожденный со стороны Киблы
Месяц золотой, сияя, выплывал,
В спутницы четыре он звезды позвал.
Кто бы сна значенье мне растолковал?..
Как меня, бедняжку, растревожил он!
Вижу лик земли, как тучей, помрачен,
Вижу — налетает чудище-дракон;
А за ним еще, летят со всех сторон…
Не к беде, к добру мой растолкуйте сон!..
Каждая ресничка глаз моих — стрела,
Бровки — будто бы калямом навела.
Как я, бедная, напугана была!
Голову с подушки сразу подняла, —.
Вижу — сорок чудищ, — развернув крыла,
На себе несут огромного орла.
На меня орел могучий налетел,
Рядом сев, крылом мне голову задел…
Девушки, к добру мой растолкуйте сон!
Вижу я — драконы свой смыкают круг, —
Хвать меня за плечи, хвать — за кисти рук,
Рвут язык мой, сколько причиняя мук!

Тут еще огромный тигр явился вдруг.
Я бежать пустилась, — он за мною — прыг!
И мой тонкий стан обхватывает вмиг.
Ой, какой ужасный подняла я крик!
Девушки, к добру мой растолкуйте сон!..
Чангарак юрты моей продавлен был,
Бархат на юрте весь продырявлен был;
Я, хоть хорошо причесана была,
Увидала вдруг растрепанной себя,
Вся моя постель разбросана была…
Как подумаю, — какой ужасный сон!
Кто бы мне сказал, что означает он?
Не к беде, — к добру да будет разрешен!

Услыхав слова Барчин, девушка Суксур-ай так ее сон растолковала:

— Не напрасно ли огорчена ты сном?
Э, не радость ли твоя таится в нем?
Те драконы — кони; первый конь — Чибар,
Дяди твоего конгратского тулпар;
Тот орел на нем — твой Хакимбек-шункар!
Вот значенье сна, красавица моя!
Он приедет завтра в середине дня.
Не накормит ли зерном его коня,
Сватам отвечать не будет ли Барчин?
Ты во сне видала тигра, говоришь;
Он с тобою начал игры, говоришь.
Если ты бежать пустилась от него,
Должен ли стоять на месте Алпамыш?
Стан твой будет завтра обнимать твой друг!..
Если был в юрте раздавлен верхний круг,
Если ни один не уцелел в нем дук, —
Тоже, джан-Барчин, напрасен твой испуг:
Счету дуков равен счет твоих врагов,[17] —
Значит, гибель ждет батыров-калмык**о**в.

Распустились кудри, — смысл тому таков:
Будет пролита и кровь твоих врагов.
Завтра жди приезда своего тюри!
Не горюй напрасно, веселей смотри, —
Бога ты за этот сон благодари.
А Суксур твою за толкованье сна
Щедрым суюнчи на счастье одари!..
Ей Барчин дает в награду золотой, —
Обернулся счастьем сон, а не бедой:
Завтра он приедет, витязь молодой!
Девушки резвятся вкруг Барчин-аим, —
Если радость ей, то, значит, радость им.
Хоть еще не прибыл Алпамыш-Хаким,
Веселы они как будто вместе с ним.
Все они его высматривать идут,
На дорогу вышли — смотрят, — гостя ждут…

Выехав из пастушьего загона, увидел Алпамыш необыкновенно высокий крутой холм, находившийся во владениях хана Тайчи. Холму этому именование было Мурад-Тюбе. Не каждый, чело-век способен был тропу через Мурад-Тюбе протоптать.

Решил Алпамыш испытать счастье свое такой приметой: «Направлю-ка я коня своего на этот холм. Если он, высоты не испугавшись, поднимется на вершину, значит, тотчас по приезде на место получу я возлюбленную свою. Если же конь мой испугается крутизны холма и заупрямится, значит — не судьба мне получить свою Барчин. Зачем же мне тогда напрасно ехать к ней — в дураках оставаться?»

Направил он коня прямо на холм, — поскакал Байчибар вверх, ни на миг не задумавшись, — топот копыт его заглушил бы топот сорока тысяч коней. Алпамыш так обрадовался, словно бы он уже получил свою возлюбленную. На вершину холма поднявшись, посмотрел он — увидел вдали становище десятитысячеюртного народа конгратского. Коня своего на подножный корм пустив, лег Алпамыш наземь, локтями упершись, лицом — к дому Байсары…

А калмык Караджан, сон недавно видевший, проснулся в час утреннего намаза — и тотчас же стал произносить святую калиму. Девяносто без одного батыров калмыцких, услыхав, что Караджан мусульманскую молитву читает, в ужас пришли — и говорят:

— Э, нож этот кухонный, этот красный перец — Караджан с ума, как видно, сошел! Оставим его, поедем-ка на озеро.

Выехали они на охоту. А Караджан с тринадцатью своими дружинниками тоже на охоту направился в степь. Едет он прямо по направлению к Алпамышу. Чубарый конь Алпамыша, кормившийся на Мурад-Тюбе, посмотрел — увидел: четырнадцать смутных теней приближаются со стороны калмыцкой страны. Как только увидал их Байчибар — трава, которую жевал он, поперек горла стала у него. Вот что в голове его промелькнуло в это мгновение:

«Если приближающиеся кони тулпарами окажутся, а седоки — окажутся врагами, и если Алпамыш, вскочив на меня, скрыться от них захочет, а они нагонят нас — ведь это может кончиться смертью единственного сына несчастного старика Байбури!»

Чубарый конь еще пристальнее стал всматриваться в приближающихся — и увидел, что все четырнадцать едут вразвалку, — копыта коней их в земле увязают. Это увидав, стал Байчибар траву с хрустом уминать, про себя думая: «Если так — значит, погнавшись за ними, я догоню их; значит — спасусь от них, если убегать придется; значит — спасу человека, на мне сидящего, если только сама смерть за горло его не схватит!..»

А Караджан с махрамами своими приблизился уже к самому подножью Мурад-Тюбе. Смотрит он, видит — на вершине холма кто-то облокотившись лежит, как Юсуф — красивый,[18] как Рустам — могучий, а около него конь чубарый похаживает, сухой вершинной травой питается. Подумал Караджан: «Человек этот не из наших краев: если бы у нас такие джигиты были, было бы у нас тогда всем царствам царство. Да и не встречался он мне никогда раньше. Не тот ли это самый достойный джигит Алпамыш, из Конграта едущий, которого мне во сне показали его родственники и предки-покровители и с которым они сдружили меня во сне?..»

Подумав это, обращается Караджан к Алпамышу с таким словом:

— Под тобой на сто ладов играет конь.
Грозно величав, ты для врагов — огонь.
Добрый путь! Куда ты едешь, байбача?
Птицей, прилетевшей из далеких стран,
Конь твой запыхался, грозный пахлаван!
Гнев твой леденит, как северный буран.
Сам орлом могучим прилетел сюда
Из какого ты орлиного гнезда?
Путь, батыр, откуда держишь и куда?
Видно, ты тоской-печалью обуян.
Думаю — в хурджуне у тебя коран.
Ты откуда сам, красавец-пахлаван?
Любит смелый кобчик сесть на косогор.
Ростом ты — Рустам, и если вступишь в спор,
Силачам любым ты дашь в бою отпор.
Шаху пред тобой быть пешим — не позор.
Путь куда, скажи, ты держишь, бекбача?
Ясной красотой подобен ты луне,
Две твоих брови — два лука на войне.
Соколиная твоя видна мне стать.
То, что ты богат и знатен, видно мне
По тому, как важно едешь на коне.
Из каких ты мест, красавец-байбача?
Из какого ты алмаза сотворен?
Неужели был ты женщиной рожден?
Ныне ты в гнездо какое устремлен?
Если ты рожден был от людей земных,
То желаний нет несбыточных для них.
За какую святость ты им богом дан?
Ястребинопалый, из каких ты стран?
Храбреца такого вижу в первый раз.
Ты скажи мне, где родился, где возрос?
Сам же я — калмык, мне имя — Караджан.
Вижу, как чиста печаль твоя-тоска,
Цель твоя-мечта, я вижу, высока.
Ты скажи, куда ты едешь, бекбача?

Алпамыш, обратясь к Караджану, так ему ответил:

— Знай, я был главой народу своему,
Золотой джигой я украшал чалму.
Летом скот водил на берегах Аму.
Знай: тюря Конграта говорит с тобой!
С коккамышских вод я как-то упустил
Утицу одну — и крепко загрустил.
Сокол я, что ищет утицу свою… [19]
Изумрудами оправлен мой кушак,
Кованый булат — могучий мой кулак,
Пестунец Конграта, я батыр-смельчак.
Те, к кому стремят меня мои крыла,—
Знай, что их коням нет счета и числа.
Знай: на Алатаге некогда была
Скакунами их покрыта вся яйла.
Та юрта, что сорок тысяч стад пасла,
Самой неимущей в их краю слыла.
С теми же стадами вдаль давно ушла
Та верблюдица, что страсть мою зажгла.
Нар-самец, ищу верблюдицу свою…
Я, по ней скорбя, тоскою захлебнусь.
Полугодовым путем за ней стремлюсь.
Раньше, чем весна пришла, уже ярюсь,
О луку седла я головою бьюсь.
Разъярен желаньем, грозно я реву,
Пыткой страсти сердце на куски я рву…
Осень наступила — сад веселый пуст, —
Сядет и ворона на р**о**зовый куст!
Смерть придет, — игру затеет с кошкой мышь,
Но костей мышиных скоро слышен хруст.
Хоть змея лукава, хоть она скользка, —
И змею ужалит смертная тоска.
Если где-нибудь я встречу калмык**а** —
Камушком его швырну за облака.
Грозным лихом буду я для калмык**о**в!
Э, калмык злосчастный, слушай, что скажу:

Знай, что я нещадно всех вас накажу, —
Никогда страшней вам не было угроз!..
Что ты привязался, как дорожный пес?
Задаешь мне десять раз один вопрос:
Как зовется край, где я родился, рос?
С родиной моей чего пристал ко мне?
Впрочем, и назвать ее не жалко мне.
Знай: страна Конграт есть родина моя!
При рожденьи назван был Хакимом я,
Прозвище дано мне позже — Алпамыш.
Имя ты свое назвал мне: Караджан.
Что же ты еще стоишь, как истукан?

Тяжело принял Караджан слова Алпамыша: «Жестоко, мол, я накажу всех вас, бедствием, мол, стану я для калмык*о*в!» Врезались слова эти в Караджана и, решив испытать прибывшего, так он сказал:

— Утица, тобой упущенная, есть:
На Ай-Коле ей пришлось, бедняжке, сесть —
Девяносто коршунов над ней кружат,
День и ночь ее, бедняжку, сторожат.
Зря сюда спешил ты, сокол, прилететь:
Коршунов таких как можешь одолеть?
Бестолку спешил, — придется пожалеть.
В коршуньих когтях не сладко умереть!
Положения ты не разведал здесь,
Вздорную завел со мной беседу здесь, —
Гибель ждет тебя, а не победа здесь!..
По верблюдице твоя тоска-печаль,—
Есть верблюдица — твоя ли, не твоя ль? —
Полуторатысячную надевает шаль,
Стойбище ее найдешь в степи Чилбир.
Если знаю что, — поведать мне не жаль.
Видел я: жива верблюдица твоя,
Только знай, — мечта не сбудется твоя:
Ровно без десятка сто богатырей

Угрожают здесь верблюдице твоей.
Слух по всей степи уже пошел о ней.
Очень ты, узбек, удачлив, погляжу!
Тех богатырей увидев пред собой,
Должен будешь ты вступить в неравный бой:
Над тобою верх из них возьмет любой.
Силачей таких сразишь ли похвальбой?
Правду говорю, с тобою говоря:
Страстью по своей верблюдице горя,
Даром ты приехал, — изведешься зря!

Услыхав эти слова от Караджана, очень опечалился Алпамыш, про себя подумав: «Он перевалил через девяносто гор, сталкивался с батырами калмыцкими, со многими несчастьями, наверно, встречался калмык этот. Правильно говорит он мне: чем ехать туда, себя на позор обрекая, не лучше ли мне будет сразу повернуть отсюда, обратно коня направить?»

Заметив, что Алпамыш так близко к сердцу слово его принимает, Караджан, прикинувшись незнающим его, сказал: — Я тебя за другого принял.

— Род конгратский высокий твой,
Облик ангела, пыл боевой,
Конь, что сыт сухою травой…
За другого я принял тебя…
По верблюдице страстный вой,
Твой на все ответ некривой,
Взгляд Рустама твой огневой…
За другого я принял тебя…
Жар и сладость речи живой,
Плечи, как утес кремневой,
С гордою большой головой…
За другого я принял тебя…
Гневный окрик твой громовой
Вздохов, стонов шум грозовой,
Смелостью — орел степовой…

За другого я принял тебя…
Грудь и твой хребет становой,
Смех, что бьет струей ключевой,
Лукобровье, взор заревой…
За другого я принял тебя!..

Алпамыш, слова Караджана услыхав, спрашивает, за кого же он принял его:

— Род конгратский назвал я свой.
Ликом — ангел, дух боевой,
Конь мой сыт сухою травой…
За кого меня принял, калмык,
За кого меня принял, дурак?
По верблюдице страстный вой,
Мой на все ответ некривой,
Взгляд Рустама мой огневой…
За кого меня принял, калмык?
Жар и сладость речи живой,
Плечи, как утес кремневой,
С крепкою большой головой…
За кого меня принял, дурак?
Гневный окрик мой громовой,
Вздохов, стонов шум грозовой,
Смел я, как орел степовой…
За кого меня принял, калмык?
Грудь моя, хребет становой,
Смех, что бьет струей ключевой,
Брови — росчерк пера круговой…
За кого меня принял, дурак?
За кого, окаянный калмык?

Снова и снова слово «дурак», да еще под конец «окаянный» — очень обозлили Караджана, — к силе сила прибавилась. Вспыхнул он

гневом, задымился весь, волоски на теле его дыбом стали, — так напряглись, что сквозь кольчугу пробились.

Сдержал себя, однако, Караджан и, к Алпамышу обратившись, так сказал:

— Род конгратский узнал я твой,
Облик ангела, дух боевой.
Конь, что сыт сухою травой,
Байчибара напомнил мне…
О верблюдице горький вой,
Твой на все ответ некривой,
Взгляд Рустама твой огневой —
Алпамыша напомнили мне…
Жар и сладость речи живой,
Плечи, как утес кремневой,
С гордою большой головой —
Байсары напомнили мне…
Грудь твоя, хребет становой,
Гневный окрик твой громовой,
Каждый стон и вздох вихревой,
Каждый шаг и помысел твой —
Кунтугмуша напомнили мне…[20]
Свет улыбки твоей заревой,
Смех, что бьет струей ключевой,
Брови — росчерк пера круговой —
Калдыргач напомнили мне!

Эти слова услыхав, Алпамыш воскликнул:

— Ты, калмык! Видал ты меня раньше когда-нибудь, или собеседником моим бывал, или овец наших пас, или жил, как сирота, в доме нашем? Ну, дядю моего Байсары ты в своей стране видел, меня ты здесь узнал, отца моего, возможно; ты где-нибудь в степи-пустыне встречал. На, если ты в доме нашем не живал, как ты можешь знать мою мать и сестру мою?

Сказал Караджан:

— Тебя самого я раньше никогда не видал, собеседником твоим не бывал. Я — один из девяноста богатырей калмыцких, что твоей невесты домогаются. Но увидал я во сне родню твою — и стал другом твоим. Вот почему я знаю и тебя, и всю твою семью.

— Ну, — говорит ему Алпамыш, — раз ты моим другом стал, значит — близким человеком мне стал, — поднимись-ка на вершину холмам давай — поздороваемся.

Ответил ему Караджан: — Такого совершенства не достиг я, чтобы на вершину этого холма подняться, как ты. Лучше ты спустись ко мне — внизу поздороваемся.

Ведя за собой коня на поводу, спустился Алпамыш с того крутого холма.

Приказал Караджан слугам-дружкам своим:

— Поздоровайтесь с другом моим Алпамышем.

А дружки — народ нежный, застенчивый, — кончиком руки здороваются.

— Ну, как здравствуете? — спросил их Алпамыш, — и так каждому руку сжал, что пальцы у них один к одному прилипли, скрючились — покалечились. После этого Караджан объятия свои раскрыл, Алпамыш объятия свои раскрыл, — оба любовно поздоровались друг с другом.

— Ну, как поживаешь-здравствуешь, друг мой? — спросил Алпамыш, да так стиснул в объятиях Караджана, что семь ребер сломал ему, и тот наземь плашмя упал.

— Что с тобой, друг мой? — спрашивает Алпамыш.

Караджан, вида не показывая, отвечает ему:

— В детстве я падучей болезнью страдал, — сейчас она, видимо, снова схватила меня.

Говорит ему Алпамыш:

— Если болезнь твоя известна тебе, — лечить ее надо.

А Караджан ему:

— Ты правду скажи мне: это ты здороваешься так или дерешься?

— Что ты мне худого сделал, чтобы я дрался с тобой? Это я здороваюсь так, — говорит Алпамыш.

— Ну, — отвечает Караджан, — если ты так здороваешься, то как же ты дерешься?!. — И такое слово при этом говорит он Алпамышу:

— Ты рукопожатьем руки слугам смял,
Дружеским объятьем ребра мне сломал,—
Преклоняюсь я пред силою твоей!
Из страны Конграт тебе подобный бек
Всех батыров здешних превратит в калек.
Только обреченный богом человек
Встретиться с тобой отважится, узбек!
Равных нет тебе и не было вовек!..
Скачет под тобой твой резвый аргамак,
На луке седла — твой золотой садак.
Если Байчибар поскачет порезвей,
То с миндалеокой Барчин-яр своей
Встретишься ты вскоре, — счастлив будешь с ней.
Только к ней прибыв, добыть ее сумей…
Если к нам в страну такой приехал лев,
Многотрудный дальний путь преодолев,
То врагов своих, кто б ни были они,
Уничтожит он, на них обрушив гнев.
Он дела большие совершит в бою,
Отвоюет он любимую свою.
Не случайно носишь имя ты — Хаким.
Ни один герой с тобою несравним,
Как дракон могучий, ты необорим.
Друг, ты благороден по речам твоим:
Если не растоптан будет твой цветок,
Чересчур не будь с калмыками жесток.
Барчин-гуль тебе достанется в свой срок.
Эта встреча мне, как знак судьбы, дана.
Чистая твоя душа до дна видна.
Не хочу иметь на совести пятна:
Знай, меж девяноста тех богатырей
Не последним был и я в стране своей.
Но на свете нет людей тебя сильней, —
Преклоняюсь я пред силою твоей!

Караджан, став другом Алпамыша, ведет его как почетного гостя в свой шатер.

Держит меч высоко храбрый человек.
Как друзья — конь о конь едут с беком бек, —
Скор, как легкий ветер, их тулпаров бег.
Едет Хакимбек — и на лук**е** седла
Лук везет, — в четырнадцать батманов лук!
Караджан с ним рядом, как первейший друг.
Скачут перед ними двадцать конных слуг.
Слух об Алпамыше забежал вперед,
Встречные калмыки разевают рот:
Гостя Караджан к себе в шатер ведет!
Что за исполин и кто его народ?..
Едет, как шункар могучий, бек Хаким,
Горд тулпар арабский седоком таким.
Соколом Хаким глядит по сторонам,
В царство калмык**о**в он въехал, как Рустам.
Путь их по лесистым пролегал местам.
Другу Караджан услуживает сам!
Встречные не верят собственным глазам…
Руку, наконец, Караджанбек простер,—
Видит Алпамыш перед собой шатер.
Гостем стал узбек у калмык**а** в дому.

Вышли из шатра сорок прислужниц Караджана, — приказал он им помочь Алпамышу с коня слезть. Подбежали служанки, хотели гостя с коня снять, — решил пошалить Алпамыш: всей своей тяжестью навалился он на девушек, — у пятнадцати из них ноги подломились.

Сидит Алпамыш в гостях у Караджана, а мать Караджана, Сурхаиль-ведьма, сыну своему такое слово говорит:

— Как ты, Караджан мой, опрометчив был!
Очень глупо ты, сынок мой, поступил.
Силача узбека где ты подцепил?

В дружбу со своим врагом зачем вступил?
Чем же он, узбек, твой разум усыпил?
Лучше бы дорогу к дому ты забыл!
Э, Караджанбек, сыночек, ты сглупил!
Как же ты приводишь людоеда в дом?
Будешь, Караджан мой, каяться потом.
Как такое дело делать непутем?
Сам ты пропадешь, и все мы пропадем!
Мягкосерд и полон бредней ты, глупец!
Меж глупцов теперь последний ты глупец!
Сердце от узбека ты подальше спрячь,
В проявленьи дружбы с ним не будь горяч.
Думаешь — с добром пришел такой силач?
Гость такой, скажи, к чему тебе, сынок?
Стать своим рабом заставит он тебя!
Гневом распалясь, раздавит он тебя!
Сурхаиль тебе родная мать, — не враг,
Даром говорить она не стала б так,
Э, Караджанбек, ты все-таки дурак!..

Услыхав слова матери своей, Караджан так ей ответил:

— Этой дружбе, мать, до смерти верен я,
Чести долг нарушить не намерен я.
Нравом, как лоза-трава, стал смирен я.
Гостя в дом привел я, дорогая мать,—
Гостя ты должна, как сына, принимать.
Мне твои слова в обиду могут стать.
В друге дружбы жар не буду охлаждать,—
Я ему, как брату, должен угождать.
Любишь ты пустою речью досаждать.
Здесь он будет жить и здесь коня держать.
Сокол прилетел к нам из конгратских мест, —
Как же не устрою для него насест?
Не шуми, — себя пред гостем не срами,

Хорошо прими его и накорми!..

Остался Алпамыш гостем у Караджана, хорошо угощал его Караджан, много почестей оказывал ему. День к полдню уж приближался, — Алпамыш сказал:

— Как же узнает о нас Байсары, раз мы здесь находимся? Поехал бы ты, Караджан, к дяде моему, разузнал бы обо всем, и если он не передумал отдать нам свою дочь, то окажи нам дружескую честь — будь сватом от нас. Как бы то ни было, дай ему знать о прибытии нашем.

— На каком же мне коне поехать? — спросил Караджан.

— На каком хочешь, на том и езжай, — отвечает Алпамыш.

— Твой конь притомился, — говорит Караджан, — поеду-ка я на своем.

— Если на своем поедешь, — не поверят тебе, — подумают: «Это калмык, с которым мы постоянно ссорились, — замыслил он пакость какую-то». Поезжай лучше на моем Байчибаре.

Так сказал ему Алпамыш.

— Ладно, — согласился Караджан, сел на Байчибара, несколько раз камчой стегнул его. Проняла камча коня, понес он незнакомого седока, раскачивая его, как только мог. Натянул Караджан повод, — думает:

«Э, что случилось с этим негодяем-конем! Видимо, совсем нестоящая это тварь, — ничего хорошего у меня с ним не получится. Как это умудрился Алпамыш приехать на этой негодной скотине, за коня ее считая?»

Остановился, наконец, Караджан перед Апламышем — и так сказал ему:

— Что! Майдан спокойней всех дорог тебе?
Вражья сила — легкий ветерок тебе?
Иль Барчин-аим продлила срок тебе?
Вот на этой самой кляче ехал ты?
Оседлав ее, хотел успеха ты?
Из Конграта прибыл к нам для смеха ты?
Выбирал коня ты ночью или днем?

Для чего ты шел в поход с таким конем?
Как же ты невесту увезешь на нем?
Друг мой бек! Глупцу и мука поделом!
Если ты другого не нашел конька,
Чтобы приезжать сюда издалека,—
Уезжай назад, — не поздно ведь пока,
Здесь тебя враги убьют наверняка!..
Ночь для всех влюбленных самый верный друг,
Я пролью слезу — заплачут все вокруг.
Девяносто есть тугаев у тебя,—
Кляча между тем такая у тебя!
Видно, не нашлась другая у тебя!
Друг мой бекбача, твоя страна —
Конграт, косишь не зелено-синий ли наряд?
Видимо, и впрямь конями ты богат,
Если оседлать такую падаль рад!
Что с тобой, беднягой, будет в грозный час?
Что тебе тут делать? Уезжай от нас!
Милую не спас, так хоть себя бы спас!
Может быть, найдется конь другой у вас, —
Как-нибудь приедешь в следующий раз.
Слово ты мое обидой не считай, —
Увезти Барчин напрасно не мечтай,
Зря себя, мой друг, теперь не утруждай, —
Хоть назад добраться счастья попытай!
Говорю тебе — не тщись и не мудри, —
В сторону своей родной страны смотри.
С неисполненной мечтою не умри.
Мечен, видно, ты злосчастною судьбой:
На таком коне паршивом выйдешь в бой, —
Ужасы калмыки сделают с тобой!
Я такой завел не в шутку разговор:
Лучше о Барчин не думай с этих пор.
Все твои мечты-надежды — сущий вздор…
Сдохни Байчибар твой, — это же не конь, —
Развалиться может, — ветошь, а не конь! —

Ждет его давно в Конграте живодер!

Услышав слова Караджана, Алпамыш говорит ему в ответ:

— Голос храбреца могучего услышь:
Ливнем слез не лей, себя ты сам срамишь!
Зря ты моего Чибара так хулишь.
Осадив коня, — на целых сорок дней
Дело все мое задерживаешь лишь.
Если бы Чибара ты не задержал,
Он бы полетел, не только побежал.
Я бы вскоре счастье с Барчин-гуль вкушал.
Понимать коней ты, видно, не привык, —
Плачет от обиды конь мой боевой.
Э, ты безъязыкий, глупый ты калмык!
Прочитай скорей двукратно «Калиму», —
Конь мой в небеса тебя поднимет вмиг.
Только уваженье ты имей к нему:
Слишком бить коня избранного к чему?
Гибель причинишь себе же самому.
Ну, скорей прочти святую «Калиму», —
Байчибара вновь с пути не возвращай,
Сердца своего теперь не огорчай,
Сватовство мое устроить обещай.
Друг мой Караджан, скорей вернись! Прощай!..

Прочитал Караджан двукратно калиму и отправился на чубаром скакуне в путь, к Ай-Барчин сватом от Алпамыша.

Песнь четвертая

Много было ссор у богатырей-калмык**о**в из-за узбекской красавицы. А время шло, и шестимесячная отсрочка уже на исходе была. Два часа оставалось до срока. Когда сон свой видела Барчин, было ей предсказано: «К полднику сын дяди твоего приедет». Полдник наступил, — нет Алпамыша. Неужели суждено ей калмык***а***м достаться? В тревоге смотрит Барчин-ай на дорогу — и подружкам своим-прислужницам так говорит:

— Девушки, с кем скорбью-болью поделюсь? Горечью тоски вот-вот я захлебнусь.

За меня молитесь, девушки мои, —
Я неправоверной ныне становлюсь!
Иль судьбе предвечной я не покорюсь?
Калмыки приедут, — как я увернусь?
Если чужеверьем все же осквернюсь,
Значит, навсегда смеяться разучусь.
Как же я в чужом народе приживусь, —
Он же моего не смыслит языка!
Телом непорочна и нежней цветка,
Ведь зачахну я в плену у калмык**а**!
За меня молитесь, девушки мои!
Счастьем до сих пор была необжита
Сердца моего девичьего юрта,—
Вся она теперь охвачена огнем.
Суждено мне горе в юные лета!
Полдник наступил, — не едет дядин сын.
Горе, горе! Нет надежды для Барчин!
За меня молитесь, девушки мои!..

Ай, нет мочи больше страдать!
Некого, как видно, мне ждать.
Как он мог, мой хан, опоздать,
К сроку мне защитой не стать!
Девушки, прощенья прошу, —
Огорченья вам приношу.
Но страданья чем заглушу?
Калмык**а**ми данный мне срок
В этот час, подружки, истек.
Разве не погибнет цветок,
Если зимний холод жесток?
Не приехал милый Хаким, —
Пред Конгратом стыдно моим.
Черных дней дождались мы вдруг.
Что с народом будет моим!
Калмык**а**м достанусь я злым, —
Плачьте, сорок милых подруг!

Сорок девушек-уточек взглянули в сторону Чилбир-чоля, — слышат — конский топот с той стороны доносится. Вгляделись они — всадник на Байчибаре скачет, — калмык, оказывается! Опечалились девушки, — сказали Барчин:

— Знай, что прибыл тот, о ком вещал твой сон! Но богатырей калмыцких встретил он.

Видно, был с дороги сильно утомлен —
И погиб калмыцкой силою сражен,
Не достигнув той, с которой обручен.
Верный конь его добычей вражьей стал, —
Знатный враг пленил его и оседлал.
Плачь! День киямата страшного настал!
Или Алпамыш не бек в Конграте был?
Или сам коня врагам он уступил?
Если бы не враг его в пути убил, —
Мог ли быть оседлан калмык**о**м Чибар?
Значит он погиб, конгратский твой шункар,

Прежде, чем желанья своего достиг!
Что на Байчибаре скачет к нам калмык,
Зоркая Суксур ведь разглядела вмиг.
Видно, горд калмык захваченным конем,
Если так спесиво он сидит на нем.
Хлещет он коня, торопит он его, —
Чую вещим сердцем вражье торжество.
Наше положенье будет каково?
Добрый конь конгратский, где хозяин твой?
Служишь калмыку добычей боевой!
Косы распусти, красавица, ой-бой,
Плачь! Не став женой, осталась ты вдовой!
А калмык все ближе! Как бы ни гадать, —
Так иль так — добра нам от него не ждать.
Он тебя своей женой принудит стать,
Нас, твоих подружек, плакать, причитать.
Ой, всему народу нашему страдать,
Светопреставленья муки испытать!..

Калмык, скакавший на Байчибаре, все ближе подъезжал, и уже все сорок девушек хорошо его разглядели, — узнали в нем Караджана. Растерялись они, зашумели-запричитали и, окружив Ай-Барчин, руки к небу воздев, стали громко молиться. А Барчин-ай, на Суксур свою рассердившись, так ей сказала:

— Болтовней твоей по горло я сыта.
Друг ли едет, враг ли, — речь твоя пуста, —
Да забьет песок болтливые уста!.. —
Ай-Барчин встает и смотрит в степь Чилбир, —
Скачет на Чибаре Караджан-батыр.
Почернел в очах красавицы весь мир.
Жалобно слезами залилась Барчин:
— Сладкая душа мне не нужна теперь,
Всех богатств да буду лишена теперь,
Юности моей что мне весна теперь!
Если встречи с милым бог меня лишил,

Смерти бы за мной притти он разрешил!.. —
Косы распустив, Барчин рыдает: — Ой,
Добрый конь конгратский, где хозяин твой?
Мужа не познав, осталась я вдовой!
Осенью цветам не увядать нельзя,
Часа смертного нам угадать нельзя, —
Брата из Конграта, видно, ждать нельзя,
Видимо, в живых его считать нельзя,
И в Конграт о нем нам весть подать нельзя!

Пока Барчин причитала, подъехал сватом от Алпамыша прибывший Караджан. Усы покручивая, ногами в стремена упираясь, на юрту бархатную поглядывая, о Байсары расспрашивая, сказал Караджан:

— Скорбные рабы какой мечтой живут?
Баи ли богатый той не зададут?
С дочерью-батыршей проживая тут,
Дома ль в этот час почтенный Байсары?
Посмотрю построже — всех я всполошу.
С дочерью-батыршей здесь живущий бай
Дома ли сейчас — ответить мне прошу!

На тулпаре ханском важно я сижу,
Хан меня прислал, которому служу.
Цель приезда в тайне я пока держу,
Но тому, чья дочь батырша Ай-Барчин,
Баю Байсары все дело изложу.

Спрашивает да спрашивает батыр Караджан про бая Байсары, а девушки стоят, — ни одна к нему не подходит, ни слова никто ему не отвечает. По какому он делу прибыл — никому неизвестно, однако не верят ему девушки, — плачут.

А Караджан-батыр дело свое знает, — хитрости нет в его сердце: сватом от Алпамыша прибыв, бая Байсары спрашивает он. Но девушки

в коварстве подозревают калмыка.

«Он — напасть, пришедшая в наш дом!» — так они думают. А сама красавица Барчин такое слово ему говорит:

— Этот конь давно ль твоей добычей стал?
Сам ли ты его взнуздал и оседлал?
Бая Байсары ты дома не застал!
У скорбящих, видно, много дум-забот.
Кто богат — как видно, сладко ест и пьет.
Мой отец, как видно, проверяет скот…
Ярко-голубой была моя парча…
Не твоей ли жертвой стал Хаким-бача?
Сразу я в тебе узнала палача!
Моего отца нет дома, говорю.
Слышал? Я ведь не глухому говорю!
Он в Байсун-Конгратский выбыл край родной, —
Видно, повидаться захотел с родней.
Весть ко мне дошла недавно стороной —
Принят был с почетом он родной страной.
Хоть и хорошо досуг провел он свой,
Видно, заскучал он, разлучен со мной.
Знай, что путь оттуда — полугодовой.
Видно, уж давно он выехал домой, —
Месяца за три отец доедет мой.
А такой калмык, насильник и хитрец, —
С чем приехал ты, признайся, наконец?
Мы в руках калмыцких, мы народ-пришлец, —
Вынужден терпеть жестокий гнет пришлец…
Если стал твоей добычей этот конь,
Значит, мертв его хозяин-удалец!..
Говорю тебе: уехал бай-отец,—
Выехал он к брату, шаху Байбури,
Будет он обратно месяца чрез три.
Что истек мой срок, — так думая, смотри, —
Хоть и нет в живых конгратского тюри,
Зря теперь, калмык, себя не утруждай, —
Девяносто дней еще мне сроку дай.

Бай-отец приедет — дело с ним решай,
До тех пор, калмык, сюда не приезжай
И другим батырам ездить запрети.
А теперь не стой, — коня поворoти,
Много лет живи здоровым, не грусти,
Худа не встречай — встречай добро в пути!

Подозревая, что Караджан прибыл с коварным умыслом, Барчин сама схитрила, чтобы еще три месяца сроку иметь. А Караджан, тайных мыслей ее не зная, подумал: «Э, чем ждать, пока бай вернется, лучше я поговорю с нею самой. За сватовство взявшись, не так приятно, пыль клубя, ездить по дорогам. Хорошо сватовство, когда сразу его кончаешь. Он ее взять хочет, — ее дело свое сказать»… Рассудив так, обратился Караджан к самой Ай-Барчин:

— Подо мной плясать скакун узбекский рад,
Щит мой на плечах, а на бедре — булат.
Прибыл Караджан к тебе, как мирный сват.
Кармаза твоя нарядна и ярка,
Ты меня, узбечка, выслушай пока:
Храбрый сокол гостем сел в моем дому, —
Преданный слуга и верный друг ему, —
Точно передам я другу моему
Все, что ты б ему сказала самому.
Каждое твое словечко я пойму,
Скорбное твое сердечко я пойму,
А мои слова за хитрость не сочти, —
Искренностью мне за искренность плати.
Никому не дай себя сбивать с пути,
О моем приезде слухов не пусти,
Чтобы не проведать недругам твоим.
А что я — калмык, об этом не грусти:
Другу твоему мы друг и побратим,
Мы ему сердечно послужить хотим.
Прибыл Караджан, как сват, к Барчин-аим:
Если дяди-бия сын тебе желан,

Значит, так ему и скажет Караджан…

Барчин, желая испытать Караджана, так ему опять сказала:

Радужным наряд мой изумрудный был,
Шахом Алпамыш в своем народе был…
Да зачахнет новый друг твой Алпамыш, —
Сердцу моему он неугоден был!
Я тебе скажу, что он уродлив был:
Сероглаз, а станом он нескладен был…
Если хочешь знать, — батыр Караджанбек —
Сердцу моему желанный человек…
Я ношу парчу, ношу я шелк цветной,
Перед божьей волей стан склоняю свой.
Знай, что я живу лишь думою одной:
Если я к тебе в садовницы пойду,
Сколько роз в твоем я соберу саду!
Караджан-батыр прославлен всей страной, —
Караджану стать согласна я женой.
Никакой герой не нужен мне иной.
Женихов других тебе хвалить к чему?
Каждого со мной тебе сводить к чему?
Самого себя тебе двоить к чему?
Сердцем я клонюсь к тебе лишь одному, —
Так и передай ты другу своему.
Мужем и женою здесь, в краю твоем
Мы с тобой в любви, в согласьи заживем,
Будем хорошо хозяйствовать вдвоем,
Срок придет — украсим детками свой дом…
Мы желаем только вас, Караджанбек, —
Вот вам слово наше: ваша я навек!..

Такие слова услышав, Караджан сказал:

— Оставь меня! Бессовестно ты говоришь. Прибыл Алпамыш сюда, столько ради тебя испытав невзгод, своего коня измучив. Может

ли он вернуться ни с чем, — осрамиться перед народом своим? Если же тебе калмыки нравятся, — кроме меня, еще девяносто без одного у нас батыров есть. Любому из них честь окажешь, а меня оставь…

Так сказал Караджан, сердечно огорчась. Исчезли приятные мечты его. Повернул он голову коня, выехал на дорогу — отправился в обратный путь.

Пожалела Барчин о сказанном, бросилась за Караджаном, — такие сказала слова:

— Если Алпамыш меня не разлюбил,
Знай, что он мне дорог так же, как и был!
Слез поток меня, как видно, ослепил, —
Низкое с высоким путает мой взгляд.
Может стать обидным слово невпопад.
Что же ты — джигит иль малое дитя?
Я ведь разговор вела с тобой, шутя.
Где же разум твой, друг моего тюри?
Слова моего ему не повтори,
Бедного его не напугай, смотри,
Шуткою моей — беды не натвори!
Ничего об этом пусть не знает он,
Чтобы подозреньем не был угнетен!
Сердца моего услышь печальный стон:
Повернуть Чибара я прошу ко мне, —
Позабочусь я о вас и о коне,
Мной теперь довольны будете вполне.
Расспрошу я вас о том, кого ждала.
Ведь о вашей дружбе знать я не могла, —
Если б знала ваши меж собой дела,
Сразу бы ответ желанный вам дала.
Что сказала раньше, я сказала зря.
Гели прибыл он, мой Алпамыш-тюря,
За известье это вас благодаря,
Очень вас прошу коня поворотить,
Душу нам своим рассказом усладить.
Ждали мы — дождались радостного дня!
Бек мой, Караджан, послушайте меня:

Девушкам моим прошу вручить коня.
Как-никак — с такой красавицей, как я,
Караджан-батыр любезным должен быть.
Раз я так прошу, вам надо уступить, —
Не хочу я в глупом положеньи быть…

Караджан повернул коня и важно подъехал. Коня под уздцы взяв, Ай-Барчин приветливо встретила Караджана, как дорогого гостя, мягкие одежды ему подстелила, барашка зарезала, наварила мяса и шурпы. Сваренное мясо наложила в карсан, — принесла — поставила перед Караджаном. Сидел Караджан, мясо жирного шестимесячного барашка пожевывая, обсосанные косточки выплевывая. Поел-поел, потом говорит:

— Ну, вот, Барчин, Алпамыш твой приехал, отсрочка, тобой испрошенная, кончилась. Что скажешь?

Сказала Барчин:

— Приехал — так приехал. Что же мне — за полы его ухватиться и на весь свет кричать: «Алпамыш приехал!» Калмыцкие батыры, шестимесячную отсрочку мне предоставив, — тоже ведь ждали, страстью томясь, и приняли мои условья в надежде, что каждый пустит на майдан коня своего, а тот получит меня, чей конь всех других обгонит. Народу, значит, не будет обиды: кто победит, тот и женится на мне. А всех моих условий — четыре. Алпамыш их выполнит — я ему жена, выполнит калмык, — я суждена калмыку. Слово свое сдержать я обязана. Так и передай сыну дяди моего.

— Скачет конь в ущельи — на вершинах гром.
Стонет богатырь, израненный копьем.
С Бабахан-горы сорокадневный путь, —
С Бабахан-горы байгу мы поведем.
Тот, о ком я буду небеса молить,
Кто меня заставит бусы слез пролить,
Кто коня заставит в поднебесьи плыть,
Вольные крыла сокольи распластав,
Всех других коней на скачке обогнав, —
Тот батыр и должен награжденным быть,

Должен он супругом мне сужденным быть…
Тот, кто зная, сколько лет его прождав,
Мучилась я здесь, жестоко пострадав,
Кто, в пути невзгод немало испытав,
Из дали далекой прискакал за мной, —
Тот батыр меня возьмет своей женой…
Кто на состязаньях — ловок, сильнорук,
Круто лук согнув, не переломит лук,
Тот искусный лучник будет мне супруг!..
Тот, кто из ружья за тысячу шагов
Попадет в теньгу, всех посрамив врагов,
Меткий тот стрелок — тот сокол меж стрелков —
Будет мне супругом, если он таков…
Кто ко мне любовью-ревностью горя,
Выйдет на майдан — и, не бахвалясь зря,
Одолеет всех соперников своих,
Доблесть доказав и мощь богатыря, —
Только тот достоин мужем стать моим…
Пусть мои условья знает мой тюря,
Пусть коня готовит мой султан Хаким.
Так и калмык**а**м ты передай своим.
Мною всем условья равные даны, —
Нет на мне теперь ни перед кем вины.[21]

Выслушав такие слова Барчин, Караджан так си ответил:

— Э, хорошо ты придумала! Если бы сразу ухватилась ты за полу Алпамыша, пожалуй, немало бы несчастий вышло. Действительно, в этом деле ты была прозорлива. Хвала тебе!..

Сказав так, сел Караджан на коня — поехал в обратный путь. Встречаются ему по дороге девяносто без одного батыров калмыцких. Самый могучий из них — Кокальдаш-батыр спрашивает:

— Откуда едешь, Караджан?

— Еду я, — отвечает ему Караджан, — от узбекской девушки.

— Срок, ею назначенный, кончился. Каков теперь ее ответ? — спрашивает Кокальдаш.

— Слова ее таковы, — говорит Караджан: «Устрою, говорит, байгу, и за того батыра замуж выйду, чей конь всех других коней обгонит; кто в лучном состязаньи, лука не сломав, дальше всех стрелу метнет; кто за тысячу шагов из ружья в теньгу попадет; кто в борьбе на майдане всех соперников поборет…»

Говорит тогда Кокальдаш Караджану:

— Сердце узбечки ко мне склонно. Байга будет, — всех обгоню: ничей конь не равен коню моему. Состязанье будет на метанье стрел, — мой лук самый крепкий, — цел останется. За пятьсот шагов попадаю в теньгу, — старательней прицелюсь — попаду и за тысячу. Рука против меня у всех слаба, — в борьбе всех поборю. Взять Ай-Барчин мне одному судьба… А откуда, скажи, ты эту клячу достал?

— Из страны Конграт, — отвечает Караджан, — друг мой Алпамыш приехал. Это — его конь.

— Алпамыш приехал?! — заорал Кокальдаш.

— Да, приехал сюда.

— Э, если так, то он дурак! — рассмеялся Кокальдаш. — На таком коне собирается он невесту увезти!..

Был при Кокальдаше сынчи, по прозвишу Куса-сынчи. Призвал его Кокальдаш, — говорит:

— Осмотри-ка узбекского коня, — что скажешь о нем? — Осмотрел сынчи Байчибара, обмерил его: вышло у коня от хвоста до ушей девяносто шесть четвертей, а в обхват груди — шестьдесят три четверти. Погладил сынчи Байчибара по крупу, к ноздрям его приставил трубку подзорную, внутрь заглянул, — грудь осмотрел: меж передних ног на груди Байчибара незаметно сложенные крылья оказались — каждое в три с половиной аршина.

— Ну, каков конь узбекский? — спрашивает Кокальдаш. Отвечает сынчи:

— Конь узбекский таков, что к узбекской девушке и не сворачивай.

— Правду говори! — приказал ему грозно Кокальдаш.

— А вот тебе и правда! — сказал сынчи и стал расхваливать Байчибара:

— Из отборного отобран табуна,
Как алмаз — копыта, маралья спина.
Быть ему цена безмерная должна.
Этот конь таков, оказывается:
В боевые дни врагов он удивит,
Кто на нем сидит, тот всех опередит.
Два крыла в своих подмышках он таит, —
Знай, что в три аршина каждое крыло,
Даже с половиной! И, как снег, бело.
Истинный тулпар, оказывается!..
Родился чубаро-серой масти он, —
С виду неказист, а как силен, смышлен!
Знаю: седоку доставит счастье он!
Сбруя — так и блещет медным жаром блях.
По небу парить он может на крылах,
Быстролетных птиц обгонит в облаках.
В гору хоть пустить, в равнину хоть его, —
Беспорочна всюду иноходь его…
Лучше состязанья с ним не начинай, —
Не добудешь ты узбечку Барчин-ай.
Конь узбекский, — правду ты о нем узнай, —
Истинный тулпар, оказывается!
Своего коня готовь хотя бы год, —
Жаль мне, Кокальдаш, твоих забот-хлопот.
А узбекский конь, как ни хитер ты будь, —
Хоть бы ты гвоздями вымостил весь путь, —
Может каждый гвоздик на скаку минуть,
Ни одной ноги не наколов ничуть,
И притом — обгонит твоего коня.
Этот конь совсем особенный тулпар!
Если б ты прельстился хитростью другой,

Если б ты его связал перед байгой,
Чтоб не шевельнул он ни одной ногой, —
Сам уйдя вперед дорогой скаковой
Даже на пятнадцать дней, — а все равно —
Первому тебе прийти не суждено:
Путы разорвав, сумеет Байчибар
Обогнать тебя — и первым прискакать.
Этот конь — совсем особенный тулпар!
Слушай, Кокальдаш: на мой совет склонись —
И перед конгратским гостем не срамись:
Лучше от байги заране отстранись.
Нет у нас во всей стране таких коней.
Барчин-гуль тебе не взять, — забудь о ней!
Раз не суждено, то покорись судьбе, —
Мучиться напрасно для чего тебе?
Путь байги хоть на шесть месяцев назначь,
Из любого места отправляйся вскачь, —
Но узбек поспеет первым. Плачь — не плачь, —
Знай, что этот конь клеймен клеймом удач.
Он — коням погибель, седокам — позор, —
Говорю: с Чибаром безнадежен спор…

Услышав такие слова, очень разгневался Кокальдаш:

— Знаю, Куса, — лукава душа твоя! И раньше злобу ты на меня имел. Теперь ты заранее сговорился с узбеком, — он тебе, наверно, дал три-четыре теньги, чтобы ты страху на меня нагнал, чтоб от байги отвел. Вот почему ты так хвалишь узбекского коня! Ну, хорошо, — попомнишь меня!..

С этими словами бросился Кокальдаш на сынчи — и выколол ему оба глаза.

— За твои глаза я уплачу кун, когда моего Кокдонана обгонит узбекский конь-скакун… А пока, — сказал он, — поедем-поглядим на того Алпамыша.

Собрались все девяносто калмыцких батыров — и Караджан с ними был — и шумной толпой поскакали все к Алпамышу…

Сидит Алпамыш в шатре. Сморит — какие-то калмыки едут: голова у каждого на юрту похожа, туловище — как холм крутой. Алпамыш, не вставая, грозно посмотрел на батыров. Растерялись без одного девяносто батыров калмыцких, давай соскакивать с коней, — руки на груди сложив, поклонились приезжему. Только один Кокальдаш-батыр с Кокдонана своего не слез — и так сказал Алпамышу:

— Мой совет, узбек, помяни, —
С этого пути поверни,
Собственную жизнь сохрани.
Своего добиться не мни.
Кокальдаш-батыр говорит, —
Он словами зря не сорит,
Сердце его гневом горит.
Что тебе до моей жены.
Уезжай, пока не убит.
Горы тучами окружены,
Силой мы с тобой не равны.
Если мы столкнуться должны, —
В лапы ты мои попадешь,
Целым ты из них не уйдешь.
Я с тобой, узбек, не шучу:
Я тебе башку сворочу,
На тебя конем наскочу —
В прах тебя, несчастный, втопчу!
Поступлю с тобой, как хочу!
Уезжай, узбек, поспеши,
Жизни сам себя не лиши.
Если хочешь слышать — услышь:
Ай-Барчин не люб Алпамыш,—
Чувства ее к нам хороши.
Кокальдашу не раз и на два
Говорила такие слова:
«Алпамыш — сухая трава,
Потерял на меня права.
Буду вашей, — вам говоря, —

Обещанье даю не зря…»
Кокальдаш этот самый — я.
Знай, узбечка будет моя!

Алпамыш тоже тогда слово свое сказал Кокальдашу:

— Высушу я взглядом море-океан,
Громко закричу — обрушится курган.
Сколько глупых слов ты тратишь, пахлаван!
Я зовусь Хакимом, я байсунский хан.
Трус и слабосильный из далеких стран
Едет ли на поиск той, кому желан?
Где страна такая, где такой народ,
Чтоб такой, как ты, нашелся там урод?
Вздорной похвальбою свой наполнив рот,
Стал, как на базаре, на всю степь орет!
Болтовня батыру цену не набьет,
Славу бесполезным криком не стяжать, —
Храбрецы должны Рустаму подражать:
В боевые дни величие держать,
Недруга в бою нещадно поражать.
Дело хвастуна в такие дни — дрожать.
Выйдет на майдан, бахвалиться начнет,
Думает — соперник лжи не разберет.
Смотришь — поединка подойдет черед, —
Враг его к рукам покрепче приберет —
И, тряхнув, закружит — и назад швырнет, —
И болтун хвастливый сразу и умрет!
Дураку — урок: не суйся на майдан!..
Я мечом алмазным опояшу стан, —
Подвернись любой калмыцкий пахлаван,
Обагрю свой меч я кровью вражьих ран.
Кто ни попадется, — руку разверну —
Камушком его под облака швырну.
Показав себя, вернусь в Байсун-страну,
В край родной свою любимую верну.

Натерпеться мук придется крикуну!
Осень подойдет — цветник увядший пуст, —
Может сесть и в**о**рон на розовый куст.
Смертная тоска язвит и хитрых змей…
Шуточки шутить, калмык, со мной не смей!
Если ты смельчак, то на майдан пойдем,
Мы тебя с конем и всем, что есть на нем,
Людям на потеху в небо зашвырнем! —
Я тебе скажу: коль прибыл я сюда, —
Калмыки дожидались страшного суда!..

Кокальдаш тоже слово сказал в ответ Алпамышу:

— Слушай-ка, узбек, предупрежденья речь:
Гневом землю я могу насквозь пропечь.
Как это швырнешь ты моего коня?
Рад бы я такое диво повидать.
Видно, хочешь трупом на чужбине лечь.
Здорово и сам приучен ты болтать.
Столько слов насыпал — в год не сосчитать.
Захочу — могу я в прах тебя втоптать.
Знай, в стране у нас тебе добра не ждать.
Говорю тебе: напрасен твой приезд, —
Никаких от нас не увезешь невест.
Много приезжало смельчаков таких, —
Невредимым кто ушел из наших мест?
Трус я иль храбрец — увидим, пахлаван,
Как только с тобой мы выйдем на майдан.
С плеч твоих башку сорву, байсунский хан,
И заткну ее в батырский свой карман.
Это все подстроил брат мой Караджан,
Он тебя привел, забыв родство и честь…
Выйдем на майдан, — посмотрим, кто ты есть!

Тут и Караджан тоже не стерпел — слово свое сказал:

— Плохо поступаешь, Кокальдаш, мой брат! На словах с узбеком ты схватиться рад.

Укроти язык свой, — дело говорят:
Ты с таким узбеком справишься навряд:
Истинный батыр, могучий великан —
Гору кулаком он истолчет в ташкан.
Этого узбека знает Караджан…
Иль тебе твоя душа не дорог**а**?
Укроти язык свой, Кокальдаш-ака!
В сильном гневе он тебя с землей сравнит,
В пыль и прах твое добро он превратит.
Всю страну калмык**о**в он испепелит.
Укроти язык свой, — он тебя простит.
К счастью твоему не понял он всего,
Что ему сказал ты, понося его.
Если бы он знал получше наш язык,
Был бы ты слепцом, спесивый ты калмык!
Только подступи — тебя он кончит вмиг.
Против этой мощи, что поможет брань?
Как ни угрожай, — а дело выйдет дрянь.
Лучше подобру ты от него отстань,
Языком несчастья не набарабань.
Приняли мы все условия Барчин, —
Ты не возражал, — будь слову господин.
Если все исполнит лишь узбек один,
Значит — Ай-Барчин узбеку и жена,
Значит — нам она с тобой не суждена.
Соблюдем же честь батыров и мужчин, —
Победишь — тебе достанется она.
Ведь не бранных слов горячка нам нужна,
А удача в трудных скачках нам нужна.
Так давай готовить скакунов-коней,
Чтоб они резвее были и сильней.
Наши кони дух испустят на скаку,
Только бы добыть награду седоку.
Если первым твой прискачет к месту конь,

Значит — выиграл тебе невесту конь…
Ну, поеду я — оповещу народ, —
О байге пускай все знают наперед.
Шаха известим — глашатаев пошлет, —
Чтобы не пошла в народе болтовня:
«Мол, не известили во-время меня,
На байгу я б тоже выставил коня»…
Пусть коней готовят — едут на майдан!

С этим согласились все. Караджан сразу же и приступил к подготовке байги. Написал он калмыцкому шаху письмо и отправил его с надежным слугой. Слуге велено было оповещать по пути всех встречных. Прочитал шах письмо — вызвал старшего конюха и отдал ему такой приказ:

«Готовь к байге самых лучших коней, хорошо ухаживай за ними, — наградой на байге будет дочь узбека Байсары. Я сам непрочь в жены ее взять, — может быть, судьба благосклонной ко мне окажется, и один из моих коней первым придет».

Шах приказал также разослать глашатаев, чтобы на всех базарах, в каждом улусе оповещали народ о предстоящей байге.

Едут в Чилбир-чоль, спешат и млад и стар,
Айна-коль кипит, как праздничный базар,
Все батыры тут — и каждый льва сильней —
Отбирают лучших скаковых коней;
Счетчики-писцы за ними вслед идут,
Перепись коней отобранных ведут.
Дело возглавляет Караджан-сардар,
Толпы прибывают… Все шумней, людней.
Знатный и простой калмыцкий здесь народ, —
Съехался сюда конгратский весь народ, —
Десять тысяч юрт, — и каждый прет вперед.
Айна-коль шумит, как праздничный базар.

Выставил шах калмыцкий трех коней на байгу. Один был соловый резвый конь, но белокопытный: не надежны копыта белые, мягки чересчур. Второй ханский конь был из тех, что шапаками называются: если против восходящего или заходящего солнца бежать ему случится, — сразу слепнет он, — станет, — с места не двинется. Третий ханский конь — гнедой, за которого одиннадцать тысяч теньг заплатил хан Тайча, оказался алакараком: как бы хорошо ни бежал, если сразу осадишь его, тоже как вкопанный станет, — долго потом ни вперед, ни назад не погонишь его…

Всего от калмык**о**в было выставлено на байгу четыреста девяносто девять коней. Конь Алпамыша Байчибар, на котором взялся скакать Караджан, был пятисотым конем.

Великий великого узнает, силач силача узнает, тулпар узнает тулпара. Кокдонан, конь Кокальдаша-батыра, был тулпаром. Почуял Кокдонан в узбекском коне Байчибаре своего победителя, поддался он страху, приуныл, стал от зерна отказываться. Сильно расстроился Кокальдаш и обратился к сынчи:

— Видно, очень заболел мой конь. Хоть и не видят больше глаза твои, но руки зато чувствуют. Ощупай моего коня, определи его хворь, вылечи его.

Сказал сынчи Кокальдашу такое слово:

— Слушай, Кокальдаш, и помолчи, батыр!
Глаз меня лишив, ты затемнил мне мир.
Иссушил меня и лик мой изжелтил,
Стал я сам себе ненужен и постыл.
Резвым был твой конь, и весел и удал —
Он ли на байгах тулпаром не летал!
Но теперь, увы, твой конь понур и вял, —
Даже от зерна отказываться стал.
Только твой Донан Чибара увидал,
Пораженье он свое предугадал.
Байчибар его, как видно, победит, —
Пахлаван-Хаким тебя опередит.
Зря себя не мучь, — решай хоть так, хоть так, —
Лучше на байгу не выезжай, дурак!
Об узбечке гордой ты оставь мечты,

Все равно судьбы не переспоришь ты.
Женихом Барчин себя напрасно мня,
Даром своего замучаешь коня:
Все же Байчибару конь твой не ровня!
На позор его, несчастного, гоня,
Своего дождешься черного ты дня,
Горько будешь плакать, сам себя виня,
Голову повинно предо мной склоня,
Пожалеешь сам, что ослепил меня.
Языком болтать я даром не привык,
Говорю тебе, упрямый ты калмык,
Хоть в обиде я, но клятву дать могу:
К Бабахан-горе поехав на байгу,
Ты к своей беде поедешь напрямик,
Душу изведешь, намучаешься зря, —
Победит тебя, приезжий тот узбек,
Осрамишься ты перед людьми навек.
Не видать тебе узбечки Барчин-ай!
Так что о байге забудь, не поминай,
Чтобы ты позора во-время избег,
Выродок, дурак, пустой ты человек!

«Помирать он будет, а правды не скажет», — подумал Кокальдаш, рассердился, сел на Кокдонана и уехал.

Наступило время сбора всех участников байги. От Алпамыша на байгу поехал Караджан. Сел Караджан на Байчибара, — покрасовался перед народом. Подошел к своему коню Алпамыш — прижался грудью к нему, словно навек прощаясь, и, обратившись к Караджану, сказал такое слово:

— Друг Караджанбек, дай бог тебе удач!
Возвращенья срок, прошу тебя, назначь.
Славный ты наездник, храбрый удалец,
Своего величья не роняй венец
В час, когда байга начнется, наконец.
Байчибар, мой конь, игрив, смышлен, горяч, —

Скакунов других обгонит, словно кляч.
Твой булат остер, а ты — батыр-силач, —
Недругов твоих заране слышу плач.
Прежде чем ты пустишь Байчибара вскачь,
Возвращенья срок, прошу тебя, назначь!
Беком и тюрей, как я, зовешься ты,
Весел и удал, в походы рвешься ты.
Смерти не боясь, отважно бьешься ты —
Друг Караджанбек, когда вернешься ты?
Вот уедешь ты в простор степных дорог,
И Чибар с тобой, мой преданный конек,
Я же здесь в тоске зачахну, одинок, —
Не томи меня, назначь приезда срок!
Байчибар, мой конь, уходит под тобой, —
Видно, суждена разлука нам судьбой.
Пусть я сам зачахну от печали злой,
Лишь бы жив-здоров Чибар вернулся мой!
Клятву я тебе, Караджанбек, даю:
Только возвращусь на родину свою,
Не один, — с тобою, — в том родном краю
Жизнь благоустрою тотчас, как в раю!
Если я с тобой делюсь конем своим,
Значит я навек твой друг и побратим.
С калмыками ты уйдешь путем своим,
Будь, что будь — ты мной, как брат, любим и чтим, —
Так скорей вернись здоров и невредим!
Содержи коня опрятно моего,
Приведи скорей обратно ты его,
Делая добро для брата твоего,
Ты — во имя нашей дружбы и любви —
Возвращенья точный срок мне назови!

Опечалился Караджан и такое слово сказал в ответ:

— Подо мной арабский твой тулпар игрив.
Друг мой Алпамыш, будь тверд и терпелив.

К Бабахан-горе дней сорок мне пути,
С Бабахан-горы — не менее пяти, —
Дней за сорок пять могу назад прийти.
Калмык**и** мне дружбы нашей не простят.
Если чем-нибудь они мне отомстят:
Или Байчибара тайно повредят,
Или я с коня насильно буду снят,
Если на боку отточенный булат
Я не сохраню, мой друг, названый брат,
Если не вернусь за этот срок назад, —
Ты уже тогда меня не поджидай
И меня с конем погибшими считай.
Я ни пред людьми, ни пред судьбой не трус,
Послужить тебе по совести берусь, —
Дней за сорок пять, пожалуй, обернусь.
А пока вернусь — ты не скорби, мой друг,
Может быть, беда пройдет и мимо, друг!
Мне пятьсот врагов — ничто, коль ты — мой друг!
Страха за меня не знай, любимый друг!
Мой булат остер, и туг мой меткий лук —
Где б судьбою ни был я застигнут вдруг, —
Духом не паду, не опущу я рук.
Я тебе, мой друг, скажу — не умолчу, —
Посрамить твоих соперников хочу:
Твоего коня я на байгу помчу —
Недругам навеки жизнь я омрачу.
Если ты мне дал коня та косо, друг,
Дней чрез сорок пять сойдемся снова, друг!
Говорит тебе такое слово друг, —
Значит не горюй, не жди плохого, друг!..

Вот, наконец, и пустились в путь участники байги. Алпамыш остался один и грустно в шатер отправился. «Сорок пять дней, — думал он, — пройдут скоро. Караджан победителем вернется о байги — счастье привезет мне и Ай-Барчин». Так утешал он себя. А в это время сорок девушек Барчин во главе с Суксур в шатер пришли к нему,

принесли блюда с вкусными яствами, да-стархан расстелили. Пришли они, а участники байги были уже далеко. Сказала Суксур Алпамышу такое слово;

— Осень подошла — поблекли все сады.
На деревья червь напал и съел плоды.
Разума лишусь я от такой беды, —
Горя моего к тебе ведут следы!
Весть ко мне сейчас недобрая дошла:
Плохи, бекиджан, увы, твои дела.
Слыхано то где и видано то где ж:
Витязь-конник стал по доброй воле пеш!
Иль ответом добрым сердце мне утешь,
Иль дурным ответом ты меня зарежь:
Правда ль, что калмык на Байчибара сел?
Чтоб он, тот калмык, не возвратился цел!
Ой, мой бекиджан, как ты душою слаб!
Я бы недругу коня не отдала б, —
Вырви ты его теперь из вражьих лап!
Глупости своей ты малодушный раб!
Разве оправдает дружбу тот калмык?
Верную ль сослужит службу тот калмык?
Как в чужой стране так поступаешь ты?
Встретил калмык**а** — и сразу таешь ты.
Горькую мою теперь послушай речь!
С калмык**а**ми ты еще не ведал встреч —
Как бы мне тебя от горя уберечь?
Ты крылатым был — теперь бескрыл, джигит.
Скакуном ты был, — лишился ты копыт.
Потеряв коня, натерпишься обид!
Преданно тебе служил твой Байчибар, —
Знай, пропал твой конь, твой боевой Чибар!..

Алпамыш, обидевшись на слова Суксур, так ей ответил:

— Каждый сам себе не бек ли, не тюря?
Разуму уму меня ты учишь зря.
Слишком ты дерзка, со мною говоря.
Мой тебе совет, красавица, сперва
Знай, с кем говоришь, и выбирай слова!

Когда Алпамыш покончил с едой, сорок девушек Барчин снова обратились к нему, такое слово сказав:

— Алая на ней кармаза,
Разума лишают глаза,
Гибок ее стан, как лоза,
Нам ее приказы — гроза.
Так нам приказала Барчин:
«Пусть он к нам придет, — говорит, —
Юный тот красавец-джигит.
Сердцем он моим не забыт,
Лучший среди лучших мужчин».
Сорок мы прислужниц Барчин,
Знаем мы обычай и чин:
Шаха вы конгратского сын, —
Будем вам служить, господин!
Нет вам для отказа причин,
Путь у вас теперь лишь один, —
К счастью этот путь приведет!
Молнией блистает Барчин,
Видеть вас мечтает Барчин,
Речь ее сладка, словно мед.
Розам в цветнике расцветать,
Розам ее кудри подстать.
Велено нам так передать:
Будет вас красавица ждать, —
Хочет вас Барчин испытать.
Если улыбнется она,
Горе не оставит пятна.
Радостей вам чаша дана, —

Чашу надо выпить до дна!
Раз вы не калмык, а узбек, —
Старый вам обычай знаком:
Должен молодой человек
Милую проведать тайком…

Выслушав слово девушек Ай-Барчин, отвечает им Алпамыш таким словом:

— Я бы к ней пошел, — пойти тайком боюсь;
Встречи с Байсары, со стариком боюсь;
Люди засмеют меня кругом, боюсь…
Я бы к ней пошел, пойти тайком боюсь!
Вы меня на путь сбиваете худой, —
Я не соблазнюсь опасною мечтой,
Завлекать меня зачем на путь худой?
Если бы пошел путем соблазна я,
Как я в дом проникну к дяде моему?
Челяди не счесть в богатом том дому.
Дочь, как драгоценность там алмазная, —
Лишь мечтать о ней могу заглазно я.
Пусть же все своим проходит чередом,
Первенство в байге решается судом, —
Кто возьмет Барчин, — тот и войдет к ней в дом, —
Крадучись, к невесте нашей не пойдем!

Так Алпамыш сказал, а сорок девушек Барчин, все свое твердят: — «Посещать невесту тайком — наш старинный обряд. Таков обычай дедов и прадедов. Так у узбеков испокон веков велось, — и ты поступай по примеру прочих».[22] Не устоял Алпамыш, согласился наконец.

Пес ступить боится на тигриный след,
Только в Алпамыше больше страха нет, —
Слишком был заманчив девушек совет.
Думает: «Соблазна мне не превозмочь, —

Дядину, пожалуй, навещу я дочь».
Колебанья-страхи он отринул прочь.
Девушек послушав, с ними вместе он
Вышел — и, как сокол, шел к невесте он,
Мыслью о свиданьи с милой окрылен.
Весело, скрываясь по саям, идут,
Девушки с ним бойкий разговор ведут:
— Вы так робки в самом деле? — говорят. —
Так на месте б и сидели? — говорят, —
Сорок нас, а еле-еле, — говорят, —
Соблазнить мы вас сумели! — говорят. —
Барчин-ай от колыбели, — говорят, —
Вам назначена. Ужели, — говорят, —
Вы бы счастье проглядели?! — говорят…
Разговор такой с ним девушки ведут,
Осторожно к дому Байсары ведут, —
Затемно приходят к бархатной юрте.
Барчин-ай сидит, скучая в темноте.
С места встала, гостю чинно поклонясь,
Сорока подружек-девушек смутясь.
Девушки их сводят, весело смеясь, —
Медлит Алпамыш, к ней подойти боясь,
За руки берет красавицу потом,
Девушки поют им здравицу потом,
Девушки стоят на страже во дворе.
Ночь провел Хаким в беседе на ковре,
Нехотя уйдя обратно на заре…
С этих пор, едва опустит вечер тень,
Девушки за ним приходят, что ни день,
А ему к Барчин тайком ходить не лень…

Так девушки все время и приходили от Барчин к Алпамышу, туда и обратно провожая его, но тайну эту строго соблюдали…

Между тем участники байги ехали своей дорогой. Вот как они ехали:

Кони очень скоры у них,
Плечи — словно горы, у них,
Пламенные взоры у них.
На тулпарах резвых своих
Понеслись пятьсот верховых,
Тех пятьсот калмык**о**в лихих.
Держат на байгу они путь,
Не дают коням отдохнуть,
Понукают, хлещут коней, —
Сократить стараются путь,
Протянувшийся на сорок дней.
Путь до той горы Бабахан
Между пятисот силачей
Держит и батыр Караджан, —
Вот уж сколько дней и ночей.
Едет, не поднимет очей,
Щелканье он слышит камчей
Да насмешки дерзких речей,
И как блеск булатных мечей,
Видит блеск недобрых очей.
Вольной степью скачут они,
Скачут они ночи и дни, —
Все над ним смеются они.
Все его порочат они,
Караджана злобно браня,
Гибель ему прочат они.
Караджан, молчанье храня,
Едет — понукает коня,
Но другим коням неровн**я**,
Байчибар, набором звеня,
Все бодрее день ото дня,
Иноходью мчится вперед,
Но не горячится Чибар —
Мчится легкой птицей Чибар.
Страх теперь калмык**о**в берет,
Жжет их беспокойства огонь:
— Э, хитер, хитер этот конь!

Ты его камчой только тронь, —
В воду он пойдет и в огонь.
Нет таких коней у людей —
Нет ему опасных путей,
Равных ему нет лошадей,
Всех он перегонит, злодей!
Стало не до смеха им тут.
К Зиль-горе подъехали тут,
Споры-разговоры ведут:
— К Бабахан-горе как пойдем?
То ли перевалом пойдем,
То ль по склону — кружным путем?
И в обход решили итти,
По угорью Зиля итти.
Кружною дорогой той, —
Не пошел батыр Караджан, —
Перевальной тропкой крутой
Двинулся к горе Бабахан
Чрез вершину ближнюю Зиль.
С Зиль-горы глядит Караджан,
Видит на дороге он пыль, —
Думает: «Они ль, не они ль?»
Понял, что калмыки идут,—
Явно от него отстают.
«Если обогнал я их тут,
Пусть они себя и клянут, —
Долго им плестись под горой!»

Едет, избоченясь, Караджан герой.
Едет вниз батыр с вершины той крутой.
Так он гору Зиль спокойно миновал,
Миновал горы соседней перевал, —
Миновал затем последний перевал.
Так он трудный горный путь одолевал,—
Часу отдохнуть Чибару не давал.
Ехал Караджан — и сердцем ликовал:
Отстают его соперники-враги,

К Бабахан-горе приходит первым он,
Первым, может быть, прискачет он с байги!
Если суд присудит первенство ему,
Он жену добудет другу своему!

Достигнув подножья Бабахан-горы, дал отдых коню Караджан и стал ждать. Калмыки, шедшие в обход, уверены были, что Караджан где-то далеко позади плетется, глотая поднятую их конями густую пыль. Подъезжают они на десятый день к горе Бабахай, смотрят — Караджан сидит, их дожидается. Удивились калмыки, а батыр Кокальдаш говорит младшему брату своему — Караджану-батыру:

— Э, Караджан, видно, отрекся ты от латманата, мусульманство принял и колдуном стал. Как же иначе мог ты опередить нас на этом своем паршивом Чибаре? Э, смотри, Караджан, попадешь ты в беду!

Отвечает Караджан Кокальдашу:

— Э, Кокальдаш-ака, дело было так: доехал я с вами до Зиль-горы. Очень устал мой конь, и много горя претерпел я, не зная как быть. Рассердился я на судьбу свою, связал коня за четыре ноги, взвалил его на спину себе, по тропинке горной хребет перевалил, — и только что прибыл я сюда.

Говорит ему снова Кокальдаш:

— Сам ты, Караджан, вредишь своим делам. Лучше бы зарезать Байчибара нам, —

Голову коня тебе тогда подам.[23]
Сколько бы досталось мяса даром нам!
Спутался с узбеком! Это ли не срам!
Говорю с тобою — сердцем чист и прям, —
Дай, коня зарежем, — зря не будь упрям.
Об одной узбечке мы мечтаем все,
Нас пятьсот калмык**о**в и страдаем все.
Может быть, тебе достанется она —
Будет у тебя красавица жена, —
Значит остальным она не суждена.
Как нам быть с тобой, — мы думаем давно.
Люди мы свои — калм**ы**ки все равно,—

Так давай стоять мы будем заодно.
Что тебе приезжий тот чужак-узбек?
Дай, коня его съедим, Караджанбек, —
Досыта конины все мы поедим.
Мы тебе добра, Караджанбек, хотим!..

Караджан в ответ Кокальдашу такое слово говорит:

— Что ты так пристал к Чибару моему?
Что ты, Кокальдаш, затеял кутерьму?
Чем же Кокдонан твой плох, я не пойму.
Ты его зарежь — я косточку возьму,
Сало все тебе оставлю одному.
Я своим Чибаром, право, не горжусь:
Кокдонан твой будет слаще нам на вкус;
Я полакомиться им не откажусь.
Ты мне, брат, поверь, — я тоже ведь калмык:
Понимать в конях я сызмальства привык,
Ко всему тому я — опытный резник,
Хочешь — Кокдонана освежую вмиг!..—
В калмык**а**х сильнее вспыхивает зло.
Караджан — один, а им — пятьсот число!
Одному без друга очень тяжело.
Если б до убийства дело тут дошло,
Мужество батыра вряд ли бы спасло…
Э, вступил он в спор неравный, Караджан!
Недругами схвачен славный Караджан,
Схвачен он и связан по рукам-ногам,
Что он может сделать пятистам врагам?!
Так лежать остался связанным он там.
Калмык**и** не знают, как им поступить,—
Сразу ли прикончить, позже ли убить?
Все же не решились вовсе погубить.
Так лежал бедняга, думу думал он:
«Бедный Байчибар, попал в беду, мол, он!»
Участи батыра так и не решив,

Байчибара всей толпою окружив,
Криками его и свистом оглушив,
С головы до ног арканами обвив,
Наземь, наконец, коварно повалив,
На животном бедном злобу всю излив,
Под копыта гвозди забивать взялись —
Так, что гвозди в бабки самые впились!
Уши к голове несчастный конь прижал,
Весь от головы и до хвоста дрожал,
Ноги он своих мучителей кусал.
Бьют они его, чтоб смирно он лежал.
Мало им гвоздей — пустили в ход кинжал!
Мучили они его нещадно так,
Думали притом они злорадно так:
«Получил урок хороший Караджан,
Долго будет помнить гору Бабахан!
Если б даже он и разорвал аркан,
Нам бы на байге ничуть он не мешал, —
Далеко б Чибар его не побежал.
Пес-Караджанбек, ты все же оплошал!..»
Знак начать байгу был в это время дан, —
Громко под горою грянул барабан.
Связанным лежит и стонет Караджан.
Без него байги начнется торжество!
Бедный Байчибар — ему-то каково:
Быть во время скачки в путах каково!

Так и остался Караджан с Байчибаром на горе Бабахан. Участники байги тем временем выстроились в ряд — и по данному знаку с места сорвались — и вскачь пустились. А Караджан связанный лежал.

Брошен Караджан — его обида жжет,
Байчибар с ним рядом жалостливо ржет,
Как такой позор батыр переживет?
Кое-как он встал и напряженьем сил
Разорвал аркан, которым связан был.

Снова загорелся в нем батырский пыл,
В нем родник отваги снова забурлил.

Сам освободившись от пут, ноги коню развязал Караджан — и Байчибар встал. Коротко закрутив повод за луку седла, сел Караджан на Байчибара. Конь, однако, на месте стоял — не мог шагу ступить. «Э, зря выехал я на байгу! — подумал огорченный Караджан. — Сколько уж времени прошло, как уехали все мои соперники — как их теперь догнать? Если чей-нибудь конь вперед придет, как взгляну я в лицо другу моему — Алпамышу!»

Стал коня батыр усердней понукать,—
Конь ступить не может, — не только скакать.
Что батыру делать? Тяжко он вздохнул,
Не стерпел — коня по ляжкам он стегнул.
Тут и Байчибар не вытерпел — рванул, —
Во всю ширь тулпарьи крылья развернул:
Было в три аршина каждое крыло,
В три да с половиной каждое крыло!
Если Караджан камчой нанес удар,
Устоит на месте ль этакий тулпар?
Молнией взвился под облака Чибар,
Мчит под облаками седока Чибар,
По небу плывет он, как лебяжий пух.
Караджан глаза открыть боится — ух!
Перехватывает Караджану дух.
Молнией мелькает в небе Байчибар,
Словно бы конем и не был Байчибар.
Кается батыр, что в ход пустил камчу:
«Головой за это, видно, заплачу!
В небесах летать на что мне, силачу?
По степным просторам я скакать хочу,
Только по земле я вряд ли поскачу!
Видно, не вернусь я в тот наземный мир.
Где родился, рос я, Караджан-батыр!
Не вернусь в родные, милые края,

Своего народа не увижу я!
Плачу я, душа терзается моя.
Ой, душой, как видно, этот конь нечист!
Будто силен и статью неказист,
И в походе не был слишком норовист, —
Взвил меня — гляди — как вихрь взвивает лист!
Кружится башка, в ушах не молкнет свист,
Сердце холодеет и в глазах темно.
Что со мною будет, что мне суждено?..»
Страх гнетет батыра и тоска щемит.
Караджан-батыр глаза открыл, глядит —
По лицу земли Чибар уже летит,
Пена с Байчибара падает, как снег!
Сразу же в себя пришел Караджанбек
И по сторонам глядит, как человек, —
Признаков калм**ы**ков не находит взор.
По земле Чибар летит во весь опор,
Мчится по долинам, по подножьям гор;
Чем он дальше скачет, тем сильней задор.
Скачет так, что ног не виден перебор,
И вихрится сзади, словно смерч, песок.
Сделает скачок — на полверсты скачок!
Скачет Караджан в пустыне одинок,
Скачет и всю местность озирает он…
Солнце поднялось — стоит над головой,
Все вперед лихой несется верховой,
Замечает всадников он перед собой, —
Скачут в беспорядке озорной толпой.
У иных, однако, вид совсем плохой:
Этот конь хромает, тот едва живой.
Многие не рады той байге лихой!
Скачет калмык**а**м вдогонку Караджан,
Гикает и свищет громко Караджан.
Обернулись те — пошел переполох:
Караджан за ними — жаль, что не подох!
Все руками машут и кричат они:
— Своего коня напрасно не гони!

Первым все равно прибудет Кокдонан, —
Обогнать его, Караджанбек, не мни,
Своему Чибару зря бока не мни, —
Верное ты наше слово помяни!
Если и доскачешь, зря доскачешь ты, —
Первым Кокальдаш домчится до черты,
Горько от стыда потом заплачешь ты!.. —
Видит Караджан, что их лукав совет, —
Скачет Караджан за всадниками вслед.
Молнией Чибар уносится вперед,
И разбег все больший, больший он берет.
Поотстали все, а Байчибар несет, —
Он один, а их — без одного пятьсот!
Славный Караджан ведет отставшим счет.
Вся толпа калм**ы**ков гикает, орет,
Кадыки выпячивают, кривят рот:
— Это же не конь, ублюдок, он, урод!
Силу эту взял откуда он, урод?
Он же всех обгонит, первым он придет, —
Хоть бы околел, проклятый, не в черед!.. —
И, своих коней стегая, говорят:
— Польза нам от вас какая? — говорят. —
За коней считать вас надо ль? — говорят, —
Жалкие вы клячи, падаль! — говорят, —
Будем из-за вас в большом уроне мы, —
Гордую узбечку провороним мы!..

Караджан камчой опять Чибара бьет,
Скачет напролет он день и ночь вперед,
Чрез овраги скачет, чрез навал камней.
Обогнал Чибар четыреста коней,
Обогнал еще он шестьдесят коней,
Остальные рядом, но и остальным
Тоже не под силу мчаться рядом с ним.
Байчибар летит, как вихрь, неутомим,
Молнией несется по пескам степным.
Вот уже он всех коней опередил,

Те за ним несутся из последних сил:
Вытянулись выдрами кони за ним,
В воздухе висят в погоне за ним.
День прошел и ночь, и вновь настал рассвет.
Скачут, скачут, терпят много тяжких бед.
Многих скакунов и седоков уж нет, —
Не топтать им больше Байчибара след,
Не узнать, кому Барчин присудит суд:
Много их свалилось, — те ползком ползут,
Те лежат на месте и песок грызут,
А иных — степные вороны клюют.

Солнце все сильней над головой печет,
Час обеда близок, но обед не ждет.
Скачет Караджан теперь один вперед,
Всем отставшим счет усердно он ведет.
Четырех коней нехватка у него, —
Кто ушел вперед — загадка для него.
И спросил бы он, да спросишь у кого?
Оглядел всю степь — не видно ничего,
Скачет Караджан невесел оттого.
Скачет и гадает, весь настороже,
И растет тревога у него в душе, —
Мочи нет терпеть неведенье уже!
Вдруг заметил точку Караджан вдали;
Будто эта точка движется в пыли,
Лучше пригляделся — всадник впереди, —
У Караджанбека екнуло в груди.
Крикнул Байчибару: «чу!» Караджанбек,
Вытянул на нем камчу Караджанбек,
Молнией понесся Байчибар вдогон.
Караджан гадает: «Что за человек?»
Всадника, однако, настигает он.
Тот калмык сидел на ханском, на гнедом
Резвом жеребце — красавце молодом.
Был Караджанбеку ханский конь знаком, —
На ноги лег**о**к, однако же с грешком:

Если он пошел — помчится ветерком,
Окарачишь вдруг — завертится волчком
И вперед потом не ступит ни на шаг,
Беспокойный конь — гнедой алакарак!
Знал гнедого норов Караджан-батыр, —
Насывая он у всадника спросил.
Вынул насывай калмык и угостил.
— Кто ушел вперед? — Караджанбек спросил, —
Крикнул: «чу!» — коня во весь опор пустил.
Удила Чибар мгновенно закусил, —
Поскакал вперед — что только было сил.
Глупый тот калмык обман сообразил,
Но гнедой — ни с места, где стоял — застыл!
По коню калмык камчою зачастил,
А гнедой лишь глаз на всадника скосил
И, на месте стоя, землю замесил,
Наземь повалился, всадника свалил.
Тут седло упало, сбруя тут сползла,
И калмык медведем заревел со зла…

Снова день проходит — полдень настает.
Скачет Караджан и все глядит вперед, —
Издали он видит снова ездока, —
Стал он нагонять лихого ездока.
Но, и не догнав, еще издалека
Узнает батыр в коне наверняка
Тоже из конюшни ханской шапака!
Байчибар уже сравнялся с шапаком,
Едет Караджан конь о конь с калмык**о**м,
Но не обгоняет шапака Чибар,
Скачет морда в морду с ним пока Чибар.
Хлещет Караджан камчой коня, но тот
Все никак не может вырваться вперед, —
Морда в морду рядом с шапаком идет.
«Вот беда! — в тревоге мыслит Караджан, —
Конь отличный, строгий! — мыслит Караджан, —
Обогнал он многих, — мыслит Караджан, —

Тут ослабли ноги! — мыслит Караджан.
Сглаз иль хворь какая? — мыслит Караджан. —
Эх, ты тварь такая!» — мыслит Караджан.
Шапака ругая, мыслит Караджан:
«Чтоб ты околел и чтобы сдох твой хан!
Вот еще напасть лихая на меня!»
Также Байчибара бедного браня,
Понукает, хлещет Караджан коня, —
А подходит дело к середине дня.
Вырвался Чибар на голову вперед,
Сделал Байчибар внезапный поворот, —
Шапаку дорогу преградил — и тот
Мордой к солнцу стал — и, солнцем ослеплен,
Хитрым Байчибаром был опережен.
И еще привычкой был он наделен:
Если слышит сзади конский, топот он,
То вперед, как вольный ветер, устремлен,
А не слышит сзади топота — сдает, —
Больше все и больше в скачке отстает.
Бьет калмык его, камчой его сечет, —
Конь, не слыша сзади топота, сдает…
По степи один летит Караджанбек,
Все по сторонам глядит Караджанбек;
Скакуна опять он видит одного,
Скачет — догоняет скакуна того,
Подъезжает ближе — узнает его:
Это был холеный ханский новый конь,
Одиннадцатитысячный соловый конь,
Тот скакун арабский по степи летит,
С головы до ног, что золото, блестит.
Скачет по горе — гора под ним гудит,
По граниту скачет — и звенит гранит,
Кажется, что ветер он опередит!
Скачет Байчибар за ханским скакуном,
Поровнялся мордой он с его хвостом, —
Вгрызся в круп соловый запененным ртом,
Вгрызся — и с дороги оттолкнул потом.

Начался у них из-за дороги спор,
Оба скакуна летят во весь опор,
Но скакун соловый был белокопыт,[24] —
Понял, что Чибаром будет он побит.
Держится он рядом, но уже хрипи
И слезами землю на бегу кропит.
А Чибар на камни жмет его и жмет:
«Пусть, мол, на камнях копыта он собьет»,
Скачет по камням выносливый Чибар,
С вытянутой шеей скачет, не сдает,
Скачет напролет весь день и ночь тулпар,
Скачет по камням он — бодр и невредим,
А соловый ханский тянется за ним.
Но, копыта сбив, жестоко он страдал
И от Байчибара далеко отстал.

Скачет Караджан — хвала ему, хвала!
Доказал он дружбы славные дела,
Скачет — не слезает ни на миг с седла.
«Где же Кокальдаш?» — гадает Караджан,
«Где соперник наш? — гадает Караджан. —
Всех опередив, меня тревожит он,
Первым прискакать на место может он.
Если я теперь его не догоню, —
Ноги бы в пути сломать его коню, —
Другу своему я горе причиню!..»
Ни себя ему, ни скакуна не жаль,
Скачет Караджан — грызет его печаль,
По степи несется, глядя зорко вдаль, —
Вглядываясь, видит впереди, вдали,
Будто над землею тень летит в пыли:
Скачет впереди еще один калмык!
Караджан вдогонку мчится напрямик,
Слышит, узнает он кокальдашев гик.
Вслед за Кокдонаном, высунув язык,
Скачет Байчибар — он обгонять привык…
Кокальдаш-батыр несется, горд и лих, —

Обскакал он всех соперников своих,
Думает: «Я первым к месту прискачу, —
Девушку-узбечку в жены получу!»
Скачет он, беды не чуя никакой.
Вдруг он слышит конский топот за собой, —
Оглянулся — видит всадника… ой-бой!
Караджан-батыр летит за ним стрелой.
Кокальдаш загикал, закричал: «Чух-чу!»
Хлещет Кокдонана, истрепал камчу.
Думает: «Он жив и конь его живой!
Кто б ни развязал их — иль чужой, иль свой, —
Только бы узнать, — заплатит головой!»
Молнией несется Кокдонан лихой,
Кокальдаш несчастный потерял покой.
То и дело он через плечо глядит, —
Как свистящий ветер, Байчибар летит.
Грозен Караджана удалого вид.
Вот уж Кокдонана Байчибар достиг,
Круп его зубами он хватает вмиг, —
Приподняв, швыряет далеко его,
Сзади оставляет далеко его,
Сам на сорок тысяч ускакав шагов.
Но и Кокдонан, однако, не сплошал:
Выправился он и снова побежал,
И, догнав Чибара, мстительно заржал,
И схватил Чибара за крестец — да так,
Что едва не треснул у того костяк,
И со всею силой так его тряхнул,
Что шагов на десять тысяч отшвырнул,
И упал Чибар, чуть шею не свернул…
Кокальдаш опять один вперед летит,
Получить узбечку он в награду мнит,
Мнит он, что ему соперник не грозит,
Что скакун узбекский, где упал — убит,
И что вечным сном и Караджан там спит.
Вдруг он слышит сзади частый стук копыт.
Обернулся — смотрит: Байчибар летит, —

Невредим в седле Караджанбек сидит!
Кокальдаш растерян, на коня сердит,
Бьет его камчой, ногами бьет, кричит,
Но все ближе, ближе Байчибар хрипит,
И уже с Донаном рядом он летит.
Скакуны ведут из-за дороги спор!
Бросил Караджан на Кокальдаша взор
И такой заводит сразу разговор:
— Ты ль не старшим братом был мне до сих пор?
Но, однако, был, как недруг, ты хитер,
Козни строил мне, готовил мне позор.
Ты меня связал, чтоб отстранить с байги,
Делал то, чего б не сделали враги, —
Ты теперь хотя бы честь побереги,
Выслушай меня и отвечай — не лги:
Сколько дней ты гонишь своего коня?
Как же до сих пор не обогнал меня?
Верной дружбы что ж не доказал твой конь?
Корма твоего не оправдал твой конь, —
Ведь Барчин-узбечку прогадал твой конь!
Скачешь много дней, а все же, ротозей,
Плакать ты заставишь всех своих друзей!.. —
Молвит Кокальдаш: — Не хвастай, Караджан!
Попадешь в беду, несчастный Караджан!
К месту все равно я первым прискачу,
Будь, что будь, — узбечку в жены получу!
Лучше свой язык укороти, дурак,
Вздора не болтай и не бахвалься так! —
Караджан, однако, тоже не простак,
Сразу отвечает Кокальдашу так:
— Мы пока с тобою наравне идем,
Но придешь ли первым, поглядим потом.
Кто возьмет узбечку, как жену, в свой дом,
Кто с байги уйдет, наказанный стыдом,
Кто — обласкан славой и людским судом,
Тоже, Кокальдаш, увидим, подождем! —
Скачут оба рядом тем степным путем,

Злобно на скаку бранятся — и притом,
Брань уже ведут не только языком,
Но и богатырским крепким кулаком.
Каждый дрался так и каждый так орал,
Что, казалось, — горный грохотал обвал.
Кулаки потом сменили на камчи,
Чуть было не взялись оба за мечи.
Драке нет конца, а кони горячи —
Скачут по пути, как седоки, озлясь,
Обогнать друг друга яростно стремясь,
Злобно на скаку лягаясь и грызясь.

Считая, что срок возвращения Караджана прошел, забеспокоился Алпамыш, приуныл. Вышел он на высокий холм и в подзорную трубу степь оглядывает. Видит он — скачут два коня, друг у друга дорогу оспаривая. Узнает он в одном из них Кокдонана. А Байчибара, который белой пеной и желтой пылью покрылся и казался гнедым, не узнал Алпамыш. «И коня своего, и невесты своей, и страны своей родной лишился!» — подумал Алпамыш — и свалился без чувств. Увидела это Барчин, подбежал к нему, положила его голову к себе на колени и так говорит:

— Отчего без чувств упал, мой милый, в прах?
Слезы почему у милого в глазах?
Что с тобою, мой могущественный шах?
Пери соблазнила иль недобрый дух?
Только ты упал и стал и нем и глух,
Белый свет дневной в моих очах потух.
Сокол ты конгратский, сокол ясный мой,
Хоть бы ты беды не ведал никакой,
Дорогого дяди отпрыск дорогой!
В чем причина горя твоего, ой-бой!.. —
Алпамыш вздохнул, глаза свои открыл,
На Барчин взглянул и так заговорил:
— Сердцу ль моему Барчин не дорога?
Знал я, что твое условие — байга.

За меня скакать поехал Караджан,
Не погиб ли друг мой от руки врага?
Если же мой друг Караджанбек погиб,
Значит — и мой верный конь навек погиб!
Если с Караджаном и с конем беда
И калмык в байге взял первенство — тогда
Право на тебя возьмет он от суда.[25]
Если он придет, что сможешь ты сказать?
Стать его женой как сможешь отказать?
Не пойдешь добром — он может силой взять.
Как аркан такого горя развязать?!
Как же с калмык**о**м Барчин-бедняжке жить?
Мне-то как с таким позором тяжким жить?
Для чего тогда мне жизнью дорожить?
Лучше б самому мне голову сложить!
У себя в стране я важный бек, сардар, —
Здесь, в чужом краю, меня постиг удар.
Горя и стыда чем угашу пожар,
Если он погиб, мой конь, мой Байчибар?
Если я его разыскивать пойду,
Я свою погибель в странствии найду;
Здесь оставшись, тоже попаду в беду, —
Я ведь безоружен и лишен коня.
Если калмык**и** придут — найдут меня,
На какие муки обрекут меня!
Все они с оружьем, на лихих конях,
Луки за плечами и мечи в руках, —
Сразу же меня убьют, затопчут в прах —
И моя застынет кровь на их мечах!
Если ж не убьют, то силой увезут,
От моей кудрявой, милой, увезут,
Свяжут, как овцу, и в рабство продадут.
Э, увяли все мои надежды тут!

Барчин-аим между тем взяла подзорную трубу Алпамыша и, глядя на приближающихся коней, такое слово говорит:

— Курухайт, Чибар, конь моего тюри!
Веселей скачи, не отставай, смотри!
Для тебя яйлой высокогорной будь
Белая моя девическая грудь!
Волосы мои на щетку отдаю,
Чтобы чистить шерстку мягкую твою;
Конюхом твоим я стану навсегда,
Если ты вернешься невредим сюда!
Конь алмазноногий, первым доскачи,
Снежные холмы грудей моих топчи,
Только с милым другом нас не разлучи!
На Барчин-аим, бедняжку, посмотри, —
Курухайт, Чибар, конь моего тюри!
Сердца моего кибитка так чиста,
Все еще пока не убрана, пуста.
Пусть же не сгорит, пока не обжита,
Сердца моего девичьего юрта!
Телом и лицом подобная цветку,
Горя я не знала на своем веку,
Неужель достанусь в жены калмыку?
Так уйми, Чибар, мой безутешный плач!
На тебя тумар надела Калдыргач,
Чтобы ты не ведал в скачке неудач.
Пестовал тебя и холил Байбури, —
Курухайт, Чибар, конь моего тюри!..

На холме стоит Барчин и смотрит вдаль.
Жалко Алпамыша и себя ей жаль.
Нетерпенье жжет, гнетет ее печаль.
Что ей даст байга, что ей судьба сулит?
Барчин-ай в трубу все пристальней глядит,
Видит — степь вдали как будто бы дымит, —
Но не дым в степи, а пыль вдали пылит.
Сердце Барчин-гуль тоска сильней щемит…
Кони, кони мчатся! Все ясней, видней!
Можно и отдельных различить коней!
Вот и Байчибар, и, рукавом маша, «Курухайт!» —

кричит Барчин, едва дыша.
До ушей Чибара долетел призыв.
Гриву распустив и уши навострив,
Голову на нежный голос повернув,
Он вперед рванулся, повод натянув,
Так что крепкий повод разорвался вмиг:
Второпях, как видно, Караджан-калмык
Коротко чрезмерно повод подвязал,
Сам о том забыл, — да вот и оплошал!
Видит лишь теперь поруху Караджан, —
Не теряет все же духу Караджан,
За высокую он держится луку,
Гикает, кричит он грозно на скаку,
Небо, содрогаясь, внемлет смельчаку,
Кокальдаш отстал, ой, горе калмык**у**!

Караджана конь, как ураган, понес,
Кокальдаш вдогон кричит слова угроз:
— Брату своему вонзил ты в сердце нож,
Со своим конем в могилу попадешь!
Для кого жену у брата отобьешь?
Маленьким не умер, так теперь помрешь!
Лучше, Караджан, послушал бы меня:
Не пускай вперед узбекского коня,—
Ведь чужак-узбек калмык**у** неровня!
С чужаком сойдясь, калмык**у** не мешай,
Брата своего невесты не лишай,
Гибели своей, дурак, не приближай!
Ты меня за мой совет благодари,
Придержи коня — со мной поговори,
Только не хитри, Караджанбек, смотри:
Маленьким не умер, так теперь умри!..
Не остановясь, на всем лихом скаку,
Молвит Караджан на это калмык**у**:
— Очень ты обижен, Кокальдаш, мой брат,
Очень удручен, но я не виноват, —
Сердцем быть с тобой я разве не был рад?

Этот Байчибар — моя напасть, акэ!
Знаю, что могу в беду попасть, ака!
Сроду не видал такого существа:
Видишь сам, что я в седле сижу едва.
Но господня воля, видно, такова,
А твои обидно слышать мне слова.
Знаешь сам — не беден силой Караджан:
Ты меня связал, — я развязал аркан.
Но Чибара, видно, подгонял шайтан,
Или так учил его байсунский хан, —
Он понес меня, как буйный ураган.
Повод я тянул, насколько было сил,
Только прыти я его не укротил.
Я ему уздою разрываю рот, —
Он несет меня, как бешеный, вперед!
Видно, где-нибудь он шею мне свернет!
Разве я по доброй воле так скачу?
Неужели смерти я своей хочу?
Можешь убедиться, Кокальдаш-ака!
«Стой!» — он крикнул вдруг, чтоб обмануть врага,
Громко крикнул: «Стой!» — шепнув тихонько: «Чу!» —
И на Байчибаре вытянул камчу.
— Э, мой Байчибар, конь удалой, лети!
Скоро отдохнешь, теперь стрелой лети!
С дружеского нам нельзя свернуть пути, —
Ай-Барчин для друга мы должны спасти!.. —
Кокальдаш-батыр от злобы задрожал:
Как он так позорно снова оплошал!
— Чтоб ты, Караджан, подох! — он закричал
И с проклятьем повод конский придержал.
А Чибар вперед далеко убежал, —
Торжество победы он предвосхищал,
И хотя от долгой скачки отощал, —
Чуя близость цели, весело заржал…

На байге народу десять тысяч юрт,
Все калмык**и** там, и всё узбеки там.

Разговоры, споры… время быть коням!
Вдруг, как резкий ветер по густым садам,
Пронеслось волненье по людским рядам.
Вытянули шеи, зорко вдаль глядят,
Как шмелиный рой, встревоженный, гудят,
Напирает задний на передний ряд,
Взоры нетерпеньем у людей горят.
Кони, кони скачут! Всадники летят!..
Одного коня, однако, видит взгляд.
Чей же это конь — все угадать хотят.
Ой, какой тулпар, — поистине крылат!
— Это Байчибар! — узбеки говорят,
И за Караджана каждый очень рад.
— Это Кокдонан! — калмык**и** говорят,
И за Кокальдаша каждый очень рад.
Нет, не Кокдонан! — он более поджар.
Ясно всем теперь, что это Байчибар…

Байчибар, прискакавший первым, не остановясь, обежал семь раз бархатную юрту Барчин. После этого Караджан придержал поводья и остановил коня. Бросились к нему девушки Барчин, помогли Караджану сойти с коня, усадили на ковер, высоко подняли и внесли в бархатную юрту. Девушки повели коня в проводку, чтобы остыл, и привязали его к колу. Тогда к Байчибару подошла Барчин, протерла коню глаза шелковым платком, вытерла с него пыль и пот. Измученный болью от гвоздей, забитых калмыками в его копыта, не мог больше Байчибар на ногах устоять — и упал на землю. Осмотрела его Барчин — и, увидя гвозди в копытах, расплакалась:

— Горько плачу я, себя виня во всем.
Только б Алпамыш не ведал ни о чем!
Калмык**и**-враги что сделали с конем!
Как еще душа жива осталась в нем?!
Где такой другой отыщется тулпар?
Мужеству его дивятся млад и стар!
Как такую пытку вынес Байчибар?

Ни одной здоровой у него ноги!
Как еще живым вернулся он с байги?
Плачьте, Алпамыша подлые враги!.. —
Девичья печаль расплавит лед и сталь.
Барчин-ай в слезах — ей Байчибара жаль.
Смотрит на его копыта и скорбит, —
Как извлечь ей гвозди из его копыт,
Если гвоздь иной до самых бабок вбит?
Но поменьше гвозди надо ей извлечь!
Шелковый платок Барчин снимает с плеч, —
Замотав копыта в шелковый платок,
Барчин-ай у конских распласталась ног —
Вырвала зубами за гвоздком гвоздок!

Тут уже подоспели и отставшие на байге калмыки. Стали готовиться к другим состязаньям. Девяносто без одного собралось богатырей. Богатыри шумят, волнуются; шумят, волнуются узбеки-байсунцы и все калмыки.

Объявлено было, что калмыцкие богатыри будут состязаться с узбекским пахлаваном в натягиваньи луков.

Девушки, молодки рядами сидят,
О судьбе Барчин, гадая, говорят.
Калмык**и**-батыры мимо них пылят,
Едут, избоченясь, щуря лихо взгляд,
Удивить красавиц удалью хотят, —
Девушки на них насмешливо глядят.
А меж тем вдали мишени мастерят.
Лучники-батыры выстроились в ряд.
Все попасть в мишень желанием горят,
Все Барчин в награду получить хотят,
Каждый про себя уже заране рад…
Очередь друг другу все передают,
Боевые луки в руки все берут,
На тетивы стрелы острые кладут,
Тетивы тугой натягивают жгут,

Боевые луки доотказа гнут,—
И свистит стрела, и на лету поет.
Молнии быстрей летящих стрел полет,
Только ни одна в мишень не попадет:
Эту — чуть пониже цели пронесет,
Эту — чуть повыше цели пронесет,
А у многих стрел и вовсе недолет.
Сердятся батыры, их досада жжет.
А иной стрелок так сильно лук согнет,
Что сломает лук и со стыдом уйдет.
Восемьдесят восемь отстрелялось.
Вот — Кокальдашу также подошел черед.
Кокальдаш стрелу на лук тугой кладет,
На мишень прицел старательно берет,
Тянет тетиву — летит его стрела…
— Есть! Попал! — он сразу радостно орет,
Но не слышит он, чтоб ликовал народ.
Посмотрел батыр, — ой-бой, великий срам:
Лук свой боевой сломал он пополам!..
Алпамышу-беку подошел черед.
Боевой свой лук спокойно он берет.
Этот лук его не деревянным был, —
Бронзовым, в четырнадцать батманов был!
На чеканный лук рука его легла,
Бросил на мишень он зоркий глаз орла,
Вынул он стрелу, а та стрела была
Длинной, как копье, и острой, как игла.
Калмык**и** все смотрят на его дела, —
Зависть глубоко их души обожгла:
Где такая сила взяться в нем могла?..
Тянет Алпамыш тугую тетиву,—
Вытянет ли он такую тетиву?
Вытянул! Летит точеная стрела, —
Попадает в цель, — хвала ему, хвала,
Беку Алпамышу за его дела!
И не сломан лук и тетива цела,
И калмык**а**м плакать хочется со зла:

И стрельба из луков счастья не дала!..

Третье нужно им условье выполнять, —
Нужно им из ружей по теньге стрелять,
Пулею попасть — был уговор таков, —
В малую теньгу за тысячу шагов.
Ой, не зря смятенье в стане калмык**о**в, —
Будет ли теперь удача для стрелков?
Боевым своим играючи ружьем,
Алпамыш-батыр промолвил: «Хоп! Начнем!» —
С ружьями калмык**и** стали выступать,
Очередь друг другу стали уступать,
По теньге-мишени пулями стрелять.
Но шагов на сто иль на сто двадцать пять
Только и могли их пули доставать.
Кокальдаш-батыр судьбу решил пытать —
Из ружья теньгу далекую достать.
Как он ни старался промаху не дать,
Только ничего не вышло у него —
На пятьсот шагов он выстрелил всего!
Калмык**а**м удачи не было опять!
Сердце Алпамыш обрадовал в тот час:
Он берет ружье и боевой припас,
Целится в теньгу, сощурив левый глаз,
Целится — и пулей бьет в теньгу, как раз,
В малую теньгу на тысячу шагов,
Доказав бессилье всех своих врагов…
Первенства не взяв ни в скачке, ни в стрельбе,
Калмык**и** проклятья шлют своей судьбе,
Будет ли теперь удача им в борьбе?
Иль узбек узбечку увезет к себе?

Стрельба кончилась, начали приготовления к последнему состязанию — к борьбе. Кто самым сильным окажется, тому и будет принадлежать узбечка Барчин. Все зрители — все множество

калмыков и все десять тысяч юрт байсунцев, собравшихся в Чилбир-чоле, взялись за руки и расселись на земле вокруг майдана.

Девяносто без одного калмыцких богатырей во главе с Кокальдашем уселись в ряд по одну сторону, Алпамыш с Караджаном — по другую. Середина круга была оставлена свободной, — получился просторный майдан для борьбы. Люди полили пыльные места водой.

Встал со своего места Караджан, скинул верхнюю одежду, — одежду для борьбы надел, подпоясался — и вышел на майдан. Первым противником Караджана был объявлен Кошкулак-батыр.

Караджан обходит медленно майдан.
Кошкулак — ему навстречу, пахлаван.
Смотрят калмык**и**, все топчутся кругом.
«Караджан был нашим кровным калмык**о**м, —
Спутался с узбеком, с этим сосунком, —
Может навсегда нам сделаться врагом!..»
«Мы могучи оба!» — мыслит Кошкулак, —
«Это силам проба!» — мыслит Кошкулак, —
«Чтоб он сдох! — со злобой мыслит
Кошкулак… — Подниму его — да стукну обземь так,
Что зарою в землю, — подыхай, болван!»
Кошкулак-батыр выходит на майдан,
Скидывает он калмыцкий свой чапан,
По пояс батырский обнажает стан.
У калмык**о**в смех: «Попробуй, Караджан,
Погляди, какой могучий пахлаван!
Он тебя проучит, этот великан!
Видишь, как свисают у него усы!
Хвост не так пушист бывает у лисы,
Длинной нет такой девической косы!
Мыши забрались однажды в те усы,
Поселились там — пошел от них приплод,
Выследил мышей один проворный кот, —
И в усах за ними гнался целый год.
Вот какой батыр — калмык тот Кошкулак!
С тыкву у него величиной кулак!..»

Голову нагнув, идет, могуч, как бык,
На Караджанбека вот такой калмык.
Мыслит Караджан: «Вот это враг — так враг!»
Сразу же схватив калмыка за кушак,
Поднял он его — тряхнул, швырнул, да так,
Что калмык усатый сразу в землю влип
И, ревя медведем, тут же и погиб…

И другой калмык выходит на майдан,
Голос у него не голос — барабан!
Чтоб его батырский опоясать стан,
Взять в пятьсот размахов надобно аркан.
Караджан сказал: — Ты на меня? Изволь! —
Обхватил, приподнял — бросил в Чилбир-чоль.
Видит — на майдан еще калмык идет,
Караджан-батыр стоит спокойно, ждет
Подошел противник — подтянул живот,
Караджан его легонько ткнул в живот, —
Тот упал и душу богу отдает…

И четвертый вышел на майдан борец —
Всех богатырей калмыцких образец.
Если крикнет он — весь мир бросает в дрожь.
Ног таких огромных в мире не найдешь:
Лишь из девяноста крупных бычьих кож
На такие ноги кавуши сошьешь!..
С бранью тот калмык выходит на майдан.
Двинулся к тому калмыку Караджан.
В драке и в борьбе Караджанбек — знаток:
Он калмыка сжал — калмык вздохнуть не мог,
Чувствует калмык — приходит смертный срок.
Караджан его хватает поперек,
Через голову швыряет на песок, —
Кончился калмык — лежит костей мешок!
Караджан его с майдана уволок…

И еще выходит на майдан калмык,

Истинно громадный пахлаван-калмык,
Если разъярится, если в гнев придет,
Камень раскалится и растает лед.
Девяносто дай ему верблюдиц в день, —
Он сожрет их всех — и жрать еще не лень.
След в песке оставит этот великан, —
Можешь в след насыпать хоть мешок семян.
Вот какой калмык явился на майдан!
Осень подошла — цветник поблекший пуст, —
Сядет и ворона на розовый куст.
На Караджанбека вышел тот калмык —
Смерти грозный клич услышал тот калмык.
За кушак его Караджанбек взялся,
Поднял калмык**а** — швырнул под небеса…

На майдан другой калмык идет опять, —
Ст**о**ит он один иных батыров пять.
Полномерных дважды шестьдесят аршин
Алачи потребно на колпак ему,
Целых девяносто надобно овчин
Да еще одну бы на тельпак ему.
Вот какой калмык тут вышел на майдан!
С ним в борьбу вступает смелый Караджан:
Он его хребет могучий перегнул
И спиною наземь он его швырнул.
Своего желанья не достиг калмык, —
Лишь земли коснулся — кончился он вмиг!
Снова одинок остался Караджан…

И еще калмык выходит на майдан.
Нашавандом был калмык тот — великан.
Накурился он изрядно анашой,
В голове его от анаши туман, —
Караджану-беку объявляет бой.
Этот нашаванд обличьем был таков:
Шаг его считай за сто людских шагов,
Шея, как у самых матер**ы**х быков.

Палицу держал он — и была она
Пятистам локтям без десяти равна.
Пиалу имел он — эта пиала
Больше головного хауза была, —
Восемнадцать их он выпивал до дна!
Дважды девяносто надобно аршин,
Чтобы для него скроить карман один.
Вот какой калмык выходит на майдан!
Был тот нашаванд, калмыцкий пахлаван,
Тем сильней, чем больше анашой был пьян.
Машет он руками, гневом обуян, —
Двинулся ему навстречу Караджан,
Смело стал бороться с пьяным силачом:
Пятерых побил — и этот нипочем.
Тот нажмет одним, а он — другим плечом,
Топчутся они, и вся земля кругом
Вспахана ногами, словно омачом.
Нашаванд борцом весьма могучим слыл,
Но борьбы искусство плохо изучил:
Сразу слишком много сил он расточил,
Караджан его нарочно горячил,
Сам своих пока не расточая сил.
Посмотри, каков тот Караджан-борец, —
Силу приберег под самый он конец!
Тот калмык моргнуть и глазом не успел,
Как под облака под самые взлетел, —
Так его швырнуть Караджанбек сумел!
Головой он, верно, облако задел —
И от анаши мгновенно отрезвел.
Наземь он упал — и страшно захрипел,
Смерти он своей уже в глаза смотрел.
Так Караджанбек шестого одолел!..
Весь калмыцкий люд вскочил и зашумел.
Тут седьмой калмык бороться захотел,
Но, как первых шесть, и он не уцелел.
У Караджанбека много было дел:
Одолеть он всех противников хотел.

Гору навалив калмыцких мертвых тел,
— Выходите все! — он громко загудел.
Так у девяноста силачей без двух
Вышиб Караджан в единоборстве дух,
Трупы их высокой кучей навалив.
Кокальдаш-батыр один остался жив…
Вечер наступил, и ночь была близка,
На ночь прекратить борьбу пришлось пока.

Утром, переодевшись, вышел на майдан сам Алпамыш и стал вызывать Кокальдаша на бой. Говорит ему Кокальдаш-батыр:

— Не гордись, узбек, не надейся получить возлюбленную свою. Смотри, как бы не погиб ты здесь на чужбине. Лучше сразу уступи мне дочь узбека Байсары…

Слова эти услыхав, так ему ответил Алпамыш:
— Видан ли подобный бек или тюря,
Кто, любовью пылкой к девушке горя,
Уступил врагу невесту бы свою,
Если не погиб из-за нее в бою?
Глупый ты, калмык! Об этом говоря,
Время только тратишь в разговорах зря.
Лучше выходи ты на майдан, дурак, —
Там тебе ответ мой будет дан, дурак!.. —
Обозлился, слыша это, Кокальдаш,
С головы сорвал и бросил свой колпак;
Крикнул: — Если так, ты душу мне отдашь! —
Тут же он разделся, подпоясал стан,
Минарета выше, — вышел на майдан.
Машет он руками и, как лев, сердит —
Пыль до облаков он на ходу клубит.
Алпамыш с тревогой на него глядит:
«Ну, а вдруг калмык узбека победит?!»
Очень был свирепым Кокальдаш на вид.
Из толпы меж тем несутся голоса:
— Поскорей бы взяться вам за пояса!

Тут бы стало ясно, кто сильней, слабей!.. —
И за Алпамыша Кокальдаш взялся,
И за Кокальдаша Алпамыш взялся, —
Снова шум большой в народе поднялся:
— Алпамыш! — кричат узбеки, — не робей! —
Калмык**и** кричат: — Э, Кокальдаш, смелей! —
Силы не жалеет Алпамыш своей,
Кокальдаш в борьбе становится все злей.
Но ни Алпамыш не свалит калмык**а**,
Ни калмык его не одолел пока.
Гнут хребты друг другу или мнут бока —
Хватка у того и этого крепка!
На майдане два соперника-борца
Борются, как два шакала-одинца,
Только нет упорной их борьбе конца, —
И народ не знает, кто же верх берет,
И шумит, терпенье потеряв, народ…

Опасаясь за исход единоборства, Ай-Барчин обращается к Хакимбеку, — такое слово говоря:

— Розы куст в саду благоухан весной.
Соловей поет, любовью пьян, весной.
Вы не евнух ли, сын дяди, милый мой,
Если своего соперника, увы,
До сих пор в борьбе не одолели вы?
Что с тобою стало, милый бек Хаким?
Иль не дорога тебе Барчин-аим?
Если ты с врагом не справишься своим,
Я вместо тебя борьбу продолжу с ним.
Мужества не меньше у твоей Барчин,
Сил не меньше есть, чем у иных мужчин.
Если ты столь слаб, мой бек, мой господин,
Я сама сейчас, одевшись по-мужски,
Перед всем народом выйду на майдан,
Калмык**а** такого разобью в куски!

Э, возлюбленный мой Алпамыш, мой хан!
Что же ты молчишь, меня томишь, мой хан!
Иль напрасно был ты с детства мне желан?
Девушками ты осмеян, Хакимджан!
Евнухом тебя они теперь зовут, —
Девушек насмешки сердце мне сожгут.
Люди от героев дел геройских ждут,
Доблести дела потомки воспоют,
Слабости дела навеки осмеют.
Соберись же с духом, силу собери,
Калмык**а**-врага, мой милый, побори!
Если ж не поборешь — сам себя кори, —
О любви ко мне молчи, не говори!.. —
Ай-Барчин слова такие говорит.
Долго Алпамыша бедного корит.
Сердце Алпамыша от стыда горит,
Жгучая слеза глаза ему слепит, —
От любимой столько слышит он обид!
Калмык**о**м ужели будет он побит?
Чести он своей ужель не отстоит?
Силы неужель не удесятерит?
Страстью соколиной Алпамыш кипит.
Ярым гневом львиным Алпамыш горит,
Силою тигриной Алпамыш налит:
Калмык**а** он жмет — калмык едва стоит.
Калмык**а** он гнет — хребет его трещит;
От земли его он отрывает вдруг,
В небо высоко его швыряет вдруг!
Видя это чудо, весь народ шумит,
Головы закинув, в небеса глядит,
Как батыр огромный с неба вниз летит, —
Альчиком игральным кажется на вид.
В землю головой зарылся наш батыр —
И погиб злосчастный Кокальдаш-батыр…

Счастлив Алпамыш, горда Барчин-аим.
Горе калмык**а**м — все плачут, млад и стар:

Слишком им тяжелый нанесен удар,
Цвет народа их в тот черный день зачах!
Сколько их батыров там погибло — страх!
У калмычек скольких слезы на глазах!
Удручен судьбой, ушел калмыцкий шах,
А за ним и весь народ его в слезах…

Песнь пятая

Калмык**а**м — печаль, узбекам — торжество.
Десять тысяч юрт народа своего
Байсары теперь к себе на пир зовет, —
Дочь за Хакимбека замуж выдает.
По степи Чилбирской, мчась во все концы,
Эту весть разносят конные гонцы —
И спешит на пир со всей степи народ.
Байсары, одетый в бархат и атлас,
Много белых юрт расставил напоказ,
Много всякой снеди для гостей припас, —
Выдает он замуж дочь, зеницу глаз!
— Казаны неся, приходят повара, —
Свадьбы наступает шумная пора.

Калмык**у** нет жизни со зла,
Весь он посерел, как зола:
Барчин-ай, как месяц, светла,
Счастье с Алпамышем нашла,
Свадьба Ай-Барчин весела!
Сколько там верблюдов, коней!
Нет гостям на свадьбе числа!
Длится пир немало уж дней,
Не было улаков шумней:
За козлом бросают козла,
Тучны все козлы и пестры, —
Так вот пировал Байсары!

Режут без числа овец-баранов тут,

Режут лошадей — и то числа не чтут,
Гости безотказно — все едят и пьют,
День за днем улак в пяти местах ведут.
Стариков почтенных избирают в суд;
Споря об заклад, в улачную казну
Спорщики немало золота несут.
Седоков лихих какие сборы ждут!
Пляшут плясуны, бубнисты в бубны бьют,
О батырах славных шайры поют.
Кто бы ни пришел — он гость желанный тут,
Никого едой-питьем не обнесут,
Да еще подарки всем гостям дают…
Ровно сорок дней так пировали там —
Стали разъезжаться люди по домам.

Окружен гурьбой джигитов бек Хаким,
Должен, как слуга, прислуживать он им:
С древности такой обычай мы храним!
Девушки теперь гурьбой к нему идут,
Сходится к нему весь молодежный люд;
Женщины готовят девять вкусных блюд,
Эти блюда прямо к жениху несут,
Но ему поесть кусочка не дадут, —
Всё, как есть, до крошки дружки уплетут.
А на блюдах куча денег золотых
Вырастет на радость женщин-поварих.
Бек-жених девичьим окружен кольцом,
Рядом с ним костер веселый разожжен;
Перед ним склоняясь до земли лицом,
Девушки ведут его к невесте в дом.
В доме застают почтенных стариков;
Окружив Барчин (узбекский наш таков
Свадебный обычай искони веков),
Девушки, шумя, тесней смыкают круг,
И с невестой вместе убегают вдруг, —
Якобы ее похитили они.
(Умыкали так невест в былые дни.)

Свадебный таков узбекский наш обряд!
Молодухи тоже покидают дом,
Где невеста скрыта выпытать хотят,
Но ее подружки им не говорят.
Все-таки она находится потом.
Ставленники мулл — так водится притом —
Просят, чтоб невеста им дала ответ:
Будет жениху согласье или нет?
А она не может побороть стыда —
И не отвечает им ни «нет», ни «да».
Ставленники мулл отступятся тогда, —
Девушкам вмешаться настает черед.
Ту, что от нее согласие берет,
Гости награждают от своих щедрот.
(Сохранил такой обычай наш народ,
Называется «открыть невесте рот».)
Ставленник теперь назначен от Барчин, —
Хакимбек ее согласье получил.
Свадебный идет своим порядком чин.

Ставленники от обеих сторон вошли к собравшимся, и мулла опросил их. Получив ответы ставленников, которым за их свидетельство тоже кое-что перепало, мулла прочитал молитву. Хакимбеку также задано было несколько вопросов-условий, все это скрепили письменным брачным договором; молодых поздравив, остались все довольны и разошлись.

Бархатную юрту новобрачных пологом завесили. Хотел Хакимбек с несколькими дружками своими в юрту войти, но женщины, бывшие там, показали по обычаю «смерть старухи», кое-что получили за это, но все-таки, жениха не впуская, — устроили «собачье рычание», — за это тоже получили кое-что и лишь тогда впустили жениха в юрту.[26] Хаким и дружки, все время кланяясь, за откинутый полог прошли; женщины дастархан перед ними разостлали, подали баранью грудинку. Дружки жениха, насытившись как следует, роздали женщинам тюбетейки, платки, платья. Исполнив все, что по обычаю положено,

дружки жениха удалились. В это время толпа девушек, приведя Ай-Барчин в юрту, окружила Хакима, так говоря:

— Ты теперь во власти девичьей, — исполни старый обычай!.. — Положили они жениха на белую кошму, бархатом подбитую, стали поднимать его. Тяжел был Хаким, — с трудом удалось девушкам чуть-чуть над землей приподнять его.

Тут вошли снова замужние женщины и, обычаю следуя, совершили над ними обряд «поглаживания волос» и «держания руки», [27] за что тоже одарены были. Несколько старух после этого ещо пошутили с новобрачными, сказав:

— Теперь — как хотите, так и забавляйтесь.

С этим они и ушли. Осталась юрта только для Хакимбека и для Барчин.

— Плач ёго погибших недругов услышь! —
Брачную прочел молитву Алпамыш,
И, соединившись с той, кого любил,
Беды и невзгоды с нею позабыл, —
Чашу наслажденья до утра он пил.
Сбывшейся увидел он мечту свою!
На заре уходит он в юрту свою,
Девушки к нему — красавицы идут,
О его здоровье справиться идут.
Много молодух приходит и старух, —
Золото на блюда им Хаким кладет:
И такой обычай наш народ блюдет!
Дружки жениха являются, — вожак
От молодожена требует «улак».
Исполняет бек, что просят от него:
Каждый по козлу уносит от него.
Караджан приходит к другу своему, —
Гости воздают большую честь ему…

Дни за днями шли — Алпамыш с женою своей обратно в Конграт, на родину стал собираться, а с ним и весь десятитысячеюртный народ

байсунский, с бием своим Байсары томившийся на чужбине, в калмыцкой стране.

Но сам Байсары, старый упрямец, обиды на брата своего не забыв, говорит: «Не поеду!..»

Приходят к нему большие и малые люди из народа его — уговорить его пытаются, так говоря:

— Весь твой народ уйдет, один ты на чужбине останешься, — где потом крылья возьмешь, если улететь захочешь? Крылья твои, сила твоя — десять тысяч юрт народа твоего! Останешься одиноким — горько раскаешься. Было время — уважаем ты был здесь, каждое слово твое законом звучало. На Тайча-хана, калмыцкого шаха, надеялся ты, думал, что он тебе навсегда искренним другом будет. Время прошло, — сколько обид претерпел ты здесь от калмык**о**в из-за посягательств их на дочь твою! Ты — старший над нами, — не упрямься, одумайся, не оставайся одиноким в стране врагов наших…

Выслушал Байсары слова сородичей своих, — так отвечает им:

— Проклят будь мой брат Байбури, — из-за него на мытарства обрек я себя. Сердце мое надломил он обидой, мне нанесенной, родину из-за него я покинул, а он в гордыне своей ни разу и не осведомился обо мне. Хоть бы и вернулся я, не быть мне тем, кем прежде я был. Раз уж так суждено, пусть сын брата моего увезет от меня дочь мою Барчин, а я — не поеду. Лучше пусть убит буду калмыками, а в Конграт никогда не вернусь…

Такой ответ дал он соплеменникам своим. Сообщили об этом люди Хакимбеку, — послал к нему Хаким посланцев своих, такой наказ им дав:

— Уговорите вы дядю — тестя моего, — боюсь, как бы кости свои не оставил он одинокими на чужбине, вдали от страны отцов своих.

Не внял старый гордец словам посланцев Хакима, никаких вразумлений их слушать не хотел, стоял на своем: «Не поеду!». Сказали ему:

— Подождем тебя еще сорок дней, — может быть, одумаешься.

Сорок дней раздумывал Байсары, совещался с народом своим, — все-таки при своем решении остался. Десять тысяч юрт племени байсунского вместе с Барчин-аим на родину откочевывают, — старый Байсары с домочадцами своими на чужбине остается.

Обряд «показа жениха» решил он соблюсти на прощанье: баранов заколол, позвал к себе утром дочь свою Барчин-ай, Хакима, зятя своего, а также друга его — Караджана, хорошо их угостил, одежды хорошие на плечи им всем накинул, — и провожать их вышел:

Тот, кто красноречьем оснастил уста,
Всем словам умеет находить места…
В полдень горький час разлуки настает.
Караван верблюдов отправленья ждет;
Ровно их пятьсот — и в одного один, —
Грузится на них приданое Барчин.
Плачет Барчин-ай, ручьями слезы льет,
Боль ее сердечко на кусочки рвет.
Бедненькой такая мука суждена!
С матерью, с отцом разлука суждена!
Отправляется на родину она,
На чужбине злой оставить их должна.
Хочет Ай-Барчин уговорить отца,
Но нельзя сломить упорство гордеца.
Разрывает горе всем троим сердца.
Все же в дальний путь пойти придется ей.
Вот уже подводят иноходца ей,
Вот и Хакимхан и Караджан-батыр,
Сбрую осмотрев, садятся на коней.
Трогается с места остальной народ,
Откочевывает в край родной народ.
Громко чабаны кричат: «Курхайт! Курхайт!»
Замычал, заблеял беспокойный скот;
Гонят чабаны сначала дойный скот.
Будь благословен на родину исход!

Вышел Байсары проводить в далекий путь Ай-Барчин свою, сильно сердцем расстроился, но желая утешить дочь, такое слово ей говорит:

— Барчин-ай, дитя мое, не унывай,
Сердце, по отцу скорбя, не надрывай.
Будь жива-здорова, горя не знавай!
Уезжаешь ты на родину, к родне,
Ты не одинокой будешь в той стране.
Доченька моя, послушай речь мою:
Если отправляю вдаль я дочь свою,
Все-таки ее не в рабство продаю, —
За того, кто люб ей, замуж выдаю.
Если я свою овечку огорчил,
Нехотя ее сердечко огорчил.
Сам себе я тоже старость омрачил,
Боль разлуки рвет и мне на части грудь.
Доченька моя, езжай, счастливый путь!
На меня, дитя, в обиде ты не будь, —
Я не калмык твою судьбу вручил,
С ровней, со своим тебя я обручил.
Не горюй напрасно, столько слез не лей,
Ясные глаза-нарциссы пожалей.
Все равно в калмыцкой вражеской стране
Не было б тебе покоя и при мне.
Мало ль настрадалась ты от калмык**о**в?
Сколько проливала слез по их вине!
Ты от них теперь избавлена вполне.
Поезжай, дитя, на родину, к родне, —
Ласку и любовь найдешь у земляков.
Любит птица-кобчик сесть на косогор.
Знала ты одно лишь горе до сих пор,
Натерпелась бед не по своим летам,
Но врагам своим сумела дать отпор.
Девушкой тебя природа создала,
Но свершить такие б ты могла дела,
О которых бы мечтал и сам Рустам!
Девушкой родясь, батыров ты сильней,
Ты моя опора на закате дней.
Власть я утерял на родине своей,
Байбури один хозяйничает в ней.

В сердце я глушу жестокой муки крик, —
Остаюсь один, беспомощный старик.
Кто мои друзья? Вокруг меня калмык, —
Бессердечен он, не только безъязык!
Ока моего зрачок бесценный, знай:
Без тебя утехи нет мне, Барчин-ай!
Поезжай, дитя, приедешь в край отцов,
Худом своего отца не вспоминай!

Дочь свою проводив, вернулся Байсары в дом, а весь десятитысячеюртный народ конгратский отправился в путь. Одиноким остался Байсары, разлученный и с народом своим и с дочерью.

Шумела его голова от горьких мыслей, тяжело ему было на чужбине оставаться, — пленом она стала ему…

А в это время коварная старуха Сурхаиль, узнав о гибели своих сыновей-богатырей и о том, что младший сын ее Караджан ушел с Алпамы-шем в Конграт, плача от горя, такое слово говорит:

— Дети мои, дети, вы мои сыны!
Были вы в стране калмыцкой так сильны,
Но пришел узбек — и вы, мои сыны,
Перебиты им, мертвы мои сыны!
Нет у Сурхаиль детей-богатырей,
Как ей жить одной без сыновей-друзей!
Плачет Сурхаиль — нет утешенья ей.
Караджан — хоть жив, но сердце мне разбил.
Я была крылатой, но лишилась крыл,
Скакуном была, — осталась без копыт!.. —
Плачет Сурхаиль, слезами прах кропит,
Космы распустила, на всю степь вопит.
Некому излить ей боль своих обид.

В такой сильной досаде решила она отправиться к шаху калмыцкому, выложить ему горе свое. С распущенными волосами, лицо ногтями исцарапав, приходит она во дворец.

При жизни сыновей своих была она в государстве женщиной важной, — почтительно встретили ее слуги придворные, — повели к шаху калмыцкому.

Говорит шаху такие слова старуха Сурхаиль:
— Посмотри, как вся я пожелтела, шах!
У меня к тебе есть просьба-дело, шах!
Можешь ли ты, шах мой, думать о делах?
Можешь ли понять, что разорен ты в прах?
Должен ли ты знать, что из твоей земли
Свой несметный скот узбеки увели?
Можно ль допустить, чтобы один узбек
Целую страну заставил так страдать?
Может ли тебе подобный человек,
Шахом будучи, врагу противостать?
Можно ль от такого шаха пользы ждать?
Можно ли ему на троне восседать?
Нужен ли стране такой беспечный шах?
Есть ли где-нибудь столь бессердечный шах?
Если ты таков, не требуй ничего,
Непутевый шах, с народа своего!
Вижу я, что правду люди говорят:
Пусть, мол, жив-здоров узбек уйдет в Конграт —
В крепости своей ты отсидеться рад.
Если на узбека ты не выйдешь сам,
Знай, мой шах, что я уйти ему не дам:
Кликну клич в народе — соберу народ,
Поведу людей на недруга в поход, —
Погублю узбеков, скот их отберу!
С сыном, с Караджаном, слажу подобру, —
Иль его убью, иль я сама умру!

Услыхав от Сурхаиль такие слова, созвал шах калмыцкий всех своих советников-амальдароз, всех знаменосцев своих, — стал советоваться с ними. Узнали советники шахские, с чем Сурхаиль пришла, — согласились, что права она. Погубили, мол, узбеки всех

лучших батыров, красу страны калмыцкой, хитростью, мол, завлекли Караджана в сети свои, якобы другом своим сделали его, — в плен увели к себе. Неужели безнаказанно уйдут они, все свои стада уведя?

Тут и сам Тайча-хан в гнев пришел — жаждой мести загорясь, раскричался:

— Большое войско не медля на Нтох пошлю! Сам поход на них возглавлю! Уж если сам я выйду на них, не сдобровать им! Головы со многих посрываю, в военную добычу превращу всех, кто в живых останется, скот их отберу, жен и дочерей их пригоню, — рабынями сделаю их, на бесчестие народу раздам!

Отдал шах калмыцкий приказ — немедленно войску снаряжаться, в поход на узбеков итти.

Скачет за отрядом отряд —
Жители в испуге глядят:
«Скачут смело в бой, — говорят, —
С чем придут домой?» — говорят…
Силы калмык**о**в велики!
Едут за полками полки,
Мчатся во весь дух калмыки.
Видишь, каковы ездоки!
За плечами их — мультуки,
Меч-алмаз у всех на боку,
Кони их легки на скаку,
Седла на конях — высоки;
Знаменосцы в каждом полку,
Полководцы в каждом полку!
Дал приказ им шах Тайча-хан —
Караван узбеков настичь.
Едут через Токаистан,
Где батыры их полегли, —
В боевые трубы трубят,
О батырах павших скорбят.
Воды голубеют вдали, —
Блещет айна-кольский простор;
Травы зеленеют вдали, —
Это чилбир чольский простор.

Лихо погоняя коней,
Пыль клубя столбом за собой,
Калмыки торопятся в бой,
Горячат себя похвальбой, —
Львом себя считает любой!
Кочевой, беспечной толпой
Впереди узбеки идут —
Скот неисчислимый ведут.
Видя, что добыча близка,
Шахские ликуют войска.
Мчится за отрядом отряд,
Скачут калмык**и** — говорят,
На скаку друг друга храбрят:
«Мы им воздадим! — говорят, —
Не отбиться им! — говорят, —
В пыль их превратим! — говорят. —
Скот перегоняя в Конграт,
Заняты узбеки скотом,
Нас не ожидают притом.
Если захотим, — говорят, —
Вихрем налетим, — говорят, —
Многих перетопчем, — тогда
Сами отдадут нам стада!..»
У глупца — глаза велики,
Руки у глупца коротки.
Скачут, горячась, калмыки,
Рассуждают так, дураки!

Во-время заметив калмыков, зашумели узбеки, растерялись: стали скот собирать, каждый о себе хлопотал. Алпамыш, увидав калмыков, подумал: «Недоброе что-то замыслил шах калмыцкий, если войска нам вдогон послал».

Согласился с ним Караджан и такое слово говорит:

— Короток мой суд! — говорит. —
Если нападут, — говорит, —
Шаха пусть клянут! — говорит. —
Истребим их тут, — говорит, —
Вороны их трупы склюют.
С кем они тягаться пришли?
Я ведь Караджан-пахлаван:
Только позови на майдан, —
Степи вражьей кровью залью,
Вражью печень я просолю!
Ну-ка, шахский воинский люд,
С Караджаном встретитесь тут, —
Каждый заревет, как верблюд!

На эти слова так ответил Караджану Алпамыш:

— Слово ты мое за трусость не считай:
Гневу над рассудком воли ты не дай, —
О делах подобных, друг мой, не мечтай!
Сгоряча такой расправы не чини:
Не своею волей прибыли они, —
Зря да не найдут погибели они!
Что творят — и сами ведь не сознают, —
Может быть, и нашей крови не прольют.
Пощади несчастный, подневольный люд!
За народом нашим, друг мой, последи.
Что за кутерьма и вопли впереди?!
Разума они лишились, видно, там!..
Поспеши — людей в сознанье приведи…
Низом пусть идут… ты их предупреди:
Разобрать стада успеют и потом, —
В плен бы не попались вместе со скотом!..
Погоди-ка, друг, чуть-чуть повремени;
Земляков своих покуда не вини,
Грозным словом их сначала припугни;
Шахские ведь слуги, воины они, —

Шах пошлет — пойти обязаны они!
Воинскою службой связаны они!
Подобру назад вернуться их склони,
Пусть ни нам не будет и ни им вреда! —
Караджану так Хаким сказал тогда.
Говорят друзья, — глядят туда-сюда,—
Видят, что народ угнал вперед стада.
Может быть, бог даст, минует их беда…
Шахские меж тем приблизились полки, —
Двух друзей увидев, стали калмыки.

Хотя большинство народа ушло далеко вперед, некоторые, однако, со скотом своим задержались, отстали. Караджан с Алпамышем на глазах у калмыков собрали отставших, направили их на дорогу, а сами, оружие проверив, остались на месте.

Калмыцкое войско, постояв немного, снова вперед тронулось, но коней шагом пустили. Вышел им навстречу Караджан, — такое слово им сказал:

— Имя Караджана ношу!
Кто вас одурачил? — спрошу.
Вас предупредить я спешу:
Если полю брани тут быть,
Всех вас, дураков, сокрушу,
Кровью вашей степь орошу!
Если выну меч свой — алмаз,
Ад я покажу вам сейчас.
Саваны я всем вам припас!
Будет, говорю вам, умней,
Если повернете коней!

Вышел тут один из богатырей калмыцких — и такое Караджану слово сказал в ответ:

— Видишь, я и сам пахлаван!
Едет вслед нам шах Тайча-хан.

Это место — битвы майдан.
Стал ты глуповат, Караджан!
Плачешь ты о нашей судьбе, —
Думай лучше сам о себе!
Трудный одолели мы путь,
Вскачь сюда мы шли, не забудь, —
Но не ослабели ничуть!
Думали вы нас обмануть.
Знай, что с боевого пути
Нет у нас охоты свернуть!
Видно, Караджан, ты забыл,
Что нам твой узбек натворил,
Витязей каких перебил!
Ныне он раскается сам —
Ад откроем вашим глазам!
Мы пришли истребовать кун, —
Нам узбекская кровь — бальзам!

Караджан и Алпамыш, такие слова услыхав, гневом воспылали — и пустили своих коней на калмыцкое войско:

Яростью два бека зажглись —
На дыбы их кони взвились
И, не глядя — вверх или вниз —
Вмиг на калмык**о**в понеслись.
Но и калмык**и**, обозлясь,
Выпустили сразу коней.
Битва в тот же миг началась.
С самых незапамятных дней
Битвы не бывало грозней.
Что это за встреча была,
Что это за сеча была!
Кони, закусив удила,
Ржут, грызут друг друга со зла;
Молниями блещут мечи, —
Обе стороны горячи,

Тем и тем за храбрость хвала!
Вот так боевые дела!
Тысячи калмыцких клинков,
Два клинка у двух смельчаков:
С Караджаном бек Алпамыш
Отражают натиск врагов, —
Головы летят с калмык**о**в!
Вот он гнев батыров каков!
Словно из своих берегов
Вырвался двуруслый поток,
Так они кипели теперь,
Так рассвирепели теперь!
Трусы оробели теперь,
Шахские редели полки;
Рубят им два друга башки, —
Падают с коней, как мешки,
Мертвые тела калмык**о**в.
Раненые землю грызут,
Д**о** неба их вопли встают.
Битву два батыра ведут —
Калмыки пощады не ждут, —
Многие с майдана бегут.
Слезы их начальники льют,
Шаху донесение шлют:
«Терпим поражение мы!
Просим подкрепления мы!»
К шаху донесенье пришло, —
На него затменье нашло.
В ужас населенье пришло.
А на поле брани меж тем
Войск уничтожение шло.
Очень было им тяжело!
Все росло убитых число,
Все число бежавших росло.
Помощи им нет, как назло!
Горе им, злосчастным таким!
Сколько Алпамыш их сгубил,

Сколько Караджан перебил!
Вспомнил о народе Хаким,
Друга посылает вперед:
«Посмотри, в порядке ль народ!..»
Поскакал вперед Караджан, —
Алпамыш, оставшись один,
На себя всю битву берет.
Калмык**о**в, сновавших вразброд,
Он повыгонял из ложбин,
Ухитрился в кучку их сбить —
В одиночку стал их рубить.
Калмыки не знают, как быть:
Видят, что мечом не убить, —
Может быть, удастся его
Пикой острозубой добыть?
Но и тем не взяли его!
Так же, как не брали клинки,
Пики не пронзали его.
Растерялись вновь калмыки:
«Человечье ль в нем естество?
Хитрое тут есть колдовство!
Кровь свою напрасно мы льем, —
Справиться нельзя с колдуном!
Думали — добычу возьмем,
Вышло все иначе теперь, —
Погибаем, плачем теперь!
Лучше мы коней повернем!..»

Вышел Байкашка на майдан —
Тоже исполин-пахлаван,
Тот, с кем говорил Караджан.
С Алпамышем сходится он.
Гневом друг на друга ярясь,
За мечи, за пики берясь,
В смертном поединке таком
Бились Алпамыш с калмык**о**м.
Встреча эта краткой была,

Грозной эта схватка была!
Голову снеся калмык**у**
Кончил Хакимбек Байкашку.
Так же Кокашку он настиг —
Надвое рассек его вмиг,
Всех богатырей потеряв,
Лучших главарей потеряв,
Те из калмык**о**в, что пока
Чудом оставались в живых,
Плача о погибших своих,
Снова попытались бежать, —
Мало кто из них убежал:
Хакимбек им вновь помешал, —
Он им жизни путь преградил,
Снова, как баранов, сгрудил,
Жалости не зная, губил.
Головы наотмашь срезал —
Коням под копыта бросал,
Так при этом в гневе кричал:
«Снилась вам добыча, глупцы!
Быть вам пищей птичьей, глупцы!
Миром не хотели уйти, —
Мертвечиной стали в пути.
Мой таков обычай, глупцы:
Кровью за бахвальство плати!
Ну-ка, шах калмыцкий, гляди,
Что же натворил ты, злодей:
Сколько ты своих же людей
На смерть безрассудно обрек!
Вот тебе, злосчастный, урок!
Встречусь я с тобою, дай срок,
Моего не минешь меча, —
Я тебя убью, шах Тайча!
Так тебе, мой недруг, скажу:
Я своих врагов не щажу,
Со своих путей не схожу,
Коль дерусь — то насмерть дерусь!

Будь я обесчещен, как трус,
Если, вероломец Тайча,
Ненависть к тебе угашу,
Головы тебя не лишу!»

Так эта сеча окончилась. Немногие калмыки уцелели, — бегством спаслись. Остался Алпамыш один на поле брани, вперед поскакал — догнал Караджана, ушедшего со всем народом вперед. Едут друзья рядом, обращается Караджан к Алпамышу, рассказать просит, как бой закончился. Рассказал ему Алпамыш про подвиги свои, сколько врагов перебил он, как на поединках зарубил он самых грозных богатырей — главарей воинства калмыцкого, как бежали с поля битвы уцелевшие калмыки.

Восхищается Караджан геройством Алпамыша, говорит:

— Не вернусь я в страну калмыцкую, не хочу служить вероломному шаху Тайче, жить буду в стране друга моего, славного витязя Алпамыша.

В это время прикочевал народ к берегам Ачикколя. Устали люди от долгого пути, скот из сил уже выбивался. Решили стоянку сделать на этом месте. Скот на волю пустив, юрты расставили. Пришел и караван Барчин-аим. Многие из подружек ее так устали от долгого сиденья на иноходцах, что словно бы окаменели — ни стоять, ни ходить не могли. Спустили Ай-Барчин с коня, развьючили пятьсот верблюдов, ее приданым груженных, отдыхать дали им. Установили женщины бархатную юрту Барчин, — девушки ввели ее в юрту, развесили ее одежды, кумганы с водой вскипятили, чай заварив, дастарханы разостлав, досыта горячей пищи поев, — отдыхать легли. Так и по всей стоянке.

Люди весь день отдыхают, вечер настает, ночь приходит, — люди лежат, подняться не в силах, — отдыхают с пути. Длится отдых три-четыре дня. Люди в себя приходят, — снова в путь собираются. Едет Алпамыш рядом с Барчин-аим, так говорит:

— Споря светлым ликом с луной,
Стремя в стремя рядом со мной,

Вольною дорогой степной,
Девушками окружена,
Держишь путь ты в край наш родной.
Слушай меня, друг мой, жена!
Правду ведь узнать ты должна:
Скот наш возмечтав отобрать,
Конную могучую рать
Выславший за нами вдогон,
Этот вероломный Тайча, —
Знай, моя Барчин-аимча, —
Если бы он верх одержал,
Гибелью ведь нам угрожал!
Все же он, Тайча, оплошал.
Я его опоры лишил:
Меч я свой, алмаз, обнажил, —
Сколько калмык**о**в уложил!
Цвет его полков искрошил!
Недруг нам разором грозил,
Рабством и позором грозил,
Недруга я сам устрашил!
Честь Байсун-Конграта я спас, —
Скот наш от захвата я спас, —
Слава мне теперь, храбрецу!
В край родной, на радость отцу,
Еду я конь о конь с тобой…
Очень тебе кудри к лицу,
Твой наряд к лицу голубой!..

Едут рядом он и она,
Бек и молодая жена,
Кони их бок о бок идут,
Путаются их стремена.
Едут и беседы ведут,
Шутки шутят, песни поют.
Недруга страна далека.
Плач и стон в стране калмык**а**.
Впереди — родная страна,

Только и она не близка!
Ровные просторы прошли,
Вот уж косогоры пошли,
Впереди — гора за горой, —
Нет пути-дороге конца!
Вспомнит Барчин-ай про отца,
Сразу потемнеет с лица,
Горько затоскует порой:
Много дум на сердце у ней!
«Как не тосковать! — говорит, —
Мой отец и мать, — говорит, —
Там — среди врагов-калмык**о**в,
Лишены родни, — говорит, —
Меж врагов — одни, — говорит, —
Верно в угнетеньи живут,
В тяжком униженьи живут!
Может у отца отобрать
Тайча-хан все наши стада.
Нищенство грозит им тогда!»
Вот что Ай-Барчин тяготит,
Вот что ей сердечко когтит!
Зная, что у ней на душе,
В очи Алпамыш ей глядит,
Очень за нее он скорбит,
Так ей сокол-бек говорит:
— Мой совет послушай благой,
Думой не терзайся такой,
Сердце ты свое успокой!
Недруг наш коварен, а все ж —
Разве он посмеет, калмык,
Совершить столь дерзкий грабеж!
Вскорости, хранимы судьбой,
Мы домой прибудем с тобой,
Счастливо с тобою вдвоем
Мы в краю родном заживем.
Об отце заботясь твоем,
Отошлем посланье с гонцом,

К нам его, в Конграт привезем.
Со своим отцом дорогим,
С матерью своей дорогой
Ты разлучена не навек!.. —
Так ей говорит Хакимбек…

Движется народ кочевой,
Гонит скот бесчисленный свой.
Труден путь полугодовой,
На чужбине мука горька,
С родиной разлука горька!
Люди, истомясь, говорят:
«Мы к стране родной, — говорят, —
Рвемся всей душой, — говорят, —
Только путь степной, — говорят, —
Много терний в сердце вонзил.
Добрести хватило бы сил!
Где ты, край желанный, Конграт!..»
Путь одолевая с трудом,
Степи все заполнив скотом,
Так они идут тем путем, —
Терпят много бед и невзгод, —
Люди отощали и скот.
Путь без остановок держа,
Движется байсунский народ,
А родного нет рубежа!
Падают бараны в пути,
За горой гора на пути,
Перевалу вслед перевал.
Сколько перевалено гор, —
Нет родной страны до сих пор!
На гору еще поднялись, —
Вдаль они с надеждой глядят, —
Вспыхивает радостью взор, —
Воды бирюзовых озер,
Воды Кок-Камыша блестят!

«Вот она, страна родная! — говорят, —
Мы к тебе вернулись, край отцов, Конграт!
Нет страны на свете лучше!» — говорят.
Едет меж своих подруг Барчин-аим;
Каждая надела праздничный наряд.
Воды Кок-Камыша взор ласкают им,
Камыши в пути как бы кивают им,
Едут по местам покинутым, родным,
Ветерок доносит их отчизны дым.
Весь народ возглавив, едет бек-Хаким,
Высылает он гонцов-передовых, —
Вихрем понеслись, коней секут своих.
Мы ему напишем потом,
Поглядел бы ты на этих верховых!

Встречные в испуге спрашивают их:
К нам его, в Конграт привезем.
«Что случилось? Кто вы? Чей вы есть народ?»
Те им отвечают — и спешат вперед,
Скачут — прискакали к дому Байбури,
Весть передают седому Байбури.

Пастухи-гонцы, извещая Байбури о возвращении Алпамыша, сказали так:

— Выслушай нас, хан Байбури!
Всю свою родню собери,
Нас, не поскупясь, одари!
Знай: тюльпан твой прекрасный — здесь!
Соловей сладкогласный — здесь!
Смелый сокол твой ясный — здесь!
Прибыл он, твой сын Алпамыш!..
Тот, кто, твой нарушив запрет,
Сердца не нарушил обет,
Не страшась опасностей, бед,
Выехал в страну калмык**о**в;

Тот, кто, став грозою врагов,
Много одержал там побед,
Истребил их воинства цвет,
Вражий край в крови утопив,
Родины своей не забыв, —
Сын твой ненаглядный, он жив!
Прибыл он, твой сын, — Алпамыш!..
Внял господь отцовским слезам,—
Счастлив дом твой, счастлив ты сам:
Слез твоих поток осушив,
Мук твоих огонь потушив,
Славный свой поход завершив,
Прибыл он, твой сын Хакимбек!..
Совести там не загрязнив,
Воинскую честь сохранив,
Ту, кого он с детства любил,
В жены, наконец, получив,
Весь ее народ и стада
Храбро от врагов защитив,
Вывел и привел он сюда!
Прибыл он, твой сын Хакимбек!..
Другом ему ставший навек,
Доблестный батыр-пахлаван,
Имя ему бек Караджан,
Прибыл вместе с сыном твоим.
Мы на Кок-Камыше стоим,
Там расположась на ночлег…
Сын-батыр единственный твой,
Алпамыш воинственный твой,
Он уж недалёко, он здесь,
Вновь парит он соколом здесь!
Нашему известью поверь,
Едем с нами вместе, — проверь!..
Враг наш опозорен теперь,
Стал, как прах, он черен теперь!
Множество врагов одолев,
Много горных круч одолев,

Прибыл он, могучий, как лев,
Доблестный твой сын Алпамыш!..
С ним, как месяц ясный, ясна,
Как цветок прекрасный, нежна,
Девушками окружена,
Любящая страстно жена.
Ведай: счетом ровно пятьсот,
Груженный приданым Барчин,
Караван верблюдов идет.
Знай: бек Алпамыш-исполин
Прибыл из похода, — он здесь!
Отстоял он родины честь,
Вновь соединил наш народ:
Выслав нас гонцами вперед,
Эту сообщает он весть!
Слово наше правильно есть!
Нас, твоих рабов, Байбури,
Щедрым суюнчи одари!..

Слышит их слова Байбури,
Очень их Известию рад,
Он им не жалеет наград, —
Каждому подносит халат.
А меж тем, как будто крылат.
Слух тот облетает Конграт.
Шум и суматоха стоят.
Люди поважней, познатней
Встретить Алпамыша спешат.
Улицы народом кишат,
Молодух и девушек — тьма, —
Пусты у конгратцев дома.
Разговор один на устах —
Алпамыш с Барчин на устах.?.
О прикочевавших гостях
Сорока подружкам своим
Калдыргач-аим говорит:
«Ну-ка, поспешим, — говорит, —

Выедем навстречу мы им,
Поглядим, вернулся каким
Братец бек Хаким! — говорит. —
Мы поговорим, — говорит, —
С нашею сестрицей Барчин,
Привезем в столицу Барчин!..»
Движется встречать своих гостей народ, —
Так толпа густа, что страх иных берет,
Вся бурлит дорога, как водоворот,
Речью любопытства полон каждый рот
Беки-амальдары унеслись вперед,
Сделали они привал у «Белых вод», —
Смотрят — Алпамыш навстречу им идет,
За собой ведет вернувшийся народ.
Встречных увидав, душой ликует он;
Спешившись, он горсть родной земли берет,
Поднеся к устам, ее целует он.
Беки, Алпамыша угощая тут,
От отца привет ему передают,
Накормив гостей, ведут их за собой…
С девичьей своей шумливою толпой
Прибыла в тот час и Калдыргач-аим.
Брата увидав, здоровается с ним,—
Поцелуй сестринский нежен и горяч.
С дорогой невесткой, ласково нежна,
Так же горячо целуется она,
Красотой Барчин любуется она…
Вдруг — с веселым криком: «Живо, начинай!»
Девушки в свой круг замкнули Барчин-ай,
Поперек дороги протянув аркан,
Требуют с гостей подарков выкупных.
Девушка Суксур одаривает их:
Много тюбетеек ало-золотых,
Много им дает платочков головных.

А дорога вся людьми запружена,
Вся Конграт-страна сюда устремлена,—

Для подобных толп и ширь степей тесна!
Братья возвратились из чужой страны!
Были столько лет они разлучены!
Радостью горят конгратские сердца,
Также и байсунцев братские сердца!
Ликованье с той и с этой стороны.
Взоры к Алпамышу все обращены;
«Славься, победитель!» — клики там слышны,
«Наш объединитель!» — клики там слышны.
Рядом с Апламышем, прелести полна,
Едет Ай-Барчин, сияя, как луна.
Люди красотой Барчин восхищены,
Мощью Караджана все потрясены.
Задние к передним зависти полны,—
Задние не видят ничего, хоть плачь!
Лезут — кто на крыши, кто — на карагач…
Едут, едут гости! Ты на них смотри!
Месяца светлей и утренней зари,
Видит Барчин-ай поместье Байбури.
Алпамыш-батыр и Караджан, — смотри!—
Спешились — и слугам отдают коней.
С двух таких друзей и ты пример бери!
Дорогого сына, Хакимбека-льва,
Видит Байбури, — теряется сперва,
Еле говорит и путает слова,
На ногах от счастья держится едва.
Алпамыша так вот к сердцу он прижал:
— Хакимджан, сынок мой, как ты возмужал!
Если жив-здоров ты предо мной стоишь,
Не о чем мечтать мне, сын мой Алпамыш, —
Сбылись все желанья твоего отца! —
Смахивая слезы радости с лица,
Он и Караджана обнял, молодца:
— Вот каков ты есть, оказывается,
Моего сынка товарищ боевой!
Жаль, что не был раньше я знаком с тобой!.. —
Тут, своим гордясь возлюбленным сынком,

Бросилась к Хакиму и старуха-мать,
Стала дорогого сына обнимать,
Также Караджана обняла она,
И благословенье им дала она…

Приближенными, друзьями окружен,
Во дворец отцовский Алпамыш введен.
Он посажен здесь на золоченый трон.
Вслед за ним Барчин туда приведена, —
С девушками в ряд становится она,
С дальнего пути утомлена, бледна,
Лишь вошла — народу отдала поклон.
Каждая улыбка прелести полна!
Как она учтива, как она скромна, —
Видно, что умна, благовоспитанна,
Красотою — гурий всех затмит она!..
Есть обряд узбекский — жив он до сих пор, —
В честь гостей желанных разжигать костер:
Девушки выводят Ай-Барчин во двор, —
Что она устала — им и дела нет,
Не дадут присесть, — веселье, мол, не вред!
Все они поют, резвятся у костра, —
Шумный праздник встречи длится до утра,
Вьются вкруг Барчин девицы до утра,
Ласкова она со всеми, как сестра.
Много там красавиц, но она сама
Красотой своею сводит их с ума.

Солнце поднялось из-за гор,
Утро озарило простор, —
Праздничный погашен костер,
Ай-Барчин уводят в шатер.
Калдыргач, томясь до сих пор,
Тайный с ней ведет разговор
Спрашивая так у сестры:
— С дядей что с моим, с Байсары?
Что ж он там остался один?

Жив ли он, здоров ли, Барчин? —
Ей Барчин-аим говорит:
— Что же делать с ним! — говорит: —
Он неумолим, — говорит: —
К пастбищам родным, — говорит, —
Все откочевали в Конграт, —
Вывел нас Хаким, — говорит.
Не хотел уйти мой отец,
Одинок остался, гордец!
Сколько он претерпит обид!
Сердце за него как болит! —
Вывел нас Хаким, — говорит. —
Калдыргач за дядю скорбит:
— Плохи дяди-бия дела.
Гордость до чего довела!—
Так они, от всех затаясь,
Всем, что на душе, поделясь.
Слезы проливали, шепчась.
В полдень, пересудов бсясь.
Вышли, беззаботно смеясь.

Гости к Байбури со всех сторон идут —
С возвращеньем сына поздравлять идут;
Люди ото всех родов конгратских тут.
Знатный и незнатный, старый, молодой.
Счастлив Байбури — дает богатый той,
Режет скот без счета с самого утра.
Если сын вернулся — длань его щедра, —
Все равно всего не проживет добра:
Некуда ему несметный скот девать,
Хоть бы весь народ на целый год созвать,
Хоть бы год подряд на тое пировать!
День за днем шумит веселый той, — смотри!
Каждый день дерут козлов на копкари.
Каждый день улак — да не простой, — смотри!
Всадникам дает награды Байбури!..

Так в Конграт вернулся Алпамыш батыр,
Подвиги свершив, каких не видел мир:
Он богатырей калмыцких посрамил,
Шахские войска один он разгромил,
Братских два народа вновь объединил,—
И расцвел при нем, как райский сад земной,
Весь Байсун-Конгратский край его родной!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Песнь первая

Мирно бекствовал в Конграте родном Алпамыш, дружил с Караджаном, народ родной благоустраивал, счастливо с Барчин своей жил…

Но послушайте, что у калмыков делалось после ухода Алпамыша и Караджана. Уцелевшие и бежавшие с поля битвы калмыцкие воины собрались у дворца шаха своего Тайча-хана. Пришла и мать Караджана — Сурхаиль коварная, стала в сторонке. Вышел тут шах калмыцкий и обратился ко всем собравшимся, такое слово сказав:

— Горе, горе мне! Печальна речь моя.
К вам — большим и малым, беки и князья,
Ко всему народу обращаюсь я,—
Будем все согласны, как одна семья.
В этот черный день подайте мне совет:
Байсары-узбек — причина наших бед,
Стал из-за него немил мне белый свет, —
Всей калмыцкой силы уничтожен цвет!
В этот черный день подайте мне совет!
Воины мои отважно бой вели,
Только одолеть узбеков не смогли,—
Многие на поле брани полегли,
Многие назад калеками пришли.
Ой, беда какая у меня в стране!

А несчастье к нам пришло по чьей вине?
Вот об этом вас подумать я прошу,
И совет подайте всенародный мне.
Сам же я, калмыцкой всей земли тюря,
Так считаю, вам об этом говоря:
Если Байсары виновником признать,
Разве я не вправе скот его отнять?
Если он с народом не ушел своим,
Поступить мы можем как угодно с ним.
Жизни мы его, пожалуй, не лишим,
Но его скотом себя обогатим.
При своем скоте оставшись сиротой,
Пусть он нам послужит, как пастух простой!
Неужель мы снова Байсары простим?
Столько муки нам такой узбек принес,
Пролил столько нашей крови он и слез!
Не разграбить ли овец его и коз?
Это слово я сердечно вам сказал, —
Так подайте мне совет, велик и мал!..

Собравшимся калмыкам пришлись по нраву шахские слова: — Правильно шах говорит, — умная голова! Если бы не Байсары, не знали бы мы всех этих бед, не погибло бы столько калмык**о**в!..

Зашумели калмык**и**, изрядное число людей нашлось, желавших скот у Байсары отбирать. Поехали эти люди в Чилбирскую степь.

Дал им шах калмыцкий наказ:
«В Чилбир-чоль езжайте сейчас.
Все добро узбека — отнять,
Самого связать и пригнать!..»

На коней вскочили — и верхом в Чилбир,
Многие пустились и пешком в Чилбир.
Думают: «Пяток-десяток кой-чего
И себе отхватим из добра его!»
Чтоб никто в пути объехать их не мог,

Едут — каждый держит палку поперек…

Ехать в эту местность — близко ль, далеко ль,
Прибывают люди в степи Чилбир-чоль, —
Перед ними синий плещет Айна-коль.
Смотрит Байсары — сжимает сердце боль:
Сколько калмык**о**в нагрянуло сюда,
Новая, как видно, ждет его беда!
Думает: «Насилье нам терпеть доколь?»
Думает: «Спаси, аллах, не обездоль!»
Табуны его в тугаях окружив,
Гонят калмык**и** оттуда всех коней,
Собирают их — и строгим счетом чтут,
А мирзы — коней записывают тут —
И на Тайча-хана записи ведут.
Байсары не знает, в чем он виноват.
Вот уж и овечьих он лишен отар, —
Как перенесет подобный он удар!
Уложив самцов рядами — к нару — нар, —
Перепись верблюдов начали мирзы.
Забрано в казну и золото его, —
Сразу Байсары лишается всего.
Сердце на куски расколото его.
Пастухов, подпасков также перечли,
Также поименно в перепись внесли.
Описав его добро, калмык**и** те
Направляются теперь к его юрте.
Старый Байсары хотел по простоте
О виновности своей задать вопрос, —
Слышит поношенья и слова угроз.
Вот что на чужбине терпит ныне он!
Кару за свою гордыню принял он.
Родина в беде желаннее стократ!
Если б с Алпамышем он ушел в Конграт!
Стонет Байсары и слез роняет град,
Горько пожалев о гордости своей.
Был и сам он знатен, был он так богат, —

Родину покинул — все пошло не в лад.
Э, раскаялся ты поздно, Байсары, —
Ты судьбой наказан грозной, Байсары!
Недруги кругом — и нет родных людей.
Вот он калмык**а**ми связан, как злодей,
Сколько терпит мук от вражеских плетей,
Но куда больней бич совести своей!
Калмык**и** нарочно горячат коней,
И над ним глумятся: «Эй, шагай быстрей!»
Гонят его пешим и камчами бьют,—
Привели в столицу — во дворец ведут,
Ставят перед шахом, записи сдают…

Грозен был в тот час калмыцкий шах Тайча.
Он на Байсары обрушил гнева гром,
Он его поверг в смертельный страх, крича:
Он обманут, мол, коварным стариком,
Байсары один, мол, виноват кругом,
С ним как с кровным он поступит, мол, врагом,
Он его предаст, мол, в руки палача,
Он его, мол, страшным мукам обречет,
Он теперь за все с ним учинит расчет, —
Голову ему, узбеку, отсечет,—
Он, мол, Байсары не приглашал сюда,
Байсары зачем пригнал свои стада?
Милость, мол, узбеку оказав тогда,
Он, мол, шах Тайча, ошибку совершил:
Байсары, мол, всех калмык**о**в удушил,
Он, мол, самых тучных пастбищ их лишил,
Их страну людей всех лучших он лишил.
Душу из такого старого сыча
Вытянет, мол, шах руками палача!
Это слово, мол, сказал не сгоряча, —
Слово, мол, свое исполнит шах Тайча…

Оборванный, избитый, связанный, стоит Байсары, голову опустив, перед шахом калмыцким, калмыками окруженный, несчастьем своим убитый. Вины своей он не знает и, хоть видит, что не оправдаться ему, — смотрит он в отчаяньи на шаха калмыцкого и такое слово униженно ему говорит:

— Пожелтел я весь, так скорбь моя сильна, —
Дела этого мне сущность не видна:
Шах, узнать позволь мне, в чем моя вина?
Не по-шахски, шах, со мной себя ведешь:
Скот мой отобрав, ты учинил грабеж.
Столько палачей за мной, несчастным, шлешь, —
Связанным и пешим по стране ведешь,
Старика камчой по голове ты бьешь!
Не подумал ты, что Байсары-узбек,
Будучи пришельцем, — все же человек.
Не хотел ты знать, что — истина, что — ложь,
Слова в оправданье молвить не даешь,
На мои седины в ярости плюешь.
А моя вина неведома мне все ж.
Далеко народ мой и моя страна,
Неверна земля чужая, неверна!
На чужбине жизнь — как страшный ад, черна…
Беззащитен я и весь в твоих руках,
Видно, смерть уже прийти должна моя.
Только знать хочу я, в чем вина моя!..

Речь Байсары выслушаз, шах калмыцкий такое слово сказал:

— Девяносто я имел богатырей,
Ни сильней никто не видел, ни храбрей, —
Были все они опорою моей.
Караджан-батыр мне всех дороже был.
Я теперь лишился этих силачей!
А по чьей вине лишился их, по чьей?
Ты, узбек, причина всей беды моей,

Ты да дочь твоя, вертлявая коза, —
Вырвать бы твои лукавые глаза!
Если девяносто тех богатырей
Воспылали страстью к дочери твоей,
Почему отдать ее не пожелал?
Или не отец ты дочери своей?
Алпамыш семь лет за ней не приезжал, —
На твоей душе и грех бы не лежал.
Витязей моих всех погубили вы!
Караджана чем, скажи, купили вы?
В бедствие повергли всю мою страну!
Ты, узбек, теперь узнал свою вину.
Голову имеешь на плечах одну,—
Знай, что отрублю я голову твою, —
Голову срубив, твой труп повешу я!..
Пощадил тебя однажды я, узбек, —
Может быть, опять тебя утешу я:
Все-таки ты был почтенный человек.
Далеко уславший дочь свою, Барчин,
Своему скоту теперь не господин,
Чем ты мне опасен, нищий и один?
Мне тебя казнить, пожалуй, нет причин, —
Можешь тут спокойно доживать свой век, —
Казни у меня вторично ты избег!
За мое добро отплатишь мне трудом:
Весь твой скот моим отныне стал скотом,
Пастухи твои останутся при нем,
Ты над ними будешь старшим пастухом.
Это говоря, кончаю речь на том.
Думаю, доволен ты моим судом!

Услыхал такие слова Байсары, — успокоилось сердце его: хоть и лишился он скота, зато хоть жизнь сохранил. Приказал калмыцкий шах мирзам своим бумагу написать, Байсары к ней руку приложил, — мол, все ему известно и со всем он согласен. Шах печатью своей припечатал ту бумагу, — стал Байсары начальником над пастухами.

Собрал Байсары весь раньше ему принадлежавший скот — обратно погнал его на Айва-коль…

Сурхаиль, старуха эта коварная, во все шахские дела вмешивалась всегда. Видит она такое дело, — решила по-своему все повернуть. Говорит Сурхаиль Тайча-хану:

— Осень подоспела — розам облететь,
На увядших розах соловьям не петь.
Я несправедливость не могу терпеть:
То, что сделал ты, — несправедливо ведь!
Весь узбекский скот ты, шах, себе берешь.
Это — суд иль это есть простой грабеж?!
Ты разбогател — тебе и горя нет,
Мне без сыновей моих подспорья нет!
На мои слова какой даешь ответ?
Ты простил узбека, я-то как прощу?
За детей убитых кун с кого взыщу?
Так и знай, что кун я получить хочу.
Скорбь моя кричит, — не я сама кричу.
Шах ты иль не шах — неправду обличу,
Хоть за Байсары предай меня мечу.
Плох ты иль хорош — на деле изучу, —
За добро твое добром я заплачу.
Вот что я сказать намерена тебе:
Жить хочу отныне на Мурад-Тюбе;
Замок я в степи Чилбирской заложу, —
Дерзкому узбеку путь я прегражу,
Пользу я тебе большую сослужу.
Алпамышу — кровный недруг я навек.
Если бы дерзнул байсунский этот бек
На калмыцкий край вновь совершить набег, —
Алпамыша я из рук не упущу, —
Я его убью — и тем взыщу я кун!
Смертью Алпамыша устрашу Байсун!

Выслушав слова Сурхаиль, калмыцкий шах так ей ответил:

— Полные упреков мне сказав слова,
Ты, я признаю, была вполне права.
Если хочешь замок ты построить там,
В этом деле я тебе помощник сам.
Все, что ни попросишь, безотказно дам:
И кирпич тебе и камень разный дам,
Всяких мастеров по каменным делам, —
Я тебе их дам — ты ставь их по местам,
Строй не то, что з**а**мок, — целый город, там!
Раз добра мне хочешь — безотказно дам!
Чтоб руководить людей мастеровых,
Много амальдаров дам тебе своих.
Ты — всему глава, ты — старшая меж них, —
Ставлю я тебя сардаршею меж них.
Денег, сколько нужно, безотказно дам,
Из казны моей плачу по всем счетам.
Не жалей на этот замок ничего:
Знай, что чем скорей ты выстроишь его,
Тем скорей вернешь ты сына своего.
Караджан в Конграте не навек жилец:
Слух дойдет об этом деле до него, —
По своей стране соскучась, наконец,
Он в один из дней вернется, наш беглец.
Ведомо тебе да будет, Сурхаиль,
Если он вернется, так тому и быть, —
Все его проступки я готов забыть.
С сердца твоего сотру печали пыль…

Услыхав слова шаха, очень обрадовалась Сурхаиль. Собрала она много рабочих-поденщиков, мастеров-строителей, поставила надсмотрщиками над ними ханских амальдаров. Взяла она также с собою сорок девушек — самых первых калмыцких красавиц, таких, что нельзя не заглядеться на них, а заглядевшись, — разума не лишиться.

Много снаряжается арб,
В арбы нагружается скарб,
Все, в чем на постройке нужда,
Всякие орудья труда,
Харча и питья — на года,
Грузятся и деньги сюда,
Мастера и люди труда.
Караван — арба вслед арбе —
Отправляется к Мурад-Тюбе,
Арбы амальдары ведут.
Сурхаиль — исчадье вреда,
Важничает, чином горда;
Все ей повинуется тут.
Сорок с нею девушек, — все
Первые в стране по красе,
Все они в шелку, в кармазе,
Все они игриво-нежны,
Все, как кипарисы, стройны, —
Взглянешь — не в своем ты уме!
Все они игрой на нагме
Мастерицы душу пленять.
Сурхаиль для козней своих
Повезла красавиц таких.
Обреченный тот человек,
Кто вкусит их девичьих нег!..
Едут они, едут себе, —
Входит караван в Токайстан,
Приближается к Мурад-Тюбе.
Стали они тут на ночлег…

Невдалеке от Мурад-Тюбе, в Чилбирской степи, приказала Сурхаиль расчистить место для замка. Долго ли, недолго ли поденщики и мастера на постройке трудились, замок возвели, башни его стальными зубцами оковали, пороги золотом облицевали, ворота — краской золотой покрыли, все видные места жемчугами, рубинами изукрасили. Когда з***а***мок закончили, прибыл туда и сам шах

калмыцкий. Мастеров и рабочих людей отпустили, — пир устроили. Арака крепкого, зелья сонного много с собой из столицы привезла Сурхаиль. Часто приезжать стал шах калмыцкий с воинами, обо всех делах со старухой советовался. «Если узбекский бек Алпамыш узнает, что с Байсары стало, обязательно приедет сюда, — тут-то мы и словим его». Так между собой порешили они. Сурхаиль что ни день на Мурад-Тюбе поднималась — в подзорную трубу свою направо-налево поглядывала, — не видать ли узбеков…

Байсары между тем при собственном скоте сиротой жил. Видит он однажды — караван какой-то проходит. Бросил он стада, навстречу караванщикам побежал, такие слова говорит их старшему, караван-баши.

— По свету ты ходишь, караван-баши!
Все твои пути да будут хороши!
Из какой страны ведешь свой караван
И в страну какую, караван-баши?
Сердце на огне страданий сожжено:
Чужеземцем стать мне было суждено…
Путь куда ты держишь, караван-баши?
Господом два глаза было мне дано,
Сделал он из двух четыре мне давно,[28] —
Сколько ни смотрю — со стороны родной
Помощи себе не вижу все равно.
Говоря со мной, уйти ты не спеши, —
Жалобу мою поведать разреши.

Выслушав слова Байсары, караван-баши так ему ответил:

— На твои слова такой ответ я дам:
По купеческим я странствую делам, —
Прохожу по разным странам-городам.
Здесь я покупаю, а сбываю там.
Родом из канджигали я буду сам.
Со страной калмыцкой давний торг веду,
Из столицы Тайча-хана я иду.

В срок, бог даст, в Байсун обратно попаду.
Ценный у калмык**о**в я купил товар:
Много вьюков тканей я везу в Байсун.
Бархат, холст везу и кармазу в Байсун.
На байсунский все я выпущу базар,
Бог даст — неплохой барыш я получу.
Меньше даст аллах — и то я буду рад.
По таким степям скитаясь, говорят:
«Кто живым пришел и не понес утрат,
Отдыху в родной стране, как чуду, рад».
А моя страна — как раз Байсун-Конграт.
Вижу я, что ты — несчастный человек.
Вижу — ты унижен и обижен здесь.
Если по рожденью ты, как я, — узбек,
У тебя ко мне какая просьба есть?
Ты кому в Конграт подать желал бы весть?..

Словам караван-баши обрадовался Байсары и так сказал ему:

— Знай, добрый человек, что сородичи, земляки мы с тобой, — сам я тоже из Байсуна, Байбури-бию прихожусь родным братом, Байсары — имя мое.

Рассказал Байсары караванщикам, из-за чего он к калмыкам откочевал, все злоключения свои поведал им, изложил просьбу свою караван-баши:

— Челобитную мою брату моему Байбури передай, о горестном моем положении поведай ему, пусть размолвку давнюю забудет, пусть поможет мне выбраться из чужбины.

Только он это сказал, тут же и пожалел, подумал: «Нет, не могу перед братом так унизить себя — прощеная у него просить: не я его, он оскорбил меня». Все еще не угасла обида его на Байбури, все еще не утерял он гордыни своей, даже и униженным будучи. Говорит Байсары старшему караванщику:

— Ошибочно сказал я тебе слово свое — за обиду не посчитай, — просьбу мою изменить разреши: не бию Байбури, брату моему, а дочери моей Ай-Барчин просьбу мою доставь. В ее собственные руки

письмо мое передай, что видел глазами своими, то своими словами тоже ей поведай.

Выслушали караванщики слова Байсары, тут же при нем на бумагу их записали, обещание ему дал караван-баши вручить письмо Барчин-ай. Отправились караванщики дальше своим путем. Остался опять одиноким Байсары, долго с расстроенным сердцем стоял он, вслед каравану глядел…

Караванщики своим путем идут.
Мерно за верблюдом шествует верблюд,
Жвачку на ходу животные жуют,
На горбах тюки с товарами несут.
Люди на верблюдах разговор ведут:
— Этот Байсары, гляди, чем стал он тут!
Как дервиш теперь — он изнурен и худ.
Не хотел платить в Конграте он зякет, —
Поселился здесь — всего богатства нет!
На чужбине столько испытавши бед,
Он своей родне решил послать привет.
Но пока на помощь кто-нибудь придет,
Он, пожалуй, здесь, в чужой земле, сгниет!..

Караван меж тем все движется вперед,
А за караваном пыль столбом встает.
Ночь идет за днем, за ночью день идет, —
Караванный путь неблизок и нескор.
Переваливая через столько гор,
Люди на дорогу устремляют взор:
Может ведь нагрянуть и разбойник-вор.
Станут на привале — выставят дозор.
Где им питьевая встретится вода,
Там и отдыхать стараются всегда.
Песню ль заведут, начнут ли разговор, —
Разговор порою переходит в спор.
Хоть еще конца дороги не видать, —
Дай бог быть живыми и товар продать, —
Любят уж заране прибыли считать.

Так между купцов ведется с давних пор.
А уж где барыш, там спор да перекор, —
Слово невпопад — и начался раздор.
Надо же в дороге время коротать!
К вечеру, смотри, они дружны опять.
Если ночевать в пути решат они,
Чем ни есть себя вооружат они.
Если близко звери, разведут огни.
А с рассветом снова в путь спешат они.
Хорошо, коль ночью светит им луна,
А бывает так, что ночь темным-темна,
Местность для ночлега кажется страшна,
И решат они без отдыха итти,
И задремлют, сидя на верблюдах, все,
Разбредаются, сбиваются с пути, —
Просыпаются — лишаются ума:
Караван разбился, нет дороги, тьма!
Кое-как друг друга созовут потом,
Вновь свою дорогу обретут с трудом.
Сколько им терпеть приходится невзгод!
Дни едут за днями, месяцы идут, —
Караванщики в страну Байсун бредут.
Вот уже пред ними край родной простерт,
Сладко пахнет дымом соплеменных юрт,
Соплеменников они встречают тут.
Видя их, народ на перекрестках ждет,
Весть об их прибытьи впереди идет:
«Караван пришел, товары нам везет!»
Каждый встречный им поклоны отдает,
Кто проедет мимо, кто сойдет с седла, —
Спросит, не была ль дорога тяжела,
Каково здоровье, каковы дела,
Что, мол, привезли, где постоянный дом?
Так поговорят еще о сем, о том,
С ними распрощавшись, как друзья, потом.
Эти люди тоже все — и стар, и юн —
На базар идут в тот самый град Байсун.

Будет каравану, — люди говорят, —
В этот день базарный очень рад Байсун.
Караванщики приходят в Байсун-град,
Заворачивают в караван-сарай, —
Здесь расположившись, попивают чай.
Будь благословен отцов священный край!..

Встречу с Байсары припомнив невзначай,
Караван-баши письмо его берет,
Спрашивает, где бий Байбури живет.
Человек большой известно, где живет, —
Сразу указали место, где живет.
Караван-баши с письмом туда идет,
Он в давлат-хану[29] приходит, во дворец,
Ждет в жилав-хане приема наш купец,
Амальдарами он спрошен, наконец:
«У тебя, мол, к нам какое дело есть?»
Караван-баши: «К Барчин имею весть».
«Ты скажи, какая весть к Барчин-аим, —
Весть твою мы сами ей передадим…»
Караван-баши в ответ им так сказал:
— Я через страну калмык**о**в проезжал,
Караван товаром разным нагружал.
Бая Байсары пришлось мне встретить там, —
Очень он несчастен, этот бай, — скажу.
Я — купец, приехал по своим делам, —
Много говоря, теряю время зря.
Три-четыре слова Барчин-ай скажу.

Выслушали его слова амальдары — и послали одного слугу к Барчин-аим. (Вышла Ай-Барчин из женской половины дома, видит — человек незнакомый ее дожидается.

— Подойди поближе, красавица, — сказал ей караван-баши. — Караванщики мы, купцы, — через страну калмыков проходили, отца твоего видели. Письмо тебе передать он поручил, — прочитаешь — сама все узнаешь…

Отдал караван-баши письмо Ай-Барчин, а сам отправился по торговым своим делам. Барчин письмо приняла, вернулась в женские покои, прочла письмо, — заплакала горько.

В это время Алпамыш в дверях показался, видит он — стоит его Барчин, плачет, письмо какое-то в руке держит. Опечалился он, спрашивает:

— Что случилось?

Сунула ему Барчин письмо в руку, — прочел Алпамыш, тоже сильно сердцем сокрушился, — стал утешать жену свою:

— Не плачь, — говорит, — не огорчайся так, — сяду я на коня, поеду опять в калмыцкую страну, — покажу им, чего не видели они, — отца твоего Байсары на родину привезу, встретишься ты с отцом своим, — радоваться, смеяться станешь. Так оно и лучше, может быть, выходит: прежде отец твой, дядя мой, сверх меры свою гордость выказывал, — теперь, в таком униженном положении очутившись, сговорчивей будет, сам захочет вернуться на родину.

Успокоив Барчин, отправился Алпамыш к отцу своему — испросить у него разрешения на отъезд, — и такое слово сказал он старому Байбури.

— Слово я скажу, отец, прости меня, —
В ту страну-чужбину отпусти меня.
Слову моему сочувственно внемли:
Караванщики пришли из той земли —
Весть худую нам о дяде принесли.
Дядя калмык**а**ми очень угнетен, —
Хочешь знать, всего скота лишился он!
Если хочешь знать, то при своем скоте
Старшим чабаном служить он принужден!
Брат твой Байсары, мой дядя и мой тесть,
С караваном нам прислал такую весть.
Большее глумленье где на свете есть?
У кого, скажи, на то терпенье есть?
Можно ль калмык**а**м простить такой грабеж?
Если хочешь знать, мне больше невтерпеж!
Если мы смолчим, то где же наша честь?
Думаю, желанье ты мое поймешь.

Вот, отец, к чему свою клоню я речь:
Сев на Байчибара, взяв алмазный меч,
Калмык**о**в на муки я хочу обречь,
Шаху Тайча-хану голову отсечь,
От злокозней их Конграт наш уберечь,
Дядю из ловушки вражеской извлечь.
Вспыхнул боевой огонь в моей крови,
Знаю, полон ты ко мне, отец, любви, —
Сам перед собой душою не криви, —
Отпусти меня в поход, благослови!
За родного брата ведь и ты скорбишь,
Лучше ты свою гордыню усмиришь,
Чем Байсун-Конграт пред миром посрамишь!
Говорит покорный сын твой Алпамыш.

Выслушав Алпамыша, бий Байбури сказал сыну своему такие слова:

— Светоч мой, теперь внемли усердно мне:
Плохо ль ты живешь в родной большой стране?
Подвиги большие совершив тогда,
Ты уже бывал и в той чужой стране.
Дальше будь теперь от вражьего гнезда.
Знай, соизволенья на поход не дам:
Много мук претерпишь и погибнешь там.
Потакать не стану озорным мечтам.
Дядю хочешь ты спасти из западни, —
Мы тут без тебя что сделаем одни?
Всем в конце концов отсчитаны их дни:
Может быть, мой брат, твой дядя, там умрет, —
Не умрет — так сам вернется в свой народ.
Для чего ж тебе погибнуть не в черед?
Милостив к моим преклонным будь годам.
Хоть бы ты могучим был, как сам Рустам,
Знай, что разрешенья на поход не дам!

На это слово Алпамыш своему отцу так ответил:

— Посуди, отец, не ехать как могу?
Младший брат твой должен жертвой стать врагу?
По таким делам не ехать как могу?
Белый свой шишак надену броневой,
В золотой своей кольчуге боевой,
Вытянув из ножен меч алмазный свой,
Я всю силу рук батырских напрягу,
Брошусь на врага — не сдобровать врагу!
Разъяренным я верблюдом зареву,
Гневом загорясь, подобен стану льву,
С тигра грозного я голову сорву!
Ты меня негодным сыном не считай,
Преданность мою чем хочешь испытай,
Только моего пути не преграждай, —
Слову своему я господин, отец!
За меня бояться нет причин, отец!
С калмыка**а**ми справлюсь и один, отец!
Моего пути, прошу, не преграждай, —
Отпусти меня, мой господин-отец!

Отвернувшись от сына, улегся Байбури — и так сказал ему:

— Покуда я жив, не отпущу тебя. Нужна была тебе дочь Байсары, — поехал ты в калмыцкий край — привез ее, сделал женой своей. А самого Байсары, брата моего, привезешь — куда посадишь: на голову, что ли?

Вернулся огорченный Алпамыш к Барчин, рассказал ей, что отец его ни за что отпустить не хочет. Расстроилась еще больше Барчин-ай, успокоиться не может, — так говорит Алпамышу:

— Пословица есть: «Султан свою кость в обиду не даст…» А мой отец при твоей жизни — в такой обиде у калмыков! Э, Хакимджан, как видно, не любишь ты меня.

— Что же делать мне? Лишаюсь я ума!
Не поедешь ты, поеду я сама.

Пусть остатка жизни буду лишена, —
Слава шахская мне больше не нужна!
Своего отца проведать я должна.
Как ни далека калмыцкая страна,
По-мужски одевшись, вооружена,
На любом коне отправлюсь я одна, —
Пред отцом своим не буду я грешна!
Знай, мне все на свете опостыло вдруг,
Так я, бедненькая, загрустила вдруг.
Отпусти меня, высокий хан-супруг, —
Если ты не едешь, ехать я должна!..

Еще больше опечалясь, задумался Алпамыш: как быть ему?.. Родственник был у него, по имени Бектемир. Бектемир был беком конгратского колена тартувли, а сам Алпамыш был беком колена канджигали. Решил Алпамыш за советом к Бектемиру пойти. Пришел он к нему, — рассказал осе дело, — говорит:

— Сколько ни просил я отца, разрешения не дает, а жена моя, красавица, беспокоится очень, — сама, говорит, поедет. Что делать, не знаю, терпенья моего не стало. Как бы то ни было, сидеть нам сложа руки никак нельзя, надо в калмыцкую страну отправляться. Каков твой совет будет?..

Посовещались они между собой, — решили тайком от Байбури в поход итти. Присоединились к ним еще сорок джигитов. Поужинали они, в дорогу снарядились, коней оседлали, вооружились. Когда уже весь народ спал крепко, стали они выезжать потихоньку.

Вышел в это время старик Байбури во двор, — видит — они уже отправляются. Стал он впереди их, — говорит:

— Мой язык, пока я жив, правдивым будь!
Хоть не во-время вы сели на коней,
Беки-храбрецы, ваш путь счастливым будь!
Я сказал: «Останься, вражий край забудь!»
Я сказал: «Мою ты насмерть ранишь грудь!» —
Послушанья ты не проявил ничуть.
Беки-гордецы, ваш путь счастливым будь!

Золотой кушак надеть ты поспешил,
Бог тебя прости, мой сын, ты грех свершил, —
Старого отца покоя ты лишил!
Не в урочный час поход затеял ты.
Мало видевшие — горячи, быстры,
Много видевшие — холодны, мудры.
Мать-отца покинув ради Байсары,
Воевать идешь, нас не жалея, ты!
С калмык**о**м тягаться не пришла пора.
Сокол горд своим венцом из серебра.
Сколько у меня имущества-добра!
Мой наследник, шах Конграта, возвратись!
Сокола душа возвышенно храбра.
Тайно улетая с отчего двора,
Не лети в тот край проклятый, возвратись!..

Сколько ни упрашивал их Байбурибий, никто ему в ответ слова не сказал. Так и уехали они.

Вернулся опечаленный Байбури в дом, подумал: «Э, плохо, что уехали они, просьбе моей не вняв, чувствую — не вернуться им из калмыцкой страны…»

В боевом задоре лихом,
Сорок беков скачут верхом,
Мчатся на просторе степном
В темной непроглядной ночи.
Свищут по тулпарам камчи!
То степным, то горным путем
Едут они ночью и днем.
Кони расскакались в степях,
Пышет пламя в конских ноздрях.
Пена, накипая в пахах,
Падает, как хлопок, во прах, —
Конникам их резвость не в страх.
Так при свете дня и впотьмах
Сорок храбрецов-седоков

Скачут в дальний край калмык**о**в.
«Нам туда прибыть, — говорят, —
Калмык**о**в разбить, — говорят, —
Выродку их, шаху Тайче,
Голову б срубить! — говорят. —
Байсары спасем, — говорят. —
Скот ему вернем, — говорят, —
Увезем в Конграт!» — говорят.
Храбрецы-тюри каковы,
Витязи, смотри, каковы!
С ними ты, калмык, не шути!..
Много разных стран по пути,
Разный по пути разговор.
Едут мертвой степью — куда
Ворон не летал никогда.
Мимо камышовых озер.
Мимо бирюзовых озер
Едут — утешается взор.
Каменными кряжами шли,
По ущельям-скважинам шли, —
Мало ль было, много ли гор, —
Девяносто гор перешли!
Выйдя на зеленый простор,
По земле, по вражьей пошли…

Идут они так по калмыцкой земле, — о том, какая западня им готова, ничего не знают…

А теперь послушайте об этой коварной старухе, о Сурхаиль. Сказали мы уже раньше, что в привычку она себе взяла ежедневно на холм подниматься, в подзорную трубу на дорогу поглядывать. И вот — смотрит она однажды в эту трубу и видит: едут сорок сардаров конных, грозней драконов разъяренных. Увидала их коварная старуха; — и на такую хитрость пустилась: разметала космы свои, лицо ногтями исцарапала, — пошла к ним навстречу.

Увидали беки старуху, придержали поводья — коней остановили, спрашивает у нее Алпамыш:

— Что ты бродишь здесь одна в пустыне, мать?
Горько плачешь по какой причине, мать?
Космы растрепав и разодрав лицо,
Ты скорбишь о муже иль о сыне, мать?
Иль тебе обиду кто-нибудь нанес,
Или потерпеть ущерб тебе пришлось?
Близкого кого ль утратить довелось?
Что, скажи, причина этих горьких слез?
Далеко ль отсюда, близко ли живешь?
Слезы проливая, ты куда бредешь?
Что ты так вопишь, лицо ногтями рвешь?
Убиваясь так, с ума себя сведешь!
Если спросишь нас — издалека идем,
Натерпелись мук, идя таким путем!
Сами мы — конгратцы. Ты-то кто сама?
Едем — видим, ты сокрушена весьма, —
Отвечай, старуха, не сходи с ума!
Может быть, помочь тебе сумеем в чем?..

Выслушав эти слова, Сурхаиль сказала так:

— Я тебе доверюсь, добрый байбача:
Знай, обидчик мой — калмыцкий хан Тайча.
Осенью цветам не расцветать в садах.
Благосклонность в ваших да найду сердцах,
Да издохнет он, калмыцкий этот шах!
Я имела семь могучих сыновей,
Не бывало в мире лучших сыновей, —
Он, проклятый этот, подлый шах Тайча,
Семерых моих замучил сыновей,
На меня обрушив ужас черных дней!
Хоть бы он издох, калмыцкий шах, злодей!..
Пляшет под тобою конь на всякий лад,

На боку твоем сверкающий булат,
Счастлив твой народ и край родной, Конграт,
Если у него такой, как ты, есть клад!
Коль меня заметил твой соколий взгляд,
Верю я, сынок, что ты помочь мне рад,
Но вернуть моих не сможешь ты сынков.
Вот что претерпела я от калмык**о**в!..
Шахское злодейство можно ли простить?
Как-нибудь должна я шаху отомстить!
У тебя, сынок, осмелюсь ли спросить,
По какому делу прибыл ты сюда,
Долго ли у нас намерен ты гостить?

Алпамыш на эти слова ответил:

— Если хочешь знать, моим словам внемли:
Из Байсун-Конгратской еду я земли.
Я — кочкар могучий у себя в стране.
С шахом калмык**о**в расчесться надо мне,
А с врагами счет свожу я на войне.
Шаху этому я враг теперь вдвойне…
Есть один тут одинокий человек,
Близкий родич мой, высокий человек.
Он калмыцким шахом очень угнетен,
Беззаконно им всего скота лишен, —
При своих стадах пастушить принужден.
Имя — Байсары. Мой тесть и дядя он!
Вот зачем в страну калмыцкую скачу.
Кровного коня дорогой горячу.
Я его найду, коварного Тайчу,
На него, как сокол грозный, налечу, —
И за Байсары сполна с него взыщу,
И за сыновей твоих я отомщу!..

Старуха в ответ такое слово сказала Алпамышу:

— Был добросердечен ты, сынок, со мной,
Душу обласкал ты мне в глуши стенной, —
Обращусь к тебе я с просьбою одной:
Заверни ко мне, будь гость почетный мой!
Ночь одну хочу тебе я послужить,
Эту радость должен ты мне разрешить-.
Ты устал с пути, — к чему тебе спешить?
Ночь в моем дому ты можешь погостить.
Этим ты окажешь мне большую честь, —
Я имею право на такую честь:
Сыновья мои погибли все, как есть,
Но одна утеха мне, сыночек, есть:
Сорок у меня красавиц-дочек есть,
Зрелые вполне, как розы, хороши, —
Скучно им без братьев жить в степной глуши.
Вас увидев, будут рады от души,
Словно братьям, вам прислуживать, родным.
Долг гостеприимства мы ведь тоже чтим, —
Выполнить его, сынок, мне разреши.
Погости хоть эту ночь в дому моем, —
На заре поедешь ты своим путем.
Мне язык калмыцкий хорошо знаком.
Самый лучший путь вам укажу потом.
Вижу я, сынок, твой благороден лик.
Вижу — ты врагов бояться не привык,
Сколько б ты ни встретил калмык**о**в, сынок.
Устоять не сможет ни один калмык.
Отомсти за всех моих сынков, сынок!
Гостем нашим будь, — а дом недалек.

Этими словами затуманила коварная старуха разум Алпамыша и его товарищей, совсем рассудка лишила их. Согласились беки переночевать у нее, — и старуха, радуясь удаче своей, повела их к себе.

Идут они за ней — приходят к замку ее. Сверкающее здание это увидев, подумали: «При жизни сыновей своих старуха, оказывается,

по-шахски жила!»

Раскрылись перед ними ворота, въехали они во двор, — усмехнулись:

«Сыновья старухи с шахом своим соперничать, видно, решили, дом свой не хуже, чем у падишаха, устроили. Потому, наверное, и погубил их шах калмыцкий».

Оглядываются они, богатству замка дивясь, а старуха, как вошла в ворота, так девушкам своим и подала голос:

— Братья ваши как бы воскресшими станут! Гостей привела я, — гости эти за братьев ваших кун потребуют!

Выбежали сорок девушек-красавиц, по одной подошли к каждому из сорока беков, коней подхватывают, к коновязям привязывают их, в гостевой покой прибывших вводят, ковры-одеяла расстилают, кланяются им, улыбками обласкивают:

Беки пленены приветливостью их,
Расторопностью и сметливостью их,
Красота девиц их сводит всех с ума.
Им платками машут сорок баловниц, —
Нет на свете краше этих чаровниц.
Службою хотят гостей очаровать:
Воду им подносят руки умывать.
Начинают дастарханы накрывать,
Блюда с угощеньем ловко подавать:
С кишмишом и медом были чашки тут,
Сласти и орехи, и фисташки тут, —
Остается бекам сесть да пировать,
С девушек игривых — глаз не отрывать.
Девушки служить гостям не устают, —
Жареного мяса блюда подают,
В красных чайниках заваривают чай.
Подавая чай, — ты это примечай, —
Нежною рукой, как будто невзначай,
Гостя обожгут, — пойми, кто не дурак!
Между тем старуха подает арак.
Беки выпивают, размышляя так:
«Нам служа и нас увеселяя так,

Хороши калмычки все, как на подбор,
И ни в чем отказа нет нам до сих пор.
Видно, и кой-чем послаще в эту ночь
Угощать гостей красавицы непрочь»…
Меж собой такой веселый разговор
Беки, наслаждаясь отдыхом, ведут, —
Никакой беды-опасности не ждут…

Калмык**а**м теперь старуха весть дает:
«Алпамыш, мол, в замке мирно ест и пьет, —
Пусть, мол, шах, не медлит и войска пришлет».
День уж на исходе, вечер настает, —
О подходе войск старуха узнает.
Говорит она пирующим тогда:
«Ой, сынки, беда, нежданная беда!
Весть имею — шах прислал войска сюда!
Как спасти мне вас, укрыть мне вас куда?»
О гостях притворно плача и скорбя,
Космы распустила, в грудь бия себя:
«Жертвой быть за вас, сгубила я себя!»
Так она сказала — и спешит во двор.
Гости повскакали с мест — бегут за ней, —
Кинулись во двор проведывать коней,
А коней проверив, сняв с ворот запор,
Вышли за ворота — слушают, глядят, —
Видят, что старухин разговор — не вздор:
Шахские войска подходят к ним в упор,
С двух сторон старухин замок обходя,
Громогласно в трубы медные дудя…

Видят беки — время битву принимать, —
Говорят старухе: — Ну, спасибо, мать!
Если б не дала ты во-время нам знать,
Калмык**и** могли бы нас врасплох поймать, —
Без тебя погибнуть мы могли бы, мать!
Истинно, как мать, была ты к нам добра! —
Простодушным бекам вовсе невдомек,

Кто на самом деле их врагам помог.
Так была старуха Сурхаиль хитра!
Гости — на коней — и едут со двора.

Первым выезжает Хаким, —
Вражье войско блийтся к ним.
Говорит он людям своим:
— Друг — опора храбрым сердцам, —
Храбрый друга отыщет сам:
Прах следов его — нам бальзам,
Исцеленье скорбным глазам.
Беком я конгратским зовусь,
Насмерть я с врагами схвачусь,
Вдохновлен единой мечтой,
Верен буду клятве святой:
Быть достойным возлюбленной, — той,
Для кого я с детства желан!
Пробил боевой барабан.
Жаром гнева не пышащий — трус!
Барабана не слышащий — трус!
Тот, кто в час, гремящий войной,
Не надел кольчуги стальной,
Не надел наплечника, — трус!
Он презрен навечно, как трус!
Будьте же в сраженьи тверды!.. —
Так Хаким джиштам сказал.

А войска врагов-калмыков
Строят боевые ряды.
Многие, однако, из них,
Видимо, в себе не тверды, —
Ждут неотвратимой беды.
Выехал вперед Алпамыш, —
Слово он опять говорит:
— Ныне жесточайшая нам
Сеча с калмык**о**м предстоит.
Вражья кровь пролейся в степи,

Вражий прах развейся в степи!
Вскачь пустить коней на майдан,
Слева, справа! Гей, на майдан!.. —
Молвил это сокол Хаким,
Поднял меч высоко Хаким, —
Прямо на врагов поскакав.
Каждый из его сорока,
Чья железа тверже рука,
Грудь, что склон горы — широка,
Горным львом рыкающим стал,
Тигром устрашающим стал,
В пыль врагов превращающим стал.
Сорок, что один, в тот же миг —
Алпамышу вслед напрямик
Мчатся на врагов-калмык**о**в, —
Гром гремит от конских подков!
Их перед собой увидав,
Первенство в бою прогадав,
Калмык**и** камчами коней
Понукают, бьют все сильней,
Шумно на узбеков скача,
Поломав ряды сгоряча,
Звездами падучими став,
Овцами заблудшими став,
Скачут калмык**и** кто куда,
Воинами быть перестав.
Так они растерялись тогда!..

Храбрецы, пугая, кричат,
Трусы, убегая, кричат.
В Чилбир-чоле крик не смолкал,
Свист, батырский гик не смолкал,
Но куда б калмык ни скакал,
Хакимбек с отрядом своим,
Как дракой, его настигал,
Пополам мечом рассекал.
Тщетно враг спасенья искал.

Сеча тут большая была!
Пыль густым туманом плыла,
Словно весь чилбирский майдан
Обволок тот пыльный туман,
Словно от незримой луны
Стлался тот обильный туман.
Что ни холм и что ни шихан,
Что ни дол и что ни овраг —
Всюду многочисленный враг
Падал от булатов и пик, —
Жертвою узбекскою был!
Всюду Алпамыш их губил, —
Кровью весь Чилбир затопил,
Меч на их костях притупил,
Бранный обнаружив свой пыл.
Вот как Хакимбек воевал!
Он пощады врагам не давал,
Отдыха рукам не давал,
В деле брани был знатоком:
Он владел искусно клинком,
Пикою алмазной владел.
Так он воевал с калмык**о**м,
Со своим исконным врагом!
И джигиты-беки его,
Соревнуясь в деле таком
С доблестным своим вожаком,
Храбрость умножая свою,
Чудеса являли в бою:
Сорок против ста сороков,
Собственных голов не щадя,
Скопищам калмыцким грозя,
Мчатся на майдане степном,
Носятся в тумане ночном,
Яростными львами рыча,
Стычек с храбрецами ища,
В н**о**жны не влагая меча,
Головы дерущимся — прочь

Сносят, вправо, влево рубя,
Пиками бегущих губя,
Раненых конями топча…
Сколько калмык**о**в в эту ночь
Жертвами в степи полегло,
Сколько недобитых в ту ночь,
По земле чилбирской ползя,
Землю в смертной муке грызя,
За свое коварство и зло
Кару в том бою понесло!
Было велико их число.
Все-таки иным калмык**а**м
В грозном том бою повезло, —
Видимо, их чудо спасло:
Сохранили ноги они,
Выбрались к дороге они.
Там, соединившись в отряд,
В страхе и в тревоге они,
Так между собой говорят:
«Подкрепленья ждать, — говорят, —
Бой вторично дать, — говорят, —
Жизни не видать! — говорят: —
Лучше мы подальше уйдем…»
И пошли обратным путем…

Стало в Чилбир-чоле темно.
Беки говорят: «Все равно
Нам торжествовать суждено,
Шаху горевать суждено!
Кончена игра, — говорят,—
На покой пора, — говорят,—
Ночь темна, сыра, — говорят, —
Что нам без шатра, — говорят, —
После всех трудов ночевать?
Завтра уж с утра, — говорят, —
Выедем врагов добивать.
Будет сеча вновь, — говорят, —

Выпустим их кровь! — говорят.
Драться, — говорят, — нам не лень, —
Черный уготован им день!
А теперь на отдых пойдем, —
В замке эту ночь проведем.
Сурхаиль стара, — говорят, —
Скорбь ее остра, — говорят, —
С нами же вчера, — говорят, —
Так была добра! — говорят.
С нею посидим, — говорят, —
Долг ей отдадим, — говорят…»
Беки повернули коней —
В замок возвращаются к ней.

Возвратились они к Сурхаиль коварной, — с девушками веселую беседу завели. Взяли девушки в руки золотые чаши с вином, — и, заздравную песню запев, стали угощать беков.

— Из Конгратских пришедший стран,
Здесь едва не попавший в капкан,
Ринувшийся львом на майдан,
Жертвою мне стать за тебя,
Гость мой дорогой, мой султан!
В битве посрамивший врага,
Быстро разгромивший врага,
Ваша нам судьба дорога, —
Радоваться вам — не грустить,
Шаху дай вам бог отомстить!
В сладости вина, алияр,
Радость нам дана, алияр!
Я — страны калмыцкой тюльпан,
Тополя стройнее мой стан.
Ты — страны Конгратской буран,
Ты страны Байсунской гроза,
Гость мой дорогой, мой султан,
Сердцу моему ты желан, —

Как мне твое сердце привлечь?
Видел ли игривей глаза,
Слышал ли страстнее ты речь?
Радости желая тебе,
Чашу налила я тебе.
Или не мила я тебе?
Чаша велика, — тяжела, —
Ах, моя рука затекла!
Будь добрей, алияр, алияр,
Пей скорей, алияр, алияр!..

Волосы кудрявы у них,
Взоры так лукавы у них,
Платья — узкорукавы у них,
Тонкие платки на плечах,
Звонкие подвески в ушах,
Сколько обольщенья в речах!
Пери, гурий краше они,
Держат полные чаши они,
Сорок, что одна, хороши,
Служат не от всей ли души,
Не рабыни ль ваши они?
«Соблазнись, алияр, алияр,
Опьянись, алияр, алияр!»

Так красавицы эти поют.
Тонкий стан рукой подопрут,
Бровь игриво кверху взметнут,
Черными кудрями тряхнут, —
Просят выпить чашу вина.
(Каждая светла, как луна,
Каждая в тебя влюблена,
Сладкие у них имена,
Хороши красавицы всем, —
Бекам они нравятся всем.
Это ли не райский приют?
Гурии пред ними встают, —

Слаще соловьи не поют.
Девушки арак подают —
Со снотворным зельем арак!
Беки разгораются — пьют.
Кто не пьян, алияр, алияр,
Не желан, алияр, алияр!
Длятся эти соблазны всю ночь,
Беки пьют безотказно всю ночь,
Пьют, — и, балагуря всю ночь,
Обнимают гурий всю ночь.
Воина душа — широка,
Льется тот арак, что река, —
Трезвого из всех сорока
Больше ни единого нет.

Вот уже забрезжил рассвет.
Не подозревающий бед,
Пьет Хаким с весельем арак,
С тем снотворным зельем арак.
Если б знал, что близится враг!
Сколько ни подносят — он пьет,
Выпьет, — сам попросит — и пьет,
Удали не бросит он — пьет!
Если б знал, что, как мертвецы,
Все пьяны его удальцы,
Что от ведьмы, от Сурхаиль
Скачут к Тайча-хану гонцы!
Пьет он не из чаш тот арак,
Пьет он из кувшннов его,
Вот уже который кувшин,
Каждый — высотою с аршин,
С блюдо — горловина его!
Все же охмелел исполин, —
Пьян, как и дружина его,
Бек Хаким, Конграта султан…
Тут и разговорам конец,
Тут и нежным взорам — конец:

Девичий меняется нрав.
Чаши все и блюда убрав,
Скатерти оттуда убрав,
Все, чем украшают пиры,
Также одеяла, ковры —
Все они уносят стремглав.

Ты на Сурхаиль погляди,
Что у ней за сердце в груди!
О ее делах посуди!
Подлость ее вся впереди.
Месть ее была такова:
Девушки приносят дрова;
Сурхаиль полна торжества,
Ведьма разжигает костер —
Пламенем озаряется двор…
Всех узбекских беков дотла
Ведьма беспощадно сожгла,
Алпамыша сжечь не могла, —
Вышел в этом деле изъян:
Пьян был, как мертвец, Хакимхан,
В пламени лежал — не трезвел,
Но, объят огнем, не горел!..

В это время сам Тайча-хан
С воинством своим подоспел, —
Видит — Алпамыш уцелел!
Страх его душой овладел,
Воинам дает он приказ:
Изрубить мечами его!
Острый исфаганский алмаз
Тоже отскочил от него!
Пробовали дело не раз,—
Каждый раз острили мечи, —
Только иззубрили мечи!
Стрелы в него стали метать,—
Не пронзают стрелы его:

Словно камень — тело его.
Сделать с ним нельзя ничего!..
Шах старуху-ведьму корит:
— Э, злосчастная ты, — говорит, —
Иль пьяна была, — говорит,—
Ведь должна была, — говорит, —
Толком все разведать вперед!
Видишь — он в огне не горит,
Видишь — меч его не берет,
Не пронзают стрелы его, —
Заколдовано тело его.
Он — не человек, а скала!
Думала бы прежде, чем жгла!
Пять дней пьяным будет лежать, —
Десять дней чурбаном лежать, —
Он же не навеки хмелен,
Временно ведь он усыплен, —
Как-никак очнется ведь он.
Не был бы тобою сожжен
Весь его дружинный народ,
Он бы, погуляв на пиру,
Сам бы и ушел поутру,
Мирно бы ушел, подобру.
А теперь — беда нам, беда,
Нам с таким великаном — беда!
Он теперь наш враг навсегда:
Если уж пришел он сюда, —
Значит — разорит города,
Значит — уничтожит нас всех!
Сдохнуть тебе, ведьме такой, —
Был бы в нашем царстве покой!
Ведьма ты и ведьмина дочь,
Говори, как делу помочь,
Только не хитри, а не то —
Голову сниму с тебя прочь!..

Неуязвимостью от рождения отмечен был Алпамыш: бросай его в огонь — не сжечь; не берет его меч; из лука ли, из ружья ль стрелять в него станешь — ни стрелой, ни пулей не ранишь.

По этой причине калмыки, не зная, с какой бедой повстречались, так растеряны были тогда. Говорит шах калмыцкий, к Сурхаиль обратясь:

— Не Алпамыша пленила ты, а наше бедствие опьянила. Ведь он, отрезвев, в отместку за смерть своих сорока джигитов живой души в стране не оставит, — всех мечом перебьет!..

Встала коварная Сурхаиль, — так отвечает:

— Ты — падишах, сделать можешь все, что ни пожелаешь. Под этой горой Мурад-Тюбе прикажи вырыть глубокий зиндан и бросить туда Алпамыша. Пролежит он там пять — десять дней, пусть месяц пролежит, а хотя бы и целый год — обязательно в сырой этой яме сгниет, — ничего с нами не сделает.

Понравился шаху калмыцкому этот совет коварной Сурхаиль — и такое грозное слово говорит он калмыкам своим:

— Раньше осени цветник чтоб не засох!
Поскорей бы в яме Алпамыш подох!
Чтоб самих себя нам после не корить,
В сорок саженей зиндан вам надо рыть.
Часа вам нельзя безделью подарить!
И простой и знатный за кетмень берись —
Землекопом стать на этот день берись.
Знатностью никто сегодня не кичись, —
От такого дела увильнуть не тщись.
Знайте, что не шутки с вами я шучу,
От большой беды избавить вас хочу.
Ну, народ, усердно к делу приступай,
В сорок саженей зиндан ему копай!.. —
Слово Тайча-хана выслушал народ.
Ни один для спора не открылся рот:
Кто берет носилки, кто кетмень берет,
Даже самый знатный амальдар — и тот
Роет, роет землю — пота не сотрет.
Кто земли не рыл, тот землю относил, —

Все они трудились, не жалея сил.
Хоть, чем глубже, тем работа все трудней,
В день успели столько, сколько в десять дней:
Выкопали яму в сорок саженей, —
Сорокасаженный вырос холм над ней.
Похвалил их шах за столь усердный труд.
Все на Алпамыша поглядеть идут,
Следует туда с войсками Тайча-хан.
Видят — Алпамыш лежит, как мертвый, пьян, —
Будет, слава богу, сброшен он в зиндан!

Десять калмык**о**в поднять его хотят, —
Силы нехватает, — только зря пыхтят, —
Тужатся и двадцать калмык**о**в, и сто, —
Мучатся с ним так же бестолково — сто, —
Ни поднять никак, ни сдвинуть ни за что!
Калмык**и** решили привести коней.
Выбрали десяток тех, что посильней:
Подлинней, покрепче выбрали аркан, —
По рукам-ногам опутан великан.
Всяких чувств лишенный, словно истукан, —
Он лежит, как мертвый, непробудно пьян,
Этот Хакимбек, узбекский пахлаван.
Думают калмык**и**: «То, что трудно нам,
То нетрудно будет десяти коням!»
Десять тех коней к аркану припрягли —
Сечь камчами стали, как только могли.
Сколько тех коней, однако, ни секли,
Кони только зря копытами скребли,
Выбились из сил — и замертво легли.
Ужасом народ калмыцкий обуян:
Неужель напрасно вырыт был зиндан?
Что, если очнется Алпамыш-Хаким,
Если, отрезвев, он разорвет аркан?
Как им совладать с чудовищем таким?!
Сущий он дракон! Дракона только тронь —
Целую страну сожрет его огонь!..

Вспомнили, что есть у Алпамыша конь, —
Говорят, что конь тот — истинный тулпар.
Тотчас приведен был славный Байчибар, —
Был к его хвосту привязан Алпамыш.
Стали калмык**и** стегать Чибара так:
Где стегнет камча — там, словно след меча,
Рассекалась кожа, проступал костяк.
Байчибар был конь разумный, не простак, —
Сразу он смекнул, чего хотят враги:
Чтоб Хаким погиб от верного слуги!
Терпит муки конь, а с места — ни на шаг, —
Даже не поднимет ни одной ноги!..
Не на косогоре ль кобчику присесть?
Разум и у твари бессловесной есть,
А в таком тулпаре, как известно, есть
Больше, чем бывает у иных людей.
Знай, что жалость тоже есть у лошадей!
Терпит Байчибар, — терпеть уж невтерпеж, —
Каждая камча вонзается, как нож.
Для таких страданий силы где возьмешь?
Хлещут калмык**и** отчаянно его, —
Байчибару жаль хозяина его.
Стиснутые зубы умный конь разжал,
Конским плачем плача, громко он заржал,
Конских слез больших бедняга не сдержал.
Содрогается от страшной боли конь, —
Трогается с места поневоле конь,
Волоком батыра тащит за собой.
А за ним, ликуя, шумною толпой
Калмык**и** идут: «А ну-ка, Алпамыш,
Попадешь в зиндан, в Конграт не убежишь!»
А Чибар уже к зиндану подошел —
И, остановившись на краю жерла,
Думает он: «Если развернуть крыла,
Силу бы в себе я, может быть, нашел,
Но батыр, к хвосту привязанный, тяжел, —
Навесу он может хвост мой оборвать, —

Ни ему тогда, ни мне не сдобровать»…
Будто в землю врос, стоит в расстройстве конь.
Видят калмык**и**, что в беспокойстве конь, —
Вновь тревога стала их обуревать:
Как бы Алпамыш не отрезвел тут вдруг!
Калмык**о**в смертельный обуял испуг, —
У жерла зиндана сбились в тесный круг —
Держат наготове острые мечи.
А Чибара сзади вновь секут камчи:
Хочешь иль не хочешь — а перескочи!
Байчибар пригнулся — и, как он привык,
Рассчитал прыжок — и прямо с места — прыг!
Через весь зиндан перемахнул он вмиг.
В этот самый миг успел один калмык
Меч свой опустить на байчибаров хвост —
И перерубить одним ударом хвост.
Падает на дно зиндана Алпамыш,
Растянувшись там во весь батырский рост!
Но настолько был он пьян, что все равно
Не очнулся, даже грохнувшись на дно,
И лежал на дне, как мертвое бревно,
Хоть и оставался жив и невредим.
Пленом расплатился он за то вино, —
Так ему, как видно, было суждено!
Тесно, сыро в том зиндане и темно, —
Он лежит без чувств — сознание темно,
А меж тем Чибар был схвачен, бедный конь!
Калмык**и** в досаде: «Э, зловредный конь,
Сколько неприятных нам доставил дел,
Хоть бы ты скорей, проклятый, околел!»
Конь на поводу был к шаху отведен,
Алпамыш в зиндан, — он в стойло заточен.
Шею до земли понуро клонит он,
От себя докучных мух не гонит он:
Как ни настрадался, как ни изнурен,
Ни зерном, ни сеном конь не соблазнен,
Даже и водой прохладной не прельщен:

Он судьбой батыра очень угнетен.
Злобой калмык**и** по-прежнему горят, —
«Что это за тварь такая!» — говорят —
И над ним насилья страшные творят:
Достают они колоду — и она
Не из дерева, а вся из чугуна,
Вес колоды — сто без десяти батман!
Бедному коню на шею груз кладут!
Шестьдесят батман железа достают,
Все это железо на куски дробят,
Гвозди и шипы различные куют,—
Байчибару в ноги забивают их,
Чтоб не мог тулпар не только убежать,
Чтобы ни стоять не мог и ни лежать.
Вот что терпит конь от недругов таких!
Шум у калмык**о**в в конце концов утих, —
Как-никак была достигнута их цель.
Столько-то проходит дней или недель, —
С Алпамыша сходит непробудный хмель;
Он открыл глаза: в уме ль он, не в уме ль?
Неужель он в плен попался? Неужель?!

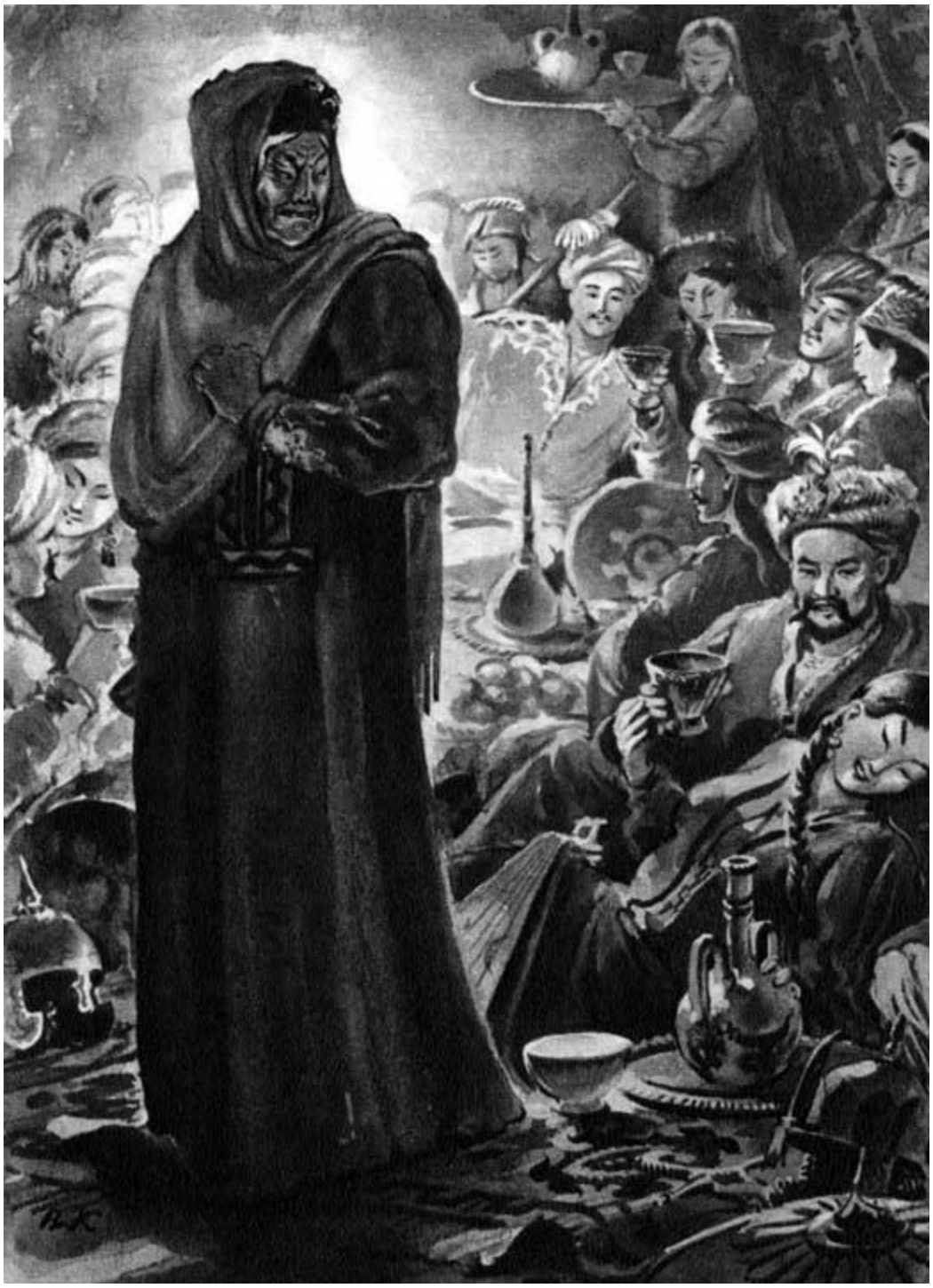
Увидав себя заточенным в зиндан, сильно сокрушился Алпамыш душой и, раскаиваясь в своих оплошных делах, заплакал, так говоря:

— Суждено, увы, такое горе мне!
Узник я в чужой, далекой стороне!
В этом подземельи, в темной глубине
Сколько лет придется жить в позоре мне?
Вряд ли выбраться удастся вскоре мне!
Был главой Конграта, счастлив был вполне,
Был любим женой, утехой был родне,
Был мечом, щитом своей Конграт-стране, —
Все это прошло, минуло, как во сне!
Обречен я сам с собой наедине
В этой тесной яме, на холодном дне

Вспоминать о каждом том свободном дне!
Обо мне справляться кто придет сюда?
В той стране моей, что мной была горда,
Жив я, мертв ли — кто узнает и когда?
Посчитают так: случилась с ним беда, —
Он ушел в поход — и нет его следа.
Старый мой отец, моя старуха мать,
Долго-долго вам меня придется ждать!
Об освобожденьи можно ль мне мечтать?
Если бы имел я крылья, чтоб слетать,
Чтобы о себе хоть весточку подать!
Станешь там вдовою ты, моя жена!
Ты, сестра моя, как горевать должна!
Родина моя, защиты лишена,
Ты не станешь ли врагом угнетена?
Мощь моя была на благо вам нужна, —
Бесполезной стать она обречена.
Опозорен я перед своей страной,
Заклеймит стыдом меня народ родной.
Если бы на путь я не вступил дурной,
Если бы не пил отравы той хмельной,
Если б я той ведьме не поверил так,
Если б не заехал к ней гостить, дурак,
Если бы не слушал тех девичьих врак,
Если бы не пил отравленный арак, —
Разве б одолел меня трусливый враг,
Разве бы меня он заточил в зиндан?!
Сам себя сгубил я, Алпамыш-султан!..

Как бы ни было, — что хочешь, бормочи,
Яростно кричи иль, как немой, молчи, —
Алпамыш сидит в зиндане день за днем,
Наблюдать за ним приходят зиндачи, —
Бросят кость — глумятся: «Пищу получи!»
Вот что Сурхаиль подстроила ему!
Ходят калмык**и** — ликуют потому…

А молва такая весь обходит мир:
Мол, погиб в неволе Алпамыш-батыр.
Эта весть приходит и в страну Конграт,
Люди там и тут об этом говорят, —
Опечален друг, лукавый недруг рад.
Правда или ложь — поди-ка разбери,
Но коснулся слух и уха Байбури, —
Так убит он горем, что хоть сам умри!
К родичам спешит он: «Правда или нет?»
Все ему дают уклончивый ответ.
Разве скажет правду родич иль сосед?
А не зная, он теряется сильней.
Если жив Хаким, — сыскаться б должен след,
Если умер, — как оплакать без примет?
Ждет он, ждет, — приходит к байвуче своей —
Тайну мук своих он открывает ей.
Думают: Хаким ушел ведь не один, —
Сорок человек в поход увел их сын;
Если б не погибли все, то нет причин,
Чтоб ни одному и вестки не подать.
Видно, все погибли и погиб их сын!
Только говорить не следует Барчин,
Чтоб и вида, мол, невестке не подать.
«Горе, мол, в себе покуда утаим!..»
Но в один из дней сама Барчин-аим
От соседских женщин услыхала весть:
Говорят, мол, люди, что погиб Хаким.
Как же с Калдыргач ей душу не отвесть?
И Барчин сестре приносит скорби весть.



Песнь вторая

Прослышав о смерти Алпамыша, но истинной правды не добившись, затаила свое горе мужественная Барчин-аим и от всех в стороне плакала потихоньку над своей несчастной судьбой. Дни шли, месяцы текли, — вся родня сердцем сокрушалась, поверила в конце концов молве, — оделись все в черное, в скорбное. Так год прошел, — Байбури задал богатый поминальный пир по сыну своему — Алпамышу. Кончились поминки — вся родня одежды скорби с себя поснимала, а были и такие, что и самую скорбь позабыли…

Была у Байбури рабыня-наложница-персиянка — Бадам имя ей было. Байбури имел от нее сына по имени Ултан; плешивцем был он, — Ултантазом прозвали его. О самой Бадам, кто и какая она была, мы в другой раз расскажем. А пока — об Ултане, сыне ее, поговорим. При Алпамыше — кто с этим Ултаном считался? Сын наложницы-персиянки, ему, мол, трона не наследовать. Хоть и обижать его не обижали, — все-таки сын бия Байбури, живет все-таки при его доме, — не отказывается от него отец, — задирать-обижать его тоже нехорошо. А так — внимания на него не обращал никто. Одни только табунщики побаивались его, заискивали перед ним: «Все-таки бия сын, поставлен начальником над ними — от него мы зависим».

Когда Алпамыш на чужбину в поход отправился и сгинул там, — Байбури-бий, в горе по Алпамышу, одряхлел сразу, вкус потерял к управлению народом. А Ултан голову поднял, думает про себя: «Мой час пришел!» Действительно — приспешники у него нашлись, удалось Ултантазу власть захватить, — стал Ултан мухурдаром, чужаки, над конгратцами возвысились, глумились над ними.

Много времени не прошло — показал себя Ултан: мстить начал всем, кто не считался с ним раньше, приспешников своих на первые места поставил, самых достойных, заслуженных людей на последние

места определил. Стал он с беками своими угнетать народ, — стон пошел в стране от правления их. А старого Байбури — отца своего и его байвучу — мать Алпамыша, слугами своими сделал, а Калдыргач-аим угнал он в степь к Бабир-озеру — верблюдов пасти. Больше всех боялся Ултантаз Караджана: обезоружил он его, коня у него отобрал, далеко в горы нелюдимые на Алатаг сослал его, под страхом смерти запретил ему с людьми встречаться и людям под страхом смерти запретил к нему приходить. А Барчин не трогал он, — так про нее решив: «Куда ей от меня деться, — все равно моей она стать должна. Раньше — позже ли, — мне достанется…»[30]

Время шло, разговоров об Алпамыше все меньше становилось, многие забывать его стали, — никто уже почти не верил, что может он живым оказаться…

Барчин незадолго до отъезда Алпамыша на чужбину понесла от него. Когда у нее родился сын, она его Ядгаром назвала:[31] «Пусть памяткой будет мне по Алпамышу», — сказала она… Время шло, — подрастал Ядгар, Барчин часто усаживала сына перед собой и, себя утешая, так говорила ему:

— Был бы жив Ядгар, мой дорогой сынок!
Выживет — в народе мужем станет он,
Мужем став, заменит он отца в свой срок, —
Слез моих тогда он высушит поток.
Ултантаз теперь стал знатен и высок, —
Не в черед схватил он власти поводок.
Как высокомерен стал он и жесток!
Лучшими людьми в стране он пренебрег,
Худших — к своему правлению привлек.
Мухурдар такой стране родной не впрок.
Справедливости он не дает дорог,
Путь насилья стал свободен и широк.
Если весь Конграт поработить он мог,
Если властен он, как всемогущий рок,
Кто ему хоть слово скажет поперек?
Знатных и простых согнул в бараний рог!

Хоть и от рабыни был Ултан рожден,

Все же к дому бия был он сопричтен,
Все же назывался сыном Байбури.
Но и престарелый бий-отец, смотри,
Как последний раб Ултаном угнетен, —
Быть его слугою старец принужден!
Байвучу-старуху он на склоне дней
Отдал в услуженье матери своей.
Калдыргач-бедняжку как унизил он, —
Из родного дома выгнал, выжил он!
Он ее угнал на озеро Бабир —
Стала Калдыргач верблюдов там пасти.
Гнет обид подобных как перенести?
Проклят будь такой несправедливый мир!..
Одинокая, она в степи живет,
Слезы день за днем, беспомощная, льет.
Изредка домой печально прибредет, —
С маленьким Ядгаром сердце отведет.
Сколько раз вокруг сиротки обойдет,
Сколько раз его к своей груди прижмет,
Скажет: «Мне другой утехи в жизни нет.
Друг мой, брат, погиб — и не разыскан след, —
Ты, Ядгар, от брата сохраненный свет!»
Скажет Калдыргач — и, словно расцветет,
Своего любимца нежно обоймет,
На руки возьмет, к груди его прижмет —
На верблюде в степь с собою увезет.
К озеру Бабир доставит их верблюд, —
Станет Калдыргач пасти верблюдов тут,
Станет Ядгарджан резвиться тут в степи
Близ своей любимой Калдыргач-апы.
Поживет она на Бабир-коле с ним,
Временно забудет горе, боли с ним…

Так вот — в горе и в униженьи жили они без Алпамыша под властью Ултантаза…

Дни за днями шли, месяцы и годы текли, — Алпамыш все в том же калмыцком зиндане пленником сидел. Смотрит он однажды из ямы своей вверх, видит — крылья над зинданом распластав, гусь кружит. Увидел гуся Алпамыш — и такие слова ему сказал:

— Ты не из Конграта ль в путь свой воспарил?
Гусь простой на вид, не Хумаюн ли ты?[32]
Тенью крыл своих меня зачем накрыл?
Если б по-людскому ты заговорил,
Вестью от родных меня бы ободрил!
Не родни ль моей крылатый ты посол?
В глубине зиндана как меня нашел?
Своего врага терплю я произвол.
До чего меня калмыцкий шах довел!
Лишь вздохну — и слезы у меня в очах.
Как я до сих пор в зиндане не зачах,
Как не превратился от страданий в прах!
Голову свою ношу ли на плечах?
Да погибнут вражьи козни, мой аллах!
Тварь крылатая, что кружишь надо мной?
Ты не пролетал ли над моей страной,
Не принес ли вестку от души родной?
Гусь иль Хумаюн, что кружишь надо мной?
Сидя в яме здесь, тоскую, как Юсуф,[33]
Помощь получу ль такую, как Юсуф?..
Гусь иль Хумаюн, что кружишь надо мной?
Не был ли подранен ты в пути стрелой?..
Гусю столько слов сказал шункар-Хаким!
Гусь и сам ответил бы словам таким, —
Только языком не обладал людским!
Голову закинув, Алпамыш глядит,
Видит — гусь все ниже, ниже все летит —
Уже все да **у**же он круги чертит,
Он чертит круги — и падает в зиндан,
Падает от счастья рядом Хакимхан!

Алпамыш взял гуся в руки — и видит: одна нога у птицы сломана, крыло одно стрелой поранено, — совсем обессилел гусь, — потому и в зиндан упал. Говорит сам себе Алпамыш:

— В своей стране, на озере Бабир бывая, может быть, я этого самого гуся здоровым встречал. А теперь, когда сам я в зиндане глубоком лежу, на волю выйти не могу, встретился мне этот гусь покалеченным, — летать больше не может!..

Отвык Алпамыш в зиндане от разговора с людьми, — стал он с гусем целые дни беседовать. Много дней провел он с больным гусем, пока раны его не зажили. Стал гусь полетывать над дном зиндана, — в путь готовился. Написал Хакимбек письмо, гусю под крыло подвязал — и такие слова ему говорит:

— Пояс у меня златочервонный есть,
От печали разум помраченный есть,
Стыд ошибки, мною совершенной, есть.
Там, в стране Конграт, на родине моей,
Байбури, отец мой огорченный, есть, —
Жалобу мою скорей доставь ему…
Край Конграт родной опустошен теперь,
В том краю мой дом меня лишен теперь.
Матери моей там слышен стон теперь, —
Жалобу мою ты ей доставь скорей…
Был я давулбазом, той страны главой.
Там моя жена Барчин живет вдовой, —
Как ей знать, что муж ее Хаким живой!
Жалобу мою жене моей доставь…
Плачу я все дни — так боль моя остра,
Там насильник есть, — не знать ему добра! —
Близко не ходите от его шатра.
Соутробница моя там есть — сестра, —
Жалобу мою сестре моей доставь.
Поздней осенью цветок взращенный есть, —
Сын там, без меня уже рожденный, есть,
Сирота, Ядгаром нареченный, есть, —
Жалобу мою Ядгару ты доставь!..
У меня в Конграте друг желанный есть,

Караджан-батыр, мой брат названый, есть,
Караджану эту жалобу доставь!.. —
Что поделать, если я упал, увы,
Если мой венец свалился с головы!..
Волей божьей есть в моей стране Конграт
Брат мой Ултантаз, несоутробный брат, —
Он теперь страны властитель, говорят.
Ултантазу жалобу мою доставь…
Осторожным будь, гонец мой — гусь, в пути:
С ястребиных троп подальше свороти,
Хищников иных крылатых облети.
След гусиный свой ты в небе замети, —
За оплошность жизнью ты не заплати.
К моему несчастью сердце обрати, —
Должен ты письмо до места донести!
Гусехвата ты не повстречай, орла,
Не коснись тебя охотничья стрела!
Осмотрителен в полете будь! Лети!
Не теряй письма! Счастливый путь! Лети!
Сослужи мне службу, мой приятель, гусь, —
Вся моя надежда ка тебя, клянусь!..

Гусю Алпамыш такой наказ дает,
Много на прощанье слез из глаз он льет.
Слово бека понял гусь залетный тот, —
Вылетел из ямы — полетел в полет.
Он уже, крылатый арзачи, далек, —
Алпамыш в зиндане снова одинок.
Э, как тот зиндан безвыходно глубок!..
Очень Алпамыша гусь-посланник чтит, —
Жалобу его он под крылом таит,
Дальше все и дальше по небу летит.
Вот как он в Конграт послание стремит:
Отдыхая днем, он держит ночью путь,
Ночью отдыхая, днем он поспешит,
Где бы ни пристал, недолго он стоит.
Он уже пятнадцать дней-ночей в пути.

Сколько снежных гор высоких миновал!
Шакаман-горы он видит перевал, —
Для привала гусь его облюбовал.
Крылья у него замлели, — он устал.
Наставленья бека гусь не забывал,—
Справа, слева гору он обозревал, —
Хищников на той горе не увидал.
Опустился гусь — и волю сердцу дал, —
Громко, по-гусачьи, он загоготал!..

Эта Шакаман-гора людьми обитаема была. Жители горы ничем другим не питались, кроме птичьего мяса. Все они поэтому охотниками были, очень метко по птицам перелетным стреляли, — редкостью было, чтобы кто-нибудь, целясь в самую быстролетную птицу, не подстрелил ее. Если у кого-нибудь неудача бывала, надолго оставалось имя его позором покрытым.

Жила на той горе Шакаман старуха одна со своим сыном. Когда гусь, алпамышев посол, в сторону калмыцкой страны летел, сын старухи этой охотился за ним, — стрельнул в него, но стрела только подранила гуся — и он улетел с поврежденным крылом. Потому-то и упал он в зиндан к Алпамышу.

Опозорился тогда сын старухи, слава худая про него в народе пошла. Очень был огорчен молодой охотник, так что даже заболел, в постель слег — и чахнул с каждым днем… Лежит он так в постели, слышит однажды — гусь гогочет, — голос у гуся знакомый! Тот это гусь! Как ни болен был охотник, сразу легче стало ему. Поднял он голову с подушки — и матери своей говорит.

— Прилетел опять тот самый гусь — мой враг!
Слышу я, гогочет где-то он, дурак.
В сердце я ношу позора черный мрак, —
Гуся упустить нельзя теперь никак!
Ты мой лук и стрелы приготовь-ка, мать, —
Я пойду свою ошибку исправлять.
Я тебе скажу, что этот гусь хромой —
Лучшее лекарство, лучший лекарь мой!

Знай, что без него я не вернусь домой!..

Так он сказал, а старуха тоже слово ему в ответ говорит:

— Шахи к шахам шлют своих послов-эльчи
Разъезжают с ними толмачи-тильчи,
Гусь твой — одного батыра арзачи.
Знай, что все эльчи, тильчи и арзачи
Неприкосновенны всюду быть должны:
Их убийц в любой стране убить должны.
Гуся-арзачи, сынок, не убивай!
Ведомо мне стало, тот батыр — султан,
Он в стране враждебной заточен в зиндан.
Гусь-ходатай пленного батыра чтит,
Он с его письмом в его страну летит.
Если от твоей руки погибнет гусь,
Завтра я в одежды скорби облачусь, —
Сам не в свой черед погибнешь ты, клянусь!
В гуся-арзачи, сынок мой, не стреляй,
Муки испытать меня не заставляй,
Всех своих друзей, мой сын, не огорчи,
Радости своим врагам не прибавляй.
Ой, сынок, не трогай гуся-арзачи!

Услышал охотник слова матери своей, рассердился — и такими словами ей отвечает:

— Так ты облегчаешь мне страданья, мать?
Из-за гуся столько бормотанья, мать!
Если так, — умрешь без покаянья, мать!
Этот гусь, э, мать, не твой ли нежный друг?
Что ты из-за птицы всполошилась вдруг?
Сына ты бросаешь в пламя адских мук,
Лишь бы гусь какой-то мог существовать.
Видно, гусь тебе дороже сына, мать!
Я твоих пророчеств глупых не боюсь, —

Свел тебя с ума, как видно, этот гусь!..

С этими словами с ложа он встает, —
Лук берет и стрелы в саадак кладет,
Из дому на голос гуся он идет,
Скрытно по ущелью выше все бредет.
Отдыхает гусь — опасности не ждет,
Уморился он — себя не бережет.
А стрелок все ближе — и вот-вот стрельнет…

Видит старуха, что сын ее к самому гусю уже подбирается, и гусю беспечному такие слова вдаль прокричала:

— Ты растай-истай, глубокий снег, в горах!
Вражий труп, изгнив, да превратися в прах!
Ты не гогочи, крылатый арзачи!
Позабудь беспечность, вспомни смерти страх!
Без раздумья в небо взвейся, поспеши, —
Стережет тебя твой злейший враг в тиши!
Он тебе не виден, сам ты на виду, —
Отвратить хочу я от тебя беду.
Злой твой враг — мой сын, охотник удалой.
Он тебя подстрелит меткою стрелой, —
Насадив на вертел, сжарит на огне, —
Сжарит он тебя — и съест на горе мне.
Гусь, не доверяй коварной тишине,—
Как бы не погиб ты по своей вине!
Я сказала сыну: «Этот гусь — посол,
Смерть посла — источник смертных бед и зол!»
Все-таки мой сын тебя убить пошел.
Мой совет — скорей лети, покуда цел:
Сын мой, недруг твой, уже берет прицел!

Гусю так старуха скорбно говорит.
Сын ее в укрытьи за жертвой следит.
Лук тугой напружен, тетива скрипит,

С тетивы стрела как молния летит, —
Будет через миг беспечный гусь убит!

Но и миг не минул — гусь уже и сам
Молнией взлетает с места к небесам,
А стрела, что в гуся пущена была,
Цели не найдя, в расселине легла.

Гусю так в беде старуха помогла!
Входит в дом — берется за свои дела.
Сын ее от горя снова занемог,
Думает: «За что меня обидел бог!»
Сам не свой, придя домой, свалился с ног,
От подобной неудачи, бедный, слег!..

А счастливый гусь меж тем летит вперед,
Он под облаками свой стремит полет, —
Здесь его стрелой никто не подшибет,
Если только хищник злой не заклюет.
То назад глядит он, то глядит вперед,
Смотрит влево, вправо — и летит вперед:
Струйками стекает с перьев гуся пот, —
Гусь летит в Конграт, исполненный забот.
Э, в страну Конграт не близок перелет!

Он перелетел уже немало гор, —
Край Конгратский видит зоркий птичий взор.
Закружился гусь — и смотрит вниз, внизу
Озера Бабир он видит бирюзу!
Наземь он спустился, меж верблюдов сел:
Гусь принес в Конграт батырскую арзу!

Сел гусь на том месте как раз, где Калдыргач-аим верблюдов пасла. Похаживала она туда-сюда, держа за руку своего любимца Ядгара, и сама про себя такие слова говорила:

— Гордостью страны он был в былые дни,
Радостью он был для всей своей родни, —
Без него теперь, ягненок-Ядгарджан,
Мы с тобой в такой большой степи — одни!
Ты отца лишен, я — брата лишена.
Имя твое чтить я до смерти должна, —
В память об отце зовешься ты «Ядгар».
Рухнул он, конгратский царственный чинар, —
Молнии какой сразил его удар?
Ты, росток его, цвети, мой джан-Ядгар!..

Обходя верблюдов, приблизилась Калдыргач к тому месту, где сидел гусь, испугала его, — встрепенулся гусь, в небо поднялся. Письмо, Алпамышем написанное, отцепилось от гусиного крыла — на землю упало. Калдыргач письмо подняла, читать стала, — видит — письмо это от брата ее Хакимбека-Алпамыша, которого все давно считали умершим. Было в том письме рукою Алпамыша написано так:

«Я, одинокий, в чужой, враждебной стране калмыцкой сижу в зиндане, всеми забытый, и нет никого, кто пришел бы меня освободить…»

Прочла Калдыргач письмо, рассказала все маленькому Ядгару, думать стала, как быть?

«Он там, — думает она, — в той стране калмыцкой, куда шесть месяцев пути, — в руках сильного врага находится. Не всякого к нему по такому делу пошлешь. Один только человек выручить его, пожалуй, сможет — Караджан-батыр…» — Так она решила и, оставив Ядгара при верблюдах, сама на Алатаг отправилась, Кара-джана повидать.

Увидел Караджан Калдыргач — и так сказал ей:

— До осенних дней будь розы цвет румян!
На рассудок мой да не падет туман!
О твоем приезде б не узнал Ултан!
Если только он проведает, — беда!
Он тебе такое сделает тогда,
Что страшнее будет Страшного суда!
Что тебя, бедняжку, занесло сюда?
Иль тебе неведом был его указ?
Он тебя казнит за это, Ултантаз!
У него повсюду ухо есть и глаз.
Бедненькая, как ты не остереглась!
Я сказал — и ты слезами облилась.
Что поделать, если небо против нас,
Если задавил нас гнетом Ултантаз,
Если ни сильней его, ни выше нет!
Что поделать, если Алпамыша нет,
Если из народа изгнан Караджан!
Я у вас — пришелец. Ултантаз — султан!
Черный над Конгратом распростерт туман!
Алпамыш, твой брат, не защитит тебя,
Караджан, твой друг, не оградит тебя,
Ултантаз, твой враг, не пощадит тебя.
Ты зачем ко мне пришла в недобрый час?
Он тебя казнит за это, Ултантаз!

Бедненькая, как ты не остереглась!

Калдыргач-аим, сердцем расстроившись, такие слова оказала в ответ Караджану:

— Боль души моей безмерно жестока.
Участь, бесприютной — истинно тяжка,
К вам я обращаюсь, Караджан-ака!
Розою, не в срок увядшей, я пришла.
Жалобу-посланье к вам я принесла.
Жалобу прислал издалека мой брат, —
Одинокий гусь принес ее в Конграт.
Гусь-посланник будь благословен стократ, —
Слава богу, жив-здоров пока мой брат!
Алпамыш сидит в зиндане, — пишет он, —
С гусем шлет нам всем посланье, — пишет он, —
С Караджаном ждет свиданья, — пишет он, —
Вся надежда, мол, на друга, — пишет он, —
Пусть окажет, мол, услугу! — пишет он.
Если б Алпамыш покинул тот зиндан,
Недругам бы всем настал Ахир-заман.
Слово мне сказать позвольте, ака-джан:
Слушая такой, как я, бедняжки речь,
Не хотите ль брату моему помочь —
И, отправившись в тот, вам известный край,
Из зиндана друга вашего извлечь?
Сердце бы мое могли вы тем привлечь!
Службу сослужили б другу своему.
Кроме вас туда отправиться кому?
Если б и найти другого смельчака,
Скоро ль доберется он до калмык**а**?
Если Алпамыш и не умрет пока, —
Кто бы ни пошел, не зная языка,
Не найдет он ямы той наверняка:
Спрашивать начнет — узнают чужака!
Хоть и вам задача эта нелегка,

Ничего без вас не выйдет, джан-ака!..

Выслушал ее Караджан, за друга своего обрадовался, за нее встревожился, — и так говорит:

— Слава богу, жив, оказывается, друг мой Алпамыш! Если он такое письмо прислал, если помощи просит, как же я не пойду выручать его? Дай-ка мне письмо его, а сама торопись — отправляйся отсюда, пока Ултантаз не узнал, — убьет тебя, бедняжку…

Ушла Калдыргач, письмо Караджану вручив, а прочесть ему письмо — не прочла. Спрятал Караджан письмо в кушак, — стал в поход снаряжаться. Приготовил он длинный-длинный аркан шелковый: «Если живым застану Алпамыша, арканом вытащу его из зиндана…» Так он решил, нахлобучил тельпак свой, — пошел в далекую страну калмыков.

Любит птица-ястреб сесть на крутосклон.
Так как он коня в изгнаньи был лишен,
Пешим Караджан пойти был принужден,
То, чего не ведал, то изведал он.
Много мук в дороге терпит пешеход,
Много терпит он в большом пути невзгод.
Что его теперь в стране калмыцкой ждет?
По родной стране тоска его гнетет,
Только беглецу туда запретен вход.
Попадется шаху — шкуру шах сдерет:
Но уж, если друг на выручку зовет,
За него положит Караджан живот!
Может быть, уже и друг тот не живет?..
Все же Караджан-батыр идет вперед.
Через много гор свершая переход,
Через степи он, через леса идет,
Мимо вод речных, мимо озерных вод, —
Наконец, пред ним гора Мурад встает,
Наконец, пред ним калмыцкая страна!
Воздухом родных степей он задышал,
Задышал-заплакал, — горе заглушал.

Тут в зиндане шахском друг его лежал!
Где он, тот зиндан, Караджанбек не знал.
Алпамыш писал, да он не прочитал, —
Грамоты узбекской человек не знал!
Думая: «В столице, верно, тот зиндан», —
В шахскую столицу входит Караджан.
Не один зиндан имеет Тайча-хан,—
Друга своего как он найдет зиндан?
Подвязал потуже Караджан кушак,
Нахлобучил он поглубже свой тельпак,
Ходит он в своем народе, как чужак,
А спросить людей — опасно как-никак:
Спросит — заподозрят, — и пропал бедняк!..

С улицы на улицу бродит Караджан по столице шаха Тайчи, бродит, думает, как разыскать Алпамыша. Видит он на одной улице — трое-четверо ребят, в бабки играя, накинулись все на одного, — стали у него бабки отнимать, отняли, а тот и говорит:

— Э, — говорит, — плохо, когда человек один, — всегда его все обижают: и побили меня, и бабки мои отняли! Вот так же и хану Конграта, Алпамышу, худо одному пришлось: сколько лет в зиндане сидит! Был бы у него брат родной или друг верный, головы бы своей не пожалел, а приехал бы — выручил бы его…

Караджан, слова мальчика услыхав, бабки у ребят отобрал, отдал их обиженному — и спрашивает у него:

— Ты, сынок, про Алпамыша сказал, а не скажешь ли, в каком зиндане сидит он?

Отвечает ему мальчик:

— Не могу я этого сказать. Разве ты приказа шаха нашего не знаешь: кто скажет что-нибудь про зиндан Алпамыша, голову тому отрубят, а скот его отберут.

— Э, — говорит Караджан, — я тебе удружил, и ты мне удружи, — тихонько мне скажи, чтоб никто не слышал.

— Тихонько можно, — мальчик отвечает. — Пойдешь отсюда вот так, в Чилбирскую степь, гору увидишь — Мурад-Тюбе называется. К этой горе приблизясь, увидишь холм большой, на холм

поднимешься, — под холмом тот зиндан и есть. Только никому не говори, что от меня узнал…

Караджану только того и надо было. Покинул он столицу калмыцкую и отправился в Чилбир-чоль. Дошел он до того холма, — действительно — зиндан под холмом оказался, — не зиндан, а пропасть бездонная! Сколько ни всматривался Караджан, ничего рассмотреть не мог в зиндане, — так он глубок был. Алпамыш взглянул вверх, увидел человека над зинданом. Караджан-батыр, девяностобатманный панцырь носивший, с ворону Алпамышу показался. Как узнаешь, кто там над зинданом находится! Решил так Алпамыш:

«Это, наверно, какой-нибудь зинданчи, соглядатай шаха. Может быть, за головой моей пришел»… Но, чтобы не подумал вражий слуга, что духом пал конгратский пленник, встал Алпамыш во весь рост — и так вверх закричал:

— Обо мне пришел справляться, зинданчи?
Иль привет принес от шаха, от Тайчи?
Шаху своему ты можешь доложить:
«Алпамыш намерен очень долго жить!»
Шаху своему скажи, не умолчи:
Витязь Алпамыш самой судьбой избран!
За отвагу брошен он тобой в зиндан.
Если из зиндана выйдет Алпамыш,
Ты, Тайча, башки своей не сохранишь!
Витязя такого в яме ты гноишь!
Ты нам показал калмыцкие дела, —
Доброта твоя ловушкой нам была.
Знай, что твой дворец разрушу я дотла!
Сколько бы в неволе ни держал ты льва,
Ярость львиная останется жива!
Вот тебе, наушник, все мои слова!

Услыхал это Караджан, сердцем расстроился и горькими слезами заплакал: «Друг мой, оказывается, и в зиндане храбрецом остался, — духом не падает!» — Так он подумал и, весть о себе подавая, говорит:

— Скорбному немил белый свет!
Знай, что здесь наушников нет:
Преданный пришел к тебе друг,
Тот, кто честь поставив на круг,[34]
Стал тебе из недругов — друг,
Много оказавши услуг.
Долго говорить недосуг, —
Я тебе напомнить могу,
Шел я за тебя на байгу.
Так тебе сказав, не солгу:
Я перед тобой не в долгу, —
Знай, что я — батыр Караджан!
Гусь, что прилетел в Байсунстан,
Нам принес посланье твое:
«Жив, но заточен, мол, в зиндан…»
Ведь сбылось желанье твое,—
Пред тобой батыр Караджан!
Весточку твою получив,
Пламя своих мук утишив,
Думая: «Покуда он жив,
Я, кто им на выручку зван,
Неужели, руки сложив,
Дружбы осквернив талисман,
Друга веры в друге лишив,
Не рассею страха туман,
Хоть и пеший — в эту страну
Не пойду, батыр Караджан,
Не найду тот самый зиндан,
Где сидит мой друг Хакимхан!»
Я к тебе пришел, Алпамыш,
Я, твой побратим Караджан!..
Думая, что я — зинданчи,
Соглядатай шаха Тайчи,
Друга повергаешь ты в стыд.
Бог тебе обиду простит, —
Знай, что это — алп-Караджан
Над твоим зинданом стоит!

Мною припасенный аркан
Я тебе бросаю в зиндан, —
Обмотай арканом свой стан,
Крепче завязать не забудь,
Покидай проклятый зиндан, —
Вытащу тебя как-нибудь!
От тебя куда мне свернуть?
Вместе мы отправимся в путь, —
Бог даст — невредимы придем,
В твой Конграт любимый придем,
Дружно мы опять заживем…
Ждет тебя родная страна, —
Знай, что бесхозяйна она,
Что Ултаном угнетена.
Пламенем тоски сожжена,
Ждет тебя в Конграте жена,
Верная твоя Барчин-ай…
Калдыргач, сестра твоя, знай,
Много унижений терпя,
По тебе страдая, скорбя,
Чахнет, захворав без тебя…
Сын твой, сиротою растя,
О тебе мечтает, грустя, —
Радости не знает дитя…
Там тебя родители ждут,
Сверстники-приятели ждут,
Все тебя в объятия ждут…
Истинную правду услышь, —
Мужественным будь, Алпамыш:
Много там врагов развелось,
Власть им захватить удалось, —
Всех поработить удалось!
Возвратись в Конграт свой родной,
Встреченный счастливой родней,
Ласковой утешен женой,
Славой свое имя покрой,
Вражеские козни расстрой,

Родину ты благоустрой.
Ну-ка, в путь счастливый со мной!

Узнал теперь Алпамыш Караджана, — подумал: «Много у него старания дружеского, да силы вытащить меня нехватит у него!»

Бросил Караджан в яму свой шелковый аркан, обмотал им Алпамыш поясницу. Караджан, понатужившись, тянуть стал, — видит Алпамыш, что, пожалуй, хватит у Караджана силы, — и такая мысль ему в голову пришла:

«Если ему, действительно, удастся вытащить меня и придем мы благополучно в Конграт, — народу много соберется, пир большой будет, стану я на пиру рассказывать что-нибудь, а Караджан тут похваляться начнет: „Мол, если бы я тебя, беднягу, не выручил, так бы ты и сгнил в калмыцком зиндане!..“ Не к чести мне будет похвальба его…»

Спиною назад откинувшись, уперся Алпамыш ногами в стену зиндана. Чувствует Караджан — тяжелей стал Алпамыш. Понатужился он еще больше, — так потянул, что аркан оборвался, — Алпамыш на дно зиндана свалился. Довязывает Караджан аркан, снова Алпамышу конец бросает, а тот ему такие слова говорит:

— На вершины гор высоких пал туман.
Видно, не судьба покинуть мне зиндан!
Время не теряй напрасно, Караджан:
Ради друга ты в такой пустился путь!
Через сколько мук пришлось перешагнуть!
Свидимся еще, быть может, как-нибудь, —
Я сумею сердца долг тебе вернуть.
А пока не стой напрасно, Караджан!
Все равно тебе меня не дотянуть:
Я тебя намного тяжелей, мой друг.
Голову свою ты пожалей, мой друг,—
Здесь тебе стоять опасно, Караджан!
Будь здоров и счастлив, отправляйся в путь,
На меня, мой друг, обиженным не будь!..

А Караджан стоит над зинданом, слушает такие слова и, ушам своим не веря, Алпамышу так отвечает:

— Не на твой рассудок ли упал туман?
От тебя ли это слышу, Хакимхан?
Ты с каких же пор так полюбил зиндан?
Я с каким лицом теперь в Конграт вернусь?
Иль слезами я теперь не захлебнусь?
Иль не прилетал с твоим посланьем гусь?
Что твоей сестре скажу я, Калдыргач?
Так ли на тебя, мой друг, я уповал?
Или ты тюрёй конгратским не бывал?
Или слез о близких ты не проливал?
Или никогда с врагом не воевал?
Как я с Калдыргач-аим теперь столкнусь?
Скажет: «Караджан обманщик, мол, и трус!»
Или вызволить тебя я не берусь?
Иль от верной службы другу отрекусь?
Или я услугой друга укорю?
Иль, спасая друга, мыслями хитрю?
С Алпамышем ли об этом говорю?
Уж не сам ли ты, мой друг, со мной хитришь?
Или храбрый лев пугливым стал, как мышь?
Или полюбил неволю Алпамыш?
Дожидаться мне доколе, Алпамыш?
Если я, придя, застал тебя живым.
Неужель тебя покину, друг Хаким?
Мне теперь в Конграт прийти с лицом каким?
Вижу я — в зиндане приобрел ты спесь, —
Чванству и упрямству разве место здесь?!
Обвяжись арканом — и на волю лезь!
Не из-за тебя ль я исстрадался весь!..

Алпамыш в свою очередь так на слова Караджана отвечает:

— На вершины гор высоких пал туман.
Вряд ли суждено покинуть мне зиндан:
Что, коль разорвется снова твой аркан?
Упаду — могу разбиться, Караджан!
Если разобьюсь я насмерть — не беда, —
Но калекой стать могу я навсегда!
Кровью плачу я, свой проклиная век!
За меня не должен ты терпеть стыда.
Смерть батыру лучше, чем судьба калек.
Если я такой несчастный человек,
То не во спасенье будет мне побег…
Скажешь, Караджан, что умер Хакимбек.
Жаль, что не в бою погибель я найду!
Говорю тебе, не стой ты на виду:
Мне-то все равно — в зиндане иль в гробу, —
Ты, мой друг, свою не искушай судьбу.
Холм высок, — посмотрит страж-калмык в трубу, —
Сквозь трубу тебя увидит за ягач…
Торопись, покуда не пришел палач…
Если вся родня моя поднимет плач:
Мать, отец, жена, мой сын и Калдыргач,
Скажешь, что меня в живых ты не застал.
Сына моего ты, как меня, люби.
А теперь спеши — себя не погуби.

Выслушал Караджан Алпамыша — опечалился, задумался, тельпак свой с головы снял и, с тель-паком советуясь, такие слова сказал:

— Друга вызволить как Караджан алкал!
Не в четыре ль глаза он зиндан искал?
Если б хоть в живых я друга не застал! —
Жив мой друг, а сам уйти не пожелал!
Уношу на сердце вечной муки знак…
Где ты, мой скакун, мой резвый тобучак?..
Ты какой совет подашь мне, мой тельпак?

Сине-зелен был чапан мой, пышен был.
Тот, кого искал я, Алпамышем был.
Ведь обезоружен я и спешен был, —
Все мое оружье — аркан да кулак…
Тут стоять, пойти ли, — дай совет, тельпак!
Над моей башкой нависла туча бед.
Попадусь, на тот меня отправят свет.
Никакого больше мне терпенья нет.
Я один, — хоть ты, тельпак мой, дай совет!..

Долго Караджан в раздумии стоял, —
Все от тельпака совета ожидал.
А тельпак ему какой совет бы дал?
Хоть и был треух, а безъязыким был,
Шапочник его без разума создал.
Бедный Караджан стоял и все гадал.
Вдруг он клич тревоги дальней услыхал:
То один калмык дозорный увидал,
Как он свой тельпак все вниз и вверх кидал…
Больше Караджан раздумывать не стал, —
С другом разлучаясь, горько зарыдал.
Алпамыш ему благословенье дал.
Низко нахлобучил Караджан тельпак:
— Ты, оказывается, болван, тельпак!..—
Хоть и пешим был, а сам, как тобучак,
Резво в путь пустился Караджан-бедняк, —
Родину свою опять он покидал.
— Жить здесь не имею права! — говорит, —
— Дружбе отдал честь и славу, — говорит, —
— Злому року стал забавой! — говорит… —
— Пропаду на Алатау! — говорит.

Через сколько горных он прошел дорог,
Сколько он степных преодолел дорог, —
Возвратился к месту через долгий срок,
В горный край безлюдный сокол-одинец.

Калдыргач к нему явилась, наконец.

Поведал ей Караджан все, что про Алпамыша поведать мог, погоревали они вместе над судьбой его, — сказал Караджан так на прощанье Калдыргач-аим:

— Что ж делать, если сам заупрямился он не во-время! Может быть, еще и выберется оттуда как-нибудь. Только ты никому, ни родным, ни другу близкому, никому не говори, что ходил я туда и Алпамыша видел. Пусть думают, что погиб он…

Проводил Караджан бедняжку Калдыргач — и стали оии все жить, как и жили без Алпамыша, — в скорби и в унижении…

А бек Алпамыш между тем в зиндане оставался…

Был в калмыцкой стране в столице Тайча-хана базар один, Янги-базаром назывался. Поручил Тайча управление Янги-базаром дочери своей — Тавке-аим. Вызвала Ай-Тавка сорок своих девушек и такое слово им сказала:

— Вам, мои подружки, от меня наказ:
Сметливей, проворней быть прошу я вас.
Как известно вам, базарный день у нас:
Красным должен быть цвет ваших шаровар,
Красные жезлы[35] я вам вручу сейчас, —
С ними отправляйтесь на Янги-базар.
Торга должен скоро наступить разгар.
У купцов проверьте всякий их товар, —
Что на счет, на вес, на меру, на харвар,
Их весы, их гири, их аршины все:
В алчности всегда они повинны все.
Сколько бы им строгих ни грозило кар,
Любят незаконный наживать барыш.
У кого — рундук, а у кого — амбар,
Медник иль чувячник, бочар иль гончар;
Посетить и скотский вы должны базар —
Знать, почем овца, почем баран-кочкар;
Ткани осмотреть, и кожи, и ковры…

Помните, что очень торгаши хитры, —
Все на плутовские барыши хитры!..

Это наставленье девушкам своим
Шахская сказала дочь, Тавка-аим.
Девушки в чиновный оделись наряд:
— Мы Янги-базар проверим, — говорят, —
Все осмотрим, взвесим, смерим! — говорят.

Походили девушки по базару, вернулись к Тавке и так ей докладывают:

— Наказ твой со всем усердием мы выполняли. Весь Янги-базар обошли, во все ряды заходили, все товары осмотрели, у купцов и ремесленников весы их, гири и меры все проверили. Овечий базар тоже хорошо осмотрели, — перекупщиков, непомерную прибыль накидывающих, наказали как следует. Видели мы на скотском базаре белого козла диковинного: шерсть у него до самой земли свисает, рога — в самое небо торчат.

Не поверила им Тавка:

— Не может этого быть! — говорит.

Клянутся девушки, говорят:

— Как же этого быть не может, когда мы его своими глазами видели, вот так, совсем близко рассматривали его…

Раззадорили девушки Ай-Тавку, оделась она, — вместе с ними на Янги-базар отправилась. Пришли — действительно такой диковинный козел оказался там. Очень козел этот Ай-Тавке понравился, прикипела она к нему, — купила его за восемьдесят теньг и к себе во дворец привела. Приказала Тавка повесить козлу на шею бубенец серебряный — и стала она ежедневно по двору с ним прогуливаться, — веселилась, радовалась, глядя на козлика своего.

Много ли, мало ли времени прошло, — стал козлик линять — шерсть свою красивую терять и с тела тоже спадать стал. Огорчилась Тавка — и девушкам своим такое слово сказала:

— Девушки! Весны уже недолго ждать!
Шерсть козел теряет, с тела стал спадать,

Кто из вас за ним приставлен наблюдать?
Почему мой козлик стал худеть, скучать?
Иль присмотр не тот, иль корм его крадут?
Я боюсь — недуга не было бы тут!
Или потому, что пары нет ему,
Козлик так облез, невесел так и худ?

Сказали ей девушки:

— Правильно говорите вы, Тавка-аим: это животное привыкло на воле ходить, траву по вкусу своему щипать. Не может козел сытым быть тем, что вы ему из рук даете. Появится скоро’ свежая трава зеленая — он еще больше скучать, худеть станет.

Тавка-аим, ведя козла на поводке, отправилась вместе с сорока девушками своими к пастуху Кайкубату. Кайкубат, в прежнее время пася баранов Байсары, первый Алпамыша встретил, когда тот за Барчин приезжал, — дорогу ему к дому Байсары указал. Когда Алпамыш взял Барчин-ай, свояком стал ему Кайкубат.[36] Теперь Кайкубат пас баранов калмыцкого шаха Тайчи. Пришла Тавка-аим к пастуху Кайкубату — спрашивает:

— За какую плату пасешь ты отцовский скот?

— За шесть месяцев я беру с твоего отца-шаха восемь тиллей.

Говорит ему Тавка:

— Я тоже буду тебе восемь тиллей платить за одного этого козла. Возьми его и паси вместе с овцами-баранами, пусть поправится, бока нагуляет.

Отвечает Кайкубат:

— Если вперед деньги уплатишь, согласен я.

Говорит Ай-Тавка:

— Срок отпасешь — тогда и получишь. Разве от отца моего ты вперед плату получаешь?

— Э, с отца твоего я свою плату в любое время получу, — отвечает Кайкубат, — а если к тебе приду после срока плату требовать, ты объявить можешь, что я с худым замыслом пришел, избить меня прикажешь — и денег не отдашь. Или наличными плати, или уводи своего козла.

— Ну, — сказала Ай-Тавка, — если так упрямишься ты, получай вперед. — Сказала так — и выложила ему восемь тиллей.

Очень довольным остался Кайкубат.

«Дочь этого ублюдка-шаха, недолго споря, выложила мне деньги вперед: видно, сердце ее склонно ко мне. Если я козла ей поправлю, она, пожалуй, и замуж за меня пойдет». — Так он подумал про себя.

Отдавая козла Кайкубату, Тавка-аим так ему наказывала:

— Гуще нет моих и нет длиннее кос,—
Если распущу их — не сочту волос.
Если по овце за каждый волос брать,
Столько бы скота на свете не нашлось!
Кто б меня моих густых волос лишил?
Только враг, что весь бы край опустошил!
Кайкубат, мои слова запоминай:
Выходить козла ты должен поскорей.
Наблюдай за ним усердно каждый день,
Хорошо корми, далеко не гоняй.
Сколько ты просил — то получил, но знай:
Не убережешь, — сам на себя пеняй!.. —
Так она сказала — и, резва, ловка,
К играм возвратилась, прерванным пока.
Девушки, смеясь, схватились за бока,
Выслушав, как дело провела Тавка…
Кайкубат стоит на месте, нем и глух, —
Опьянел влюбленный в Ай-Тавку пастух.

Козла к баранам присоединив, довольный сделанным делом и пьяный от любви, Кайкубат сам себе говорит:

— О таком счастливом не гадал я дне:
Привела козла подобная луне![37]
Девушки ее стояли в стороне, —
Мог поговорить я с ней наедине.
Сердце Ай-Тавки склоняется ко мне,
Это стало ясным сразу же вполне.

Покупатель[38] я хороший для нее, —
Говорить не стала долго о цене.
Деньги отдавая, подмигнула мне!
Сколько ни мечтал я, бедный, о жене,
Лучшей никогда не видел и во сне.
Столько мне улыбок светлых подарив,
Столько слов игривых мне наговорив,
Даром ли она их рассыпала с губ?
Шахской дочери и я, как видно, люб!
Если козлика я выхожу, — она
Несомненно скоро будет мне жена.
Говоря со мною, как была нежна!..

Так, мечтая, гонит он на пастьбу скот.
С овцами идет и белый козлик тот.
Кайкубат влюбленный песенку поет,
Как он с дочкой шаха славно заживет.
Он поет, а козлик в сторону идет,
И на лысый холм проворно он идет.
Этот холм стоял вблизи Мурад-Тюбе,
С гору высотой был сам он по себе.
Рядом с ним глубокий вырыт был зиндан.
Рыли тот зиндан — чем больше рыли вниз,
Холм все возвышался, но остался лыс.
На холме на том, весельем обуян,
Козлик разыгрался — и упал в зиндан.

Стадо в степь уводит головной баран,
Песни Кайкубат поет, любовью пьян.
Стадо собирает Кайкубат-чабан, —
Белого козла не видит Кайкубат!
Он стоит, как будто громом поражен,
Он из рая сразу попадает в ад.
— Ой, беда! Невесты я своей лишен! —
Стадо все сто раз осматривает он —
Нет козла и нет! Вот дожил до беды!..
Белого козла вдруг видит он следы,

По следам идет — и молится судьбе.
След ведет к холму, что близ Мурад-Тюбе.
«Э, теперь найду!» — он думает себе.
Всходит он на холм, а под холмом — зиндан.
Вниз он побежал с проклятого холма —
Лег на край зиндана, смотрит, — в яме — тьма,
Не видать козла, возьми его чума!
Смотрит он еще — не верит он глазам:
Человек как будто шевелится там!
Кажется ему, что сходит он с ума.

Всматривается — всматривается Кайкубат, — видит, наконец, в темном зиндане и козла белого. Какой-то человек, к груди его прижимая, собирался, видимо, сожрать козла живьем. Это увидав, свесился Кайкубат, насколько возможнобыло, вниз — и закричал:

— Эй, подземный житель! Кто ты есть таков?
Видно, ты охотник жрать живых козлов.
Козлика не тронь! Скажу без лишних слов —
Козлик этот стоит наших двух голов!
Шаха дочь Тавка — владелица козла.
Я тебя молю, не причиняй мне зла.
Козлика Тавка мне выходить дала —
Жизнь мою в залог за козлика взяла!
За какие ты попал сюда дела?
Не за то ль, что жрешь скотину без котла?[39]
Тварь, упав к тебе, осталась ли цела?
Я перед Тавкой ответчик за козла.
Эй, ублюдок, если жизнь тебе мила,
Откажись, не жри хоть этого козла!..

Алпамыш — в свою очередь — слова Кайку-бата услышав, с места встал — и так ему ответил:

— Эй, ты, плешь! Скажи, как ты попал сюда?
Видно, у тебя счастливая звезда!

Если я отсюда выберусь живой,
Тайча-хана трон тебе отдам тогда!
Не тревожься: целой будет голова.
Кайкубат, мои послушай-ка слова:
За Тавку скотом выплачивай калым,
Бог даст, день придет — разделаешься с ним, —
Выдам за тебя в тот день Тавку-аим,—
Голову твою на грудь ей возложу.
Слушай, Кайкубат, что я тебе скажу:
Голову себе тревогой не морочь.
Если только ты захочешь мне помочь,
Выйду из зиндана, — шаха с трона — прочь,
И тебе отдам и трон его, и дочь!..

Кайкубат спрашивает:

— А ты кто такой есть?

— Э, плешь, не узнаешь меня! — сказал Алпамыш. — Я — Алпамыш. Калмыками плененный, семь лет уже в зиндане этом сижу.

Говорит ему Кайкубат:

— А я думал, что тебя и в живых давно нет. Ну, раз это ты, — верю тебе, рад, что тебя я нашел. Пусть белый козел будет тебе задатком, — согласен я платить калым. И сама Тавка-аим, поручая мне козла, была нежна, весела, будто склонна ко мне была, будто, — казалось мне, — шахская дочь выйти за меня и сама не прочь.

С этими словами сбросил Кайкубат Алпамышу еще пять-шесть баранов в придачу, а сам погнал стадо дальше.

Стал теперь Кайкубат ежедневно вокруг Мурад-Тюбе баранов попасывать, ежедневно Алпамышу пять — десять баранов подбрасывать, доставлять ему, что ни потребует, все, что ни прикажет — исполнять усердно. О том, что ему шах, хозяин баранов, скажет, Кайкубат и думать не хотел. Сбрасывал он, сбрасывал в зиндан баранов в счет калыма за Ай-Тавку, таяло-таяло стадо его, осталась у него одна только единственная кобылица пегая. Взял он эту кобылицу, подъехал к зиндану и говорит:

— Бедняку забота постоянно есть.
Утешенье — в Ай-Тавке румяной есть.
Отданных в калым пятьсот баранов есть,
А еще — кобыла пегой масти есть.
Сват такой, как ты, мое несчастье есть!
За баранов шахских мне в ответе быть.
Я тебя молю, меня не погубить.
Стан Тавки в мечте всегда передо мной.
Долго ли могу я сытым быть мечтой?
Сват, нельзя ль ускорить свадебный наш той?
Видно, ты моей не угнетен бедой!
Отдал за Тавку все стадо Кайкубат.
Прояви свое добросердечье, сват:
Если ты успел весь этот скот сожрать,
То не заставляй меня напрасно ждать:
Раз мне суждена такая благодать,
Можешь Ай-Тавку мне хоть сейчас отдать.
Сказанное мною ты пойми теперь:
Что-нибудь такое предприми теперь, —
К выходу усилья устреми теперь.
Я уже от страсти не в уме теперь!
Что задумал делать, делай — не тяни, —
На Тавке-аим скорей меня жени!..

Ответил Кайкубату на эти слова так Алпамыш:

— Не настанет осень, — розам не отцвесть.
Соловью на куст отцветший не присесть.
Пять ли сот баранов или даже шесть, —
За Тавку-аим такой калым не в честь.
За тобою больше половины есть.
Если ты калым не уплатил сполна,
У меня охоты нет из ямы лезть.
Можешь это в мудрых книгах ты прочесть:
Должен был калым ты начинать с коня.
Хочешь по дешевке шаха дочь иметь?

Не привел коня — так нечего шуметь!
Покидать зиндан нет смысла для меня.

На эти слова Кайкубат Алпамышу так ответил;

— Коль пятьсот баранов — лишь крупица есть,
Жадности твоей где же граница есть?
Сколько на душе забот и страхов есть!
Сколько наказаний мне у шаха есть!
Ай-Тавка моя не чаровница ль есть?
Пегая в остатке кобылица есть, —
Не скажу, конечно, чтоб отборный конь, —
Под хурджун годится, — только с места тронь.
Если б кобылицу отдал Кайкубат,
Будет ли тогда конец калыму, сват?
Отдал я тебе все, чем я был богат.
Что б ни приказал ты — я в твоей руке,
Но жени меня скорей на Ай-Тавке!

Алпамыш в ответ такое слово сказал Кайкубату:

— Сердце к положенью твоему склоня,
Так и быть — сочту кобылу за коня.
Ай-Тавку получишь скоро от меня… —
Алпамыш сказал из подземелья так.
— Э, уговорил! — возликовал бедняк.
Повод кобылицы Кайкубат схватил,
Свой хурджун чабаний он с нее стащил,
К самому зиндану он ее подвел,
Наземь на краю зиндана уложил,
Ноги ей арканом накрепко скрутил,
Подтолкнул ногами — и в зиндан свалил.
— Э, теперь сполна калым я уплатил!.. —
Голову задрав, бек Алпамыш глядит,
Как в зиндан кобыла пегая летит.
На лету батыр кобылу подхватил, —

Этим гибель он ее предотвратил, —
Осмотрел — подумал: «Кляча, а не конь!
Все же на удачу есть в зиндане конь…»

Дни прошли — опять явился Кайкубат:

— Чем меня теперь обрадуешь ты, сват?
Кажется, в расчете мы с тобой уже,
Но тоска все та же на моей душе.
Так сидеть в зиндане до каких же пор?
Был ведь между нами твердый уговор!..

Выслушал Кайкубата Алпамыш — и говорит ему:

— Нет, Кайкубат, — не удовлетворен я. — Мал такой калым за шахскую дочь.

А Кайкубат ему чуть не плача:

— Нечего мне больше в калым давать, — сказал же я тебе, — все уже отдал.

— А раз нечего больше давать, торговлей займись, — говорит ему Алпамыш. — Что выручишь, мне принеси.

— Чем торговать буду? — взмолился Кайкубат, — где мне товар взять?

— Э, — говорит Алпамыш, — товар я тебе дам. Вот смастерил я из костей несколько чангавузов, — девушки любят на чангавузах играть, — поди продай.

Алпамыш из зиндана выбросил наверх сделанные им чангавузы, — Кайкубат собрал их, в хурджун положил, — подумал:

«Янги-базар Тавкой управляется, — сорок ее девушек наблюдают за базаром, потому и другие девушки любят собираться там. Пойду на Янги-базар, — продам скорее».

Отправился он на Янги-базар, стал на чангавузе наигрывать, девушек приманивать. Стоит он — поигрывает, товар свой расхваливает:

— На Янги-базаре стою,
Чангавузы я продаю,

Сам на них играю, пою, —
Мастер Кайкубат знаменит, —
Тили-тули-тиль-тули-ю.
Чангавуз приятно звенит,
Райскому сродни соловью.
Девушкам-красавицам всем
Дешево товар отдаю.
Чангавузы нравятся всем,
Тили-тули-тиль-тули-ю.
Станом вы стройней тополей,
Тело ваше снега белей,
Щеки — яркой розы алей,
Звезд небесных взоры светлей,
Жемчуг — ваши зубы на вид,
Как рубины — губы на вид, —
Все вы райских гурий милей!
Словно звонкострунный комуз,
Сладкозвучен мой чангавуз.
Девушки-красавицы, эй,
Несколько грошей не жалей,
Тили-тули-тиль-тули-ю, —
Чангавузы я продаю.
Кайкубат-уста я зовусь, —
Эй, кому продам чангавуз?
Яблочек румянее вы,
Роз благоуханнее вы,—
Эй, кому, кому чангавуз?
Чангавуз купить поспеши,
Радости себя не лиши,
Отдаю товар за гроши.
Девушки, что краше весны,
Если вы деньгами бедны,
У кого лепешки вкусны,
Хоть они кислы, хоть пресны, —
Тоже мне в уплату годны, —
Чангавузу — пара цена,
Меньшей нет на свете цены.

Чангавузы я продаю,
Т или-тули-тиль-тули-ю!

Много девушек собралось вокруг него, — слушали, как он на чангавузе играет, песенкой расхваливая товар свой. Стали некоторые из них чангавузы перебирать, поигрывать — звук пробовать. Одна взяла, другая взяла, — у остальных глаза разгорелись, стали девушки наперебой чангавузы у Кайкубата разбирать, — так музыка им понравилась. Суют они Кайкубату по две лепешки, — очень довольны все. А Кайкубат, — смотрите-ка на него, — как ловко дело повел, сколько лепешек наторговал, — не успевает в хурджун складывать!

Подходят в это время сорок девушек Ай-Тавки, тоже разохотились, продать им чангавузы просят:

— Э, — говорит им Кайкубат, — кто опоздал, тот счастья не застал, — ни одного нет больше. Еще приготовлю — на этом же месте открою торговлю, — и вам, если нравится, достанется тоже, только брать, красавицы, стану теперь дороже.

— Принеси, принеси, уста-ака! — зашумели девушки Тавки-аим, — возьми с нас задаток пока. — А сами тоже дали ему по две лепешки.

— Хоп! — сказал Кайкубат, — обязательно принесу! — А сам радуется, думает: «Хорошо моя торговля пошла, — чангавузами торгуя, остаток калыма хлебом внесу».

Вернулся он к зиндану — сбросил весь хлеб Алпамышу:

— Смотри, сколько наторговал!

Алпамыш между тем выбрасывает ему еще один чангавуз — и так говорит:

— С этим чангавузом на Янги-базар не ходи, а отправляйся в сад, где прогуливается Тавка, и начни играть. Только смотри — девушкам не показывайся, а увидят они тебя, — в руки им не давайся. Спрашивать станут, — молчи, ничего не говори обо мне скажи — сам сделал. Проговоришься — все дело свое испортишь. А если девушки гнаться за тобой станут, сумеешь ли убежать от них?

Отвечает Кайкубат:

— Толстушки мягки, как подушки, величавы, как павы; худышки — как мышки вертлявы, ногами дрыгают, как козочки прыгают, а за

мной не угонятся, — быть того не может, чтобы я не убежал от них… — Сказал так Кайкубат — и давай прыгать туда-сюда через зиндан.

— Ай, ты, плешь, смотри — в зиндан свалишься, — мне и без тебя тесно тут!

Испугался Кайкубат, взял чангавуз, отправился, — пришел к саду шахской дочери, — перелез в незаметном месте через дувал, спрятался под лопухом — и стал на чангавузе наигрывать. Услыхала Ай-Тавка — вышла с сорока девушками своими в сад, стали искать, кто играет, подошли к лопуху тому, а Кайкубат как выскочит из-под него — и давай бежать. Тавка-аим вместе с сорока девушками за беглецом бросилась — и такие слова говорит:

— Э, хитер-хитер Кайкубат!
Нас поверг в позор Кайкубат, —
Не дал чангавуз нам отнять.
Нам ли беглеца не догнать! —
Кинулись в погоню за ним,
Сорок и одна за одним, —
В руки не дается он им.
Горе им с плешивцем таким!
Был почти в руках — а ушел,
Девушки: «Ах, ах!» — а ушел.
Прыгает, как горный козел.
Столько он красавиц провел!
Справа обойдут — ускользнет,
Слева — он и тут ускользнет,
Эту — головою боднет,
Эту — на бегу ущипнет.
Та ему навстречу спешит,
Вытянула руки: «Стой! Стой!» —
А поймает воздух пустой, —
Со стыдом на землю летит.
Кайкубат, плешивый хитрец,
Ржет, как молодой жеребец.
Сколько он красавиц провел, —
Силы их лишил, наконец!

Но неутомимо ловка,
Гонится за ним Ай-Тавка.
Чуть уж не настигла — ага!
Снова увернулся чабан.
Тут и промахнулся чабан:
В скользкое попала нога —
Сразу растянулся чабан.
Так и был он схвачен Тавкой,
Кайкубат злосчастный такой!..

Сорок сверстниц Ай-Тавки того и ждут:
Все пришли в себя — на помощь к ней бегут,
Палками нещадно Кайкубата бьют.
— Чангавуз кто сделал, признавайся нам! —
Кайкубат упрямо отвечает: — Сам!
— Эх, ты невезучий! — говорят они. —
Признавайся лучше! — говорят они. —
Кем ты лгать научен? — говорят они. —
Грех ведь перед небом! — говорят они.
Битым, видно, не был! — говорят они. —
Отвечай скорей, кто сделал чангавуз,
Иль живым от нас не уберешься, трус!..

Тут Кайкубат, к девушкам обращаясь, возопил так:

— Если я вам лгу, пусть кровью обольюсь!
Каждый ваш удар, — скажу — не ошибусь, —
Точно скорпиона иль змеи укус
Только палочка Тавки-аим, клянусь,
Кажется приятней масла мне на вкус.
Знай, что я в тебя влюблен, Тавка-аим!
Я ведь за тебя вношу большой калым!
Если суждено мне мужем быть твоим,
Палкой, Ай-Тавка, не мучила б меня,

А поцеловала б лучше ты меня!..

Рассердились девушки еще больше, снова стали поколачивать Кайкубата палками, но Ай-Тавка остановила их:

— Хватит с него пока! Привяжите его к этому дереву, — потом подумаем, что делать с ним.

Привязали девушки Кайкубата к дереву, а сами вместе с Тавкой прилегли в саду отдохнуть. Очень утомились они, бегая на солнце за Кайку-батом, — как только прилегли, так и уснули. А Тавка-аим не спала. Встала — направилась к своему пленнику. Девушки все-таки не на шутку Кайкубата избили, — все тело его ныло теперь. Увидал он, что шахская дочь опять к нему направляется, — испугался, подумал:

«Ну, если она снова колотить меня станет, — непременно убьет. Уж лучше скажу ей всю правду, — что будет, то будет!»

Подошла к нему шахская дочь — спрашивает:

— Ну, кто чангавуз сделал? Скажешь, нет ли?

— Скажу, скажу, — отвечает Кайкубат, — сделал его Алпамыш, узбекский пленник, сидящий в зиндане.

— Чем столько палок отведать, не лучше ли тебе было сразу признаться? — сказала Ай-Тавка.

Отвечает ей Кайкубат:

— Ус покручу — ты не понимаешь, бровью поведу, глазом подмигну, — мол, в укромном местечке надо мне поговорить с тобой наедине, — ты тоже не понимаешь. Что ты за девушка, Ай-Тавка, если не знаешь такого языка?

Рассмеялась Ай-Тавка и говорит:

— Слыхала я, что у отца моего, шаха, есть какой-то узник по имени Алпамыш. Только спрашивать о нем отец мой строго запрещает, имени его даже не позволяет произносить. Правда ли, что Алпамыш этот и на людей не похож, а какое-то чудовище с виду, вроде беркута? Другие, впрочем, говорят, что красавец он необыкновенный, батыр прославленный.

— Что правда, то правда, — отвечает Кайкубат. — Если бы ты увидала его, сразу бы он тебе понравился.

Говорит Кайкубату Ай-Тавка:

— Если не хочешь сам в зиндане очутиться, то веди меня сейчас же к этому Алпамышу: давно уже мечтаю повидать его, какой он есть, этот витязь узбекский.

— Хоп! — отвечает Кайкубат. — Однако так ты меня с девушками своими избила, что пешком не дойду я, — путь туда далекий. Если дашь коня оседланного, поеду, — не дашь, с места не встану.

Загорелось Тавке с Алпамышем повидаться. Пошла она на конюшню отцовскую, дала конюху золотую монету, оседлал он ей двух коней хороших. Привела она коней к тому дереву, к которому Кайкубат привязан был, освободила его и говорит:

— Если кто по дороге остановит, — говори, что в стадо к тебе направляюсь я — козлика своего проведать. Только смотри — не болтай дорогой лишнего: мне-то простится, а ты непременно в зиндан попадешь, а то — и головы лишишься.

Едут они. Кайкубат доволен, радуется: и наказания избег, и с шахской дочерью рядом на шахском коне верхом едет, ни на малого, ни на большого не глядя! Думает он:

«Если она послушалась меня, — ясно, что сердце ее ко мне склонно, — хочет она, видимо, подальше от девушек своих наедине со мною побыть!..»

Счастлив Кайкубат. А Тавка в это время такое слово говорит:

— Уж давно, едва о нем прослышала,
Стала тосковать по Алпамышу я.
Необыкновенный витязь, говорят!
Не сочти за шутку то, что я скажу, —
Кажется, заглазно я его люблю.
Много тайных мук из-за него терплю!
Что за человек, пойду-ка погляжу.
Если о здоровьи у него спрошу,
Этим я его ничуть не оскорблю.
Может быть, ему я службу сослужу…
Что-то слишком долго мы к нему идем, —
Правильным ли ты меня ведешь путем?
Близко подойдем — стань в сторону потом, —
Разговор такой нельзя вести втроем.

Услыхал Кайкубат слова шахской дочери, приревновал ее к Алпамышу — и так сказал:

— Э, красавица, тебя мне очень жаль:
Стоит ехать ли тебе в такую даль?
Лишнюю зачем на сердце брать печаль?
На твою любовь ответит он едва ль.
Все равно ему не сможешь ты помочь, —
Тот зиндан глубок и темен, словно ночь.
Если Тайча-хан узнает, твой отец,
И тебе ведь снимет голову он прочь.
Знай, Тавка-аим, что ты — моя мечта!
Красотой ты вся, как роза, налита,
Сна меня твоя лишила красота.
Этой страстью весь измучен, иссушен,
Я не только сна, я разума лишен!..

Тем временем подъезжают они к зиндану. Тавка-аим в зиндан заглядывает — действительно глубок зиндан, — темно в нем, как ночью. Смотрит Ай-Тавка в темную глубину зиндана — и зиндан, красотой ее озаренный, становится светлым. Видит шахская дочь сокола-Алпамыша на дне ямы — и, о здоровьи справившись, такое слово ему говорит:

— Узник! Ай-Тавка, дочь шаха, пред тобой. Быть готова я всю жизнь твоей рабой.

Если мне твоей спасительницей стать,
Кем ты станешь сам красавице такой?
Знай: мои богатства трудно сосчитать,
Шелковым тюрбаном мне дано блистать,
Красотой, как солнцу ясному, сиять.
Молодой и стройный тополь мне подстать…
Если бы судьба для счастья моего
Мне бы на тебя хотела указать
И твоей служанкой стала б я, то кем
Ты, кто здесь в зиндане обречен страдать,

Сам хотел бы стать красавице такой?
О тебе давно я думаю с тоской.
Сердцу моему вернешь ли ты покой?
Ты сидишь на дне зиндана столько лет, —
Униженья хуже для батыра нет.
Дай же кольцекудрой Ай-Тавке ответ:
Если бы ты был освобожден Тавкой,
Кем бы стать хотел красавице такой?

Алпамыш, выслушав слова Ай-Тавки, так ей ответил:

— Шахской дочери ли слышу я слова?
У меня от них кружится голова.
Знаю, о красе твоей шумит молва.
Цель твоя, хотел бы знать я, какова?
Сладкая моя душа попала в ад,
Я томлюсь в зиндане уж семь лет подряд…
Твой наряд зелено-синий так хорош!
Твой привет мне на чужбине так хорош!
По какой, скажи, причине ты пришла?
Я перед твоим народом виноват, —
Сечу задал я — не сечу — киямат!
Но отец твой, шах, виновнее стократ.
Соколом парил я, но сломал крыла.
Я тебе готов ответить, шаха дочь:
В сватовстве-свойстве я быть с тобой непрочь.
Из страны своей я соколом взлетел, —
У тебя в стране в зиндан глубокий сел!
Если хочешь мне, красавица, помочь,
Свояком твоим считаться б я хотел…

Выслушав эти слова, оскорбленная шахская дочь повернула было в обратный путь — и так Кайкубату сказала:

— Кайкубат! Алпамыша, невежу этого, тебе уступаю. Я к нему пришла не свойства-сватовства искать: братьев-дядьев, свояков-зятьев

и прочей родни всякой у меня и без него хватает. Если он сердца моего не понял, пусть сидит в зиндане своем!..

Очень обиделась Ай-Тавка.

Смекнул Кайкубат, что не наруку ему обида ее. Подошел он к зиндану — так сказал Алпамышу:

— Сват! Сказать ей: «мужем твоим согласен стать», не лучше ли было бы?

Алпамыш ему:

— Сказать можно было, да подумал я, что слово такое на сердце тебе падет, — огорчать не хотел тебя.

Говорит Кайкубат:

— Если совесть твоя чиста передо мною, скажи так. Пусть освободит тебя, а там — видно будет. Если в зиндане останешься, без тебя как я получу ее?

— Позови ее обратно, — говорит Алпамыш.

Догнал Кайкубат Ай-Тавку, — сказал:

— Вернуться тебя Алпамыш просит, — не поняла ты его, — мужем твоим стать он согласен.

Возвратилась Тавка-аим и такие слова Алпамышу сказала;

— В день печальный причитают: ой, дад-дад!
Возвратил меня с дороги Кайкубат.
В этой яме ты при жизни ввергнут в ад!
Мной освобожденный, кем ты станешь мне?
В благоденствии живет мой край родной, —
Ты со мною здесь попал бы в рай земной,
Сладкие с тобой беседы б я вела,
Чтила бы тебя, как бога, идол мой!
Мной освобожденный, кем ты станешь мне?

Отвечает ей Алпамыш:

— Коль в саду мы шахском будем жить вдвоем, —
Весело, любя друг друга, заживем.
Если в мой родной Конграт со мной пойдешь,

Спутника и мужа ты во мне найдешь!..

Песнь третья

Вернулась Тавка-аим к себе — думала, думала, — надумала подземный ход рыть от своего дворца до самого зиндана:

Тот забудь покой, кто страстью одержим:
Нет путей прямых — пойдет путем кривым.
На земле ему дорогу преградим, —
Он и под землей пройдет, неуловим.
Сердцем Ай-Тавки так завладел Хаким,
Что не побоялась под дворцом своим
Прокопать подземный ход Тавка-аим.
Ждать готова хоть бы год Тавка-аим…
Ей людей надежных удалось достать, —
К ним она выходит наставленья дать:
— Раньше осени цветам не увядать!
Клятву, землекопы, вы должны мне дать:
Нужно это дело в тайне соблюдать.
Если вы о нем не будете болтать,
Можете большой награды ожидать.
Не должна работа ваша быть слышна,
Ни одна душа вас видеть не должна.
Землю только ночью можно выносить,
Незаметно, осторожно выносить… —
Дни идут, проходят месяцы, и вот —
Подведен к зиндану тот подземный ход.

Людям Ай-Тавка опять наказ дает:
— Вам теперь на волю уходить пора.
Вы усердны были, буду я щедра.
Худа вам не знать, желаю вам добра,
До ста лет живите, но и в смертный час
Тайну да не выдаст ни один из вас… —
Землекопов так предупредив, она
В тот подземный ход спускается одна.
При ходьбе сгибаться даже не должна,
В человечий рост подкопа вышина.
Выдумкой своей Тавка восхищена:
Может Алпамыша навещать она!
Службой Ай-Тавки доволен будет он, —
Будет Ай-Тавкою он освобожден…
Так Тавка-аим к зиндану подошла.
Шла она сюда — веселая была,
А пришла — досада сердце обожгла.
Э, нехороши Тавки-аим дела!
Где ее надежда, где веселье то?
Оказалось, ведь — не только что войти
Алпамыш не может в подземелье то, —
Он в него не может даже и вползти.
Из зиндана в тот подземный ход — едва
Великанова пробилась голова…
Гладит его шею, плача, Ай-Тавка, —
Ведь ее надежда так была сладка,
Но судьба, как видно, слишком жестока, —
Должен Алпамыш в зиндане жить пока!
Все же утешает он Тавку-аим:
— Приходи, — хоть тут друг с другом посидим, —
Нежною беседой душу усладим…

Ходит Ай-Тавка к зиндану что ни день,
Утешенье великану — что ни день…
А про то, где спуск в подземный ход — прорыт,
Девушкам своим Тавка не говорит.
Под почетным местом находился спуск, —

Где обычно гость, пришедший в дом, сидит.
Хворостом искусно сверху был накрыт…
Ай-Тавка в зиндан ушла в один из дней, —
Ведьма Сурхаиль пришла нежданно к ней.
Девушки вскочили, — оказав ей честь,
На почетном месте предложили сесть, —
Старая карга направилась туда;
В хворосте беды не видя никакой,
Топчет ведьма хворост смелою ногой, —
Хворост раздался под старою каргой,
И в провал мгновенно падает она,
Падает, гадая, далеко ль до дна.
Кто б такую пакость ей подстроить мог?
Хоть бы не разбиться, не лишиться ног!
Спуск в подземный ход хотя и был глубок,
Только не отвесно крут, а чуть отлог.
Ведьма уцелела — лишь расшибла бок:
Ей калмыцкий бог, наверное, помог.
Но куда упала — старой невдомек.
На ноги она вполне живой встает —
Темным подземельем все вперед бредет,
Думает: когда же хитрый Тайча-хан
Втайне от нее прорыл подземный ход
И куда подземный этот ход ведет?
Тут-то Сурхаиль увидела зиндан, —
И Тавку-аим в зиндане застает…

Увидала старуха Тавку с Алпамышем — и такое слово сказала:

— Говорить хочу я, не шутя, с тобой:
Что произошло, Тавка-дитя, с тобой?
Или стала я на склоне дней слепой,
Иль наряд твой не зелено-голубой?
Иль в моем краю джигитов знатных нет?
Сдохнуть бы тебе, Тавка, во цвете лет!
Как тебя прельстил подобный людоед?!

Речь мою, Тавка, дослушай до конца:
Шаха ты позоришь, своего отца.
Думала ль, что здесь тебя застану я?
Лучше б не дошла живой к зиндану я!
Шаха дочь подземным ходом из дворца
Бегать на свиданье к узнику должна?!
Видно, ты совсем, Тавка, развращена.
Сдохнешь — будет честь отца отомщена!..
Ведьма Сурхаиль все это говорит,
Не в зиндане стоя, а у входа лишь.
Слушает слова такие Алпамыш,
Слушает — и львиной яростью горит:
Но подкоп не по Хакиму был прорыт:
Пролезать могла одна лишь голова!
Неужель за все поносные слова
Так и не ответит старая сова?!
Сурхаиль меж тем пустилась наутек.
Алпамыш кричит Тавке: — Беги, беги!
Догони — поймай! Быстрей сайги беги! —
Ноги были очень длинны у карги:
Скачет, словно заяц, и чертит круги,
От Тавки спасаясь, как всегда — хитра,
То она туда метнется, то — сюда.
Но была она, однакоже, стара,
А Тавка-аим резва и молода.
Вот она каргу настигла, изловчась,
За подол схватила и, в него вцепясь,
Держит, упустить коварную боясь.
Весь остаток сил старуха напрягла, —
Как рванулась — так и затрещала бязь, —
У Тавки в руке — оторванный подол!
С тряпкою в руке застыла Ай-Тавка,
А пришла в себя — старуха далека.
Вновь Тавка за ней в погоню понеслась,
Но коварной ведьмы след простыл, — спаслась!

Благополучно выбралась старуха из подземелья, к шаху сразу побежала — и такое слово ему говорит:

— Кланяюсь тебе я в ноги! — говорит, —
— Погибаю от тревоги! — говорит.

Ведьма, стоя на пороге, говорит:

— Голову тебе, мой шах, в залог даю —
От тебя я ничего не утаю:
С Алпамышем я видала дочь твою!
Поздравляю с зятем! Шуток не шучу, —
Суюнчи с тебя я получить хочу.
Если ты и дочь не удержал в руках,
Можешь ли народом управлять, мой шах?!
Эта дочь твоя в девических летах
Стала ведь распутной на твоих глазах!

Вскочил с места шах калмыцкий — и, на Сурхаиль разгневавшись, так сказал:

— Сама же ты беду ко мне привела, и сама с жалобой приходишь! Не Алпамыша ты опоила, — несчастье навлекла на меня. Клялась — обещала: «Я, мол, его изведу! Посидит, мол, под землей — сгниет Алпамыш!» А я уже сколько лет только про Алпамыша слышу, — а он все жив, — не гниет! Сколько мне из-за него огорчений!..

Отвечает шаху Сурхаиль-ведьма:

— Что ни прикажешь — все в твоей власти. Прикажи пятьсот арб запрячь и ехать им на Зиль-гору. Пусть они там камнями нагрузятся, и этими камнями зиндан пусть завалят: сверху будут камни давить Алпамыша, с боков — земля прижимать его будет, — он и помрет. А уж если от этого не помрет, значит — ничем не изведешь его.

Понравились калмыцкому шаху эти слова — так и приказал он сделать.

Услыхала про это Тавка-аим, — вышла арбакешам навстречу — и такое слово сказала им:

— Слову моему красноречивым быть,
Слову быть красивым и правдивым быть,
Славе недруга — остывшим пеплом быть.
Земляки мои! Коней вы запрягли, —
Каждому из вас живым-здоровым быть,
Вашему пути, друзья, счастливым быть!
Все же в этот путь зачем пускаться вам?
Дружеским моим поверьте вы словам:
Камни с гор возить не так легко коням,
Эти камни службу не сослужат вам, —
Что вам ездить зря по ведьминым делам?
Головы она преступно кружит вам!
Слушайте меня — езжайте по домам.
Вам, работникам, не скажет Сурхаиль,
Что вас ждет на той горе проклятой, Зиль:
Там живет свирепый огненный дракон, —
Встретитесь ему — всех уничтожит он.
Проглотить способен даже гору он!
Весь ваш караван на гибель обречен,
С муками и смертью путь ваш сопряжен, —
Пожалейте ваши семьи, ваших жен!
Ехать может тот, кто разума лишен.
Этим делом не прельщайтесь, говорю,
Арбакеши, возвращайтесь, говорю!..

Встали арбакеши — отвечают ей:

— Ячменем и сеном покормив коней,
В горы едем не по воле мы своей, —
Посылает нас отец твой, Тайча-хан.
Выпал снег — следы оставит караван.
Нас — пятьсот, и все мы вооружены.
Хоть и были б мы драконом сожжены,
Шахское веленье выполнить должны.

Не послушались арбакеши совета Ай-Тавки — отправились на ту гору-Зиль. Вернулась Тавка-аим к себе, прошла в зиндан — и говорит такое слово Алпамышу:

— Словно нитка бус жемчужных порвалась. —
Я роняю слезы целый день из глаз.
Светоч утешенья моего погас:
Нитка дней твоих, любимый, пресеклась,
Счастья твоего с тебя упал венец:
В этом бренном мире милый — не жилец, —
Схвачен он, как видно, смертью, наконец.
Слушай, Алпамыш, батыр мой, удалец:
Все-таки тебя погубит мой отец!
Стало ведомо одно мне дело здесь:
Ты умрешь, свое оставив тело здесь, —
Не в земле Конгратской, а в земле чужой!
Я тебе служить мечтала всей душой,
Быть твоей рабой, твоей сестрой меньшой.
Но не ехать мне с тобой в тот путь большой,
Не прибыть с тобою в твой Конграт родной.
Не зажить твоею преданной женой,
И тебе не ведать радостей со мной.
Ой, вот-вот порвется жизни твоей нить,
Суждено тебе в чужой земле изгнить:
Скоро, мой султан, тебя должны казнить!
Этой казни ведь не знает мой султан, —
Заживо хотят его похоронить!..
Лик девичий мой был, как тюльпан, румян, —
Станет он от скорби желтым, как шафран.
Алпамыш — глава Конграта — не в черед
На чужбине в одиночестве умрет,
И о том узнать не смогут никогда
Ни родня его, ни весь его народ!..

Алпамыш, желая утешить сердечно к нему привязавшуюся Ай-Тавку, говорит ей так:

— В мире бренном — жизни без кончины нет,
Не сужденной смерти ни единой нет
Ни людской душе, и ни мушиной. Нет,
Страхам за меня, мой друг, Тавка-аим,
Достоверной все-таки причины нет!
Знай, что Алпамыша нелегко убить,—
Поживу еще на свете, может быть.
Калмыки мечтают извести меня,
Ждет отец твой, шах, семь лет такого дня.
Хоть и не бывает дыма без огня,
Но всего дымней сырая головня;
Это все, быть может, только болтовня,
Вражеское лишь пустое хвастовство:
Непременно, мол, теперь казним его!
Не горюй же ты заране, Тавка-джан.
Хоть сижу семь лет в зиндане, Тавка-джан,
Хоть унижен я, но я — конгратский хан.
Может быть, покину вражеский зиндан…
Горько я тоскую по родной стране,
Думаю, все время о своем коне:
Жив ли он еще, мой Байчибар, мой конь?
Вспоминает ли меня тулпар мой, конь?
Узниками стать случилось нам двоим, —
Не остался ль я без крыл, Тавка-аим:
Не был ли убит мой конь отцом твоим?
Просьбу мою, вопль мой, Ай-Тавка, услышь:
О коне узнать так жаждет Алпамыш, —
Вестью о коне меня ты окрылишь!
Милая калмычка, столько слез не лей,
Дивные свои глаза ты пожалей,
Хоронить меня еще причины нет.
Узником в зиндане сидя столько лет,
Добротой твоей, как солнцем, я согрет,
Будь мне навсегда святынею твой след!
О моем коне правдивый дай ответ.

Дочь калмыцкого хана тоже такое слово сказала Алпамышу:

— Хоть не знаю я, какой твой конь на вид, —
На конюшне ханской конь один стоит.
Я скажу приметы: он или не он, —
Не клеймом калмыцким этот конь клеймен;
Слух слыхала я — он якобы пленен;
Выше бабок конь гвоздями прогвожден,
Он чугунною колодой пригнетен, —
Вес колоды — сто батман без десяти…
Если конь не твой, ошибку мне прости.
На ноги не может конь-бедняга встать,
Голову не в силах от земли поднять.
Так уже лет семь он вынужден страдать.
У калмык**о**в страх большой перед конем:
Говорят, что разум у коня — людской,
Человеческой тоскует, мол, тоской,
Говорят калмык**и**: «Он — такой-сякой,
Нам иных людей опасней», — говорят.
Про коня такие басни говорят!
Родина коня — слыхала я — Конграт,
Ездил на коне — слыхала я — узбек.
Терпит конь мученья столько лет подряд,—
В муках и закончит он свой конский век:
Ни один за ним не ходит человек, —
Ни зерна ему, ни сена не дают,
Походя его чем ни попало — бьют,
Походя в глаза печальные плюют…

Выслушал Алпамыш слова Тавки-аим и так ей сказал:

— Знай: пришлось врагам, чтобы пленить меня,
Злым снотворным зельем опоить меня;
Чтобы в эту яму заточить меня,
Конской силою пришлось тащить меня.
Мой же верный конь меня и приволок:

Мучили его, — что он поделать мог!
Совесть Байчибара предо мной чиста,
Знает — я отрублен был с его хвоста.
Все же мой Чибар тоскует неспроста:
Думая, что был я на куски разбит,
Конь мой безутешно обо мне скорбит…
Ухо, Ай-Тавка, склони к моим словам:
Дорога мне участь верного слуги, —
Вызволить коня из плена помоги, —
Пусть не торжествуют надо мной враги!
Вот тебе пучок сухой травы-исрык;
К запаху ее мой верный конь привык, —
С этою травой пахучею — беги
К стойлу Байчибара, там ее зажги,
Чтобы не заметил ни один калмык.
Дым травы душистой до его ноздрей
Лишь дойдет — и сразу станет конь бодрей:
Он почует запах родины своей, —
Сразу же поймет: его хозяин жив!
Поспеши, беги, красавица, быстрей!..

Тот пучок травы Тавка-аим взяла,
С той исрык-травой поспешно в путь пошла,
До конюшен шахских травку донесла, —
От конюших прячась, травку подожгла.
Дым исрык-травы ноздрей коня достиг, —
Конская душа вся просветлела вмиг:
Вспомнилось лошадке, что сухой исрык
Алпамыш с собой в походы брать привык.
Словно возрожден душистою травой,
Понял Байчибар, что бек Хаким — живой:
Конь семь лет лежал с поникшей головой, —
Тут он сразу встал, свободно задышал,
Голову задрал — и весело заржал.
Тут в куски распалась и колода та,
Гвозди стали сами выпадать из ног…
Вольный из конюшни мчится скакунок,

Скачет через всю столицу скакунок.
То не гром в горах — то байчибаров скок!
Ждет коня в зиндане богатырь ездок, —
Держит путь Чибар туда, к Мурад-Тюбе.
Калмык**и** бранятся: «Сдохнуть бы тебе!»
«Этот конь узбека, — думают они, —
Был семь лет калека! — думают они: —
Может быть, семь лет притворствовал, хитрец,
Может быть, стервец, взбесился под конец?!»
Скачет Байчибар, — кто встречный — тот мертвец!
Калмык**и** совсем в смятение пришли, —
Лучше б, мол, они такую тварь сожгли!
А Чибар иное чудо сотворил:
Пару он раскрыл своих незримых крыл, —
Над землей теперь гагарою парил!
Полюбуйся-ка, что за чубарый конь:
Видано ль, чтоб мог летать гагарой конь?!
У зиндана конь приветственно заржал,
Он зиндан семижды рысью обежал,
Заглянувши вглубь, Хакима увидал —
И, каким бывал, таким же снова стал,
Словно никаких он мук не испытал…

Алпамыш, увидав коня своего, — обрадовался — и стал молитву шептать, прося святых чильтанов — помочь ему выкарабкаться из зиндана.

Вновь и вновь слова молитвы от твердит —
И с надеждой вверх из глубины глядит.
Над жерлом зиндана конь его стоит, —
Своего хвоста он ощущает рост:
Что ни миг, то все длиннее хвост, пышней, —
Вырастает ровне в сорок саженей!
Тут Чибар в зиндан свой погружает хвост.
Хвост Хаким увидел — и возликовал,—
Не напрасно он спасенья ожидал!

Сорокасаженным тем хвостом — свой стан
Алпамыш-батыр покрепче обмотал, —
Обвязавшись, крикнул он коню: «Тяни!
Ты моих надежд, мой конь, не обмани:
Вытянешь — заблещут снова счастья дни!..»
Байчибар надежд его не обманул:
Голову к земле, натужась, он пригнул,
На своем хвосте батыра потянул —
Вытянул! На вольный мир батыр взглянул.
Осмотрел он сбрую на коне, — вздохнул:
Видит, что порядка в конской сбруе нет, —
Истрепалась, ветхой стала за семь лет.
Алпамыш подпругу друга отвязал,
Очищать со сбруи пот и грязь он стал, —
Надо же коня в порядок привести.
Много всякой дряни завелось в шерсти, —
Стал ногтями шерсть усердно он скрести.
Нравится коню хозяина уход, —
Кротко он стоит и благодарно ржет…

А со стороны вершины Зиль сюда
Караван груженных камнем арб идет.
Много потрудясь и претерпев невзгод,
Арбакешей приближается народ.
Ехали-спешили, прибыли — глядят, —
Собственным глазам поверить не хотят, —
Думают: «Ужель мы все сошли с ума?»
Смотрят — на вершине лысого холма
Конь стоит, а рядом — человек один, —
Издали заметно — грозный исполин.
Кто же он, такой могучий великан,
Коль не Алпамыш, покинувший зиндан?
Чьими же руками он освобожден?
Для чего же этот камень привезен?
Каждый арбакеш смертельно устрашен:
«Этот Алпамыш — не он ли тот дракон,
С Зиль-горы пришедший на Мурад-Тюбе?

Пропадай в степи и кони и арбы!»
Покидая все на произвол судьбы,
Арбакеши эти, все пятьсот, как есть,
Пешие бегут — приносят в город весть…
Амальдары шаху весть передают:
«Алпамыш сбежал из ямы! — говорят, —
С ним и конь его, тот самый! — говорят:
Есть тому полтыщи очевидцев, шах!
Поскорей изволь распорядиться, шах!»
Окружить столицу! — шах дает приказ.
Запереть границу! — шах дает приказ;
Войску снарядиться! — шах приказ дает;
Изловить узбека — и вернуть назад
Или — насмерть биться! — шах приказ дает…
Переполошив и взрослых и ребят,
По столице трубы медные трубят,
Шахские гонцы во все концы летят,
И, вооружась, отряду вслед отряд, —
Конники-сипахи по степям пылят.
Вся страна в тревоге. Алпамыш сбежал!
Те, которым шах семь лет тому назад
Раздавал баранов из узбекских стад,
В ужасе теперь друг другу говорят:
«Счастлив, кто таких не получал наград!»

Увидев приближающееся калмыцкое войско, Алпамыш взял оружие в руки, на коня сел — и, на врага идя, сказал такие слова:

— Счастье, надо мной воспари,
Голову мою озари,
Недруга во прах изотри!
Враг мой, шах калмыцкий, смотри —
Трона и венца не лишись!
Силою моей устрашен,
Ты уже рассудка лишен.
Всех своих наложниц и жен,

Враг мой, шах, смотри — не лишись!
Мы тебя, злодей, сокрушим,
Голову отсечь поспешим.
Правишь ты народом большим, —
Подданных, смотри, не лишись!
Тяжек был твой гнет надо мной,
Дорогой заплатишь ценой.
Правишь ты большою страной, —
Царства своего не лишись!..
Ну-ка, вы враги-калмык**и**!
Силы ваши сколь велики!
Я, имея две лишь руки,
Ваши уничтожу полки.
Всем вам час последний приспел:
Кто из вас останется цел,
Тот мои увидит дела,—
Мир таких не видывал дел!
Я предостеречь вас хотел:
Ринусь в битву — мир изумлю,
Небо я над вами затмлю!.. —
На полки врагов он взглянул,
Скакуна-тулпара стегнул,
Повод на себя потянул, —
Выехал встречать калмык**о**в.
Словно разъяренный дракон,
Гневом на врагов он дохнул.
Не землетрясения гул
Поле боевое тряхнул, —
Это — изумления гул
Шахские войска всколыхнул.
Но пришли в себя калмык**и**:
Затрещали их мультуки,
Пули на майдане свистят.
Не страшась огня мультуков,
На неисчислимых врагов
Скачет исполин Алпамыш,
Против тысяч — один Алпамыш!

Пушки на майдане гремят,
Ядра на майдане свистят,
Но и сквозь огонь, и сквозь дым —
Скачет Алпамыш невредим!
Ну-ка, на него поглядим:
Пращники рядами стоят, —
Камни пращевые свистят;
Лучники рядами стоят, —
Стрелы боевые свистят;
Ружья кремневые палят,
Пушки огневые гремят, —
Алпамышу — все нипочем!
Врезавшись в ряды калмык**о**в,
Машет он алмазным мечом:
Правым развернувшись плечом,
Левым развернувшись плечом,
Головы он вражьи сечет, —
Кровь на поле брани течет,
Красное струится вино, —
Алпамыш-батыр его льет,
Шлемом золотым его пьет.
Видишь ты, каков исполин, —
С тысячами бьется один!
Кони ржут, и трубы трубят;
В яром гневе зубы скрипят;
Раненые смертно хрипят;
Головы и трупы врагов
Конские копыта дробят…
Бой неравносильный ведя,
Сам себя в бою не щадя,
Трупы калмык**о**в громоздя,
Бьется Алпамыш — и никак
Справиться не может с ним враг,
С грозным пахлаваном таким.
Не было отчаянней драк,
Не было храбрее вояк!
Видите, каков он, Хаким:

Словно заколдован Хаким, —
Тысячи ему не страшны,
Тысячи им устрашены:
Конные он рубит ряды,
Пешие он губит ряды, —
Грозным воплощеньем беды
Кажется врагам он своим:
Многие, в уме не тверды,
Думают: «Что сделаем с ним?
Наши ль не усердны труды?
Крови мы своей не щадим —
Льем ее обильней воды.
Чем же мы его победим,
Как его разбой прекратим?!
Истинно — он неукротим:
Пулями он неуязвим,
Ядрами он неистребим,
Камнем и стрелой не раним,
Меч-алмаз не властен над ним.
Дьяволом он в битве храним!
Конь его, проклятый Чибар,
Как и сам седок, невредим.
Что же мы, калмык**и**, глядим?!
Дальше биться — всем погибать!
Бестолку зачем погибать?!»
У трусливых такие слова,
У отважных другие слова:
«Нет тому причин, — говорят, —
Чтобы всем удрать! — говорят.
Нас — большая рать, — говорят, —
А узбек — один! — говорят: —
Быть того не может, чтоб он
Не был иль убит, иль пленен!..»

Кр**у**гом перестроив коней,
Сдвинулись калмык**и** тесней:
«Так, мол, дело будет верней:

Мы его в кольцо, мол, замкнем —
Будет он у нас на виду, —
Сызнова рубиться начнем, —
Тут и попадет он в беду!..»
Ринулись — гляди-ка, гляди! —
Что за силачи впереди:
Медная броня на груди,
Непробойный щит на руке,
Голова — в стальном шишаке.
Скачут — дерзко свищут они,
По майдану рыщут они, —
С Алпамышем, замкнутым в круг,
Сечи-встречи ищут они.
Сходится с одним Хакимбек —
Сразу же тому калмык**у**
Сносит он башку на скаку;
Встретился с другим — и отсек
Так же и другому башку;
Третий в поединок вступил, —
Участи своей не избег, —
Третий обезглавлен им был.
Головы он смаху рубил,
Много тех сипахов убил, —
Кровью весь майдан затопил.
Ты только смотри на него:
Все богатыри — на него!
Скопом налетают, — глядишь —
Косит он врагов, что камыш,
Пахлаван-батыр Алпамыш!
Как против него устоишь?!
Трупами усеян майдан.
Правое крыло калмык**о**в,
Левое крыло калмык**о**в
Черный накрывает туман;
Снова их сомненье берет:
«Этот одинокий узбек
Подлинно ли он человек?

Или он дракон, иль шайтан!
Зря ведь погибает народ!
Нечего, калмык**и**, нам ждать, —
Надо нам, калм**ы**ки, бежать!..»
Вопли, всклики, крики: «Бежать!»
Воинство их пятится все,
Спутала сумятица все:
Трус и храбрый вместе бегут, —
Разума лишенной толпой
Прибегают в город они —
Городским базаром бегут.
Видит их купеческий люд:
«Как на поле брани дела?»
На бегу кричат беглецы:
«Время не теряйте, глупцы,
Лавки запирайте, купцы!
Нас покуда смерть не взяла, —
Остальные все — мертвецы!
Светопреставление там!
Скоро он появится сам:
Мчится он по нашим следам.
Убегайте, молод и стар!..»
Словно грянул грома удар,
Сразу всполошился базар:
Убегают все торгаши, —
Многие бросают товар —
С воплями бегут по домам:
«Горе, горе! Гибель нам всем!..»

А на поле брани меж тем —
Боем опьяненный Хаким
Рубит одного за другим
Самых удалых калмык**о**в —
Цвет им перебитых полков,
Тех, кто убегать не хотел.
Но о беглецах не забыв,
Силы всей своей не избыв,

Ринулся в погоню батыр.
В город он ворвался — и вновь
Здесь он проливает их кровь.
Грозен победителя лик!
Где ни попадется калмык,
Головы лишается вмиг.
Гневом Алпамыш опьянен.
Улицу за улицей он
Обскакал, дракона грозней:
Улица не знала камней, —
Он ее головами мостил,
Улица не знала воды, —
Кровью он ее оросил.
Так за семилетний зиндан
Калмык**а**м-врагам отомстил
Алпамыш, конгратский султан!

Выскочил он на регистан —
Ведьму Сурхаиль увидал, —
Волю тут злорадству он дал;
Путь ей преградив, он сказал:
— Мать, куда спешишь? — говорит, —
Может быть, араком опять
Ты меня угостишь? — говорит.
Ведьма поняла, что умрет.
Слово бы хотела сказать, —
Жабий свой разинула рот,
Вертит языком, — языку
Слово стало невпроворот, —
Только подбородок дрожал.
Алпамыш, как сам Азраил,[40]
Меч над старой ведьмой держал:
Долго он ее не томил, —
Надвое башку раскроил…
Двинув Байчибара вперед,
Видит он — от шахских ворот
Сильного коня горяча,

Издали угрозно крича,
Скачет через весь регистан
На него калмык-великан.
Наскочил — коня осадил,
Алпамышу путь заградил:
— Ну-ка ты, узбекский буян,
Бешеный конгратский кабан!
Или ты безумен, иль пьян?
Что же ты, узбек, натворил?!
Сколько ты людей порубил!
Знай, что я — Анка-пахлаван.
Я не выезжал на майдан, —
Думал — ты уймешься, смутьян.
Раз ты не унялся, узбек,
Знай, что конченный ты человек:
От меня пощады не жди,
Лучше — по добру уходи! —
Слышит те слова Хакимхан, —
Яростью Хаким обуян;
Сходится он тут же с Анкой:
— Дай-ка, — говорит, — погляжу,
Кто ты есть такой да сякой,
Что ты за герой-пахлаван?
Ты не пахлаван, а болван!
Что ты здесь болтаешь, болтун,
Ты, кого пугаешь, крикун,
Перед кем кичишься, хвастун,
Перед кем, калмык, ты стоишь,
На кого, бастрык, ты кричишь?
Знай, что я — батыр Алпамыш!
Дерзкий ты ублюдок такой,
Поезжай домой на покой, —
Там жену, детей посмешишь.
Э, как ты артачлив, дурак,
Как ты незадачлив, мой враг!
Видно, не видал ты вояк,
Не знавал с батырами драк!

Не таких, как ты, забияк,
Сокрушал мой левый кулак:
Хоть и мнишь драконом себя, —
Разве ты не жалкий червяк?!
Не в своем народе ли так
Хвастать ты, ничтожный, привык:
«Я — Анка-батыр, мол, смельчак,
Я, мол, и могуч и велик!»
Дерзкий, сумасшедший калмык!
Уличным ты был дурачком, —
Потешал народ похвальбой.
Смерть ты увидал перед собой, —
Вышел потому на майдан,
Поневоле стал смельчаком.
Сам ты уходи по добру, —
В прах тебя, злосчастный, сотрут!.. —
Говорит такие слова
Калмык**у** Анке Хакимбек,
Очень свысока говорит.
А ему Анка говорит:
— Э, не забывайся, узбек:
Слушай калмык**а**, — говорит:
— Знай, что я тебя не боюсь:
Ты в моих глазах, — говорит,
— Вовсе даже не человек!
Снова говорю: уходи,—
От меня пощады не жди:
В руки ты мои попади, —
Голову тебе я сверну;
Ты в свою родную страну
Так и не вернешься вовек.
Лучше образумься, узбек!
Караджан — твой друг, я слыхал.
Я тебя за то уважал:
Сколько ты моих калмык**о**в
Безнаказанно уничтожал,
Я, однако, долго молчал —

Все не выезжал на майдан;
Если же я выехал, — знай:
Самого себя обвиняй!..—
Так сказал Анка-пахлаван.
Смехом отвечал Хакимхан —
Плеткой Байчибара стегнул,
Повод на себя потянул, —
Взвился на дыбы Байчибар.
А калмык Анка в тот же миг
Палицей тяжелой нанес
Алпамышу в спину удар, —
И пронесся мимо калмык.
Только той дубины удар
Алпамыш-батыр ощутил,
Словно бы ужалил комар.
Тут раздул он гнева пожар,
Тут булат свой острый схватил,
Тут коня камчой угостил,
Повода коню припустил, —
Вихрем полетел Байчибар —
Недруга настиг Алпамыш,
Обезглавил вмиг Алпамыш.
Словно безголовый чурбан,
Наземь пал Анка-пахлаван,
Сгубленный своей похвальбой…
В это время сам Тайча-хан
Выезжает на регистан —
Вызывает Хакима на бой.
В круг его сипахи берут, —
Шаха своего берегут.
Шах и Алпамыш меж собой
Битву-поединок ведут.
То, чего не ведывал шах,
Сразу же отведал он тут:
Был он Хакимханом убит.
Все его батыры — гурьбой
Повели решительный бой!

Что за удивительный бой!
Бой они вели копьевой,
Но ослепли, что ли, они, —
Ведь своих кололи они!
Кое-кто остался в живых, —
Алпамыш не трогает их,
Сдаться принуждает он их.

Убив калмыцкого шаха, устрашив калмыков, объезжал бек Алпамыш, как победитель, калмыцкую столицу. Тут попадается ему чабан Кайкубат. Говорит ему Алпамыш:

— Когда мы в зиндане сидели ты, Кайкубат, много нам удружил-послужил. Я убил калмыцкого шаха Тайчу, — хочу чтобы ты был шахом этой страны. Мы верны своим обещаньям; на Тавке-аим, шахской дочери, женить хотим мы тебя. От калмык**о**в счастье откочевало, — наше настало время. Много ты нам услуг оказал, — теперь, друг мой, управляй этой страной, что хочешь, то и делай. Твое право. Царствуй наславу, кого хочешь — милуй, кого хочешь — карай, но только край калмыцкий этот держи в руках. Должен ты себя показать нашим угнетателям, калмыкам, большим силачом, грозным правителем. Для этого начинай с меня: как увидишь меня перед народом, говори со мной властно, грозно, ни за какое твое грубое слово я на тебя не обижусь. Пусть я для вида пред тобою унижен буду.

Эти слова сказав, собрал Алпамыш всех калмыков, а Кайкубат, будто ничего не зная, палку волоча, подходит к нему и, палкой размахивая, грозно кричит на него:

— Что тут натворил, глупец-мальчишка, ты!
Разбуянился, я вижу, слишком ты!
Сколько калмык**о**в напрасно погубил,
Шаха самого калмыцкого убил!
Я сейчас уйму мальчишеский твой пыл.
Где ты, озорник, булат свой раздобыл?
Зря рубить людей кто дал тебе права?
Захотел щенок пойти тропою льва?
Видно, не видал ты пред собою льва!

Проучу тебя — поймешь мои слова:
Сила у меня — ты знаешь какова?
Кулаки мои не лезут в рукава!
Сразу отучу тебя от озорства.
За твое бесчинство — голову б отсечь, —
Стыдно на мальчишку поднимать мне меч:
Палкою простой поколочу тебя, —
От самоуправства отучу тебя!..

Выслушал Алпамыш притворно-грозные слова Кайкубата и такое почтительное слово сказал ему в ответ:

— Как бы ни был грозен ты со мною, брат,
Я тебе во всем повиноваться рад.
Славишься ты силой всюду, Кайкубат,
Только калмык**и** не ведали о том,
Что батыр скрывался в пастухе простом.
Я же сам давно, отлично это знал, —
Никогда себя с тобою не ровнял,
Голову всегда перед тобой склонял;
Быть тебе опорой с детства я решил,
В честь тебя я много подвигов свершил, —
Преданную службу я тебе служил.
У тебя учиться храбрости, уму
Я от всей души мечтал, и потому
Покорюсь любому слову твоему.
Если и побьешь, себе за честь приму.
Места нет во мне обидам на тебя.
Шаха дочь, Тавку, я выдам за тебя,
Самого тебя я шахом объявлю!

Кайкубат на эти слова так Алпамышу ответил:

— Я доволен речью дружеской твоей.
Преданность свою мне доказать сумей:
Ну-ка, Ай-Тавку доставь мне поживей!

Я тебя пока, пожалуй, пощажу, —
Дела не исполнишь — сильно накажу!.. —
Низко поклонившись, Алпамыш бежит —
Службу Кайкубату сослужить спешит, —
Похвалой его, как видно, дорожит.
А народ калмыцкий, затаивши дух,
В изумленьи смотрит, размышляя вслух:
«Вот каков он, этот Кайкубат-пастух!
Силой он своей прославлен на весь мир,
Рад ему служить его земляк-батыр!
Что за чудеса! Такого удальца
Не ценили мы, оказывается!
Должен был он быть на помощь нами зван,
Как только покинул Алпамыш зиндан:
Сколько пользы б нам принес такой чабан!
Должен был давно он шахским зятем стать,
В битве с Алпамышем войско возглавлять, —
Не дал бы ему народ наш истреблять.
Нам узбек свое узбекство показал,
А пред Кайкубатом — как унижен стал!..»

Так-то Алпамыш врагов перехитрил:
Всю страну своей он воле покорил,
Кайкубата он героем объявил
Пастуха на трон калмыцкий посадил.
Правит Кайкубат страною калмык**о**в.
Тут к нему приходят прежние друзья —
Много пастухов и прочих бедняков,
Входят — с удивленьем на него глядят, —
Слово поздравленья высказать хотят:
Мол, счастливо царствуй, будь здоров, богат.
Милостиво их встречает Кайкубат.
Он, на троне сидя, их благодарит,
С каждым о его нужде поговорит,
Обещает он заступничество им, —
Горя, мол, не будут знать они под ним…
В это время входит Алпамыш-Хаким.

П**о**сланца направил он к Тавке-аим,
Ай-Тавка в урде изныла от тоски,
Никакого нет терпенья у Тавки.
Минули ее счастливые деньки —
Друг ее ушел, а злые языки
Говорят — не хочет он ее руки.
Так она скучает меж своих подруг,—
Весть от Алпамыша получает вдруг:
Видеться, — мол, с ней желает милый друг.
«Он по мне тоскует! — думает она. —
Встретит — возликует! — думает она. —
Страстно поцелует! — думает она.—
Мешкать — время минет, — думает она, —
Он ко мне остынет!» — думает она.
Посланца Тавка не заставляет ждать, —
Девушек зовет — ее сопровождать.

Посланцу сказала: «Веди!»
Ну-ка, погляди на нее:
Сердце ли в груди у нее.
Птица ли трепещет в груди?
Радость какова, посуди.
Девушки, как надо, идут:
Десятеро их — впереди, —
Встречным объявляют: «Пройди!»
Десять с нею рядом идут,
Десятеро их позади,
Десятеро — песни ведут.

Приходит Тавка-аим во дворец, подходит к Алпамышу, стоящему у трона, — Алпамыш, к Тавке обращаясь, такое слово говорит:

— Слово я скажу, красавица, тебе, —
Может быть, и не понравится тебе:
Службу твою — дружбу я ль не уважал,
В дни, когда в зиндане пленником лежал?

Если б уваженья не питал к тебе,
С просьбой обращаться я б не стал к тебе:
Помощь мне твоя отныне не нужна, —
Как-никак, ты прежней власти лишена,
Все, что прикажу, ты выполнить должна.
Принуждать тебя, однако, не хочу, —
Этим уваженья дань тебе плачу,
Да не буду грубым я в твоих очах:
Твой отец убит, калмыцкий падишах, —
Видишь, — падишахом стали[41] Кайкубат,
Славой на весь мир они теперь гремят.
А к тебе они давно благоволят, —
Сердце ты свое не мучь, Тавка-аим,
И на их любовь ответь любовью им:
Ведь они платили за тебя калым,
Значит — были первым женихом твоим:
Первый покупатель должен быть любим.
О твоей красе прослышав, Ай-Тавка,
Кайкубат сюда пришел издалека:
Чин — страна его — богата, велика.
От любви к тебе он стал в стране чужой
Бедным пастухом. Теперь он — шах большой,
Ты его любовь не отвергай, Тавка,
Будет с Кайкубатом жизнь твоя сладка.

Обиделась Ай-Тавка, услыхав эти слова Алпамыша и такое слово сказала в ответ:

— Сколько я взывала к богу за тебя!
Знала лишь тоску-тревогу за тебя,
Проливала слез так много за тебя,
Сколько за тебя ударов приняла!
Ожерелье драгоценное на мне,
Блещет золотой в нем талисман-божок.
Ты любил игру моих бровей, дружок,
Где она, пора любви твоей, дружок?

Это ли твоя награда, милый мой!
Ты ли не страдал в зиндане, как в аду,
Я ль не отводила от тебя беду!
Но не суждено мне счастье на роду, —
Мне отраву небо всыпало в еду.
Это ли твоя награда, милый мой?
Брови наведя мешхедскою сурьмой,
В шелковом платке с пушистой бахромой,
Не будила ль страсть в тебе я, милый мой?
Это ль, милый мой, награда от тебя?!
Так тебе служа в худые времена,
Знала ль я, какая службе той цена?
Знала ли, что стану скоро ненужна
Для того, кому была я так верна?
Это ли твоя награда, милый мой?!
Ныне сватовством таким меня почтив,
Как ты оказался, хан мой, неучтив!
Если пред таким плешивцем ты в долгу,
Я-то как ему женою быть могу?
Для него ль свою красу я берегу?
Это ли твоя награда, милый мой?!

У Тавки душа обидою зажглась.
Кайкубат стоит — с нее не сводит глаз;
Выслушав ее, он отдает приказ,
Чтоб воды горячей принесли тотчас.
Кипятку ему приносят полный таз.
Череп свой плешивый в воду погрузив,
Долго плешь скребет в воде горячей он, —
Всех такой причудой озадачил он.
А разгадка в том, что не был он паршив:
Требухой искусно кудри обложив,
Засушив ее — он с виду стал плешив.
Требуху в воде горячей размочив,
С головы ее кусками отодрав,
Голову он вынул — сразу стал кудряв,
Молод, строен стал и, как Юсуф, красив,

Красотой своей Тавку-аим сразив.
Озарять бы ночь могла его краса!
Длинные свои заплел он волоса, —
Падает по пояс черная коса:
Кайкубат китайцем, чин-мачинцем был,[42]
Пастухом служа, он знатным принцем был!
Слышать не желала Ай-Тавка о нем,
Тут она любовным вспыхнула огнем.
Память ей отшибла во мгновенье страсть:
Что там Алпамыш! Он — грубая напасть!
С ним пришлось бы ей всю жизнь свою проклясть!
Сердце на него растрачивала зря.
И, на Алпамыша даже не смотря,
Про себя Тавка так думала в тот час:
«Люб отныне мне лишь Кайкубат-тюря!
Да и раньше тоже, правду говоря,
Взоры он мои, бывало, привлекал.
Жаль, что о любви своей не намекал.
Раз он так хорош, как светлая заря,
И, меня любя, покииул край родной,
Как же откажусь я стать его женой?»

Ай-Тавку подводит к трону бек Хаким,
Девушкам за нею следовать велит.
Кайкубат на троне, словно шах, сидит,
Важный на себя он напускает вид,
На Тавку-аим по-шахски он глядит,
На подруг ее глядит он свысока.
Якобы совсем не зная ничего,
Беку Алпамышу так он говорит:
«Кто девицы эти, объясни-ка мне,
По какой нужде пришли они ко мне?
Если с челобитьем беспокоят нас,
Завтра пусть придут, — нам недосуг сейчас».
Алпамыш ему с почтеньем: «О, мой шах!
Шаха дочь — Тавка будь вам знакомой, шах!
Страстью сердца к вам она влекома, шах, —

Говорит — без вас она не может жить, —
Чувства сердца вам желает изложить…»
Кайкубат, такие выслушав слова,
Своего ничуть не выдав торжества,
Будто без охоты, так, едва-едва
В жены взять Тавку свое согласье дал.
Сразу Алпамыш готовить свадьбу стал…
Кайкубат — смотри-ка, что за молодец!
Как он взыскан был судьбою под конец:
Был пастух-плешивец, пас чужих овец, —
Ныне падишахский он надел венец,
А в придачу — взял он в жены шаха дочь!..

Первая прошла супружеская ночь —
Ясным светом дня дворец весь озарен, —
Кайкубат с Тавкой расстаться принужден, —
Должен он с утра воссесть на шахский трон.
Рядом с ним на троне — Алпамыш-батыр, —
Ведь при Кайкубате — первый он вазир.
Сообща дела им надо обсудить,
Первым делом всю страну оповестить:
Правит, мол, страною славный Кайкубат;
Он теперь на шахской дочери женат.
Приглашает он на свадебный свой пир
Всех больших и малых — весь калмыцкий мир.
Барабаны бьют, сурнаи верезжат,
Медные карнаи ревут и трещат,
И до хрипоты глашатаи кричат:
«Новый шах калмыцкий, славный Кайкубат
С Ай-Тавкой, своей женою молодой,
Весь народ зовут к себе на брачный той:
Каждый будет гостем — знатный и простой!..»
Пиршеству такому кто не будет рад?
И течет народ на пир — и стар, и млад.
Люди там друзей встречают и родню, —
Встретятся — за много лет поговорят.
Тайча-ханом был обобран Байсары,

Был унижен, в прах был попран Байсары, —
Но и он прийти на пир не опоздал:
«Встречу Алпамыша», — так он рассуждал, —
«О Барчин услышу!» — так он рассуждал.
Алпамыш — как только дядю увидал,
Бросился к нему — объятия раскрыл, —
За него душою он, как сын, страдал.
Старый Байсары тут волю сердцу дал, —
Встречею такой растроган, — зарыдал.
С трона встав, к нему и Кайкубат спешит:
Он к его ногам упал во прах лицом,
Руку целовал и называл отцом.
За руку ведет он Байсары на трон,
Угодить ему старается во всем.
Не всегда же был он ханом, Кайкубат, —
Был у Байсары чабаном Кайкубат, —
Преисполнен он сочувствия к нему.
Принести велит он записи казны,
Записи казны тотчас принесены, —
Кайкубат в них строгим оком заглянул:
Скот, что отнят был у Байсары Тайчой,
Значился в особой описи большой.
Кайкубат всю опись тут же зачеркнул —
Байсары бедняге скот его вернул.
Счастью Байсары предела-меры нет:
Озарен утехой дней его закат, —
Он в почете снова, снова он богат, —
Жив-здоров да будет славный Кайкубат!..

Той меж тем идет своею чередой, —
Ублажен народ отменною едой.
Вот уж на исходе многодневный той, —
Разъезжаться начал по домам народ;
Старый Байсары уехал с торжества.
Кайкубат дела правления берет, —
Грозные кому-то говорит слова:
«Пес да не дерзнет ступать по следу льва!

Да засохнет враг, как старая трава!»
Калмык**и**, услышав это, говорят:
«Этот шах-пастух — не так уж простоват, —
Он себя еще покажет, Кайкубат!»
Время полдня было. То, чего не ждал
То народ, при этом бывший, увидал:
Кайкубат вскочил — ногами топать стал,
Беку Алпамышу оплеуху дал,
За руки схватил, потребовал аркан,—
По рукам связав, толкнул его: «Ступай!»
Гонит-загоняет снова в тот зиндан!..
Калмык**и** в испуге: «Этот новый хан,
Судя по делам, — какой бедовый хан!
Алпамыш-батыр, гроза всех калмык**о**в,
Молча принимает столько тумаков
И — при всем народе — кротко, как баран,
Сам себя дает опять загнать в зиндан!
Ведь, оказывается, что он таков,
Свежеиспеченный этот хан-чабан!
В трепет он повергнет всех своих врагов!
Если не щадит он друга своего,
Нам-то от него придется каково!
Алпамыш страну калмыцкую потряс, —
Этот Кайкубат — страшней во много раз!..»
А что эту хитрость и придумал сам
Вместе с Кайкубатом Алпамыш-Хаким, —
В голову прийти могло ли калмык**а**м?
Кайкубат уходит, люди вслед за ним
Тоже разбредаться стали по домам.

Наступает вечер, люди мирно спят, —
Возвращается к зиндану Кайкубат:
Алпамышу он привел коня его,
На коне оружье и броня его:
Кайкубат в зиндан с опаскою глядит, —
Видит — Алпамыш спокойно там сидит.
Тут ему канат спускает Кайкубат,—

Свит из десяти арканов был канат:
Тянет из зиндана друга молодец,
Вытянул с большой натугой, наконец.
Так освобожден был снова Хакимхан.
Другу Алпамыш сердечно говорит:
— Хитрость удалась отлично, — говорит; —
Худо б нам пришлось, конечно, — говорит, —
Если б ты моим советом пренебрег;
Жить с врагом нельзя беспечно, — говорит; —
Смирны калмык**и** не вечно, — говорит, —
Если бы не нашей хитрости урок,
Власть в чужой стране ты б удержать не мог:
Захотят тебя от трона отрешить, —
Смертное насилье могут совершить.
Поступив со мною так, как поступил,
Уваженье вражье ты себе купил,
Шахское свое величье укрепил…

Стали тут друзья прощаться — здоровья-благополучия друг другу желать, — говорит Алпамыш Кайкубату еще такое слово на прощанье:

— Осень иссушить цветы да не спешит,
Разума тебя господь да не лишит!
Слово мое — просьбу, друг мой, не забудь:
Я тебя прошу — отправься как-нибудь
К Байсары, к упрямцу-дяде моему,
Мой совет-наказ ты передай ему:
Что ж он, непутевый, думает себе,
К племени-родне не едет почему?
Силой иль обманом — разуму-уму
Старика наставь, — и выехать заставь…
На пути далеком есть Байсун-страна,
Всех земель на свете мне милей она.
Родину мою, родню мою опять
Только вспомнил, — сколько слез я лью опять!
В этот край родной направлю я коня.

Друг мой, Кайкубат, не забывай меня!
На прощанье руку дай свою опять!..

Кайкубат в ответ Алпамышу такое слово сказал на прощанье:

— Наказанья неба цветникам не знать!
О твоем отъезде калмык**а**м не знать!
Ночью выезжай, чтобы врагам не знать.
Если калмык**и** узнают — горе мне!
Амальдары все изменят вскоре мне, —
Что убьют меня — уверен я вполне.
Боевой твой реет над тобой стяжок,
Хваткой ястреба владеет мой дружок,
Силою тигриной друг мой наделен,
Смелым сердцем барса обладает он.
Светоч мой угас — ты вновь его возжег.
Будь здоров, твой путь благополучен будь.
Дальним переездом не измучен будь:
Свой народ, страну свою благоустрой:
Дружбу Кайкубата вспоминай порой:
Славься — возвеличься, мой батыр-герой!..

Так они простились темным вечерком.
Бедный Кайкубат побрел к себе тайком.
Алпамыш-батыр, на родину влеком,
Скачет ни одним не встречен калмык**о**м.
Думают враги — он в яме, Алпамыш, —
Дальними летит путями Алпамыш…

Песнь четвертая

Так и воцарился Кайкубат — стал управлять калмыцкой страной. Старшины калмыцкие не раз совет держали, — опасались, что Алпамыш из темницы ушел. А проверить нельзя: без разрешения шаха никто не имеет права в зиндан спускаться. Мало-помалу и старшины притихли.

Алпамыш тем временем на родину возвращался.
Мысли его в дороге такие были:
— Хорошо в горах, когда тумана нет,
Хорошо в пути, где каравана нет.
Хорошо в садах, когда хозяев нет, —
Без народа — власти у султана нет!..
Если я народ свой потерял, то кем
Управлять я буду? Царствовать зачем?
Еду я, грустя, далекой стороной —
По пескам безводным, по глуши степной.
Розы отойдут — печален гулистан,
В городе упадок — падает султан.
Был богатым — счета не было друзьям,
Обеднел — родне ближайшей нежелан.
В племени своем — в народе был я хан,
Времени худому я попал в капкан…
Не в тумане ль Аскар-гора?
Правильным ли еду путем?
Стар отец мой и мать стара,
Ничего не знаю о них.
Ты, конгратское племя, где?
То счастливое время где?
Что с друзьями моими там?

Что с Барчин любимою там?..
Ехал он, шункар, тосковал,
Эти он слова напевал.
Громыхал на кручах обвал,
Байчибар горами скакал,
Камни раздробляя в песок,
Искры из камней высекал.
Скачет одинокий седок, —
Скажешь — сотни конников скок,
Буйный, многошумный улак!..
Вот уже пред ним Алатаг.

На гору поднявшись, на горе он стал,
Поглядел — родную местность увидал,
Там его народ байсунский летовал.
Увидал своих — душой затосковал,
Ожерелья слез горячих проливал.
Как живет родное племя без нею?
Положение в Конграте каково?
И спросил бы он, да спросишь у кого?
Человека близко нет ни одного!..
На коне он шагом едет, огорчась.
А со стороны Конграта в этот час
Караван большой как раз прикочевал,
Здесь, поклажу сбросив, делает привал.
Караванщиков решил спросить Хаким, —
Поворачивает Байчибара к ним.
Сколько слов припас он, поспешая к ним,
Как разволновался, подъезжая к ним!

Караванщики, утомленные с пути, только-только животных развьючили, только-только дали отдых ногам, — кто совсем растянувшись, кто — полулежа. Подъехал к ним Алпамыш и такое слово сказал:

— Кто скорбит, привержен думам и мечтам.
Караванщикам — бродить по городам.
Храброму — майдан во славу, а не в страх.
С беками гулял я часто на пирах.
В сердце мне страданья острый шип воткнут.
Чьи верблюды это, верблюжата чьи?
В Астрахань — обратно за семь дней дойдут,
Десятибатманный груз легко несут.
Чьи верблюды это, верблюжата чьи?
От себя ль они, к себе ль они бредут?
Я судьбой гонимый, очутился тут…
Пастухом зовется, кто пасет стада.
Пастухи, откуда путь ваш и куда?
Это чьи верблюды, верблюжата чьи?

Караванщики, Алпамыша выслушав, так ему ответили:

— По равнине путь держать старайся свой.
Кровь бежит ручьем из раны копьевой
Кто направо, кто — налево повернет,—
Мы идем своей дорогой кочевой.
По какому делу спрашиваешь нас?..
Те, кто караваны водят, — не спешат.
Бархат и парча у нас в тюках лежат.
Привязали мы к верблюдам верблюжат…
По какому делу спрашиваешь нас?
Мы тут прилегли, желая отдохнуть.
Каждому назначен путь какой-нибудь.
Надо думать — знаешь ты и сам свой путь.
Пляшет под тобой арабский твой тулпар, —
Не пора ль тебе поводья натянуть?

Алпамыш тогда еще одно слово сказал караванщикам:

— Где помощник сметлив — мудр судья всегда.
Если конь — калека, всаднику беда.

Ни ущерба нет от спроса, ни стыда.
Гоните вы чьих верблюдов и куда?
Если знать хотите, правду вам скажу:
Странник я, на месте долго не сижу,
По краям-народам разным я брожу.
Болтунов-задир чванливых не люблю, —
Им без разговоров головы рублю.
Видите — булат на кушаке ношу.
Это чьи верблюды, мне сказать прошу!..

Слова эти услыхав, караванщики между собой перемигнулись:

— Стоит ли нам спор начинать с таким джигитом? Не лучше ли дать ему прямой ответ и отделаться от него?

Так рассудив, сказали они:

— Мозг земли наружу лезет под дождем.
Караван с трудом плетется на подъем…
Девушка о милом думает своем.
Да стоит — не рухнет у героя дом!
Жив скорбящий раб несбыточной мечтой.
Знай: мы ултанбеков караван ведем, —
Ултанбеком был такой приказ нам дан.
Он — не караванщик, не простой чабан, —
Всеконгратским шахом сделался Ултан!

Алпамыш опять слово сказал караванщикам:

— В давние года в Байсун-Конграте был
Самым первым бием-шахом Дабанбий.
Сын, его преемник, звался Алпинбий.
Он после себя оставил сыновей:
Байбури был старший, младший — Байсары.
Шаху Байбури, хотя и был он стар, —
Дал всевышний сына, — то Хаким-кайсар,
Прозван Алпамышем был, когда подрос…
Вам я потому и задавал вопрос.

В племени конгратском я не раз бывал.
Доброе, худое часто узнавал,
С Алпамышем я встречался, пировал, —
Слышу я впервые, что существовал
Там какой-то бек, по имени Ултан.
Иль из-под земли он появился там,
Иль с небес упал неведомый султан?
Я таких чудес не слыхивал вовек.
Видно, самозванец этот человек, —
Никогда такой не проживал там бек!
Из какого к ним он племени пришел,
От кого он званье бека получил?
Кто ему дела Конграта поручил?
Странный ваш ответ мне душу омрачил.
Что произошло с конгратскими людьми?!

Это слово Алпамыш сказал, и караванщиков оно задело немного:

— Чего он к нам пристал со своими напоминаньями? Обругать его — совсем не отвяжешься. Не разговор — несчастье! Только-только, устав с пути, пришли на ночлег — вытянули ноги, а он привязался — отдохнуть не дает!

Пошептавшись между собой, сказали Алпамышу караванщики так:

— Это говоря, поменьше б ты шумел.
Хоть бы перед дерзким словом онемел!
Сам бы на того Ултана поглядел, —
Понял бы, что лучше не иметь с ним дел.
Разве есть его жестокости предел?
Сто раз десять тысяч доблестных людей
Все равно не ставит ни во что, злодей!
Если б он услышал имя «Алпамыш»,
Ты уже висел бы там, где ты стоишь.
Нам ты это все напрасно говоришь,—
Помни: мы не знаем слова «Алпамыш»!

Услыхав эту речь, Алпамыш подумал: «Дай-ка я покажу им себя!» Подумал — и руку положил на алмазный булат.

«Э, — сказали караванщики, друг на друга посмотрев, — странник этот в уме ли не тронулся? Беды не наделал бы!»

Растерялись они, головы у них от страха помутились, — на кучки они разбились.

Приблизился к ним Алпамыш, сказав:
— Меж собой о чем вы шепчетесь тайком?
Если Алпамыш и не был вам знаком,
Познакомить вас могу с его клинком, —
Изрублю — жалеть не буду ни о ком!
Сладкая моя душа мне не сладка!
Слишком, видно, память ваша коротка.
Ради вас в зиндане я семь лет лежал,
Из темницы вражьей храбро убежал.
Знайте же, что я — тот самый Хакимхан!
Сколько я мечом врагов уничтожал!
Весь калмыцкий край передо мной дрожал!
Думаете, даром я вас вопрошал?
Думаете, в шутку смертью угрожал?.. —
Хакимхан в тот час был страшно разъярен.
Своего коня мгновенно вздыбил он,
Свой булат алмазный вырвал из ножон —
Караванщикам сулит погибель он.
Души тех людей от страха вышли вон.
Каются — и каждый рад бы в этот миг
Вырвать сам себе лукавый свой язык, —
Прок-то в покаяньи позднем невелик:
Вылетело слово — не влетит назад!
Молят, но Хакима беспощаден лик,
Молнии грозней Хакима грозный взгляд,
Молвит он в раздумьи, свой держа булат:
«Осень не настала — не увянет сад.
Дать пощаду им — Ултана известят:
Если окаянный этот пес Ултан
Будет знать, что я вернулся жив-здоров,

Он убьет меня иль заточит в зиндан,
Угнетатель подлый, самозванный хан!..»
Будучи столь сильным гневом обуян,
Перебить решил он встречный караван.
Бросившись на них с намереньем таким,
На душу тяжелый грех берет Хаким.
Караванным слугам было невдомек, —
Кто б его узнать в таком обличьи мог?
Если для несчастья наступает срок,
Сколько слов пустых наговоришь невпрок!
Видя, что конец их смертный недалек,
Потеряв рассудок и не чуя ног,
С воплем — кто куда — бросаются они,
Под обрыв крутой спасаются они.
Но крутой овраг Хакиму нипочем, —
Он их достает и там своим мечом.
Что несчастным делать с грозным силачом?
Всех переловил, убил под кручей он,
Трупы навалил огромной кучей он,—
Столь ужасным гневом был он ослеплен!..

Едет дальше грозный сокол, бек Хаким,
Едет на Чибаре он путем своим.
Ночь темна, а день затмила пыль, как дым.
Байчибар бежит по тропочкам крутым,
Видит перед собой летовку Байчибар.
Весело заржав, он удила грызет, —
Несомненно местность эту узнает:
Видимо, на этих пастбищах гулял…
Слышат Байчибара голос табуны —
Ржанием его они возбуждены, —
Сбились кони в кучи и ответно ржут,
Голос Байчибара, видно, узнают,—
Весть ему из рощ укромных подают.
Дом батыра цел, благоустроен будь! —
Хан конгратский держит на Чибаре путь.
Сивая кобыла, Байчибара мать,

Сына голос разве может не узнать?
Пленником ему пришлось, бедняжке, стать!
Как не поспешить ей сына повидать!
Только о Чибаре вспомнила она,
И от своего отбилась табуна —
В сторону дороги Сивая бежит.
А за ней слуга из табуна спешит,
«Курухайт! Курхайт!» — тревожно он кричит
Выбился из сил — беспомощный стоит, —
Видит, что кобылу он не возвратит…
Ржанье кобылицы услыхал Хаким —
Сивая пришла и стала перед ним.
Думает Хаким: «Хотя и тварь она.
Все же материнских чувств не лишена!»
Вздох тяжелой боли грудь его потряс —
Жарким ливнем слезы хлынули из глаз.
И сказал Хаким, душою сокрушась,
Своему Чибару слово он сказал:
— Добрая моя лошадка, Байчибар,
Преданный мой спутник, резвый мой тулпар,
Радость мне твою ужели не понять,
Но не в силах зависть я к тебе унять:
Сразу встретил ты свою старушку-мать!
Боль мою, Чибар, обязан ты понять, —
К дому моему помчать меня скорей,
И, как ты, я встречусь с матерью своей!.. —
Сына увидав, счастливая теперь,
Ржет еще зычнее Сивая теперь.
И семь раз Чибара обежав кругом,
Вся дрожа от счастья, стала пред сынком.
Жаль, что не был ты при зрелище таком!
Чудо пред Хакимом совершилось вдруг, —
Вымя у кобылы размягчилось вдруг,
Как у молодой, наполнясь молоком!
Зрелищем таким, конечно, изумлен,
Спешился Хаким, сердечно умилен.
С головы коня узду снимает он:

«Да не буду силы я своей лишен,
Жалок для друзей, а для врагов смешон!
Конь мой, Байчибар, служил ты верно мне,
Был товарищем в калмыцкой стороне,
Ты в степях безводных путь мой сокращал,
Ты меня, Чибар, не раз в боях спасал.
Если ныне мать свою ты повстречал,
Пососи ее, как в детстве ты сосал.
Хочется и мне в родной свой дом скорей —
Встретиться с любимой матерью своей!
Ты сильней разжег во мне тоску по ней.
Степь веселым ржаньем огласи, Чибар,
Мать свою, как в детстве, пососи, Чибар!..»
Говорит Хаким, теряя вздохам счет,
Ливень жарких слез из глаз его течет.
К богу вознося смиренные мольбы,
Помощи в делах он просит у судьбы,
Про себя, однако, размышляя так:
«Сердцем бы от лишних слез я не размяк!»
— Э, Чибар, не время ль отправляться в путь? —
Материнскую Чибар оставил грудь,—
На него узду накинул Алпамыш.
К рощам камышовым направляя путь,
Он байсунский видит пред собой камыш, —
Думает: «О чем, камыш родной, шумишь?
Радостью ли сердце мне увеселишь
Или скорбной вестью душу омрачишь?..»

Сивую кобылу упустивший раб
Сел среди дороги, — он совсем ослаб,
Он сидит — горюет, думает:
«Куда Старая кобыла убежать могла б?»
Алпамыш подъехал — задает вопрос:
— Что ты в прах дорожный, словно камень, врос?
В чем, сынок, причина этих горьких слез?
Кто тебя, скажи, обидел без вины?
Это чьи, скажи, пасутся табуны?

Кто хозяин их? Кто жители страны?
Езжу на стоцветно-резвом я коне,—
Истину ответить ты обязан мне:
Не в байсунской ли теперь я стороне?
Правду мне скажи о племени-родне,
У кого ты служишь в этом табуне?

Юный раб такой ответ ему дает:
— Твой вопрос, джигит, мне сердце разорвет.
Ты меня спросил, чей тут пасется скот?
Ты спросил — и сразу пожелтел я весь.
С кем я поделюсь тоской-печалью здесь?
Если хочешь знать, то вот тебе ответ:
Этому скоту хозяина и нет!
Где-то, видно, он погиб во цвете лет.
Спрашивай меня хоть десять раз, хоть сто:
«Этим табунам хозяин будет кто?» —
Что не существует, где возьмется то?
Знай, что бесхозяйны эти табуны!..
Алпамыш ответил пастушонку так:
— Разве я тебя вопросом оскорбил?
Изумлен я сам необычайно был:
Чтобы скот пасомый бесхозяйным был!
До ушей твоих пусть речь моя дойдет:
Разве есть на свете бесхозяйный скот?
Чей над этой степью тяготеет гнет?
Э, в такой стране утехи не найдем!
Вновь поедем вдаль изъезженным путем.
Если что узнаешь, не молчи о том,
Тайно как-нибудь мне сообщи о том!.. —
Алпамышу так ответил пастушок:
— Хакимбек в стране у нас хозяин был,
Гордым и могучим наром, знай, он был!
Как кайсар, в народе уважаем был.
Криком боевой свой разжигая пыл,
Тьму врагов, бывало, он один губил.
Байсары сюда вернуться не хотел,

Горько он потом об этом пожалел.
Тестя выручать отправился мой хан.
Может быть, в калмыцкий он попал зиндан —
И в темнице умер, хан мой, Хакимджан.
Видно, вместе с ним погиб и дядя-тесть.
У батыра здесь сынок-сиротка есть,
Только слишком юн, и, не войдя в лета,
Заменить отца не может сирота.
А народ меж тем горюет неспроста:
Положенье очень тяжкое у нас.
Жив он иль погиб, законный наш султан,—
Сел на шею нашу самозванный хан:
Взял над нами власть паршивец Ултантаз,
Все богатства также захватил Ултан.
Очень он всему народу нежелан,—
Если бы вернулся бек наш, Хакимхан,
Горя бы не видел край родной — Байсун!..

Услыхав эти слова пастушонка, Алпамыш, прикинувшийся ничего незнающим, так сказал:

— Если действительно умер Алпамыш, — его не оживить. А что Ултантаз у вас беком стал, что страна им угнетена, — это вина ваша.

Пастушонок на это так ответил:

— Правду тебе сказать, — отец мой, Култай-раб, с Алпамышем был в большой дружбе. Алпамыш Култая очень любил. Кто не знал, что отец мой — раб Алпамыша, тот считал, что Алпамыш сыном ему приходится, так сердечны были они друг с другом. Такой человек, смотри, в калмыцкой стране погиб, а здесь Ултан-негодяй власть захватил! Не отправит на работу без того, чтоб не избить! Живем под гнетом насильника, очень обиженные, страдаем, ненавидим его…

Сказал Алпамыш: — Молись, — хозяин твой еще вернется! — И поехал дальше. Ехал он краем озера, — видит: белые, зеленые, голубые шатры стоят. Пастухи-рабы находились в них. Кто из них сидел, ноги поджав, кто — полулежа, кто — и совсем растянувшись валялся.

Подумал Алпамыш: «Давай-ка я и этих задену».

Подъехал он к ним, а они, путника увидав, беком его не признав, ног не подобрав, продолжали валяться.

Обратился к ним Алпамыш:

— Хорошо у вас расставлены шатры.
Э, батыры, вы, как вижу я, храбры.
Ноги подобрав, не будете ль добры
Путнику хоть чашку кумыса подать?
Выпью — и отправлюсь дальше степь топтать.
Много гор пройдя, немудрено устать, —
Чашку кумыса я вас прошу подать!

Пастухи, с места не вставая, так ему ответили:

— С нами говоря, над нами не глумись.
Хочешь кумыса, — к тому шатру спустись.
Только если наш отведаешь кумыс,
В собственных словах, смотри, не заблудись.
Меру животу коль знаешь своему,
Время не теряй — спустись к шатру тому, —
Нашим кумысом, проезжий, — насладись…

Хоть и огорчился сердцем Алпамыш,
На слова рабов он улыбнулся лишь,
Привязав коня, спустился пеший вниз.
Видит он кум**ы**са полные сабы.
Взял одну — единым духом осушил,
Но одной — едва лишь горло освежил.
Сколько было, столько он опустошил —
Все до капли выпив, жажду заглушил,
Сел на Байчибара — дальше заспешил…
Захотели пить и пастухи-рабы.
В тот шатер приходят — пусты все сабы.
Смотрят и не верят: «Что за чудеса!
Кто же может выпить столько кумыс**а**?
Для него саба — что для других кас**а**!

Кто же он такой, откуда он взялся?
Бедствие на нас наслали небеса!
Кумыс**а** ни капли ни в одной сабе!
Как же было нам вообразить себе,
Чтоб людской породы существо могло
Столько влить в себя и чтоб живым ушло! —
Брюхо кумысом ему бы разнесло!..»

А меж тем — от них все дальше был Хаким.
Едет по летовкам тучным он своим, —
Озеро в степи раскинулось пред ним.
Замечает он у вод лежащий скот,
Собственный, ему принадлежащий скот.
Встречным Хакимбек вопросы задает:
«Как зовется край? Какой народ живет?
Кто хозяин этих пастбищ, этих вод?
Чей такой обильный тут пасется скот?»
Ни одна душа его не узнает.
Думают: «Приезжий, человек чудной,
Может быть, имеет замысел дурной,
Может быть, подослан вражеской страной?
Лучше бы от нас держался стороной!»
Этот с опасеньем смотрит, а иной
Грубо повернется к путнику спиной,
Третий — за булат берется поясной…
Едет Алпамыш вдоль озера Бабир,
По своим владеньям, по земле родной
Едет он, никем не узнанный батыр,
Говоря: «Какой несправедливый мир!»
Грустно покидая озеро Бабир,
Смотрит на верблюдов, думою томим
О своей сестре, о Калдыргач-аим.
Ничего о ней не ведает Хаким.
Будет иль не будет в жизни встреча им?

Верблюды, которых пасла Калдыргач, лежали себе на приозерной траве. Среди верблюдов, что в долю Алпамыша входили, был один старый нар черной масти. Алпамыша и он погибшим считал и, горюя по хозяину своему, в течение семи лет пролежал, не вставая с земли. Возвращение бека своего почуяв, заревел он вдруг во всю свою былую мощь, вскочил на ноги — на дорогу вышел.

На Калдыргач-аим, пасшей верблюдов, одежды приличной не было, в лохмотья одета она была, голое тело сквозь дыры виднелось. Побежала она за верблюдом, покрикивая:

— Стой!.. Земля уже вошла мне в пятки!.. Стой!..
Где он, брат мой милый, где хозяин твой?
Серебром сверкает ястреб молодой,
Золотой нагрудник, ворот золотой.
Все же не совсем ты бесхозяйный нар:
Был бы жив-здоров растущий сиротой
Бедный мой племянник, брата сын —
Ядгар, — Будет он твоим хозяином… Стой! Стой!
Солнце мне мозги насквозь уж пропекло!
От судьбы за что терплю такое зло?
Ултантаз меня унизил тяжело.
Стой!.. Земля уже вошла мне в пятки!.. Стой!..
Муки неба грудь мою терзают… Ой,
Уши и в степи имеет Ултанхан, —
Кто-нибудь услышит стон печальный мой,
Обернуться может худшею бедой!..
Стой! Тебе кричу, хакимово добро,
Брата моего любимого добро!
Рушился Конграта царственный чинар!
Стой! Куда спешишь, упрямый черный нар?
Пролежал семь лет, беспомощен и стар,
А теперь бежишь резвее, чем архар!..

«Стой!» крича верблюду, Калдыргач-аим
Плачет, а сама едва бредет за ним.
Видит — одинокий всадник на пути.
Калдыргач боится близко подойти:

Человек проезжий, человек чужой, —
Девушке обиду может нанести.
Думает: «Укрыться б лучше от него!» —
Спряталась в чангал колючий от него…
Подъезжает ближе Хакимбек-шункар, —
Стал пред Алпамышем старый черный нар,
Голову задрав, почтительно ревет.
Своего верблюда витязь узнает, —
Думает: «Мой старый черный нар живет!
Как-то без меня живет родной народ?»
Вздох печальный сердце Алпамыша рвет.
А вокруг него верблюд семь раз подряд
Бодро пробегает — и глаза горят.
Посмотрел Хаким, — подумал про себя:
«Хоть и бессловесны твари, а гляди —
И они любовь к хозяевам хранят!»
Сердце у него расстроилось в груди.
— Ну, мой нар, прощай, — теперь назад иди.
Будь здоров и жив, меня в Конграте жди. —
И назад побрел уныло черный нар,
И к сестре подъехал Хакимбек-шункар.
Он сказал: — Родное племя, мой народ!
Чем ты стал за это время, мой народ!
Ты снесешь ли горя бремя, мой народ?.. —
И сестре своей вопрос он задает:
— К слову моему внимательною будь, —
На меня прошу я, девушка, взглянуть:
Этот витязь-путник схож ли с кем-нибудь?
Хочется мне, прежде чем продолжу путь,
Черному верблюду голову свернуть.
Вижу — в нем твоей растерянности суть.
Если же владелец требовать бы стал
За верблюда кун, я деньги б отсчитал!.. —
А сестра его, что скрылась под чангал,
Говорит: — Меня ты, путник, напугал, —
Лучше бы загадок мне не задавал.
Если ты верблюда черного убьешь,

То и в грудь мою вонзишь ты острый нож.
Черного верблюда, путник, пожалей, —
Слез моих и крови даром не пролей:
Чуть о том прослышит Ултанхан-злодей,
Голову мою тотчас отрубит он,
Сделает меня добычею ворон,
Станет мой народ жесточе угнетен!..

Услыхав слова Калдыргач, сестры своей, Алпамыш, не открывая себя, сказал ей в ответ такое слово:

— Ты какого ока доброго зрачок?
Чистых уст каких — правдивый язычок?
Что забилась ты, бедняжка, под чангал?
В племени конгратском чей ты есть росток?
Солнечной весной в саду не вянет цвет.
От достатка кто в такую рвань одет?
Как тюрёю стать Ултан-паршивец мог?
Или у тебя опоры в близких нет?..

Сестра Алпамыша, Калдыргач, такое слово ему сказала:

— Тот, в чьем оке я была зрачком, — далек,
Чьим устам служила языком, — далек.
Если поняла я темный твой намек,
О беде, о нашей как узнать ты мог?
Но, коль скоро сам ты правду разузнал,
Так и быть — я тайны отомкну замок:
Племенем своим конгратским я горжусь.
Дома своего я тоже не стыжусь, —
Шаху Байбури я дочкой прихожусь.
За верблюжьим стадом по степи кружусь, —
Разве в кармазу и шелк я наряжусь?
Знала ль я, какая ждет меня судьба?
Алпамыша-брата жду я, не дождусь.
В странствие пустился он в далекий край.

Подвигов, бывало, много совершал;
Может быть, с врагами в стычке оплошал, —
Слух дошел, что умер он в стране чужой;
Слух еще дошел, — он якобы живой;
Только от него пока от самого
Не было известья нам ни одного.
Думаем, что он погиб, скорей всего.
Если б жив-здоров он был и не погиб,
Неужель враги пленить его могли б?
Тысячу врагов один он устрашал!
Если б даже в битве он и оплошал
И попал в зиндан, — давно бы убежал.
Будь он жив, узнал бы и в чужом краю,
Что у нас Ултан в Конграте ханом стал.
Он бы нас своей опоры не лишал!
Он бы убежал и прискакал давно!
Видимо, прибыть ему не суждено,
Видимо, с бедою горе заодно,
Видимо, погиб он, брат мой, Алпамыш!
Ты мои услышь печальные слова:
Пес-Ултан дерзнул ступать по следу льва.
Брата моего красавица-жена
(Может быть — жена, скорей всего — вдова),
И она Ултану подлому нужна:
Свадьбу негодяй сыграть намерен с ней!
Только у Барчин-сулу, сестры моей,
Не сумел согласьем заручиться он.
Плачет Ай-Барчин, осенних туч мрачней,
И не ест, не пьет, не спит уж сколько дней!
Ходят ежедневно, ей дары даря,
От Ултана сваты — речи тратят зря:
Дорогих его подарков не беря,
Не дает Барчин согласья, говоря:
«Жив мой Хакимбек, мой дорогой тюря!»
Верит, что вернется муж ее, мой брат…

Алпамыш, обращаясь к сестре своей Калдыргач, такое слово сказал:

— Если хочешь знать, поверь словам моим:
Не погиб твой брат, — он жив и невредим.
Сколько лет в зиндане мы сидели с ним!
Слово лжи не дам произнести устам, —
Если говорю, то верь моим словам:
Твой Хаким-ака еще томится там,—
Скоро убежит он, на позор врагам.
Он за все воздаст коварным калмыка**а**м!
Не грусти, не плачь — он скоро будет здесь, —
Знай, Ултана также ждет батыра месть!

В ответ ему сестра так сказала:

— Если ты зовешься витязем, — смотри, —
Зла не совершай, добро всегда твори.
Будь здоров — и прежде срока не умри.
Если ты мой брат, — со мною не хитри.
Дальние пути, о боже, прокляни, —
Сколько причинили горя нам они!
От разрухи дом батыра сохрани,
Власти самозванной да затмятся дни,
Нам законного властителя верни,—
Дома Байбури да не сотрется след!
Уж не ты ли, путник, брат мой? — Говори —
Если ты мой брат, со мною не хитри!
Шуткой не сочти мной заданный вопрос,
Сам спроси меня, как без тебя жилось.
Да не сгубит розу пышную мороз!
Тайную твою исполню я мечту:
Ты оставил здесь сыночка-сироту,
Если б на его взглянул ты красоту!
Хочешь — за Ядгаром сбегаю в юрту?

Так сказала брату Калдыргач-аим.
Сидя на коне, задумался Хаким:
Если б он себя открыл перед сестрой,
Сердце б разорвал признанием таким.
Он подумал: «Правду лучше утаим!
Искренностью ранней делу повредим».
Говорит сестре он голосом глухим:
— Братом ты меня не называй своим, —
Бедненькая, скоро встретишься и с ним! —
С этими словами повернув коня,
Сокол в путь пустился, тайну сохраня.

«Уехал, что ли, путник?» — подумала Калдыргач-аим, не сразу из-под чангала выбравшись. Посмотрела — на расстоянии, глазу доступном, увидела: едет он, а конь, на котором верхом он сидел, похож на верхового коня брата ее, Алпамыша, — на Байчибара похож.

Узнав его, побежала Калдыргач вдогонку путнику, — убедилась, что действительно он — Алпамыш. Бежит она, такое слово говоря:

— Своего коня э, путник, не гони!
Осади его, поводья натяни!
Ты меня не видел, — на меня взгляни,—
О судьбе моей, терпение храня,
Расспроси получше!.. Придержи коня!..
Если из краев калмыцких держишь путь,
Страхи все забудь — и не таись ничуть!
Или я глупа, иль это ты, мой брат!
На Чибара только стоит мне взглянуть, —
Или я слепа, иль это ты, мой брат!
Мне подшитый ситцем твой чепрак знаком, —
Потрудилась я над этим чепраком… —
Птица кобчик любит сесть на горный склон.
Как превратен свет, как бессердечен он!
Что Барчин, бедняжке, испытать пришлось!
Брата по его коню узнать пришлось! —
И в слезах она бежит пешком за ним…

Чей-то зов как будто слышит Хакимбек, —
Ехать стал немного тише Хакимбек;
Обернулся — видит, — Калдыргач идет;
Повод натянув, остановился — ждет,
Думает: к добру ли встреча приведет?
Мужество в себе вторично ль обретет?
Жалости слеза глаза батыру жжет…
Подбегает к брату Калдыргач-аим, —
Конские поводья сразу же берет —
И себе на шею, бедная, кладет,[43]
Плачет и о стремя бьется головой:
«Брат мой, ты вернулся!.. Брат мой, ты живой!..»
Алпамыш, в седле сидящий, сам не свой,
Размышляет: «Если ей откроюсь я
И скажу: „Я брат твой, ты — сестра моя“, —
Ведь она ко мне прилепится тогда,
Не отстанет ведь, не пустит никуда.
Надо сделать сердце холоднее льда!..»
Как подумал, так и поступает он, —
У нее поводья вырывает он,
Говоря: «Хоть нам чубарый конь — родня,
Все ж ты возвела неправду на меня…»
Дернул он поводья — тронул в путь коня…
Горько зарыдала Калдыргач-аим:
— Поступаешь так зачем, ака-Хаким?
Пред родной сестрой прикинулся чужим!.. —
И назад за черным наром, за своим,
Бедная бредет — и стонет от тоски.
И своей дорогой едет бек Хаким, —
Сердце у батыра рвется на куски:
«Бедная моя, несчастная сестра!» —
Плачет он — вся грива у коня мокра.
Содрогалось небо, слыша этот плач.
Алпамыш пускает Байчибара вскачь, —
Едет — подъезжает к пастбищу батыр…

На пастбище этом паслось несметное стадо. Алпамыш, к пастухам обращаясь, спросил, чьих баранов пасут они:

— Слуги вы какого дома, пастухи?
Стадо вами чье пасомо, пастухи?
И налево брошу, и направо взгляд —
Сколько здесь баранов, сколько здесь ягнят!
Не видал нигде таких больших я стад.
Кто хозяин их, узнать я был бы рад.
Дело пастуха — кормить стада в степи.
На хороших травах — ешь себе да спи.
Скот умножишь — сам силен тогда в степи!
Разузнать от вас мне надо, пастухи,
Чье вы тут пасете стадо, пастухи?..

Отвечают пастухи Алпамышу:

— Байбурибий этим обладал скотом.
Бек наш Алпамыш, коль слышал о таком.
Бию Байбури наследовал потом.
Ныне Ултантаз, наш самозванный хан,
Этим всем скотом владеет, негодяй!
Слуги мы его, — что ведает чабан?
Мало ль, что еще затеет негодяй!
Угнетеньем богатеет негодяй!..

Раскормленные бараны всю степь заполнили. Проезжает мимо несметного скота Алпамыш, — удивляется: семь лет в темнице проведя, забыл он про такие богатства.

Едет он, едет, видит — на краю стада стоит почтенного вида белобородый человек, плачет, в горькой тоске восклицая:

— Э, с ребенком своим любимым разлучился я, — нет на старости покоя душе моей!

Взглянул Алпамыш, — узнал его: был это Култай-старик, друг его дорогой. Подъехал к нему Алпамыш, неузнавшим притворился, спрашивает:

— Дедушка, о чем рыдаешь, слезы льешь?
Верблюжонком, что на старости ревешь?
Печень просолишь и сердце разорвешь!..
Ты дитя ль какое ищешь — не найдешь?
Небо ль на тебя обрушило печаль?
Вспомнился ли кто, давно ушедший вдаль?
Иль умершего тебе ребенка жаль?
Сын твой или внук? Узнать о том нельзя ль?

Отвечает ему старый Култай:

— Ой! Мною оплакиваемый — не сын и не внук мой, — он сын Байбури. Были мы с ним друзьями большими. Алпамыш его имя. Между чужими слыл он сыном Култая, между своими — был его рабом дед Култай. Как хочешь — так и считай. Ушел он на чужбину, — там и погиб. Такие богатства перешли к Ултану! Об этом думая, не перестану я плакать…

Сказал Алпамыш:

— Э, дед, если я тебе Алпамыша покажу, что ты дашь мне за это?

Рассердился Култай, — ответил:

— Требуху горячую брата его младшего! Алпамыш сказал:

— Взгляни-ка, я на кого похож, дедушка?

— На могилу мою ты похож! — сердито закричал Култай. — Много бродяг, тебе подобных, приходило к нам, — каждый говорил, что от Алпамыша весть принес. Сколько на радостях подарков мы роздали им, сколько пожрали они барашков и коз, а потом уходили! Каждый думал: «Приду-ка и я, скажу: „Алпамыш!“ Култай поверит — что-нибудь мне даст, — в дураках останется. Видно, и ты задумал обманом козу получить, а получишь — уйдешь своим путем. Еще и тебя принесло нам на горе!»

— Э, дед Култай! — рассмеялся Алпамыш. — Не узнал ты меня. У Алпамыша твоего не было ли отметины какой-нибудь?

Ответил Култай: — У Алпамыша на правом плече был святой пятерни отпечаток.[44]

Оголил Алпамыш плечо свое, посмотрел Култай, — закричал:

— Ой, ты сам и есть ребенок милый мой!
Ты не снег ли чистый с той горы крутой?
В караване ль верблюжонок молодой?
Ока моего зрачок, ты вновь со мной,
Господин народа и страны родной!..—
И вокруг Хакима, восклицая так,
Ходит дед Култай, его любовно чтя:
— Это ты ль, мое любимое дитя!
Ты ушел — и все мы, по тебе грустя,
Верблюжатами ревели день и ночь.
Где тебя найти и как тебе помочь?!
Думали — погиб во вражеской дали,
Думали, что ветры прах твой размели.
Но теперь, из дальней возвратясь земли,
Вражью грудь пронзи — и солью просоли!..
Благ былых найти в Конграте не мечтай, —
Беды да обиды кровные считай.
На меня взгляни, мой дорогой сынок, —
Выплакал глаза твой старый дед Култай!.. —
Плача, он Хакима к сердцу прижимал:
— Ты, сынок, в плохое время к нам попал, —
Свищет над Конгратом Ултантаза плеть.
На его дела немыслимо глядеть,
Поглядишь — и сам не сможешь утерпеть…

— А теперь дело такое: тридцать дней уже идет свадебный той Ултантаза, — жену твою взять он намерен. Если бездействуя сидеть будешь, так он ведь своего и добьется!

Алпамыш ответил: — Мы вот как сделаем, дедушка: оба на пир пойдем, — вы — в моей одежде, я — в вашей. Кто друг мне, кто враг, своими глазами посмотреть хочу, чтобы, поскользнувшись, в яму, кем-нибудь вырытую, не попасть мне.

Култай сказал: — Если так сделаешь, хорошо будет, сынок! В радостный день твоего прихода и я участие приму в пиршественном козлодрании.

Сняли они свои одежды — поменялись ими. Култай в роскошной одежде Алпамыша сел на Байчибара верхом — совсем как важный-важный аксакал. Алпамыш на плечи свои набросил рваный кебанак пастушеский, небрежно кушаком повязался, на голову чабаний тумак надел, на ноги — сапоги чабаньи… Зарезали они белую козу, — мясом и шурпой насытился Алпамыш. Вырезал батыр из белой козьей шкурки бороду себе, из кожи — ножницами нос приставной выкроил.

Озеро было поблизости.

Посмотрел Алпамыш с берега в воду — увидел себя сгорбленным, — точь-в-точь Култай пастух. Култаев посох он взял — на пир отправился. Проходит он мимо одного ряда юрт, — увидала его молодуха одна, подумала — Култай идет. Как-то пустила она в стадо к нему трех коз своих.

«Спрошу-ка о козах», — подумала она и побежала за мнимым Култаем, крича на бегу:

— Дед Култай, послушай-ка меня, постой!
Я тебя узнала, — ты идешь на той?
Я тебе задать один вопрос хочу…
Ой, устала я! Остановись! — кричу, —
Про своих узнать красавиц-коз хочу!..
Вы ко мне зайдите, я вас угощу…
Козочки мои здоровы, живы ли?
Веселы-резвы ль, набрались жиру ли?
Верно, утомились вы с пути, ой-бой!
Дедушка, прошу вас, в дом войдите мой, —
Я вас накормлю отличною шурпой!..

Алпамыша озорство разобрало, — отвечает:

— Козы твои жиреют, резвятся; бросили козла, — с бараном имеют дела; рожают-плодятся, дают по двояшке-трояшке в год, — от трех твоих коз — сто четырнадцать приплод!

Женщина мало смышленой была: от трех коз сто четырнадцать родилось! Больше ста! Сердце в ней поднялось:

— Ой, бабаджан, масло ваши уста!.. — Так эта молодуха простовата была.

Уцепилась она за Алпамыша:

— Зайдем ко мне в дом!

Вошли в юрту — хлеба нет ни крошки. Говорит ему хозяйка:

— Дедушка, посиди немножко, сито у соседки возьму, — испеку тебе лепешку, даже маслом помажу.

Убежала за ситом она. У соседки пять-шесть женщин сидело, о том о сем болтали. У молодухи, за ситом пришедшей, было, как говорится, полсотни ртов. С женщинами села — без дела болтая, забыла про Култая.

А Култай-Алпамыш сидит, ожидая, обшарил всю юрту кругом, видит — масло в бараньем желудке, мешок с творогом, — тает во рту! Ради шутки — все съел, опустошил юрту — вышел.

Возвращается молодуха, несет сито.

— Что ж вы, дедушка, уходите, — не едено не пито?

Отвечает Алпамыш: — На той боюсь опоздать. Мы — сыты. Без вас, янга моя, дом осмотрели ваш, того-сего отведали, солью вашей пообедали.

Говорит женщина: — На обратном пути ко мне заверните!

Входит она с ситом в дом — все вверх дном. «Как видно, — думает она, — нечистый джин похозяйничал в нем. Никакой не осталось еды! Если б, — думает, — это дед Култай был, столько пищи бы не истребил один, — кишка у старика тонка. Или это джин, или какой-нибудь батыр-пахлаван!» Так она решила…

А теперь — рассказу место об Алпамыше, под видом Култая, на свадебный пир отправившемся.

Палку волоча, идет Хаким-Култай.
— Если суждено, вернусь я в дом родной —
Встречусь со своей красавицей женой,
Свадебный ее, бог даст, увижу той…
Много женщин с ним шло по пути туда, —
Надо им на пир богатый поглядеть!
Каждая несет в узле тяжелом снедь, —
(К тойхане дорога не близка, заметь!) —
Надоело им под тяжестью пыхтеть:
Женщины — тучны, — боятся похудеть.

— Если б ты хотел нам, дедушка, помочь,
Бога б за тебя молили день и ночь,
Чтоб тебе жену молоденькую дал,
Ханскую притом, единственную дочь…
Нам свои узлы тащить уже невмочь.
Если б на себя ты принял нашу кладь,
Мы порожняком могли бы погулять.
Наше затрудненье, дедушка, уладь, —
Бога за тебя мы будем умолять!..—
Алпамыш от них рассудок потерял.
Скатерти со снедью он у них забрал,
Все в широкополый кебанак сложил, —
Похвалу своих попутчиц заслужил.
Шел он с ними — шел, все шутками смешил.
Проходить пришлось через большой пустырь.
Он идет, все больше ускоряя шаг,
Тащит на спине со снедью кебанак, —
Неуклюжим бабам не поспеть никак!
Вовсе, наконец, из виду он исчез.
Так идет Хаким, тот мнимый старичок,
Видит на пути он пастбище-лужок,
Видит он журчащий, чистый родничок.
Снял поклажу с плеч — присел на бережок…
— Что за дастархан? — посмотрим, — он сказал, —
Кебанак с узлами женщин опростал,
Скатерти со всякой снедью развязал —
И на бережке на травке разостлал.
Было там всего припасено на пир:
Масло и творог, в орешках — козий сыр,
Жареное мясо и курдючный жир,
И слоеные лепешки — катлама,
И яичница с мукой была — куймак.

Озорства ради съел батыр все, что нашел в узлах, женщинами ему доверенных, даже и крошки ни от чего не оставил этот мнимый дед Култай.

Уничтожив все угощение, насбирал он валявшегося на пастбище сухого кизяка коровьего, пометных катышек овечьих-козьих, наполнил все посудины, завернул, увязал скатерти, как раньше было, все выставил на бережке родника, а сам отправился дальше…

Женщины, из виду его потеряв, не знали, как быть: то ли домой возвращаться, то ли догонять его. Споря между собой, до родника дошли они, — скатерти и посуду увидели, обрадовались — стали благословлять старика:

— Господи, пусть ему толстая, добрая старуха встретится, — о нас пусть уж не беспокоится!

Напились женщины воды родниковой, каждая свою посуду взяла — на голову поставила. Стали они через ручей переправляться, одна из них слишком неловко на берег прыгнула, посуда с головы упала, — треск раздался — навоз вывалился.

Увидев это, другие женщины сказали так:

— У нее, наверно, соперница есть: подложила ей кизяк, — придет, мол, на пир, скатерть развяжет, — кизяк, вместо угощенья покажет, — опозорена будет перед людьми.

Так они решили. Одна женщина сказала: — Как бы и у нас кизяк не оказался!.. — Открыла каждая свое, смотрят — у всех навоз вместо еды!

Растерялись женщины — посыпались на Култая проклятия. Закопали они свои посудины у края арыка, решив: — На обратном пути посуду заберем. Скатерти на пояса под сорочки подвязали.

— Если кто спросит: «Почему вы ни с чем на пир пришли?» — скажем: «Култай так с нами поступил!»

И пошли они дальше на свадебный той.

Песнь пятая

Теперь слово наше будет об Алпамыше, который отправился на пир в обличьи старого Култая-пастуха. Едет Култай-Алпамыш верхом на Байчибаре на свадебный пир Ултантаза…

Ултантаз, временам Алпамыша подражая, такой порядок соблюдать приказал: если кто-нибудь козла в козлодрании добудет себе, то класть обязан его на бархатную юрту Барчин…

Тут Култай-Алпамыш подъехал, коротко Байчибара подвязал, улегся в тени своего коня на земле — и говорит:

— Ну-ка, и я в улаке счастье свое попытаю! — Удивились люди: престарелый чабан в улаке скакать хочет! Смеются над ним — позор мнимому старику предсказывают…

А его участие в козлодрании вот каково было:

Голова влюбленных мутна,
Сумеркам подобна она, —
Ей своя судьба не видна.
На улак ведут все пути.
Если крепок в счете — сочти,
Сколько силачей собралось:
Их двенадцать тысяч почти!
Все могучегруды они,
Как самцы верблюды, они.
Что ж не начинают улак!
Скоро разъярятся, да как!
Сколько будет шума и драк!
Вот и козлодранию знак…
Зная, что Култай — Алпамыш,
Будем на Култая смотреть.
Конский поводок он рванул,
Крепко он Чибара стегнул, —

И, как проволока, впилась
В Байчибара жгучая плеть.
Режет он толпу пополам, —
Люди растерялись: гляди, —
Этот дед Култай — впереди!
Он уже козла подхватил,
Он коня быстрее пустил,
Он к юрте Барчин своротил, —
Бросил он козла в чангарак,
Снова поскакав на улак…
Мчится Байчибар, как стрела,
Но вторую тушку козла
Рыжий конь Ултана схватил,
Быстро поперек седла
Ултантаз козла положил,
И на Рыжем прочь поспешил.
Рыжий вражий конь преуспел!
Ой, какой досадой вскипел
Мнимый дед Култай — Алпамыш!
Плеткою Чибара огрел,
Сбоку подскочил он впримык,
За ногу он заднюю вмиг
Этого козленка схватил,
За ногу добычу сволок, —
В сторону метнулся ездок.
Перерезал рыжий конек
Байчибару путь поперек.
Рыжего толкнул Байчибар,
Сшиб его — лягнул Байчибар,
Сам ушел с добычей вперед.
Вот какой чудесный тулпар!
Ай, да старичина Култай,
Ай, да молодчина Култай!
Обликом — светлей, чем звезда,
Белая, как снег, борода!
Ты за ним — туда, он — сюда, —
Этакий соперник — беда!

Людям — удавиться со зла:
У него не вырвешь козла!
Э, народ, — гадай, не гадай, —
Это Алпамыш, — не Култай!

Посмотрела Барчин, кто это козла в юрту бархатную бросил, — увидела уходившего Байчибара, сзади его по хвосту узнала, — и сыну своему, Ядгару, так говорит:

— Горько я рыдала день и ночь, Ядгар.
Знай, на пир явился твой отец-кайсар!
Я твоей счастливой верила звезде, —
Божья воля нас да выручит в беде!
Это хвост Чибара несомненно был!
Видно, всех врагов отец твой перебил,
Видимо, сынок мой, волю он добыл!
Жив-здоров вернулся он издалека,
Но открыть себя не пожелал пока!

Услышав слова своей матери, так ей сказал Ядгар:

— Если в самом деле вернулся отец мой, мне следует отомстить чем-нибудь Ултантазу и его людям. Если и пострадаю от них, — услышит отец мой стоны мои, — придет — выручит. Если же неверно, что вернулся мой бек-отец, все равно мне лучше умереть, чем под таким гнетом жить…

Схватил Ядгар палку и, подбежав к приготовленным для козлодрания козлам, разогнал их в разные стороны. Козлов гоняя, все дальше уходил он от юрты материнской, и тут ему Алпамыш в образе деда Култая на дороге встретился. Сына своего увидав, сказал Алпамыш:

— Где, в каком саду расцвел такой цветок?
Хорошо козлов гоняешь ты, дружок.
Чей ты будешь сын, ответь мне, мой сынок?
Месяцу подобна красота твоя;
С сизым ястребом тебя сравнил бы я;

С крутогнутым луком бровь твою сравню;
Голос твой похож на пенье соловья.
Ты скажи, сынок мой, правды не тая,
Кто отец твой знатный, чей ты будешь сын?
У тебя родивших — если есть одна
Тайная мечта, — да сбудется сполна!
Знай, что мне от бога благодать дана, —
Деду твоему судьба твоя видна!
Глядя на тебя, скажу я, не шутя:
Видно, ты породы не людской, дитя!
Раеликий отрок, чей ты будешь сын?
Любит смелый кобчик сесть на косогор.
Как ни юн, ты знал лишь горе до сих пор.
Будешь ты грозой батыров, как Рустам,
И с врагом сильнейшим выиграешь спор.
Шаху пред тобой быть пешим — не позор!

Слово это услыхав, расстроился сердцем Ядгар и такое слово сказал в ответ:

— В теле, муки знавшем, ты душою был,
Мне от всех защитой ты большою был, —
И тобой, увы, забыт я, бабаджан!
Сирота несчастный, умереть я рад.
Видно, не придет отец из дальних стран!
В тот злосчастный день, когда он уезжал,
В материнском чреве я еще лежал.
Но тобой, увы, забыт я, бабаджан!
Я в твоем саду раскрывшийся тюльпан,
Для кого-нибудь я тоже мил-желан,
Но тобой, увы, забыт я, бабаджан!
Бека, что давно ушел в калмыцкий край,
Бека Алпамыша я наследный сын!.. —
Мнимому Култаю так Ядгар сказал,
Глянул на дорогу — в страхе задрожал:
Всадников он двух в то время увидал, —

Сердцем сокрушился, горько зарыдал:
— Смертно я тоскую, милый дед Култай,
Пожалей меня, спаси от бед, Култай!
Кебанаком ты меня укрой своим,—
Этим дуракам в обиду не давай!
Страха смерти ради — ты на склоне дней
Не предай меня врагам семьи моей, —
Спрячь меня от них, сиротку пожалей!..

Двое верховых со стороны байги
Подъезжают к ним, как злобные враги.
И плетьми Ядгару-сироте грозят.
Он от них в испуге пятится назад.
— Бабаджан, они убить меня хотят! —
Так шептал сиротка, разумом смутясь,
За кушак Култая мнимого держась.
Перейдя предел жестокости своей,
За Ядгара взялись двое тех людей:
— Хватит нам о ханстве препираться с ним,
С этим сосунком покончим поскорей!

«Вот как с ребенком поступают злодеи!» — подумал Алпамыш. Не стало его терпения и, к подъехавшим обращаясь, так он сказал:

— И у него ведь когда-то отец был, а теперь — сиротою остался он. Можно ли сироту избивать?! Оставьте его, — поезжайте на байгу — веселиться продолжайте! — Схватил он одного из джигитов за кисть руки, — подумал тот: «Э, да ведь это — настоящий батыр!» Косточки затрещали в руке у него, слезами глаза налились, попытался он вырвать кисть свою — не удавалось. А Култаю-Алпамышу мысль пришла: «Лучше пусть настоящей силы моей не узнают они!» Отпустил он руки всадника, подарил ему и товарищу его двух козлов, на козлодрании добытых, — сели джигиты на коней — уехали, друг другу сказав: «Человек человека, оказывается, сколько ни знал бы, все-таки не знает: кто думал, что Култай силой такой обладает!»

А Ядгар мнимому деду Култаю так сказал:

— Милый дед, позволь-ка слово мне сказать:
Вижу я, ты хочешь смерти избежать.
Но нельзя ль, однако, правду мне узнать?
Ты меня от двух насильников отбил.
Если бы Култаем истинным ты был,
Где б такую силу ты, старик, добыл?
Ты ж ему все пальцы чуть не раздробил!
Не родной ли ты отец мой, Алпамыш?
Если так, — напрасно ты со мной хитришь!

Мнимый дед Култай-Алпамыш, так ему ответил:

— Словно нитка бус жемчужных порвалась,
При тебе роняю слезы я из глаз.
Кровь моя в груди от боли запеклась.
Я тебя, ягненок дорогой мой, спас,
Но смогу ль спасти в другой недобрый час?
Что поделать! — скорбь — один удел для нас!
Ты меня отцом не называй, Ядгар, —
Молод твой отец, а я, как видишь, стар.
Бедный твой отец в зиндане у врагов.
Если б он из вражьих вырвался оков,
Неужели б он не выручил тебя?
Алпамыш-батыр, отец твой, не таков!
Если б только он из плена убежал,
Кто б ему к тебе примчаться помешал?
Как бы он тебя к своей груди прижал,
Как бы он тебя, лаская, утешал!
Сына дорогого всей душой любя,
Если бы вернулся он из дальних стран,
Разве на руках не внес бы он тебя
В тойхану, где справить свадьбу с Барчин-ай
Хочет пёс-Ултан, бесчестный негодяй?
Если б твой отец явиться мог, то — знай —
Головы б лишился на пиру Ултан.
Но в земле калмыцкой, заточен в зиндан,

Он скончался в муках, Алпамыш-султан!

Такие слова услыхав, подумал Ядгар: «Оказывается, я тоже деда-Култая не знаю. Оказывается, наделен силой чудесной он! Надо мне с ним в укромном месте поговорить. Ни за что мать свою не отдам Ултану! Не стану дожидаться я прихода отца, — сам накажу негодяя!» И так сказал Ядгар:

— Дедушка, давай в сторонку повернем, —
По душам с тобой пошепчемся вдвоем:
Как бы не узнал собака-Ултантаз,
Что тут говорилось тайно промеж нас.
От руки Ултана пусть погибну сам, —
Мать свою, Барчин, паршивцу не отдам!
Как в лицо народу мне смотреть потом,
Если на себя приму подобный срам!
Мать мою насильно хочет взять дурак!
Сколько сватов шлет, суля ей много благ, —
Мать моя согласья не дает никак.
Дедушка, что сделать, чтоб расстроить брак?..

Култай-Алпамыш так Ядгару ответил:

— Что Ултан — насильник, знает весь народ,
Но для тяжбы с ним кто силы наберет?
Ты, дитя мое, прими и то в расчет:
Кто правитель — тот и заслужил почет.
Хоть Ултан — разбойник, все ж он — мухурдар,
С этим примириться следует, Ядгар.
Ты уже подрос — и должен понимать:
Для спасенья жизни в брак вступает мать.
Ты сними с души забот и горя кладь,
Мать отдав Ултану, дело с ним уладь.
Стал теперь Ултан грознее, чем дракон:
Если весь Конграт паршивцем угнетен,
Если перед ним трепещет весь Байсун,

Покорись и ты насильнику, мой сын.
На него обманом напусти туман,
Заслужи его доверье, Ядгарджан, —
Будешь вместе с ним Байсуном управлять.
Этим наставленьем сердце укрепи, —
Мать свою Ултану в жены уступи…

Ответил на это Ядгар таким словом:

— Скорбный раб, кому открыться я могу?
Пред своим народом в тяжком я долгу.
Прежде, чем отдам родную мать врагу,
От его руки готов я умереть.
Совесть, милый дед, и честь я сберегу:
Негодяй в Ядгаре не найдет слугу, —
Брачный этот пир испортить побегу!..

Такое слово от Ядгара услыхав, воскликнул мнимый Култай: — Молодец, сын мой! От честной матери рожденный, таким и оставайся всегда. Я тоже, от стада придя, отправлюсь-ка на пир этого сына потаскухи, — насколько смогу, праздник его расстрою… Ты, хотя еще малое дитя, а я — седовласый старец, но, как говорится, — из двух половин получается один. Такая в народе поговорка есть…

Такого теплого слова ни от кого никогда не слыхал Ядгар. Этим словом его мнимый дед Култай обласкал. Сердце в сироте взыграло, — не хочет он со стариком разлучаться.

Говорит ему Култай-Алпамыш:

— Если мы вместе с поля придем, скажут они: «Что между малым и старым? Наверно, сговор какой-то у Ядгара с Култаем». Врозь должны мы прийти: ты — со стороны улака, я — со стороны тойханы. Путь одинаковый — явимся в одно время с двух сторон; по данному тобою знаку, я затею ссору…

Теперь послушайте о приходе Култая-Алпамыша в пиршественный дом:

Вкус его речей отведай стар и мал!
Голосом своим весь мир он всколебал,
Он идет, дубинку-посох волочит, —
У ворот Конграта на колени пал.
Через те ворота в город он идет —
Знатный и простой он видит свой народ,
И родную мать, кормилицу свою,
Сам неузнанный, он сразу узнает.

Чистя требуху и головы зарезанных для пира баранов, сидела его мать на краю арыка. Не выдавая себя, подошел к ней Култай-Алпамыш, — говорит:

— Гай, как поживаете, тетушка Кунтугмыша? Живу я в степи при стадах, о вас не слыша…

Посмотрела на него мать-старуха, смотрит — пастуха Култая облик, слушает — Алпамыша голос: И такие она слова ему сказала:

— «Гай» ты произнес — и сердце взвеселил, —
Все мои больные кости исцелил:
Голос Алпамыша слух мой уловил…
За Култая ты не выдавай себя!
Слабые мои глаза опять сильны,
Внутренности все мои раскалены,
Высохшие груди молока полны,
Слезы счастья мне на старости даны.
Были мы с тобой семь лет разлучены, —
Мне ни солнца свет, ни ясный свет луны
Без тебя ни разу не были видны;
Улыбнуться мне ни разу не пришлось;
Ворот мой от слез давно промок насквозь…
За Култая ты не выдавай себя!
Я терпела здесь и горе, и позор,
Но жила святой надеждой до сих пор.
Не бросай же тело матери в костер!
Поспеши к Барчин — утешь супруги взор…

За Култая ты не выдавай себя!

Услышав слова матери своей, сказал ей Алпамыш:

— В своем ли вы уме, янга-джан! Не во тьме я говорю с вами, а среди бела дня, — видите сами, что я — Култай. Если б Алпамыш вернулся, он бы как Алпамыш и пришел. Зачем ему Култаем приходить, мать свою вводить в смущение?..

Подумала старуха: «Дай-ка я с ним пошепчусь!» — и такое слово сказала она:

— Чуть вздохну — и слезы падают из глаз,
Словно нитка бус жемчужных порвалась.
Сердце, милый мой, хочу с тобой отвесть:
О сынке моем, быть может, вестка есть?
Добрый человек не ропщет без причин.
Сетованья эти слышишь ты один.
Страшен, Култайджан, мне Ултантаза гнет!
Боязно пойти к невестке, к Ай-Барчин.
Всем опора нам она, Барчин-аим, —
Вместо «Алпамыш», «Барчин» мы говорим.
Если скажешь, — правду говори, но знай:
Огорчения Барчин не причиняй.
Только бы женой Ултана ей не стать!
Как оповестить бедняжку Барчин-ай?..

Култай-Алпамыш так ей ответил:

— Не касайтесь этого, янга-джан, — я все, что нужно, очень хорошо передам.

— Э, передай, передай, — ведь ты друг дома нашего, Култай-ака! — Так напутствовала его на прощанье старуха…

Пришел мнимый Култай в свадебную тойхану, видит — Ултантаз восседает на троне, а старик Байбури гостям прислуживает — на плече бурдюк черный, — воду носит старик. Некоторые гости, чтобы к Ултану подлеститься, грубо обращаются со стариком, толкают его, бранят, кулаками грозят, — глумятся над ним.

Увидел это Култай-Алпамыш, — сердце его от боли сжалось, подошел он к Ултантазу и, преподавая ему поучение, такое слово сказал:

— Носишь ты наряд зеленый, — так и быть!
Ты у нас — не шах законный, — так и быть!
Мало ли подобных беков на земле?
Но не может подлость неотмщенной быть!
Если дерзкий сын отца побить посмел,
Станет от проказы белым он, как мел.
Бия Байбури как смеешь избивать,
На его седины честные плевать,
Вынуждать ручьями слезы проливать!
Он в летах преклонных, знатный человек, —
Не чини ему обиды, Ултанбек!

Так сказал он Ултантазу и, обратившись к отцу своему, тоже слово сказал:

— Речь мою изволь послушать, мой мирза!
Много твоей соли скушал я, мирза!
Службу водоноса мне ты уступи, —
Я тебя избавлю от подобных мук:
Передай-ка мне тяжелый свой бурдюк.
Соли у тебя я скушал целый вьюк, —
Соль твою хочу я оправдать, мой друг.
Носишь в сердце ты мучительный недуг:
Сына потеряв, всего лишился вдруг!
На тебя смотреть я не могу без слез:
Старый бий Конграта — ныне водонос!
Передай-ка мне тяжелый свой бурдюк, —
Долго мне с тобой шептаться недосуг…

Выслушал его старый Байбури — и сказал:

— Плачу я, — насквозь мой ворот влажен стал.
Бием был в народе я так много лет,
А теперь унижен и ничтожен стал, —
Немила мне жизнь, — я всем ненужен стал!..

На это Култай-Алпамыш сказал отцу:

— Как умею, к слову слово привяжу,
Что ношу я в сердце, то тебе скажу:
Если за тебя сегодня послужу,
И тебе, и всем конгратцам удружу.
Если водоносом стану на пиру,
Хитрую с врагами поведу игру, —
Много вражьих тайн я в уши наберу.
Знаю, что сказать лжехану на пиру:
Весел будет пес поганый на пиру,
Что затеял он себе же не к добру!.. —
Так он с Байбури беседовал тайком.
Долго препирался он со стариком, —
Байбури боялся в деле быть таком, —
Лжекултай забрал бурдюк почти силком.
Входит он в поварню с этим бурдюком, —
Повара готовят пиршественный плов.
Новый водонос толкает поваров,
К очагам подходит — и без лишних слов
Наливает воду в несколько котлов.
Рады плововары — шутками шумят:
«Э, баба-Култай, ты вправду — азамат!..»

Вышел мнимый Култай из поварни — вернулся к Ултанбеку, поздравил его по случаю свадьбы, про себя думая: «Добра бы тебе не знать, нечестивцу!»

Польстил ему лжепастух, — принял поздрав-ленье, милостиво заговорил с ним Ултантаз, про прежнее слово смелое не напомнил:

— Вашим поздравлением, Култай-баба, сердце наше очень тронуто. Как поживает стадо? Счастливой пусть будет жизнь нашего преданного раба! — сказал он.

Ответил ему мнимый чабан:

— В стаде, сын мой, благополучно, бараны здоровы, тучны. Прослышав о том, что ты устраиваешь той, жену Алпамыша в жены беря, подумал я: «Немного таких бывает свадеб, — зря, чего ради б, торчать при стаде? Надо и мне побывать на тое. Дело простое: в кои-веки женятся беки! Плова нажрусь доотвала и я, как добрые люди, — может быть, получу и платок в награду, погуляю, сколько надо, — и вернусь в стадо».

Ултантаз отвечает ему:

— Хорошо вы поступили, бабаджан, что в такой день не забыли про нас — явились на свадьбу. Жалеть не будете: назначаю вас плововаром. Станьте у любого котла, сверху и снизу ешьте на пробу, наешьтесь так, чтобы целый месяц быть сытым, пусть исполнится ваша мечта…

Отправился Култай-Алпамыш на поварню. Сорок джигитов-поваров стоят у сорока котлов — готовят плов. Сорок джигитов-истопников следят за огнем очагов. Пробирается между ними новый плововар, — ни с того, ни с сего сильно толкнул одного.

— Э, старик, — сказал тот, — что это с тобой!

— А то, — отвечает ему Култай, — что, наконец-то, наше время пришло. — Схватил он этого джигита за плечо — и отшвырнул прочь.

— Да что я сделал тебе! — завопил тот.

— Помалкивай, сынок, я сам и огонек разожгу. — Схватил он кочергу, стал истопником у котла, — развел огонь — занялся варкой плова. К одному котлу подошел, к другому подошел, — помешал, — готово! Оказывается, не доварив, засушил он и мясо и рис. Ешь, Ултан, подавись!..

Был там один слуга, звался он Парманкулом. Освободил его когда-то Алпамыш от рабства. При Ултане начальником поварни он стал — бакавулом. Зашел в тойхану маленький Ядгар. Увидел его бакавул — закричал:

— Чего тебе здесь надо, проклятый щенок! — Размахнулся он половником, ударил Ядгара, — раскровянил ему рот.

Култай-Алпамыш, видя это, такое слово сказал Парманкулу:

— Ветер шелестит густой листвою верб.
Косточка одна для плова не ущерб.
Э, дурак, за что Ядгара ты побил?
Ведь его отец султаном нашим был.
Вспомни, Алпамыш тебя освободил.
Иль тебе Ултан мозги перекрутил?
Так ты Алпамыша за добро почтил!
Косточка одна — для плова не ущерб.

С этими словами взял он из котла большую мозговую кость — дал Ядгару. Схватил кость обрадованный Ядгар, зубами в мясо вгрызся и, мясо жуя, побежал к матери. Видя это, один бек из прихвостней Ултана, сказал:

— Что-то этот Култай мутит народ. Надо отнять кость у Ядгара.

Другие сказали — Ничего! Култай тоже ведь в чести сегодня. Поважничать хотел — костью угостил мальчишку. Пусть полакомятся…

Узнала об этом случае жена Парманкула, — прибежала — на мужа раскричалась:

— Чванный, глупый сыч, над кем ты власть берешь?
Чувствую, что завтра в полдень ты умрешь.
Сироту избил, а сколько сам сожрешь?
Завтра смертный страх тебя повергнет в дрожь!
Ты мои слова печальные услышь:
Своего поступка ты не утаишь, —
Как бы не узнал об этом Алпамыш!
Лучше б ты подумал, кто тот муж седой,
Так легко носящий бурдюки с водой:
Это — не пастух Култай пришел на той,
Это Алпамыш пришел из дальних стран!
Головы лишится завтра твой Ултан!

Выслушав ее речь, муж ее, бакавул Парманкул, тоже одно слово сказал ей:

— С детства ты была пронырливой совой.
Дура! Придержи язык болтливый свой.
Кто тебе сказал? Узнает шах Ултан, —
Ты за эту речь ответишь головой!

Тогда жена его сказала ему еще одно слово:

— Глупостью меня напрасно не кори.
Ты на это дело так, как я, смотри:
Разве дед Култай моложе Байбури?
Ты помог ли бию бурдюки таскать?
Старику ль такие бурдюки таскать?
Этому бурдюк — нестоящая кладь!
Тут-то я смекнула: борода — обман:
Бек наш — Алпамыш вернулся, пахлаван!
Если ты при нем избил Ядгара тут,
Утром непременно кровь твою прольют.
Люди, видишь сам, его не узнают.
Он врагам своим устроит Страшный суд.
Ходит он в народе, как простой чабан, —
Завтра все увидят: он — Хаким-султан!
Завтра в полдень — темный упадет туман.
Сироту побить — позор для мусульман.
Голову ты завтра сложишь, как баран, —
Завтра неминуем ваш ахир-заман.

Ответил ей опять муж ее, начальник поварни:

— Светом глаз твоих любуюсь я, жена.
Все же за тебя мне боязно, жена!
Как с тобой теперь столкуюсь я, жена?
Если от рожденья ты была глупа,
Стала ты сегодня также и слепа.
Если Алпамыш и дед Култай — одно,
Значит, ты ослепла, может быть, давно.
Смолоду с тобой мне спорить суждено:

Я скажу — бело, ты говоришь — черно.
Я тебе, несчастной, не могу помочь.
Если так упряма ты, ишачья дочь,
Издыхай себе, но убирайся прочь!
Только знай, что если ты сейчас помрешь,
Тратиться не стану даже ни на грош!

Так начальник поварни жену избранил и прогнал ее…

Тем временем, обгладывая свою кость, Ядгар, смеющийся, веселый, прибежал к матери. Увидала Барчин-ай, что так весел мальчик, обрадовалась — и слово сказала:

— Что-то ты так весел, сын мой, Ядгарджан?
Может быть, себе позволил озорство?
Или слово ласки слышал от кого?
Что, скажи, причина смеха твоего?
Уточка упала, пронзена стрелой.
Будет мой сынок охотник удалой.
Меткою да будет у него рука,
Связанной рука да будет у врага,
Да зачахнет каждый недруг сына злой!
Будь благословен, сыночек милый мой!
Что, скажи, причина смеха твоего?
На высокий шест садится ястребок.
Дети провожают стадо на лужок.
Жертвой за тебя да буду я, сынок!
Что, скажи, причина смеха твоего?

Ядгар, к матери обратившись, тоже слово сказал:

— Мать моя, отвечу я на твой вопрос:
Больше не придется проливать мне слез.
В племени конгратском я в почете стал, —
Дед Култай мне кость хорошую поднес.
Вот я почему развеселился так!
В униженьи жил я, много лет страдал,

Под туманом горя сиротой взрастал,
Окружен врагами, сердцем трепетал, —
Ныне дед Култай моей защитой стал.
Бакавул прогнал меня из тойханы,
Да к тому ж ударил без моей вины.
Как его Култай за это изругал,
Как он обличал его и попрекал!
А меня погладил, речью обласкал —
Мозговою костью угостил меня!..

Мать Ядгара, Ай-Барчин, тоже слово ему сказала:

— Дед Култай — бедняк и сам — незваный гость, —
Дед Култай не мог бы дать такую кость.
Старика того Култаем не считай:
Это — твой отец, одетый как Култай,
Мстителем пришел на ултантазов той.
Он увидел — ты обижен, угнетен,
Сын его, Ядгар, унижен, угнетен!
Знаешь ты отца, — он в гневе — как дракон,
Но себя еще не открывает он.
Жил в Байсуне он, не ведая тревог.
Не было врагам при нем путей-дорог,
Он алмазный меч от ржавчины берег,
Он в бою врагов крушить несметно мог.
Шаг его могучий слышу я, дитя!
Голос — гром гремучий — слышу я, дитя!
Сохранила Алпамышу я дитя!
Сын мой дорогой, твой бек-батыр-отец
Из страны калмыцкой прибыл наконец!

Такими словами обрадовала Барчин сына своего…

А теперь послушайте о состязании в стрельбе из лука на пиру Ултана.

Люди валят валом на той:
Благородный род и худой,
Знатный человек и лростой,
Старец и джигит молодой.
Будут сорок дней угощать
Свадебной богатой едой!
Грязных потаскушек сыны,
Прихвостни Ултана хмельны;
Еле из дверей тойханы
Вышел сам паршивец Ултан.
Зрелища начаться должны!
Громом загремел барабан,—
Двинулся народ на майдан:
Лучшие из лучников там
Будут по мишеням стрелять,
Хана и гостей забавлять.
Озорны, ретивы стрелки,
Пробуют тетивы стрелки, —
Проверяют силу руки.
Ходит между ними Култай,
Алпамыш — тот мнимый Култай.
— Ну-ка, дед Култай, не болтай —
Делом заниматься нам дай! —
Так ему стрелки говорят.
Алпамыш насмешкам их рад:
Значит, неопознан никем!..

Посланцы Ултана меж тем
Снова к Ай-Барчин пристают,
Подлые советы дают:
— Раз тебя разумницей чтут,
Что ж ты заупрямилась тут?
Розы ведь не вечно цветут,
Годы молодые пройдут,—
Сваты уж тогда не придут.
Ты не будь так чванна, Барчин, —
Выйди за Ултана, Барчин!.. —

Сватам отвечает она:
— Сколько я твердить вам должна, —
Самозванцу я не жена, —
Мужу своему я нужна! —
Те ей говорят: — Без причин
Счастье отвергаешь, Барчин:
Ултанбек — страны господин, —
Отвечая «нет», вместо «да»,
Своего не видишь вреда. —
А Барчин свое: — Никогда! —
Кольцекудрой честь и хвала!
Сватов она вновь прогнала.
Видят сваты — плохи дела, —
Что-то скажет бек Ултантаз,
Как-то примет новый отказ?
Надо возвратиться им к ней:
Может быть, ответит умней.
Снова беки входят к ней в дом,
Разговор ведут все о том:
— Слова мы разумного ждем, —
Не упрямься — думай путем.
Каяться ведь будешь потом… —
Ай-Барчин стоит на своем:
— Воду в решето с вами льем, —
Отнял у вас разум Ултан.
Он мне, говорю, нежелан.
Сколько б ни грозило мне бед,
Не скажу вам «да» вместо «нет».
Ултантаз ваш — вор, людоед,
Да погибнет он не в черед,
Семя его бог да сотрет!
Пусть меня он силой берет.
Стонет угнетенный народ.
Ой, родное племя мое,
Непосильно бремя твое,
Но настанет время твое!..

Ходят-ходят сваты к ней в дом, —
Ноги уж волочат с трудом.
Но не внемлет сватам Барчин, —
Гонит от себя со стыдом…
Говорят Ултану потом:
— Так и так, мол, речь с ней ведем,
Ай-Барчин стоит на своем.
Сердце у нее — словно лед, —
Замуж, мол, за вас не пойдет,
Ултанбек, мол, ей — не тюря,
Пусть он, мол, умрет не в черед,
Силой лишь меня пусть берет.
Столько раз со мной говоря,
Время, мол, теряете зря… —
Ултантазу так доложив,
Каждый сват — ни мертв и ни жив.
Ултантаз, щербат и плешив,
Выслушал, — пошел на майдан…

На майдане люди шумят:
Мнимый дед Култай-азамат
Тоже по мишени стрелял, —
Дальше всех стрелу он метнул!
Так он тетиву натянул,
Так упругий лук он согнул, —
Надвое тот лук разломал,
Половинки прочь отшвырнул!
Много наломал он других
Луков, очень крепких, тугих,
Стрелы по мишеням забил!
Где он эту силу добыл?
Лучников он всех посрамил,
Всполошил народ, изумил.
Спрашивают люди его:
— Э, скажи, Култай, бабаджан,
Что за перемена в тебе?
Где ты научился стрельбе?

Ты же нам известен, Култай!
Что за чудеса, Култайджан!..
Говорит им Култай-Алпамыш:

— Если уж хотите правду знать, — о своей силе скажу я так: издавна у меня она, да не была нужна. К чему, — думал я, на старости лет силою хвастать? Похвальбы не любя, держал ее про себя, — думал так будет лучше. А тут — праздничный случай, народу куча, — решил я: силу свою проявлю — народ удивлю, — скажут: «Такой, мол, дед скрипучий, оказывается — батыр могучий!» А дело так было: у Алпамыша от Алпин-бия, деда его, четырнадцатибатманный бронзовый лук был. Бывало, на озеро Арпали мы с ним приходим, лук тот поднимаем с земли — стрелять начинаем. Я стрелу пущу, он стрелу пустит, — молнией стрелы наши летят, до Аскарских гор долетали, большие вершины срывают, бывало. Но только мои стрелы всегда дальше алпамышевых летели.

— Э, э, баба-Култай! — перебил его кто-то, — на старости лет вы что-то путать стали. Если лук, — вы говорите, — имел вес © четырнадцать батманов, то — чудес на свете нет, — такой вес и для великанов тяжел!

— Ай-ай, — ответил Култай, — говоря короче, — не очень мы головы ломали над тем, легка, тяжела ли была эта вещь. Лук этот, впрочем, мы даже и за комара не считали.

— Э, — сказали ему люди, — жаль, что не знаем мы, где этот лук остался. Знали бы, постарались бы как-нибудь сюда его притащить.

Ответил Култай: — Если вы не знаете, я знаю. Сам Алпамыш уже семь лет назад умер в своих оковах, садя в калмыцком зиндане. А лук его оставался на озере Арпали. Ой-бой, он уже давно зарос степною травой!

Узнал об этом разговоре Ултантаз, послал он людей на то место, — вернулись посланные, говорят: «Действительно, есть этот лук». Приказал Ултан несколько упряжек волов погнать на то место, собрал своих беков, — сказал ям такое грозное слово:

— Вы в Конграте жизнь привольную вели,
С Алпамышем часто говорить могли.

Быть того не может, чтоб никто не знал,
Как он этот лук тяжелый поднимал,
Как с такого лука стрелы он пускал,
Как сшибал вершины столь могучих скал.
Требую от вас, чтоб к водам Арпали
Все вы, сколько есть, немедленно пошли,
Лук многобатманный чтоб из той земли
На волах моих сюда вы привезли, —
Мне бы, Ултанбеку, оказали честь.
Если не пойдете, сколько вас ни есть,
Помните: моя жестокой будет месть!
Что же вы затылки молча заскребли?
Краток мой приказ: ступайте в Арпали!..

Такие слова услыхав, сказали беки промеж себя:

— Теперь что будет с нами? — и страх охватил их… Ай-Барчин, дома находясь, узнав о жестокости Ултана, провидела в душе своей, что сироте Ядгару суждено подвиг совершить. Выйдя к растерянным бекам, сказала Барчин такое слово:

— Беки, просьба к вам униженна моя:
Да стоит — не рухнет хижина моя!
Листопад в саду — не уцелеть цветам.
Как же соловью теперь гнездиться там?
Сына своего, сиротку, я вам дам, —
Он для вас добудет тот пернатый лук.
Если пал верблюд среди пустыни вдруг,
Если надорвалась лошадь от потуг, —
Должен верблюжонок взять верблюжий вьюк.
Льва-батыра сын — мой львенок, Ядгарджан,
Вытянет, доставит тот отцовский лук!..

Узнав о словах Барчин-ай, Ултантаз подумал: «Наконец-то она полюбила нас! Этот проклятый Ядгар, оказывается, ее все время

расстраивал, против нас восстанавливал! Видно, решила она избавиться от него, — сама его на смерть посылает!»

Ударил он Ядгара по голове камчой, — погнал его. Сжалось сердце Ай-Барчин, и, к Ултану обратись, она произнесла такое слово:

— Слово я тебе скажу от всей души.
Яблочко-лицо мое не засуши.
Мужа брат, как муж, его женою чтим,
Как мирза, отныне будешь мною чтим.
Только моего ягненка ты не бей,
Не глумись над ним, внемли мольбам моим.
Говорит невеста скорбная твоя:
Острым горем грудь распорота моя.
С плачем между вас должна метаться я!
Милость окажи — дитя мое не бей!
Бракосочетанья правя торжество,
Зря над ним чинишь такое озорство… —
А Ултан опять камчой хлестнул его.
Матери глядеть на это каково!
Молвит Ай-Барчин Ултану снова так:
— В шелесте листвы есть ветра верный знак.
Плещет на ветру мой шелковый джелак.
Пред тобой дитя, а не могучий враг.
Гнев такой и крики для чего нужны?
Слишком далеко заходишь ты, дурак!..

Речь матери своей услыхав, льву подобен стал сердцем сирота Ядгар — и тоже слово сказал:

— Бей сильнее, бей! — черед покуда твой.
Плачу в скорбный день, поникнув головой.
Бей сильнее, бей, собачий гнев удвой, —
Сирота Ядгар что сделает с тобой?
Как-никак, в твоих руках покуда власть, —
Краденою властью наслаждайся всласть!.. —
А камча его, как дождь, как снег, сечет, —

Жаркий ливень слез из глаз его течет,
Только никакой пощады он не ждет.
Явится отец — и даст Ултан отчет!..
Бьет Ултан Ядгара, подлая душа!
К озеру Арпа он гонит малыша.
Рядом с ним шагая, тяжело дыша,
Давится слезами бедный Алпамыш.
Мальчика утешить хочет Лжекултай:
— Потерпи, сынок, что делать? — пострадай, —
Властвовать не вечно будет негодяй.
Ай, приди, весна! Скорее, снег, истай, —
Алпамыша месть, насильник испытай!..

Далека тропа на озеро Арпа!
Не видать в горах просветов до сих пор.
Каждый стон Ядгара — небесам укор.
Озеро синеет, зеленеет луг.
Вот он, тот старинный, тот чеканный лук!
Как ему поднять многобатманный лук?
Но отец пришел ему на память вдруг, —
Сердце будто в нем разорвалось в тот миг,
Радости и страха испустил он крик, —
Поглядел на лук — безмерно лук велик, —
Тяжести подобной не потянет бык!..
Жалобно сиротка всем в глаза глядит:
От такой задачи кто освободит?
А Ултан его все хлещет, не щадит.
— Ну, тяни! — кричит он, словно тигр, сердит…
Лук берет Ядгар в две детских пятерни,
Бьет его Ултан: — Тяни, щенок, тяни! —
Молится Ядгар: — Э, боже мой, взгляни, —
Силу ты в меня отцовскую вдохни!.. —
Оплетен степной могучею травой,
Лук зарылся в землю, кверху тетивой.
Тужится Ядгар, мотает головой, —
То наляжет грудью, то нажмет плечом, —
Тяжесть одолеть не может нипочем.

Бьет его жестокий Ултантаз бичом,
Чем он чаще бьет, тем все больней удар, —
Сдвинуть лук бессилен сирота-Ядгар…
Алпамыш страдает, глядя на него, —
Мучит ведь без смысла гадина его!
Из последних сил свой сдерживая гнев,
В ярости немой как бы оледенев,
Смотрит на Ултана благородный лев,
Мнимый тот чабан, неузнанный султан:
Перед ним Ултан, конгратский лжесултан.
Э, как низок ты, разнузданный султан!..

Тщетно бился над тяжелым луком бедняжка Ядгар, — не мог он лук вытянуть, — людям в глаза опять с мольбою по очереди смотрит. Говорит сыну своему Алпамыш-Култай:

— Э, Ядгар, мой львенок, сын богатыря?
Жалостно в глаза людские смотришь зря!
Претерпи страданья, горд и духом тверд, —
Мужественным — будь, как твой отец-тюря!.. —
Словом он своим Ядгара укрепил:
Тот подумал: «Честь отца я посрамил!»
Спину во мгновенье мальчик распрямил,
На врага он взор презренья устремил, —
Ни одной слезинки больше не пролил.
Мощь батыра мальчик в мышцах ощутил!
Исполинский лук пошатывать он стал,
Мощи той аркан разматывать он стал, —
В землю вросший лук слегка пошевелил, —
С треском стали рваться стебли крепких траз.
Путы трав густых на луке разорвав,
Тот многобатманный исполинский лук
От земли Ядгар отваливает вдруг!
Волокам он тащит в сторону его,
Тащит за собой, как борону его…
Весь народ подобным дивом изумлен,

Алпамыш героем-сыном умилен.
Мрачен Ултантаз, не радуется он, —
Страшным подозреньем в сердце уязвлен:
— Этот сирота — не слабая овца, —
Как бы он не стал могучее отца,
Как бы не нажить беды от стервеца!
Ханского не снял бы он с меня венца,
Не дождаться б нам и худшего конца!.. —
Жизни цвет в тот миг сошел с его лица, —
Даже затрясло от страха подлеца.
«Как теперь нам быть?» — подумал Ултантаз.
Мальчика убить надумал Ултантаз…

Подвигом Ядгара потрясен Конграт:
«Новый Алпамыш!» — в народе говорят.
У людей сердца от радости горят…
Правда ли, неправда ль — петь нам не мешай,
Сладость этой вести, слушая, вкушай…
Высоко летает смелый соколок!
Путь от Арпа-коля труден и далек!
Тот многобатманный древний медный лук
К ворот**а**м Конграта мальчик приволок.
От ворот он путь направил к тойхане,
Лук огромный внес — оставил в тойхане…
К тойхане меж тем спешит Барчин-аим, —
Как же не гордиться ей сынком таким?
Столь великий труд им совершен одним!
Ходит вкруг него — любуется им мать,
Обойдя семижды, стала обнимать,
Стала его в щеки, в губы целовать.
— Ты — моя отрада, — говорит она, —
Совершив, что надо, — говорит она, —
Дому ты — награда, — говорит она, —
Ты — оплот народа, — говорит она,—
Ты свершил такое чудо! — говорит, —
Жертвой за тебя да буду! — говорит.
Будешь на отцовском месте, мой сынок, —

Станешь на весь мир известен, мой сынок! —
Слезы льет она, покуда говорит…

Мнимый дед Култай с народом *в* стороне.
Он словам Барчин внимает, как во сне,
Все не признаваясь сыну и жене.
Думает: «Не время открываться мне, —
Чудеса явить хочу родной стране…»
Еле помещаясь в шахской тойхане,
Лук его огромный прислонен к стене.
Алпамыш-Култай народу подмигнул,
Исполинский лук он поднял — повернул,
На плечо повесил, за порог шагнул —
И понес оттуда прямо на майдан
Бронзовый тот лук в четырнадцать батман.
А толпа шумит, как море-океан,
В головах людей — от тех чудес туман.
На майдан придя, он в руки взял свой лук,
На одну чинару дальнюю взглянул,
Тетиву тугую сильно натянул,—
И стрелу в чинару дальнюю метнул.
Молнией слетела с тетивы стрела,
Засвистела так, что весь народ вздрогнул.
Далеко чинара старая была,
Молнией стрела к чинаре той дошла, —
Ветвь одну большую с нее сорвала, —
Всю длину майдана покрыть бы могла!
Изумлен народ, — прекрасные дела!
Изумлен Ултан, — опасные дела!
— Ну, и показал работу дед Култай!
Подозрителен мне что-то дед Култай… —
Новая грызет забота: дед Култай!
Всю страну обходит о Култае слух:
«Вот какой стрелок чудесный тот пастух!»
Говорят иные: «В нем нечистый дух».
Про себя кой-кто, а кое-кто и вслух Говорят:
«Будь проклят ултантазов пир!

Сдох бы он, отродье шлюхи — Ултантаз!
Дед Култай давно от старости протух:
Не вернулся ль тайно Алпамыш-батыр? —
Переполошился весь конгратский мир…»

А теперь, помня свое обещание, о матери Ултантаза расскажем.

Когда-то мать Ултантаза называли «Бадам-поганша», — теперь величать ее стали «Бадам-ханша». Говорившему по привычке «Бадам-поганша» язык отрезали. В молодости персиянка Бадам пастушкой была. Привычку имела спать с высунутым языком. Отклевала ей однажды ворона кончик языка, — стала Бадам косноязыкой: вместо «р», говорила «й».

Стала она наложницей Байбурибия, родила от него сынка — Ултана этого. — Считал он себя Алпамышу братом, — случая дождался — овладел страной. Мать его, Бадам-поганша, ставшая Бадам-ханшей, зла была, как бешеный верблюд. Чуть ей что нашепчут, сама чинит налево-направо суд и расправу. Ненавидел ее и простой и знатный народ… Говорили про нее: «Поганый казан у хана не более благоухает, чем у чабана».

Между тем Ултантаз, обнадеженный словами Барчин, продолжал пировать, к свадьбе готовиться. Время подошло девичник справлять, «олан»[45] вести.

Сказала Бадам-ханша:

— В стайости моей дождавшись бъякосочета-ния бека-сына своего, готова я на ядостях сама на двугойбом вейблюде вейхом отпъявиться — девушек-къясавиц на олан собиять.

Села она на верблюда, поехала — девушек-молодок скликать. Едет Бадам — поет:

— Медленно, быстъенько скачу.
Уличкой къютенькой скачу,
Тъёпочкой узенькой скачу,
Гойлинкой сизенькой лечу,
Низко я, низенько лечу.
Видеть я, къясавицы, вас

На пию у сына хочу.
Пъёсьба — посетите наш пий!

Сами вы пъекъясны на взгляд,
Къясный надевайте наяд,
Язум ясный в девушке — клад,
В бойком слове ценится склад.
Вами же гойдится Конгъят!
Пий мы задаем на весь мий, —
Пъёсьба — посетите наш пий!..
Так Поганша-ханша Бадам
Ездит по родам-племенам.
Речь убогой кто разберет?
Слушает — смеется народ, —
Каждый закрывает свой рот…

Наступил вечер олана. Приходят девушки. Худышки — мышками шмыгают, козочками прыгают, порхают, как мушки, хохотушки-резвушки. Толстушки — мягки, как подушки, в ожиданьи пирушки сидят или ходят — величавы, как павы…

Со своего верблюжьего пастбища пришла и Ай-Калдыргач, сестра Алпамыша. Дошел до нее слух, что Барчин-ай дала согласие Ултану, что в этот вечер состоится бракосочетание их. Подумала: «После того как бракосочетание совершено будет, перейдет она к Ултану во дворец — когда-то еще придется мне с Барчин-ай, бедняжкой, свидеться?..» Как ни тяжело ей было думать, что Ай-Барчин женой Ултана станет, — решила она пойти.

Пришла она, — Бадам-ханша дала ей два светильника в руки, третий на голову ей поставила.

Тут Ядгар тоже пришел. Калдыргач Ядгару, любимцу своему, такое слово сказала:

— Ядгарджан, внемли-ка слову моему:
К племени пришла я снова моему.
В свадебном собраньи — для чего держать
Мне на голове светильник, — не пойму.

Ты, мой джан-Ядгар, так весел почему?
Иль обласкан теплым словом ты людским,
Иль над положеньем бедственным моим
Посмеяться хочешь ты, Ядгар-джаным?
В бесприютном сердце — только «ох!» да «ах!»
Слез ручей не сякнет у меня в очах:
Без вести пропал Хаким-ака, мой брат, —
Сын его, Ядгар, да озарит Конграт!
Ядгарджан, чему ты радуешься так?
Одинокая, верблюдов я пасла,
Слезы горькие в сухой степи лила,
На костре разлуки сердце я сожгла,
Истомясь от муки, я сюда пришла.
Я пришла сюда, друзей не обретя,
Ты вбежал, смеясь и весело шутя.
Разве ты сказал, Ядгар, мое дитя:
«Как ты поживаешь, Калдыргач-апа?
Не горюй, бедняжка, и не плачь, апа!»
Кто же мне утеха, если не Ядгар?
Что ты так смеешься весело, Ядгар?..

Барчин-аим, как невеста Ултана, также тут находилась. Слова своей тетки Калдыргач услыхаз, опечалился о ней Ядгар и, к матери своей, к Ай-Барчин обращаясь, так сказал он ей:

— Слово обращаю к матери моей:
Всякое про нас болтают меж людей.
Участь бедной тетки облегчить нельзя ль?
Память моего погибшего отца,
Дорогая мать, усердней чтить нельзя ль?
Свадебный светильник выбросить нельзя ль?
Смерти нам у бога выпросить нельзя ль?.. —
Он слова свои промолвил в простоте.
Встала Барчин-ай, слова услышав те, —
Образ Алпамыша ей предстал в мечте.
В теле есть душа, в душе есть много мук, —

Кольцекудрая вся побледнела вдруг.
Осень настает — цветник поблекший пуст, —
Сядет и ворона на розовый куст…
Молвила Барчин: «Погибни этот брак!»
Выбросила прочь светильник в чангарак.
В праздничной юрте настал могильный мрак,
Девушки визжат — им страшно в темноте.
Очень был большой переполох в юрте…

Шла с поля Бадам-ханша, подходит к юрте, — видит — темно в ней стало вдруг. Вошла — узнала, в чем дело, — подумала: «Если мне сейчас избранить ее как следует, может Барчин оскорбиться, — обратно свое согласие взять. Не буду ее пугать раньше времени, пусть уже невесткой моей станет, — тогда с нею сочтусь, как умею!..»

Зажгла она снова светильник, сказала строго:

— Больше чтоб этого не было! Начинайте, девушки, олан! — Сказала она так и села.

Тем временем Култай-Алпамыш входит.

— Что ты, Култай, шатаешься-болтаешься, без зова являешься? — сказала недовольно Бадам-ханша.

Отвечает ей Култай-Алпамыш:

— Мы, янга, с тобою в свойстве. На таком торжестве, на свадьбе сына твоего, Ултана, как же не погулять мне? Хочу три-четыре олана спеть с тобою в паре.

Бадам-ханша ему: — Если ты со мною оланы затянешь, пожалуй, возомнишь себя равным нам. — Так сказала Бадам, чванясь перед Култаем, и стала глумиться над ним:

— Что, спрашиваю, воспевать будешь ты? Горе-нужду раба-чабана, кибитку из самана, помет барана? Это для олана на свадьбе моего сына хана Ултана не годится.

Сказал ей Култай-Алпамыш:

— Зачем, янга моя, не боясь греха, своих не узнаешь, обижаешь бедняка-пастуха? Действительно мы равны: — ведь я — твой свояк. Разве не так?[46]

Шутницей была Бадам-ханша, знала, что и Култай — шутник большой. Не знала только, что не с Култаем, а с Алпамышем говорит.

Согласилась Бадам несколько оланов с ним спеть, но захотела первой начать состязание.

Бадам-ханша:

— Овцы, — ты сказал, — бегут на водопой. — Яй-яй.
Колос пъевъящен в солому молотьбой. — Яй-яй.
То, что говойишь — да сбудется, Култай! — Яй-яй.
Въемя Ултанбека, мой свояк, воспой! — Яй-яй.

Култай-Алпамыш:

— За бараном вскачь бежит баран, Бадам! — Яр-яр.[47]
Стал кривой вербой твой тополь-стан, Бадам! — Яр-яр.
В старости невесткой ты обзавелась! — Яр-яр
За тебя я счастлив, янга-джан Бадам! — Яр-яр.

Бадам-ханша:

— Йижие баяны — вожаки отай. — Яй-яй.
Запою оланы — бъёсит мёйтвых в жай. — Яй-яй.
Девушки-къясотки, молодки, веселей! — Яй-яй.
Ултантаз теньгу пожейтвует вам в дай. — Яй-яй.

Култай-Алпамыш:

— Козы-безбородки — вожаки отар. — Яр-яр.
Старые уродки-тетки бросят в жар. — Яр-яр.
Разве я, красотки и молодки, стар? — Яр-яр.
Алпамыша деньги — грабленый товар! — Яр-яр.

Бадам-ханша:

— Двеи некъясивы без литых колец. — Яй-яй.
Девушки гъюстят без золотых колец. — Яй-яй.

Шуток-пъибауток вы не пъипасли. — Яй-яй.
Позабавит вас олан мой под конец. — Яй-яй.

Култай-Алпамыш:

Двери некрасивы без литых колец. — Яр-яр.
Девушки грустят без золотых колец. — Яр-яр.
Шуткам прибауткам время не пришло. — Яр-яр,
Будет ведь олан испорчен под конец! — Яр-яр…

— Э, Култай-джан, дуйная твоя голова, не ту игъю игъяешь, — пеевияешь слова! — оборвала его Бадам-ханша. Отвечает ей Култай-Алпамыш:

— Э, джан-янга, ворчливая карга, сердце не омрачай — не замечай, если я, твой свояк, что-нибудь не так скажу невзначай.

— Ну, — говорит ему Бадам, — яз так, то шайтан с тобой, — как умеешь, так пой.

И начала она снова:

Бадам-ханша:

— Ской на язговой он, яб-чабан, Култай! — Яй-яй.
Кайкающий воён, слаб мой джан-Култай! — Яй-яй.

Култай-Алпамыш:

— Ходят горя тучи, джан-Бадам-янга… Яр-яр.
Голос твой скрипучий мерзок мне, карга! — Яр-яр.
Человек я добрый, — честь мне дорога! — Яр-яр.
Ворон скорби каркнет в сердце у врага! — Яр-яр.

Бадам-ханша:

— Тычешь всюду нос, бъёдяжка-яб Култай. — Яй-яй.
Не шныяй, как пёс-двойняжка, яб Култай! — Яй-яй.

Не сладка вода, коль воду подает — яй-яй, —
Гъязный водонос-бедняжка-яб, Култай. — Яй-яй.

Култай-Алпамыш:

— Огонек в печи — лепешки горячи. — Яр-яр.
Не ворчи, молчи, язык свой излечи. — Яр-яр.
Бросил бы собакам я твои кишки! — Яр-яр.
Щедро платишь бранью, — сдачу получи! — Яр-яр.

Бадам-ханша:

— Остъый язычок имеешь, своячок. — Яй-яй.
Словом, словно бъитвой, бъеешь, своячок. — Яй-яй.
Помни, стаичок, что сын мой-бек Ултан: — Яй-яй. —
Язычок твой — чок! — заблеешь, своячок! — Яй-яй.

Култай-Алпамыш:

— Бойким острословам — хороша цена!.. — Яр-яр.
Родичам толковым — вся душа-цена!.. — Яр-яр.
Выйдешь с Ултантазом на толчок-базар, — яр-яр —
Скажут: «Раз — парша, то полгроша — цена». — Яр-яр.

Бадам-ханша:

— Язычок остъя, зъя не болтай, Култай! — Яй-яй.
Складно говоя, слова взнуздай, Култай! — Яй-яй.
Если попадешься в слове, — не пеняй. — Яй-яй.
Подвязать язык не опоздай, Култай! — Яй-яй.

Култай-Алпамыш:

— Грешен мой язык, — шутить привык, янга! — Яр-яр.
Прикушу язык, прижму кадык, янга. — Яр-яр.
Ты не влюблена ль в Култая-пастуха? — Яр-яр.
Ха-ха-ха! Старик — большой шутник, янга! — Яр-яр.

Услышали это начальники пира, — говорят:

— Култай-пастух, чтоб он пропал! — пася стада, упражнялся, оказывается, в острословии. Придя сюда, мать Ултанбека лишил уважения, — во всех оланах ее победил! Какая бы она ни была, — все-таки важного человека, нашего бека мать! Нехорошо старуху поднимать насмех! Если он сделает то же с кем-нибудь помоложе, — не так будет обидно. Как это может показаться, если состязаться с ним мы дадим Барчин?

Задумались некоторые: «Не посмотрит ли на это косо Ултанбек?» Пришли к нему — спрашивают: «Как это получится?»

Сказал пришедшим Ултантаз: — Култай — уже стар. Пусть они поют в паре.

Подняли начальники пира Култая с места:

— Оказывается, вы на острое слово мастер большой! Посостязайтесь теперь с невестой.

Барчин с Култаем-Алпамышем начали петь оланы.

Култай-Алпамыш:

— На склонах гор — цветов ковер,
В реке — бобер, — яр-яр.
Мне ваш супруг, — вам не в укор, —
Был близкий друг, — яр-яр.
Споем олан, чтоб остер Был разговор, — яр-яр.
Известье есть, — яр-яр.
Лет семь иль шесть Аим-Барчин Ткала ковер, — яр-яр.
Узор — хитер! — Яр-яр.
Она скромна, Барчин-ай,
Она умна, — яр-яр.
Твой кушачок, твой поясок Истрепан как! — Яр-яр.
Но это просто — платок,
А не кушак! — Яр-яр.

Барчин:

— Олан поешь — и в сердце мне вонзаешь нож, — яр-яр.
Слова плетешь — и голос твой, ой, как хорош! — Яр-яр.
На голос мужа моего он так похож! — Яр-яр.

Култай-Алпамыш:

Э, глупая ты женщина, — на свете нет чудес. — Яр-яр.
Ну, кто же видел, чтоб мертвец когда-нибудь воскрес?! — Яр-яр.

Барчин:

— Настанет осень — пышный сад увянет, — говорю! —
Яр-яр. Но соловья и куст пустой приманит, — говорю! — Яр-яр.
Мой витязь-муж из мертвецов восстанет, — говорю! —
Яр-яр Ядгар мой, обретя отца, воспрянет, — говорю! — Яр-яр.

Култай-Алпамыш:

— Возбуждена, наряжена в парчу и шелк, — яр-яр.
Своей судьбой угнетена, забыла долг, — яр-яр.
Но, коль надежды и любви напев не смолк, — яр-яр.
Паршивый волк зачем тебе? Где в этом толк? — Яр-яр.

Барчин:

— В парчу и шелк наряжена, огорчена, — яр-яр.
Блюла б я долг, не будь судьбой угнетена, — яр-яр.
Мне эта свадьба не нужна, — она страшна! — Яр-яр.

Но жизнь Ядгару сохранить ведь я должна! — Яр-яр.

Култай-Алпамыш:

— Спесив, но властен Ултантаз, к тому ж — богат, — яр-яр.
Плешив, но страстен, — чем не муж, чем я — не сват! — Яр-яр.

Барчин:

— Хоть он и властен и богат, — мне мерзок он, — яр-яр.
Народ несчастен, угнетен, повсюду — стон, — яр-яр.
Мой оланчи! Ядгар тобой заворожен, — яр-яр.
Отца мечтает он иметь опять, — яр-яр!
Проказник хочет бороду отца трепать, — яр-яр.
Он шапку с головы отца желает снять, — яр-яр.

Култай-Алпамыш:

— Болит моя душа, скорбит, — я в том клянусь, — яр-яр.
Я плачу, — слез, горячих бус, я не стыжусь, — яр-яр.
Разгорячусь — и петь берусь я до зари, — яр-яр.
Но шапку снять я не решусь, хотя я — не трус, — яр-яр.

Барчин:

— Что я сказала, оланчи, — то знак любви, — яр-яр.
Пой, не молчи, — себя скорей разгорячи, — яр-яр.
Не жди зари — и с головы тельпак сорви, — яр-яр.

Култай-Алпамыш:

— Не говори, чтоб до зари, — не торопи, — яр-яр.
Дух укрепи, терпи — гори, — не торопи, — яр-яр.
Блеснет заря, — ты на мои дела смотри, — яр-яр.

Барчин:

— Лакомство вкусней на зуб, чем у губ, — яр-яр.
Снимет шапку, кто неглуп, кто мне люб, — яр-яр.

Култай-Алпамыш:

— Срок весны пришел — расцвел в срок цветок, — яр-яр.
Стоя поперек дорог, рок — жесток, — яр-яр.
Шапку снять нельзя тому, кто плешив, — яр-яр.
Иль парша на голове — не порок? — яр-яр.

Барчин:

— Нет весны — и свежей здесь розы нет пока, — яр-яр.
Нет от рока ни угроз и ни бед пока, — яр-яр. Друг-супруг мой не плешив и не сед пока, — яр-яр.

Култай-Алпамыш:

— Горе мне, моя судьба истин-но горька, — яр-яр.
Я держу твое дитя, — льется слез река, — яр-яр.
Тяжело его держать, — затекла рука, — яр-яр.

Барчин:

— Срезала с ребенка я жертвенную прядь, — яр-яр.
Сам — по запаху — сумел он отца узнать, — яр-яр.

Мальчик на руках отца хочет подремать, — яр-яр.

Култай-Алпамыш:

В паре петь со мной олан ты не рада ли? — Яр-яр.
Вражьи выведала ль ты силы, клады ли? — Яр-яр.
Говорить: «прими дитя!» — дважды надо ли? — Яр-яр.
От опасностей ему ты ограда ли? — Яр-яр.

Барчин:

— Осень ходит по садам, — всем кустам отцвесть, — яр-яр.
Может и на куст пустой соловей присесть, — яр-яр.
Если мать дает отцу сына приласкать, — яр-яр, —
Для ребенка неужель в том опасность есть? — Яр-яр.

Култай-Алпамыш:

— Если «Алиф-бе» не знать, — не писать письма! — Яр-яр.
Сына, говорю, прими! Не сходи с ума! — Яр-яр.
Это ль не во вред ему? — Посуди сама! — Яр-яр.

Барчин:

— Плакала над сиротой я день и ночь: «Ой-бой!» — Яр-яр.
Мой сиротка золотой, масляный такой! — Яр-яр.
Но тебя отец родной гонит прочь! Ой-бой! — Яр-яр.

Култай-Алпамыш:

— Ай, Барчин-ай, — яр-яр.
Ай, Барчин-гуль, — яр-яр.
Луны светлей, цветка нежней,

Ты будь умней, — яр-яр.
За Ултантаза не иди,—
Смерть караулит впереди!
Гуль-Барчин-ай, — яр-яр.
Ты так и знай, — яр-яр.

Барчин:

— Так говоря, — яр-яр,—
Пугаешь зря, — яр-яр.
Ведь на джиду сядет в саду
Мой соловей,[48] — яр-яр.
Супругой врагу стать не могу, —
Честь берегу, — яр-яр.
Муж мой-султан — мой Хакимджан;
Он лишь один, — яр-яр,—
Люб Ай-Барчин, — яр-яр.

Култай-Алпамыш:

— Оставили мы тут козлят, —
Застали коз, яр-яр.
Без нас расцветшая Барчин
Не краше ль роз? — яр-яр.
Мир изумляя красотой,
Пир задает, — яр-яр.
Пир обручальный, говорят, —
Как он богат! — Яр-яр.
Мы оставляли жеребят, —
Коней нашли, — яр-яр.
Мы думали: нет жен верней,
Нежней Барчин, — яр-яр.
Но стала Ай-Барчин большой, —
И нам чужой, — яр-яр.

Барчин:

От многих дум у Барчин-ай
Развился ум, — яр-яр.
Нет, я не стала вам чужой, —
Клянусь душой, — яр-яр.
Ах, в проигрыше я, мой сват!
Вы — снова шах, — яр-яр.
Мне снова — мат! — Яр-яр.

Олан закончился. Заря взошла, утро прошло, день к полуденному рубежу приближался. Кучками-кучками между тем народ везде собирается — слухи по всей стране летят, — разговор все один. Где ни столкнется голова с головой, там только и слышно: «Этот Култай — не Алпамыш ли?»

Тем временем приезжает Култай настоящий. На нем — алпамышев батырский ватный кушак, шишак блестящий. Встретились Култай с Алпамышем, — Алпамыш ему и говорит:

— Бабаджан, созови-ка людей Ултана, оповести о приходе моем.

Отвечает Култай: —Э, умножились теперь прихвостни его; если, собрав их, объявлю: «Алпамыш вернулся!» — как бы не убили они меня.

Успокоил его Алпамыш: — Не бойся, — я близко буду, — чуть что, — выручу тебя.

Послушался дед Култай, — на Байчибара сел, поехал дальше — делать, как Алпамыш сказал. Никто его, настоящего Култая, не узнает, смотрят люди — диву даются — Кто такой этот важный витязь-аксакал?

Подъехал Култай ко дворцу, привязал Байчибара, созвал людей и сказал им такое слово:

— Праздника часы настают,
Цветники-сады расцветут.
Племени конгратского люд,
Ведай, что пришел Алпамыш!..
Нужно эту весть разгласить,

Радостью кипеть — не остыть.
Цвет сине-зеленый носить,
Близких и друзей посетить:
Здесь он, ваш тюря, Алпамыш!..
Голос дать великой трубе,
Пушечной начаться пальбе:
Внял господь народной мольбе, —
С вами ваш тюря, Алпамыш!..
Саду по весне зеленеть,
Розам — распускаться, алеть,
Соловьям — любовью пьянеть,
Песням соловьиным звенеть.
Самозванным ханам — конец,
Г нету всех Ултанов — конец!
Знайте, что пришел Алпамыш!..
Разойдись, печали туман,
Кайся, безрассудный тиран,
Радуйся, Конграт-Байсунстан, —
Здесь он, твой законный султан!
Друг — живи в чести и в любви,
Недруг — да потонет в крови!
Смерть врагу, — пришел Алпамыш!..
Род байсун-конгратский, живи!
Дружно и по-братски живи!
В славе и в геройстве живи,
И в благоустройстве живи, —
Меч тебе и щит — Алпамыш!..
Байбурибий, старец седой,
Бурдюки носящий с водой,
Кличет тебя сын молодой, —
Встреть его, — он здесь, Алпамыш!..
Тот, кто, твой нарушив запрет,
Чести исполняя обет,
Не страшась опасностей-бед,
В дальний край враждебный ушел,
Пролежал в зиндане семь лет,
Кто потряс тот край калмык**о**в, —

Он вернулся, жив и здоров, —
Встреть его, — он здесь, Алпамыш!..
Ты, чье сердце скорбью кипит,
Много натерпевшись обид,
Ты, его сестра, Калдыргач,
Больше не терзайся, не плачь, —
Брат твой калмык**о**м не убит, —
Встреть его, — пришел Алпамыш!..
Ты, чьим он вскормлен молоком,
Чьим он был любимым сынком,
Мать его, страдалица, знай:
Не был он убит калмык**о**м, —
Встреть его, — он здесь, Алпамыш!..
Родичи, друзья его, вы —
Сверстники, товарищи-львы,
Все конгратское племя мое,
Под врагом жестоким семь лет
Были без вожатого здесь,
Выли верблюжатами здесь!
Знайте, здесь ваш друг, Алпамыш!..
Юною оставшись вдовой,
Знай, Барчин, супруга его,
Хакимбек, возлюбленный твой,
Вырвался из плена живой, —
Встреть его, — он здесь, Алпамыш!..
Ханский подо мной Байчибар, —
Прилетел к народу шункар, —
Весь народ, и молод и стар, —
Встреть его, — он здесь, Алпамыш!..

Эту весть на пир чабан Култай принес, —
Зданье тойханы от криков сотряслось,
Светопреставленье будто началось.
Сразу все ултаны опустили нос.
— Что-то будет с нами! — говорят они, —
Он нам всем покажет киямата дни!..
Кто он, этот важный витязь-аксакал,

Что на Байчибаре ханском прискакал?.. —
Так никто из них Култая не узнал:
Ведь Култаем там считался Алпамыш!..
Алпамыш меж тем пастуший кебанак
Сбрасывает с плеч, а с головы — тельпак,
Козий белый мех с лица срывает вмиг,
Сбрасывает их — отбрасывает их, —
Золотой на нем сверкающий кушак, —
Перед красотой его немеет враг.
Бек-батыр Хаким, прекрасен и велик,
Открывает людям подлинный свой лик!..
В это время счастья раздается всклик:
В тойхану вбегает Байбури-старик,
Семеня ногами, он бежит, пыхтя,
Очи его блещут, радостью блестя:
— Ой, дитя мое, воскресшее дитя! —
К сыну он бежит, объятия простер,
Обнимает сына, гордо говоря:
— Стал ты величав, как истинный тюря!
Сколько мук терпело бедное дитя!.. —
В это время крик послышался опять:
То его старуха прибежала — мать, —
Дорогого сына стала обнимать,
Обнимает, речи ласки говоря:
— Э, мое дитя, мой Хакимджан тюря!.. —
В это время крик послышался другой:
— Ой, мой Хакимджан, супруг мой дорогой!.. —
Это Барчин-ай, его жена бежит, —
Слезы счастья льет на грудь ему рекой.
Плачет и Хаким от радости такой…
Пасшая верблюдов — вслед родным своим —
Прибегает с плачем Калдыргач-аим,
Обнимает брата: — Ака-джан Хаким!
Ой, мой дорогой, мой долгожданный брат!.. —
Так они стоят и с гостем говорят,
Каждый в свой черед к нему прижаться рад.
Все, ликуя, плачут — и сто раз подряд

О его здоровьи разузнать хотят.
Любящие вновь друг друга обрели:
Сына, брата в нем, супруга обрели!..

А уже в народе слух о том бежит —
И туда народ со всех сторон спешит,
Стар и млад, тем слухом возбужден, спешит.
Не одна дорога в град Конграт лежит,
Каждая людьми, как саранчой, кишит:
Если Алпамыш вернулся в свой народ,
Зрелища такого кто себя лишит?
Алпамыш меж тем, роднею окружен,
Знак подав, садится на отцовский трон,
А Ултан, пред всем народом посрамлен,
Голову повесил, сердцем огорчен,
И, заплакав, так сказал при этом он:
— Лучше бы я умер — и не знал вовек,
Что такое власть и что такое бек!
Лучше бы я жил, как всякий человек,
Если бы соблазна властвовать избег!
Всех богатств и власти мне милей сейчас
Тот укрук, с которым табуны я пас!
Стыдно мне, конгратцы, и глядеть на вас!.. —
В горе и позоре избивать себя
Кулаками стал несчастный Ултантаз.
Если Алпамыш вернулся в свой народ, —
Беку-самозванцу — умереть черед:
Кто бы о его бесчинствах не сказал?
Если б хоть Ядгара он не истязал!..
В это время с места вдруг вскочил Ядгар,
Он вскочил, как юный разъяренный нар, —
Подбежал к Ултану — и нанес удар.
Тот пощады просит, — мальчик не дает,
Руки ему вяжет — и к отцу ведет.
К трону подойдя, он перед отцом предстал,
Косточкою каждой он затрепетал, —
И отцу слова приветствия сказал…

Бека увидав, затрясся Ултантаз, —
Ужаса озноб преступника затряс, —
В землю он глядел, не поднимая глаз.
Раздается грозный алпамышев глас, —
Обвиненья речь в собраньи полилась.
Кончив гнева речь, он отдает приказ —
И под стражу взят злосчастный Ултантаз…
Увели Ултана… Спрашивает хан:
— Что случилось? Где мой друг алп-Кар-джан?!
Почему в такой счастливый день и час
Друга своего не вижу среди вас?

Отвечает один из присутствовавших:

— После ухода вашего, когда Ултантаз правителем народа себя объявил, он всех при вас состоявших людей на разную службу назначил. Караджана же ни на какую должность не определил и, к людям его не пуская, отправил на Алатаг. Лишил он его права с людьми встречаться. Ултан приказ написал, печать приложил к нему, — вручил бумагу Караджану: «Если, мол, увижу тебя хоть раз с кем-нибудь из людей не только разговаривающим, — рядом стоящим, — сам себя вини: вздерну тебя на виселицу и голову отрублю». По этой причине никто Караджана все это время не видел и ничего о нем не знает. Бумага эта у Караджана в руках должна быть, если только он на Алатаге не дождался уже своего смертного часа…

Услыхав такие слова, Алпамыш отдает приказ:

— Не медля седлайте лучших скакунов, в одиночку не отправляйтесь, — трое-четверо поезжайте, — разыщите, привезите Караджана. Одежду ему от меня, коня отборного в дар от меня доставьте, — весть обо мне передайте: вернулся, мол, Алпамыш в Конграт, друга своего скорее видеть мечтает!..

Четыре всадника на Алатаг отправились. Прибыли — разыскали Караджана. Увидел их Караджан-батыр, удивился: — В чем дело? — спросил он.

Сказали ему люди Алпамыша:
— Прибыл бек Хаким, наш султан!

Живо снарядись, Караджан!
Малое, великое ль будь, —
Ни о чем не думай, забудь, —
И — без промедления в путь!
В дар тебе прислал Хакимджан
Этого коня и чапан!..
Мешкать и не думал шункар.
Принял побратима он дар, —
В сердце его — радости жар.
Быстро им оседлан тулпар.
Ехали туда вчетвером, —
Ехали назад впятером.

Едет Караджан, а весть вперед бежит.
Приезжает он — за ним народ бежит.
Кто-то Алпамыша известить спешит, —
Алпамыш, узнав, нисходит с трона вниз.
Старые к нему вазиры тут сошлись:
С почестями нужно гостя встретить им, —
Вышли, смотрят — едет гость желанный к ним!
Вот он подъезжает: — Здравствуй, побратим!

После приезда Караджана совет собрали — дела обсудили — пир готовить стали.

Много белых юрт разбили для гостей,
Много было в них припасено сластей.
В золото из луков шла стрельба в тот день, —
Золотые тыквы — для стрельцов мишень.[49]
Вечера на землю опустилась тень,
А народ на пир валил, кому не лень.
Шествием веселья с факелами шли,
Из умолкших пушек вновь пальбу вели.
Множество котлов на поле принесли,
Множество костров на поле разожгли,
Резали баранов — счета им не чли,

Повара варили, пекари — пекли.
А людские толпы все текли-текли,
Собрался там весь байсун-конгратский мир.
Неразлучны были, возглавляя пир,
Алпамыш-батыр и Караджан-батыр…

Знатный и незнатный пировал народ,
Пир отпировав, большой созвали сход.
Алпамыш дела с народом обсудил, —
Сердце от печали он освободил.
Верных слуг своих он щедро наградил,
Прихвостней Ултана бек не пощадил:
Строгий розыск он не медля нарядил,
Недругов своих повсюду находил,
Пойманных врагов допрашивал-судил.
В темные зинданы многих посадил, —
Самых вредных он и на смерть осуждал.
Самого Ултана сорок дней подряд
Алпамыш со всей суровостью пытал,
Через сорок дней он приказанье дал —
Кончить Ултантаза… Мир в стране настал.
Алпамыш теперь порядок утверждал:
Он дела правленья мирно обсуждал, —
Малое, большое строго наблюдал, —
Он благоустроить родину желал.
Он свою родню счастливой увидал,
С Ай-Барчин себя любовью услаждал, —
Пыль страданья он из сердца выметал…

А время шло. Заря однажды вставала, — когда солнце взошло, прибывает во дворец несколько всадников, Барчин спрашивают. Вышел к ним Алпамыш, — Алпамышу они такое заявление сделали:

— В слове сказанном всегда ошибка есть.
Вам Байсарыбай, отец Барчин, шлет весть.
Осень наступает — всем цветам отцвесть.

Очень на чужбине тосковал ваш тесть, —
Все-таки домой вернуться он решил.
Много он труда на это положил,
Много испытаний тяжких пережил.
Кто с ним оставался — с ним откочевал.
Берег Кок-!Камыша — им теперь привал,
Там Байсарыбай, как встарь, залетовал.
По своей Барчин старик затосковал:
«Мне разлука с ней невмочь, — он говорит, —
Ведь единственная дочь! — он говорит, —
Глаза моего зрачок!» — он говорит.
Так, вздыхая, день и ночь — он говорит…

Эти слова услыхав, распорядился Алпамыш вестников дяди-тестя своего с коней спустить. Хорошо накормив их, подарками их снабдив, отправил он их обратно: скорей, мол, пусть дорогие гости прибывают. Назначив еще человек десять почтенных людей, он их вместе с вестниками на Кок-Камыш послал с наказом — сопровождать Байсары. Пастбище озера Кок-Камышского, если прямиком итти, недалеко было.

Прибыли люди на Кок-Камыш, — наказ Алиа-мыша сообщили. Выслушал их добрые слова Байсары, добрыми словами сам им ответил, оставил давнюю свою обиду, родичам своим за оказанный ему почет много благодарности высказал, — принял приглашение. Страстно желая Барчин свою увидать, на родине своей снова жить, поставив десять посланцев Алпамыша впереди каравана своего, — отправился Байсарыбай со спутниками в Конграт.

Об их приближении — навстречу высланный человек сообщил во дворец. Ай-Барчин пешком на дорогу вышла — увидела издали родителей своих, — и такие сказала слова:

— Боли сердца мне ужель теперь не знать?
Явь иль сон я вижу, — не могу понять!
Вправду ль предо мной моя родная мать?!
Чресла кушаком украсив золотым,
Не родной ли мой отец передо мной?! —

Распахнув объятья, к ним бежит Барчин,
Слезы счастья из очей струит Барчин.
Дочь свою увидев, ослабел старик,
Шевельнуть не мог суставами в тот миг, —
Грузом радости раздавлен был в тот миг.
Дочь свою увидев, слез не удержал,
К старческой груди свое дитя прижал.
Далеко-далёко край врагов теперь!
Как бы ни был тот далекий путь тяжел, —
Старый Байсары на родину пришел!
Дочь свою в объятья принимает мать, —
Радость этой встречи надо понимать!
Байсары стоит пред зятем дорогим:
— Ты здоровым ли пришел домой, Хаким? —
Алпамыш обласкан словом был таким.
Кто семь лет скитался по краям чужим,
Знает, как отрадно встретиться своим.
Все обиды их растаяли, как дым.
Встретить Байсары пришел и Байбури, —
Все-таки — два брата, что ни говори!
Братская любовь их вспыхнула опять,
Друг о друге все хотят скорей узнать,
Слезы друг о друге стали проливать.
То, что было — было, — стыдно вспоминать,
Рану распри старой надо ль растравлять? —
Лучше о делах страны потолковать, —
Край родной им надо благоустроят
Солнце между тем уж начало пылать,
Ко дворцу пришли, — Барчин уводит мать.
Стали дастархаи гостям приготовлять,
Знатные мужи пришли их поздравлять.
Вскоре собрались и сазандары там:
Карнайчи пришли и сурнайчи пришли,
Трубный рев стоял, звенели тары там,
Бубнов, барабанов громы — тара-там!
Кто на чем умел, на том он и играл,
Юных забавляя, как и старых, там.

Девушек, молодок толпа собралась —
И огонь веселья долго там не гас.

Но концу игры пришел, однако, час, —
Люди по своим стоянкам разбрелись.
Кое-кто остался: жалобы нашлись, —
Просят Алпамыша: «Вникни, разберись!»
Беки на совет державный собрались, —
Сообща разбором жалоб занялись.
Выслушав обиды, «да» сказав иль «нет»,
Беки встали с мест, — закончили совет…
Так-то возвратился после всех невзгод
В ту страну родную, в свой родной народ
Алпамыш-батыр, могучий сокол тот.
Так, семь лет пробыв у калмык**о**в в плену
Милую свою увидел он страну,
Так вернул себе любимую жену,
Так объединил байсун-конгратский мир…

Эти все дела случились в старину,
Их свершил тот сокол, Алпамыш-батыр,
О котором слава облетела мир.
Свой дастан о нем поет Фазил-шаир,
Если, воспевая Алпамыша тут,
Клики «гай!» от вас я часто слышу тут,
Лучшие слова на память мне придут.
Я — Фазил, простой дехканин и певец,
Как умел, так пел, — и песне тут конец!

Словарь

Азамат — молодец, удалец.

Азраил — ангел смерти.

Аим — буквально: «моя луна»; в переносном смысле — красавица; употребляется при женских именах (ср. Барчин-аим). См. также — ай.

Аимча — красавица (см. ай, аим).

Аир — болотное лекарственное растение, корни которого содержат эфирное масло.

Ай — буквально: «луна», в переносном смысле — красавица; употребляется как приставка к женским именам (ср. Барчин-ай, Ай-Барчин).

Айна — стекло, зеркало; *Айна-коль* — буквально: «Зеркальное озеро».

Ака — старший брат; дружеское обращение к старшему по возрасту или положению.

Аксакал — родовой старейшина, старшина, почтенный старец (буквально: «белобородый»).

Алакарак — конь, теряющий способность бежать, если его осадить на скаку.

Аламан — набег.

Алача — полосатая бумажная или шелковая материя кустарного производства.

Алиф-бе — азбука (арабск.).

Алияр — припев застольной песни.

Алп — богатырь.

Альчик — игральная бабка.

Амальдар — должностное лицо, ханский чиновник.

Анаша — гашиш (наркотическое средство).

Апа — старшая сестра, старшая родственница. Служит также почтительной приставкой к женским именам.

Арак — водка.

Арбакеш — ломовой извозчик.

Арбоб — почтенное лицо, господин.

Арзачи — ходатай, жалобщик.

Ариза (арза) — прошение, жалоба.

Архар — горный, так наз. «каменный» баран.

Ассалам-алейкум (салам-алейкум) — приветствие; буквально: «мир вам!»

Ахир-заман — конец света, светопреставленье.

*Баб***а** — дед; *бабаджан* — милый, дорогой дедушка.

Бай — богач.

Байбача — сын бая.

Байвуча (байбиче) — старшая жена бая, «барыня»; в более широком значении — хозяйка.

Байгуш — нищий.

Бакавул — начальник дворцовой кухни.

Бастрык — незаконнорожденный.

Батман — мера веса (несколько пудов).

Бек — князь, дворянин, правитель области или города в Средней Азии в феодальную эпоху.

Бекиджан — буквально: «милый бек» (см. бек и джан).

Бельдов — поперечный обруч, стягивающий юрту.

Бий — судья, правитель.

Биссмилла — во имя аллаха!

Вазир (везир, визирь) — министр в мусульманских государствах.

Гай — крик одобрения.

Гуль — цветок, роза. Обычно в значении «красавица» — при женских именах (ср. Барчин-гуль или Гуль-Барчин).

Гулистан — сад роз; см. гуль.

Давлат-хана — управление, канцелярия.

Давулбаз — барабанщик. Барабанщик сопровождал высокого военачальника или правителя.

Дад-дад! — восклицание горести.

Дастан — эпическая поэма.

Дастархан — скатерть с закуской; в переносном смысле — самая закуска, угощение.

Дехканин — крестьянин-земледелец.

Джан — буквально: «душа», ласковое обращение «душенька», обычно при именах (например, Хакимджан).

Джаным — то же, что «джан», но с прибавлением притяжательного местоимения «мой», «моя».

Джахалдырык — верхний подседельник (у коня).

Джелак — головной платок.

Джига — украшение на шлеме, на чалме из одного или нескольких крашеных перьев или в виде золотого султана.

Джида — дикая маслина.

Джин — злой дух.

Джузья — по мусульманскому праву подушная подать, уплачиваемая иноверцами.

Дуки — вертикальные жерди, составляющие остов юрты, которые служат для настилания на них кошмы.

Дувал — земляной забор вокруг двора или сада.

Жилав-хана — приемная (в управлении).

Зеру-забар — грамота («зер» и «забар» — надстрочные знаки арабского алфавита).

Зиндан — подземная темница (яма).

Зинданчи — тюремщик.

Зякет — по мусульманскому праву налог, уплачиваемый мусульманами в пользу бедных; фактически взимался феодалами в свою пользу и служил знаком подданства плательщика.

Исрык — пахучая трава.

Кавуши — кожаные калоши (узбекская обувь).

Каысар — витязь, богатырь (от слова кесарь, цезарь).

Калям — тростниковое перо.

Каландар — странствующий дервиш.

Калима — мусульманский символ веры.

Каль — лысый (от парши); популярный герой народной сказки.

Калым — выкуп, уплачиваемый женихом за невесту (при старинном браке-купле).

Камча — плетка (нагайка).

Караван-баши — начальник каравана.

Карагач — разновидность вяза.

Карга — ворона.

Карнай — длинная медная музыкальная труба (национальный инструмент).

Карнайчи — музыкант, играющий на карнае.

Карсан — большая деревянная миска.

Кары — старинная мера длины — около одного метра (от середины груди до конца пальцев вытянутой руки).

Каса — чаша (большого размера).

Катлама — тонкие слоеные лепешки.

Кебанак — кафтан из кошмы.

Кетмень — ручное орудие для обработки почвы, род мотыги.

Кибла — сторона, где находится Мекка, куда мусульмане поворачиваются во время молитвы.

Киямат — страшный суд, светопреставление *(мусульм.):* в переносном значении — смута, переполох.

Коль — озеро; часто в географических названиях (ср. Айна-коль и др.).

Конак — кожаное ведро, употребляемое при доении.

Копкари — особый вид конного состязания, распространенный у народов Средней Азии, во время которого всадники выхватывают друг у друга тушу козла (так наз, «улак», буквально: «козленок»). См. также «улак».

Кочкар — племенной баран-производитель. В эпосе служит символом мужской мощи, храбрости, боевой ярости.

Куйцак — яичница с мукой.

Кумган — металлический кувшин местного образца.

Кун — выкуп за кровь, плата за убитого родича.

Курган — крепость, огороженный двор.

Курухайт (курхайт) — возглас, которым кличут коней.

Куса — «безбородый», популярная комическая фигура узбекской сказки и народного романа.

Кармаза — красная шелковая ткань (ср. кармазин).

Латминат (лат и манат) — согласно корану, идолы арабов-язычников; часто употребляется в значении языческих богов вообще.

Летовка — летнее пастбище.

Ляббай — формула вежливости: «что прикажете?» — «я к вашим услугам».

Мазар — священное место, кладбище, могила святого.

Майдан — поле, специально: поле битвы, арена для борьбы или поединка, площадь.

Махрам — доверенный слуга хана.

Миргазаб — тюремщик.

Мирза — обычно писарь, иногда в значении господин.

Мулла — у среднеазиатских народов «грамотный», «образованный», «учитель» (не обязательно служитель культа).

Мультук — ружье старинного образца.

Мурад-Тюбе — гора Мурад (тюбе — гора, вершина, холм).

Мухурдар (мухрдар) — хранитель печати (при дворе хана), здесьправитель.

Нагма — музыкальный инструмент (губная гармоника).

Намаз — молитва у мусульман.

Нар — одногорбый верблюд-самец. В эпосе служит образцом богатырской силы, боевой ярости, мужской страстности.

Насвай (насывай) — жевательный табак, который сосут, заложив под язык.

Нашаванд — курильщик гашиша. См. анаша.

Ой-бой — восклицание горести.

Олан — свадебное состязание в пении импровизированных частушек, а также и самые частушки.

Оланчи — певец оланов.

Омач — местный вид сохи.

Пахлаван (палван) — богатырь, силач, иногда в специальном значении — борец.

Пиала — чашка (без ручки).

Регистан — центральная городская площадь в Самарканде и Бухаре, здесь в значении — городская площадь вообще.

Саба — большой кожаный бурдюк, в котором приготовляется кумыс.

Сазандар — музыкант.

Сай — сухой овраг.

Салам — приветствие при встрече (см. «ассалам-алейкум»).

Садак (саадак) — колчан.

Сардар — военачальник, а также — начальник вообще.

Сипахи — конные воины.

Сулу — *в* сочетаниях с женскими именами — красавица. (ср. Барчин-сулу).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.com

Оставить отзыв о книге

Все книги автора

---

notes

Примечания

1

Конграт — одно из узбекских племен.

2

Байсун — местность в южном Узбекистане.

3

Место у порога юрты считается непочетным.

4

По древнему обычаю тюркских народов обряд наречения имени совершался в торжественной обстановке, обычно — на пиру, патриархом племени или шаманом. Выбор счастливого имени должен был иметь магическое значение для последующей судьбы младенца. В мусульманскую эпоху языческого шамана заменял странствующий дервиш-каландар или дивана (юродивый).

5

Рустам Дастан — богатырь Рустем, герой «Шахнаме» Фирдоуси и народных сказаний. Дастан (или Заль) — отец Рустема.

6

Ярты́бай — собственное имя, буквально: «полубай», то есть неравный другим по богатству или знатности.

7

Симург — сказочная птица огромной величины и необычайной силы.

8

Речь идет об искусственной родинке — «холь», делая которую, надрезают или накалывают кожу в нужном месте, чтобы пустить под нее краску.

9

Калмыцкие удельные князья носили титул «тайчжи», а царевичи из правящего рода Чингис-хана именовались «хунтайчжи». Собственное имя калмыцкого хана в «Алпамыше» — Тайча-хан — является отражением этого феодального титула.

10

Токаистан — буквально: «страна тугаев» (или токаев), то есть камышовых зарослей; в «Алпамыше» — место, где живут девяносто великанов калмыцкого шаха.

11

Лисой или волчихой пришла… — то есть с удачей или неудачей (выражение, заимствованное из народных сказок о животных).

12

Схватит за ворот… — то есть на том свете потребует с него ответа.

13

Год мыши. — У восточных народов существует счет лет по циклам. Каждый цикл состоит из двенадцати лет, причем каждый год обозначается именем какого-нибудь животного.

14

Седлание коня, связанное с напутствием — благословением, представляет одну из постоянных формул узбекского эпоса.

15

Алияр — обычный припев застольных песен, буквально: «Али-друг!»

16

— *Вижу — привлечен его товаром ты…* — У многих народов жених или сват выступает как купец, пришедший покупать товар — невесту (пережиток брака-купли).

17

Счету дуков равен счет твоих врагов… — Остов юрты обычно имеет девяносто дуков, вертикальных жердей, которые втыкаются в чангарак, деревянный круг, образующий дымовое отверстие юрты. Раздавленный чангарак и сломанные дуки служат для Суксур предсказанием предстоящей гибели калмыцких богатырей, врагов Барчин, число которых тоже девяносто.

18

Как Юсуф красивый… Иосиф Прекрасный, сын библейского патриарха Иакова; известен на Востоке из корана и многочисленных средневековых романов, рассказывающих о любви к нему красавицы Зюлейки («Юсуф и Зюлейка»).

19

Алпамыш отвечает Караджану иносказаниями, основанными на традиционной символике народной свадебной песни (невеста — утица или верблюдица, которую ищет жених).

20

Кунтугмыш (или Кунтугмуш) — герой известного узбекского народного эпического сказания.

21

Брачные состязания между женихами (или жениха с невестой) нередко встречаются в героическом эпосе и богатырской сказке (в частности — у тюркских и монгольских народов). Исследования этнографов показали, что в основе этих сказаний лежит древний обычай испытания силы жениха, претендующего на руку невесты. Отражением этого обычая являются, между прочим, и брачные игры, часто имеющие характер подобных состязаний. В форме игры такие состязания в верховой езде между юношами и девушками до недавнего времени были широко распространены среди кочевых узбеков, казахов и киргизов. Молодой джигит, участвовавший в «скачке за девушкой», старался нагнать наездницу и посадить ее к себе на лошадь. Победитель имел право на поцелуй. Возможно, что игры и состязания, сопровождающие свадебный пир у полукочевых узбеков и казахов (байга, «козлодранье», борьба), также являются пережитками подобных состязаний.

В «Алпамыше», конечно, состязания между женихами уже не являются брачным обычаем, нормальным бытовым явлением. «Условия Барчин», корни которых лежат в давно забытых обычаях древности, служат в эпосе для идеализации образа народного героя, как испытание и мера его мужества и богатырской силы.

22

Тайные посещения невесты женихом до официальной свадьбы — старинный обычай, известный у многих народов, в том числе у узбеков.

23

Голову коня тебе подам… — Голова считается вкуснейшей в самой почетной частью туши.

24

Белокопытный конь — конь со слабыми копытами, которые не выдерживают каменистой почвы.

25

Право на тебя возьмет он от суда. — Имеется в виду специально изобранный суд лиц, наблюдающих за порядком и выполнением условий скачек.

26

«Смерть старухи» и «*собачье рычанье*» — старинные народные свадебные обычаи. У входа в юрту ложится старуха, представляясь умершей; другая, изображая собаку, не подпускает жениха к невесте. Получив от жениха подарок, они удаляются.

27

«*Держание руки*», «*поглаживание волос*» — также свадебные обряды: жених, обычно через решетку юрты, подает невесте руку, обернутую шелковым платком; потом он поглаживает ее волосы. За это женщины, сопровождающие невесту, также получают от жениха подарки.

28

Сделал он из двух четыре… — то есть смотрел пристально, как бы четырьмя глазами.

29

Сказитель представляет себе Байсун как ханскую столицу, с базарной площадью, ханским «управлением» («давлат-хана») и т. п., по типу среднеазиатских городов старого времени.

30

Раньше — позже ли, — мне достанется… — Согласно обычаю, по которому вдова старшего брата становится женой младшего брата. Обычай этот (так наз. «левират») известен у многих народов и является пережитком права всего рода на жену родича. Однако Ултантаз, как сын чужеземки, этого права не имел, почему его притязания на Барчин трактуются в эпосе как беззаконие, насилие.

31

Имя «Ядгар» означает «памятник».

32

Птица как вестник, посылаемый на родину с письмом родным или жене, — мотив, широко распространенный в эпосе тюркских народов. *Хумаюн* — волшебная птица, птица счастья (Гамаюн).

33

Юсуф (см. выше, примеч. к стр. 51) — по преданию, был брошен братьями своими в пустой колодец в пустыне и подобран проходившим купеческим караваном.

34

Тот, кто честь поставил на круг… — то есть как ставку в игре.

35

Жезлы — эмблема официального положения ханского чиновника, в соответствии с поручением, которое Ай-Тавка дает своим девушкам.

36

Кайкубат был первоначально пастухом Байсары, то есть домочадцем, членом его патриархальной семьи, а потому «свояком» Алпамыша (черта патриархального быта).

37

Подобная луне — то есть красавица: обычное сравнение для прекрасной женщины в восточной поэзии. Ср. в словаре — слово *ай, аим* при женских именах.

38

Покупатель — то есть жених. По старинному обычаю жена покупалась за «калым». В дальнейшем Кайкубат выплачивает «калым» Алпамышу, обещавшему отдать за него калмыцкую царевну, скармливая ему баранов калмыцкого шаха.

39

Не за то ль, что жрешь скотину без котла?.. — то есть живьем.

40

Азраил — ангел смерти в мусульманских верованиях.

41

Алпамыш говорит о Кайкубате во множественном числе, чтобы подчеркнуть его высокое положение.

42

Чин (или Чин-Мачин) — Китай.

43

Кладет поводья себе на шею… — в знак покорности согласно обычаю.

44

Святой пятерни отпечаток — отпечаток пальцев каландара (см. выше примеч. к стр. 10).

45

Олан — состязание парней и девушек в пении импровизированных стихов (типа частушек), входящее в народный свадебный обряд.

46

Мы равны — намек на рабское происхождение Бадам, которая, возвысившись, презирает «свояка» — пастуха Култая.

47

Яр-яр — обычный припев свадебных четверостиший у тюркских народов Средней Азии (слово яр означает «милый», «возлюбленный»). Формой «яй-яй!» сказитель воспроизводит картавое произношение Бадам.

48

Соловей сядет на джиду… — то есть на дикую лесную маслину. Образное выражение, означающее невозможное.

49

Золотые тыквы. — Стрельба в золоченую тыкву — одно из обычных праздничных состязаний у народов Средней Азии.